

СЕРИЯ «МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ»

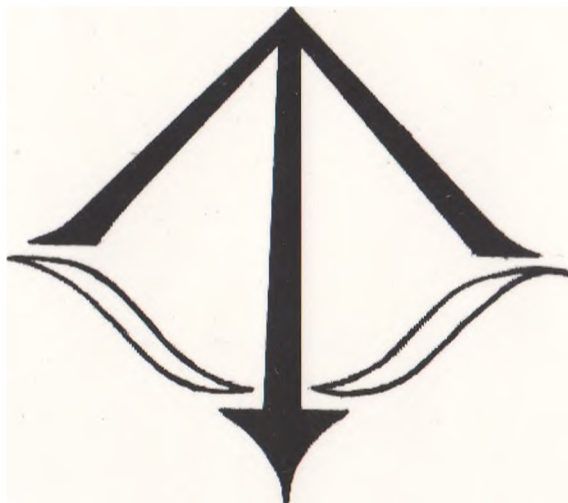
ТОМ I

(Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей)

Д.А. РАСОВСКИЙ

**ПОЛОВЦЫ.
ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ:
ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И БЕРЕНДЕИ
НА РУСИ И В ВЕНГРИИ**

(работы разных лет)

**МОСКВА
ЦИВОН**

2012

ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «СУЮНОВЫ»

СЕРИЯ «МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ»

ТОМ I

**«Исследования по истории кочевников
восточноевропейских степей»**

Д.А. РАСОВСКИЙ

**ПОЛОВЦЫ. ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ: ПЕЧЕНЕГИ,
ТОРКИ И БЕРЕНДЕИ НА РУСИ И В ВЕНГРИИ**

(работы разных лет)

Идея проекта и подготовка серии — Суюнов Р.Р.

Вступительная статья — Суюнов Р.Р.

**Подготовка издания и статья
о Д.А. Расовском — Р.П. Храпачевский**

**МОСКВА
2012**

Настоящее издание представляет 1-й том серии «Материалов и исследований» в рамках историко-генеалогического проекта «Суюновы». В него входят классические работы по истории восточноевропейских кочевников средневековья, написанные в 20-30-е годы XX в. выдающимся отечественным историком Д.А. Расовским. В данный сборник работ Дмитрия Александровича Расовского вошли его монографии и статьи, где им были в самом полном объеме собраны сведения источников о всех средневековых кочевниках Восточной Европы и их взаимодействии с Русью, Венгрией, Византией, Болгарией. Кроме русских, византийских и болгарских источников, Д.А. Расовский впервые привлек большое количество венгерских источников, недоступных большинству исследователей. Такая подборка работ по этим кочевникам и текстов источников в их составе издается в России впервые (все они были помещены в журналах Русских институтов в Праге и Белграде, а также в некоторых болгарских научных изданиях, в течение 20-30-х годов и в СССР, а потом в РФ не переиздавались), хотя ими широко и постоянно пользовались и пользуются специалисты до сих пор. Издание приурочено к 110-летию юбилею этого замечательного ученого.

Для преподавателей, научных работников, а также всех интересующихся отечественной историей

Информация о заказе книг серии доступна
в Интернете и по электронной почте:

<http://rutenica.narod.ru>

rutenica@narod.ru

© Р.Р. Суюнов — идея проекта, 2012

© Р.Р. Суюнов — составление, вводная статья, 2012

© Р.П. Храпачевский — вводная статья, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

<i>Суюнов Р.Р.</i> Проект «Суюновы: историко-генеалогическое исследование»	5
<i>Храпачевский Р. П.</i> Кочевники Восточной Европы в работах Д.А. Расовского.....	15
 МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ:	
<i>Д.А. РАСОВСКИЙ.</i> ПОЛОВЦЫ. ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ: ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И БЕРЕНДЕИ НА РУСИ И В ВЕНГРИИ .	19
I. О РОЛИ ЧЕРНЫХ КЛОБУКОВ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ	20
II. ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И БЕРЕНДЕИ НА РУСИ И В УГРИИ ..	39
III. ПОЛОВЦЫ.....	112
1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЛОВЦЕВ	115
2. РАССЕЛЕНИЕ ПОЛОВЦЕВ	131
3. ПРЕДЕЛЫ „ПОЛЯ ПОЛОВЕЦКОГО”	156
3.1 ЧАСТЬ 1 (§§ 1-4).....	156
3.2 ЧАСТЬ 2 (§§ 5-8).....	173
4. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОЛОВЦЕВ.....	198
IV. РОЛЬ ПОЛОВЦЕВ В ВОЙНАХ АСЕНЕЙ С ВИЗАНТИЙСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИЯМИ В 1186-1207 ГОДАХ.....	219

Список использованных библиографических сокращений

Анналы — Анналы Института им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) в Праге (Белграде)

ГАИМК — Государственная Академия Истории Материальной Культуры (Сообщения и Известия ГАИМК)

ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества

Ист. Укр.-Руси. — М. Грушевский, 1стор1я Укра'ши-Руси

ПСРЛ — Полное Собрание Русских Летописей

СМИЗО — Сборник материалов, относящихся до истории Золотой Орды (т. 1, СПб. 1884 г., подготовка и переводы В.Г. Тизенгаузена)

ЧОИДР — Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских

Проект «Суюновы: историко-генеалогическое исследование»

Вопросы этнической истории и культурно-исторических связей между народами России (как современной, так и исторической) в настоящее время особенно востребованы. Значительную часть в их исследованиях занимают изыскания в области генеалогии. Интерес к генеалогии своего рода заложен в каждом человеке. Особенно это касается народов евразийских степей. Вообще же, генеалогия (от греч. *genealogia* — родословная) — это специальная историческая дисциплина, изучающая возникновение и развитие родственных отношений. Наиболее ранние сведения о происхождении народов, племен, отдельных родов содержались в эпосе, этногенетических преданиях, мифах, Библии, памятниках эпиграфики. Слово «генеалогия» появилось на Руси в XI в. в тексте древнерусского перевода Хроники Георгия Амартола в значении «родословие» (учение о роде). До XIV в. родословие означало также предсказание, гороскоп. До конца XV в. основные сведения о родственных связях можно было извлечь из летописей, актов, переписки и др. Расцвет генеалогии, как практической дисциплины, произошел в конце XV — XVI вв., когда вырабатывались законы наследования титула, звания, имущества, в первую очередь земли; устанавливались сословные привилегии; формировались государственные институты, связь с которыми была обусловлена происхождением, принадлежностью к определенной семье, социальной группе, сословию.

Наиболее широкое распространение получили родословия в виде генеалогического древа, явившегося одной из модификаций «древа жизни», выражавшего представление о всеобщей взаимосвязи мира. «Древо человеческой жизни» соединяет прошлое, настоящее и будущее, в нем торжествует идея бессмертия и вечного продолжения жизни. Этот же смысл придавался и родословному дереву рода, семейства: его листья умирают и падают, но само дерево рода продолжает жить.

Традиция составления генеалогий была широко распространена не только среди русских, но и у других народов России, в том числе тюркских. Среди них особо выделяются башкирские шежере. Знаменитый башкирский просветитель XIX в. М. Уметбаев в своей работе «Башкиры» отмечал, что для башкира-вотчинника было важно знать три вещи: 1) свое собственное происхождение, т.е. род; 2) поименное знание и объяснение звезд; 3) знание преданий и легенд о великих ханах. Все это умещалось в произведениях в жанре шежере.

Слово «шежере» (шэжэре) означает «родословная» или «родословие» (Башкирско-русский словарь, М., 1958, стр. 667). Однако такой перевод не исчерпывает того значения, которое термин «шежере» имеет в действительности. Не случайно в историко-краеведческой литературе XIX в., где были опубликованы переводы на русский язык не-

скольких башкирских шежере, эти письменные памятники назывались по-разному: хроникой, преданием, летописью или просто исторической записью. Однако ни один из этих переводов нельзя считать точным. Строго говоря, точный перевод, видимо, невозможен, так как сами шежере ни по форме, ни по содержанию не одинаковы. Если одни шежере действительно являются только родословными, то другие включают сведения, приближающие их к летописям. Тем не менее, к большинству шежере, во всяком случае, к наиболее ценным из них, на наш взгляд, было бы правильно применить термин «генеалогическая летопись».

Чтобы лучше их понять, коротко остановимся на происхождении башкирских шежере и их развитии в качестве исторического источника. У башкир, как и у ряда других в прошлом кочевых скотоводческих народов, издавна существовал обычай составлять родословную своего рода. В родословную включались члены рода по мужской линии. Каждый член рода должен был хорошо знать свою родословную. Знания в этой области башкиры передавали своим детям и внукам.

Башкирский род, в отличие от родоплеменных организаций оседлых земледельческих народов, не имел твердо очерченных границ и зависел от территории своих кочевий. Род у башкир, подобно тем же кипчакам или монголам, представлял собой лишь одно из подразделений многоступенчатой родоплеменной системы. Его место среди других подразделений было подвержено постоянным, хотя и медленным, изменениям. Родовая организация у башкир могла превратиться в племенную, распавшись на несколько самостоятельных родов, или, наоборот, превратиться в родовое подразделение, влившись в состав другого, более сильного рода. В этих условиях, строгое соблюдение существовавшего у башкир принципа наследования по прямой мужской линии требовало точного знания родословной — это было необходимо для точного определения мест наследуемых или поделенных между родственниками кочевий. Таким образом, составление и знание родословной сначала было необходимостью, продиктованной как обычаями, так и самой сущностью кочевого хозяйства. Наиболее точно и подробно знали родословную (шежере) аксакалы рода, однако, согласно обычаям, и рядовые башкиры должны были запоминать имена своих предков до 10-15 колена.

Эти традиции в быту башкир сохранялись очень долго. Однако уже в период господства патриархально-родовых отношений шежере стали перерастать свое первоначальное назначение. Передаваясь от отцов к детям и внукам, родословные постепенно стали сопровождаться рассказами о событиях, которые происходили при жизни родового вождя — бия. Из поколения в поколение шежере стали превращаться в своеобразную неписаную историю рода или племени. В этой истории находили отражение и представления данного рода о своем происхождении, и события, связанные с межплеменной борьбой, и генеалогии родоплеменной знати и т. д.

В XV—XVI вв. и позднее, когда шежере многих родоплеменных групп башкир стали слишком громоздкими, чтобы удержаться цели-

ком, без искажений в памяти отдельных людей, их стали записывать. XV—XVI вв.—дата, конечно, примерная. Более точно определить время превращения шежере в письменные документы пока невозможно. Нам известно лишь два свидетельства о записи шежере в XVI в. Вероятно, шежере, хотя и редко, записывались и раньше, в начале XVI в. или даже в XV в. Кроме того, надо учесть и то обстоятельство, что шежере как в XVI в., так и в последующие века записывались муллами. Это дает основание говорить о том, что превращение некогда устных родословных в письменные документы было связано с укреплением мусульманской религии в Башкирии и распространением арабской письменности, т. е. с XV—XVI вв.

Таким образом, процесс превращения башкирских шежере в письменные документы был довольно длительным. До наших дней шежере дошли в копиях XVIII—XIX вв., и только в ряде случаев — в более ранних списках. По этим причинам достоверность источников типа шежере вызывает немало сомнений. Шежере записывались муллами, которые обычно часть текста посвящали составлению генеалогии пророков Аллаха. Иногда шежере начиналось с имени Чингисхана. Все это часто вносило путаницу, а также приводило к включению последующими переписчиками дополнительных, престижных, «добавлений» легендарного или даже вымышленного характера. Тем не менее, многие факты из шежере поддаются проверке. К тому же немало рукописей шежере начинаются непосредственно с описания достоверных событий, а их генеалогии включают только реальных людей.

В 1930-е годы шежере стали уничтожать. В это время закрепилось мнение, что шежере — «сочиненные духовенством» родословные феодалов, преследующие узкоклассовые интересы: доказать аристократическое происхождение того или иного лица и его право на привилегии. Чтобы избежать репрессий, шежере либо сжигали, либо клали в могилу при захоронении старшего из семейного клана. Поэтому кроме исследования шежере очень важно проводить работу и в архивах, сохранивших иные варианты родословных сведений, т.е. официального (не частного как шежере) характера, отражавшего государственные нужды по учету населения. Несмотря на свой официальный характер, они тем не менее, содержат, пусть и в усеченном виде, целые пласты генеалогической информации: перечни имен и отчеств владельцев/жителей (с домочадцами) одних и тех же домохозяйств, разделенные определенными промежутками времени, что позволяет — при условии их тщательного сопоставления — произвести расчеты поколений и составить генеалогическое древо.

Если же говорить кратко о сути методов генеалогии вообще, то это извлечение и анализ сведений из прямых и косвенных данных, содержащихся в архивах, родословиях (шежере), изучение их особенностей, а также особенностей ревизий (переписей) и т.д. и т.п. Возможности по извлечению информации из всех этих разнообразных источников — письменных, устных, памятников и предметов — яв-

ляются основным фактором и для содержательности проводимого генеалогического исследования башкирских фамилий/родов. Еще одним важным фактом в ходе такой работы является проблема смены родовых прозвищ (фамилий) при ревизиях в каждом новом поколении (у тюркских или других «инородческих» народов Российской империи), поскольку переписчики (русские чиновники или привлекаемые царской администрацией грамотные татары) были не заинтересованы в точном воспроизведении оригинальных звучаний имен и их содержания, а руководствовались своими соображениями (например они писали обычно имя и отчество и крайне редко родовое наименование, которое было им непонятно или ненужно). С другой стороны упор на шежере и исторические источники позволяет взаимопроверять и дополнять сведения друг друга, а также создает основу для привлечения и других источников. Выявлению наиболее подходящих методик и их использованию на практике посвящен проект, о сути которого будет сказано ниже.

Тщательное изучение нарративных исторических источников, работа в государственных и частных архивах, использование всех их возможностей и особенностей, а также все прочие способы получения генеалогической информации, — это все составляет основу предлагаемого ниже исследовательского проекта по изучению происхождения фамилии «Суюнов» и ее связи с другими сходными названиями родов и фамилий, а также по изучению этнических и родовых подразделен. В его ходе, кроме упомянутых выше методов, предлагаются и иные подходы: широкое применение генетических тестов, изучение памятников и предметных источников из частных собраний и источников (например исследование надгробий родовых кладбищ, изучение тамг и уранов и т.д. и т.п.), получение информации от других генеалогов и интересующихся историей рода/фамилии «Суюнов». Но прежде чем перейти к описанию этого проекта, надо вкратце рассказать об истории собственного опыта генеалогических изысканий.

Происхождение Суюновых — начало изучения

На сегодня наиболее полное и точное определение задач генеалогии дал отечественный историк-медиевист В.Б. Кобрин: «Нельзя сказать, чтобы сегодня до конца был ясен сам предмет генеалогической науки. Входит ли в сферу ее действия только установление отношений родства и свойства в сочетании с самыми основными жизненными вехами (рождение, смерть, брак) или ее компонента шире, охватывая также служебную или иную карьеру, характер и объекты собственности, социальный и юридический статус и его изменение? Решение этого вопроса неоднозначно... Генеалогия — это историческая дисциплина, занимающаяся изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц и выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлени-

ем основных биографических фактов и данных о деятельности, социальном статусе и собственности этих лиц. Тем самым генеалогия не отрывается от биографии, но и не смешивается с ней». Замечание о том, что генеалогия рода не отрывается в основе своей от биографии конкретного человека — предка ли, самого исследователя своей родословной ли, очень важно, так как это выражает самую суть личностной и непосредственной связи с объектами генеалогического исследования. отношения. Т.е. попросту говоря — исследователь собственной родословной кровно заинтересован в своем исследовании, оно его затрагивает самым непосредственным образом.

Мой личный интерес к истории рода сформировался так: фамилия Суюнов была редкой для родной деревни, а ответить на вопросы по ее происхождению, увы, оказалось уже некому. Старики и другие знающие люди затруднялись дать однозначные ответы. В ходе сначала распросов родственников, а затем старожилов родных мест, удалось выяснить следующее: среди родственников и предков значимым оказывались такие рода барин и бачман, а ураном был *токсоба*. А поскольку каждая фамилия отражает историю своего рода, то родственных связей дальних и близких очень много. И есть большая вероятность, что многие жители одной деревни имеют кровную связь друг с другом. История родной деревни также не уходила, по полученным в начале данным, далее 1769 г. Об этом было известно из имевшихся краеведческих описаний и изысканий, которые поддерживались Советской властью — наша деревня по преданию была основана легендарным батыром Кинзя Арслановым, соратником Емельяна Пугачева. По идеологическим причинам это приводило к тому, что в советский период изучение личности Кинзи приветствовалось, а связь его с нашей деревней была широко известна. Но и только. Имевшиеся краеведческие сведения мало помогали, так как фамилия «Суюнов» сохранилась только в нашей семье. Это казалось странным, так как по всем законам деревенской жизни, когда деревню населяют родственники и родственники (близкие или дальние), которыми все население ее становится после более чем 200 лет совместного проживания родов-основателей, Суюновых должно было быть намного больше.

Это недоумение со временем разъяснилось, но об это ниже. Если излагать дело хронологически, то следующим толчком к моим изысканиям были два открытия: 1). я узнал, что по прямой мужской линии моими предками были муллы, последним из которых был мой дед, репрессированный вскоре после 1917 г., 2). родовой тамгой был трезубец, а ураном — *токсоба*. Это, таким образом, объясняло как отсутствие (точнее замалчивание) родовых преданий (после деда их некому было вести), так и малочисленность Суюновых в нашей деревне. Кроме этого, появился еще один важный вопрос, разрешение которого (как мне на тот момент казалось) разъяснило бы многое — как связана моя фамилия Суюнов с родовым подразделением башкир *суун-кыпсак*, при том, что часть моих родственников как раз и принадлежала (как и большинство населения моей деревни и ее окрест-

ностей) к «кичакскому» подразделению башкир (точнее — к так называемым *бушман-кыпсак*). Тут и был новый отправной пункт моих изысканий — рассказов родственников из деревни было уже мало, надо было начинать с чего-то другого: работы с архивами и изучению источников и научной литературы по этногенезу башкир и происхождению названий их родовых подразделений.

На этом начальном этапе, главным делом представлялось получение данных архивов, расшифровка ревизий, реестров и т.д. Выяснение в их ходе различных линий родства, полученных из архивных данных, сличение между собой и с данными других источников, привело к необходимости совместить их с другим важным источником информации — шежере различных башкирских родов. Ведь, к сожалению данные полученные этим путем были немногочисленны и противоречивы, а главное — не уходили на глубину далее 2-х столетий, т.е. до XVIII в. Таким образом, сведения шежере и изучение происхождения самого слова «Суюнов» становились очередным отправным этапом.

Итак, первой точкой отсчета результатов исследования стало выяснение значения того слова, от которого произошла фамилия «Суюнов». Исследование его происхождения сразу дало интересные факты и выводы. Приведем тут главные из них, поскольку это дает серьезный толчок к последующему изучению родословной всех Суюновых.

Слово *сеунчи/севенчи* (seunci/sevinci) имеет ясную этимологию как от тюрк, «суюн», так и от монг. «суу», восходящих к общеалтайскому словарному фонду. В тюркских языках *суюн* означало «счастье, удача», а в старомонгольском языке словом *суу* обозначали такие качества человека, которые удачно было бы переводить как «харизма» (в частном значении это слово означало также божественные, «августейшие», качества хана — в основном это касалось Чингисхана и его потомков — великих ханов). Т.о. значение его — «тот, кто делает/приносит счастье или удачу».

Для ранней Монгольской империи, а потом и ее улусов (Золотая Орда, ильханат Хулагуидов и т.д.) термин **сюаньчай** (*сеунчи*) имел весьма широкие семантические пределы — от собственно посла, вестника добрых новостей, до представителя хана с обширными полномочиями, функции которых были мало отличимы от других монгольских должностей: баскаков/даруг, битикчи и т.д.

Вхождение в Монгольскую империю Руси, земель аланов, западных кипчаков (половцев), Булгара и других поволжских городов-государств привело к проникновению в их государственные (и межгосударственные) отношения терминов и институтов данной империи, а потом и ее улуса — Золотой Орды. Это в частности касается и института сеунчей. В более позднее время мы видим существование института сеунчей в разных частях бывшей Золотой Орды, продолжавших ее государственные традиции. В частности в Крымском ханстве. Однако этот институт в Крымском ханстве приобрел некоторые видоизменения по сравнению с исходными его функциями, т.е. вре-

мен Монгольской империи и Золотой Орды. Вот что по данному поводу пишет исследовательница русско-крымских отношений в 15-16 вв.

А.Л. Хорошкевич: «В Крымском ханстве название «сеюнчя» (сеунча, сюнча, суюнча) приобрело смысл и пожалования за добрую весть, и приветствия, а в своем вторичном значении закрепились исключительно за гонцами — вестниками сеунчей (побед и радости) — «сеунчиками», «сеунчиками», «сеунщиками». Как справедливо писал В.Е. Сыроечковский, пожалование гонцу (со стороны государя той страны, куда он был послан. — А.Х.) официально признавалось одной из целей, а иногда и самодовлеющей целью его посылки. Частые поездки слуг хана, царевичей, цариц и калги, рассчитывавших на подарки великого князя, были обычным явлением в практике русско-крымских отношений. Из Крыма для этой цели посылались и «паробки». Их приезд предшествовал обычно появлению больших послов» (А.Л. Хорошкевич «Русь и Крым: от союза к противостоянию», М. 2001, стр. 268). Что особенно важно, она тут отмечает существование личных имен, производных от термина *сеунчи*: «Сеунч, кажется, был постоянным занятием для некоторых крымцев. Одного из них даже звали Суунчюй. Отправляя его в Москву по случаю победы над Ордой в 1502 г., Менгли-Гирей извещал Ивана III: «И ты бы, брат мой, то доброе наше дело и те добрые наши вести слышев, весел бы еси был и обрадовался». Менгли-Гирей пользовался любым случаем, чтобы отправить за сеунчем своих слуг» (там же).

Такое тесное переплетение русско-ордынских, а потом русско-ногайских и русско-крымских связей, не могло не сказаться на практике собственно русской государственности — с 16 века звание сеунчей становится вполне обычным при дворе московского царя. Существование целых «книг сеунчей», где собраны подробные доклады о радостных для русского царя событиях, тому отличное подтверждение. Таким образом, в основном стало ясно откуда происходит и почему так распространено среди различных тюркских народов фамилия Суунов.

Сбивало с толку, как это было сказано выше, совпадение с названием такого подразделения башкирского народа как *суун-кыпсак*, т.е. тут было, с одной стороны, очевидная связь с таким тюркским народом как кипчаки, но без понятного объяснения приставки «суун», с другой стороны. Но как сама история кипчаков, так и этногенез народов, которые стали потомками (непосредственными или только в части своих родовых подразделений), каких как ногаи или казахи, завидило во все большую глубину веков и расстояний.

Сложность изучения истории башкирских родов, связанных с историей как кипчаков, так и ногаев, вполне объективна. Дело в том, что многие важнейшие вопросы истории Башкирии остаются слабо изученными. Особенно это относится к ранним периодам истории башкирского народа. Ведь до сих пор, несмотря на публикацию источников и материалов, появлению в печати многих работ по ранней истории башкир, мы видим воочию, что основные проблемы истории края с древнейших времен до XVI в. остаются пока нерешенными.

Например, мы очень мало знаем об истории и условиях формирования башкирской народности вообще и ее родовых подразделений в частности. Лишь по лаконичным сведениям легенд и преданий можно восстановить некоторые эпизоды ожесточенной борьбы башкирского народа против монгольского и ногайского господства в XIII—XVI вв. А ведь именно в этот период и должны были появиться в составе башкир такие рода кыпсак, барин и бушман.

Баарин — это исходно монгольское родовое подразделение, известное еще по «Сокровенному сказанию». Его члены составляли элиту государства Чингисхана, в ходе экспансии которого, члены этого рода заняли важное местное этно-социальной структуре его улусов. В частности в улусах Чагатай и Джучи (Золотая Орда). По мнению В.В. Трепавлова, часть баринов в течение 14 в. перекочевала из Чагатайского государства в Золотую Орду, заняв там престижные позиции — так, в Крымском ханстве барины стали одним из 4-х главных родов ханства.

По бушманам также есть не лишняя оснований гипотеза Р.Г. Кузеева о происхождении их от тех кипчаков, которые под предводительством Бачмана упорно сопротивлялись монголам в 1237–1238 гг. Однако достоверное понимание процессов сохранения среди башкир таких разнообразных по происхождению, часто чуждых и враждебных в течение многих лет, родовых подразделений, ведущих при этом происхождение как от монголов, так и от тюрок-кипчаков, задавало новые вопросы и даже серьезные загадки.

Все эти сложные вопросы привели к продолжению изысканий уже не только и не столько в архивах, но также к изучению исторических источников и научной литературы для их выяснения. Кроме того, стало очевидным важность привлечения других вспомогательных данных: истории тамг и уранов моего рода и родственных родов. Другим шагом было осознание необходимости привлечения сведений генеалогического (и даже общеисторического) характера от представителей рода/фамилии «Суюнов». Развитие интернета весьма способствует такому подходу. Так, в казахстанской зоне интернета создан сайт, на котором предполагается аккумулировать все имеющиеся шежере и создать единую шежере казахов. Поэтому, в условиях все большего развития интернета и доступа к разнообразным источникам и литературе, можно было приступить к новому этапу изучения как своего рода, так и родословий Суюновых — последние с помощью сетевых поисковиков сразу же обнаружили во многих бывших республиках Союза. Сбор информации, хранящейся у представителей фамилии Суюнов, таким образом, значительно упрощается — поскольку становится проще наладить как контакт с ними, так и заинтересовать в участии в настоящем проекте.

Анализ и сопоставление данных по башкирским шежере с родословными Суюновых из других стран и других тюркских народов неизбежно вели к более детальному изучению общего исторического фона, на котором развивались связи башкирских родов в ходе длительного исторического процесса — т.е. к вопросам этногенеза баш-

кир вообще. Существующая огромная литература по этому вопросу все же не давала многих ответов в частности, при этом многие важные данные получались из истории этногенеза других тюркских народов, среди которых имелись рода со сходными названиями (барын, кипчак и т.д.) и тамгами с уранами (*токсоба*). Вот тут и появилась необходимость объединить, так сказать «сшить», результаты исследований в самых различных областях и периодах истории этих народов. Ведь такое сличение шежере и родовых историй различных народов, с указанными сходными названиями, тамгами и уранами, помогло бы выявить их общие корни и пути взаимного пересечения в истории.

Одновременно стало ясно, что Суюновы — это относительно редкая фамилия. Тем не менее ее носители есть у очень многих народах бывшей Российской империи (а ныне в РФ). А это означало, что вопросами этногенеза одних башкир не обойтись — рода башкир тесно связаны с историей многих других тюркских народов. Поэтому необходимо совместить изыскания как по этногенезу башкир (и по истории рода Суюновых среди них), так и по этногенезу тех тюркских народов, где есть носители фамилии «Суюнов». Это очень интересная и важная задача, особенно в свете сложности этногенеза башкир и огромного интереса исследователей к этой теме — вклад в нее со стороны данной работы будет всегда востребован, причем не только исследователями башкир, но и связанных с ними других тюркских народов.

Задачи, таким образом, разрастались, появилась необходимость их систематизировать и перевести на постоянную основу — как в области научных изысканий, так и прочих работ. В общем, надо было сформулировать конкретные, частные, задачи и способы их решения, а также очертить круг предполагаемых результатов, наметить организационные меры. Т.е. создать то, что ныне принято называть модным словом «проект».

Для достижения вышеуказанных целей и предлагается проект целого комплекса мероприятий научно-исследовательского характера в области истории и генеалогии тюркских народов. Разумеется, такая масштабная задача может быть выполнена не только при участии исследователей и специалистов различного профиля (историков, лингвистов, генеалогов и т.д.), но и всех заинтересованных лиц, которые носят фамилию «Суюнов» (или такую фамилию/прозвище носили их предки). Их участие в настоящем проекте самым активным образом приветствуется.

Основной целью настоящего проекта является сбор и комплексный анализ исторических, лингвистических, генеалогических и прочих материалов по истории возникновения и развития среди родов и элей (племен) различных тюркских народов тех генеалогических линий (родов), которые дали современные фамилии «Суюнов». Подзадачами в его составе являются также составление конкретных генеалогических древ конкретных родов и фамилий.

Последовательное исполнение программы проекта позволит на уникальном материале, связанном со сравнительной редкостью носи-

телей указанных фамилий, провести сквозное исследование по истории их родов как части истории сложения почти всех ныне существующих тюркских народов — проследив ее от начала сложения алтайской общности и до современности. В ходе его реализации осуществляются следующие направления деятельности:

1. Общие исторические и лингвистические исследования по истории сложения ногайского, башкирского, казахского и других тюркских народов, среди которых присутствуют носители фамилий “Суюнов”, а также тех их родов, к которым данные люди принадлежат (или принадлежали их предки).

2. Выявление конкретных исторических и лингвистических фактов из результатов работ по исследованию общей истории родовых и племенных взаимоотношений среди тюрко-алтайских народов, значимых для выяснения историй родов, в которых появились и существуют ныне фамилии “Суюнов”.

3. Получение и анализ архивной, генеалогической и генетической информации по рассматриваемым родам/фамилиям, создание на их основе генеалогических схем и древ.

4. Опубликование полученных результатов в научных и научно-популярных изданиях, а также издание памятных книг для всех заинтересованных лиц и родов. Все они также будут сведены в публикации и изданы в виде книг в трех основных сериях: «Материалы», «Исследования» и «Генеалогия». В «Материалах» публикации новых источников и необходимых данных; а в сериях «Исследования» и «Генеалогия» — публикация полученных в ходе проекта результаты.

Предполагается, что это будет постоянное пополнение указанных томов серий «Материалы», «Исследования» и «Генеалогия» в ходе продвижения проекта. Так что книги в этих сериях будут постоянно пополняться, а серии станут открытыми для дальнейших работ и изданий. Это позволит сделать проект живым и гибким к различным вариантам его развития.

Объем исследований, издательская работа, получение генеалогической и генетической информации составят массив данных, который будет использоваться в самых разных целях — от самой простой и главной (генеалогии Суюновых), до общих вопросов тюркологии. Таким образом, осуществление всего проекта будет как ценным вкладом в общую этнокультурную копилку тюркских народов России, так и обогащением культурного наследия России в целом.

В завершение, хочу представить первый том серии «Материалы» настоящего проекта, начатый изданием работ Дмитрия Александровича Расовского по истории тюркских кочевников — половцев, печенегов, узов/торков, Восточной Европы. Т.е. именно тех этносов, часть родов которых попала в состав башкир, в ходе их сложного этногенеза.

Рамиль Равильевич Суюнов

2 февраля 2012 г.

Кочевники Восточной Европы в работах Д.А. Расовского

В настоящем издании публикуется подборка статей замечательного русского историка Дмитрия Александровича Расовского. Все они посвящены исследованию истории кочевых народов (тюркских по преимуществу), которые в VIII-XIV вв. жили и кочевали в восточноевропейских землях по соседству с Русью, Венгрией, Болгарией и Византией. Эти работы до сих пор не потеряли своего значения и ценности для современной исторической науки, несмотря на то, что писались и публиковались они в 30-х годах XX в. До сих пор сведения, в них представленные, цитируются и активно используются специалистами в десятках и сотнях статей и монографий. При этом сам статьи доступны только в виде их первоизданий — в печатных трудах русских эмигрантских институтов в Праге, Белграде, а также в сборниках материалов и статей конференций. По сей день никто не только не попытался собрать их все в одной книге, доступной для современных исследователей, но даже и переиздать хоть некоторые из них. Данное издание закрывает этот досадный пробел. Но прежде чем дать ниже краткую характеристику работам Д.А. Расовского, а также их актуальности в наше время, необходимо остановиться в общих чертах на жизни и личности их автора.

Дмитрий Александрович Расовский родился в Москве в 1902 г. Юность и молодые годы его пришлись на период революции и гражданской войны. Как многие представители своего сословия он оказался в эмиграции, вместе с десятками тысяч других русских людей. Но в отличие от тех, кто уехал на Запад Европы, чтобы оказаться, например, таксистами в Париже, Дмитрию Александровичу Расовскому посчастливилось больше — он попал в число тех молодых русских эмигрантов, которым правительство Чешской республики предложило помощь в рамках так называемой «русской акции». Она заключалась, в частности, в том, что нескольким тысячам бывших студентов и закончившим курс гимназистам, предлагались места в лучших чешских университетах и высших учебных заведениях, причем за счет полного государственного обеспечения. Среди тех из них, кто попал на учебу в Пражский (Карлов) университет, был и Дмитрий Александрович Расовский. Окончив его, он получил степень доктора философии этого университета (одного из лучших в Европе), хотя его научной специализацией была и оставалась до конца жизни история.

Еще будучи студентом, Дмитрий Александрович Расовский участвовал в домашнем кружке своего преподавателя по университету Никодима Павловича Кондакова (1844-1925, с 1898 г. действительный член Российской Императорской Академии наук), который, собственно, и способствовал в свое время его зачислению в университет. В этом кружке кроме него участвовали Н.М. Беляев, Н.П. Толль и

Г.А. Острогорский. На его базе, после смерти Н.П. Кондакова в феврале 1925 г., и сформировался знаменитый «Семинарий имени Н.П. Кондакова» (*Seminarium Kondakovianum*). В его составе были М.А. Андреева, Н.М. Беляев, Г.В. Вернадский, А.П. Калитинский, Л.П. Кондарацкая, В.Н. Лосский, Т.Н. Родзянко, Д.А. Расовский, Н.В. Толль, Н.П. Толль, Н.Г. Яшвил. Секретарем его стал Н.М. Беляев, а руководителями занятий — профессора Г.В. Вернадский и А.П. Калитинский. По воспоминаниям одного из основателей Семинария, «за смертью Н.М.Беляева его место занял Д.А. Расовский, который хотя и не был среди учредителей, но работает почти с самого начала деятельности Семинария». Уточним, что это назначение секретарем Семинария произошло в 1930 г., но еще до этого Д.А. Расовский выполнял важные функции в Семинарии и был одним из активных его сотрудников — как сообщает тот же источник, Расовский «помогавший одновременно и секретарю, заведовал и хозяйственной частью».

«Семинарий имени Н.П. Кондакова» занимался исследованиями по трем основным направлениям: 1) древнерусское искусство в сравнительно-историческом плане; 2) византийское наследие; 3) восточное искусство и его место в мире. Д.А. Расовский, начинавший свою научную деятельность в русле этих исследований, вскоре заинтересовался отношениями Византии с ее кочевой периферией. А затем он целиком погрузился в тему выяснения роли половцев и других кочевников в истории Руси, Византии и других восточноевропейских стран.

К середине 30-х годов у Семинария возникли серьезные проблемы с финансированием, государственная поддержка от Чешского государства сократилась, а разовые вспомоществования (например от Н.К. Рериха) становились все реже. В начале 1938 г. секретарь Семинария Д.А. Расовский уехал в Белград — там он надеялся получить поддержку от заведующего кафедрой византистики Белградского университета Г.А. Острогорского, своего товарища еще по кружку Кондакова. И действительно, Расовский и Острогорский смогли получить помощь югославских властей в открытии Белградского отделения Семинария. Сам принц-регент Югославии Павел предоставил этому делу свое покровительство. А Королевский совет и министерство финансов обеспечили необходимые финансовые средства. В итоге получилось уже не отделение, а целый институт с директором Г.А. Острогорским и секретарем Д.А. Расовским. Из Праги предполагалось, поэтому, переехать в Югославию остальным членам Семинария и перевезти его имущество. Уже летом 1938 г. началась перевозка институтской библиотеки в Белград. В течение еще двух лет осуществлялись и остальные мероприятия по переезду, сам же Дмитрий Александрович Расовский вместе с женой (Ирина Николаевна Окунова-Расовская, специалист по иконографии), жил все это время в Белграде. 6 апреля 1941 г. Германия напала на Югославию, начав боевые действия с варварской бомбардировки Белграда. В результате этого

налета люфтваффе, помещение института было разрушено и были убиты его сотрудники — Дмитрий Александрович Расовский и его жена Ирина Николаевна Окунева-Расовская.

Творческое наследие Д.А. Расовского относительно невелико — это ряд статей, опубликованных в различных изданиях русской эмигрантской науки в Европе (в Чехии, Югославии, Болгарии). Однако их значение намного превосходит их печатный объем. До сих пор они являются частью актуального и действующего фонда работ в исторической науке по тематике кочевых народов Восточной Европы. При этом статьи Д.А. Расовского представляют собой интересный феномен — их надо относить не только к историографии, но и к источникам. Дело в том, что в этих статьях представлены переводы редких источников, некоторые из которых на русский язык более не переводились. Соответственно, значимость статей Расовского еще долго будет существовать, по крайней мере пока эти источники не будут переведены с венгерского, греческого или латинского языков заново и на более высоком уровне. А пока этого нет, то до сих пор статьи, представленные в этом сборнике, будут по-прежнему открывать путь исследователям половцев, печенегов, торков, берендеев и других кочевых народов (так называемых «своих поганых» или «черных клобуков») в мир их истории, точнее к источникам наших знаний по ней. Тем более, что это направление исследований в отечественной историографии набирает все большую популярность, так как связано с изучением этногенеза многих народов, населяющих Россию (татары, башкиры, ногайцы и многие другие).

Степень анализа сведений источников Расовским (часть которых он сам же и ввел) для того времени была исключительно высокой. Многие из его выводов остались принятыми в исторической науке и по сей час. И даже те из них, которые, казалось бы, были уже отвергнуты, частично реабилитируются. Например, гипотеза И. Маркварта о «монгольском происхождении» кипчаков-половцев, которую Расовский активно поддерживал и развил. Хотя в целом гипотеза Маркварта была отвергнута, сейчас идет возвращение к его идеям — но только в части того, что кипчаки теперь не рассматриваются как монолитный этнос, но понимаются как образование из многих этнических элементов, различного (в том числе и монгольского) происхождения. Новые разыскания в области китайских источников подтверждают монгольское происхождение ряда влиятельных кипчакских родов (часть этих родов занимала даже положение гегемона в племенных союзах половцев). Взгляд на них с точки зрения европейских источников, используемых и вводимых Расовским, даст дополнительный импульс к дальнейшим исследованиям в этом направлении. Равно и в других отношениях, можно надеяться на такой импульс — ведь доступность статей Расовского и их собрание в одной книге должно способствовать исследованиям в самых различных направлениях: тюркологии, истории средневековой России, изучения кочевого мира etc.

В год 110-летнего юбилея Дмитрия Александровича Расовского издание под одной обложкой наиболее полного собрания его статей о кочевниках восточноевропейских степей, остающихся в золотом фонде отечественной историографии и источниковедения, будет памятником как самому автору, так и его творческому наследию.

Р.П. Храпачевский
март 2012 г.

МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.А. РАСОВСКИЙ

**ПОЛОВЦЫ. ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ:
ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И БЕРЕНДЕИ НА РУСИ И В ВЕНГРИИ**

О РОЛИ ЧЕРНЫХ КЛОБУКОВ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

„...В нас ти есть, княже, и добро и зло”.

Из речи Берендичей к князю Мстиславу Изяславичу.

Ипат. лет. 1159 г.

„...И рече князь: не дай Бог поганому веры яти николиже”.

Ипат. лет. 1169 г.

О роли Черных Клобуков в деле обороны русской земли от Половцев мы можем говорить далеко не исчерпывающе, из-за полного почти отсутствия источников, которые бы освещали эту роль в Галицкой, Волынской, Рязанской землях. Лишь кое-что мы знаем о Переяславском и Черниговском княжествах и только о Киевском у нас есть более или менее достаточный материал, чтобы в общих чертах представить себе роль там Черных Клобуков. Единственным утешением нам может служить то, что именно в Киевском княжестве, более других насыщенном тюркским элементом, эта роль последнего сильнее всего и сказывалась и здесь именно разыгрывались чаще всего столкновения „диких Половцев” со „своими погаными”. Эти „свои поганые” или Черные Клобуки, как собирательно называет их русская летопись, представляли собою осколки тюркских племен Торковъ-Узов, Печенегов и Берендеев, которых Половцы выгнали из мест их прежних кочевий — Черноморских степей, почему Черные Клобуки и принадлежали к непримиримым врагам Половцев. Поэтому и факт наличия Черных Клобуков на юге Руси — не следствие какой-либо со стороны Руси „замирительной политики”, как то считали прежде, а просто результат общих интересов: Руси было выгодно иметь такой военный материал для обороны своих границ; Черным же Клобукам — это был вопрос существования; за службу Руси они получали ту степень самостоятельности, самобытности, которая была бы невозможна для них у Половцев, превративших бы их в своих рабов.

Для Руси Черные Клобуки были действительно незаменимы. Сами степняки, знавшие военное искусство своих противников, они, будучи кавалеристами, лишь одни были в состоянии догонять и ловить уходивших с награбленной добычей Половцев, сами делать быстрые нападения на них, наконец, быть превосходными разведчиками.

¹ Возможностью пользоваться многими необходимыми пособиями при составлении настоящей работы автор обязан любезному содействию проф. Л. Нидерле, которому автор и приносить искреннюю благодарность. — Настоящая статья представляет собою одну из глав более обширного исследования о Черных Клобуках, которое в этом том Сборника не могло быть помещено полностью за недостатком места.

Все эти качества как раз необходимы были в борьбе со степью; русские не могли равняться с Клобуками в этом искусстве, и отсюда то особенное значение для Руси черноклобуцкого войска².

Взаимною враждою Черных Клобуков к Половцам и не меньшей — Половцев к Клобукам, надо объяснять то обстоятельство, что на протяжении полутора столетий, Черные Клобуки никогда серьезно не изменяли русским интересам, беспрестанно воюя со своими соплеменниками, порою даже сами подбивая на это молодых русских князей. Сами Половцы способствовали укреплению такой „политики” Черных Клобуков, в особенности в начале оседания последних на Руси, когда Половцы специально на них направляют свои походы, и затем своими последующими, мелкими набегами не переставая беспокоить их до самого конца XII столетия.

Хотя Черноклобуцкие поселения в южной Руси ведут свое начало с последних десятилетий XI в., однако мы еще не видим тогда Черных Клобуков в роли активных помощников русским при половецких нападениях. Наоборот, мы видим их лишь в пассивной роли защищающихся в русских острогах или защищаемых русскими князьями, когда последние „вгоняют” их в города, спасая от Половцев. Это были годы страшного натиска Половцев на Русь, беспрестанных поражений русских и последние со „своими погаными” могли лишь отсиживаться за укрепленными городами. Да даже и отсиживание такое не всегда удавалось. Около десяти недель спасались Торки в 1093 г. от Половцев в Торческе, но все же принуждены были сдаться. Половцы нанесли тогда сильный удар молодым черноклобуцким поселениям на юге Руси, сжегши Торческ и уведя самих Торков к себе со всеми их вежами. Не видим Черных Клобуков и в больших ответных походах русских в степи в начале XII века. Это и понятно: Клобуков было тогда еще мало на Руси и только благодаря этим самым походам они начинают переходить из степей на Русь. С 20-х же гг. XII ст. затихает на время напряженная борьба с Половцами и ничего потому не слышим о действиях за это время и Черных Клобуков.

Лишь с 50-х гг. того же XII в. и теперь уже до самого конца столетия, начинается их деятельность, выражавшаяся и в простом участии в походах русских на Половцев и в отдельных походах под водительством молодых русских князей, а иногда даже и в самостоятельных набегах в степь, предпринимавшихся по собственной инициативе; однако совершенно самостоятельные такие набеги довольно редки; обычно Черные Клобуки для таких экспедиций зовут какого-нибудь удалого молодого князя, которому и отдавалось командование. Делалось это вероятно только для того, чтобы придать такому походу ле-

² Впервые это отметил Голубовский, «Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар», гл. III, Киевск. Ун. Изв. за 1884 г. и отд. В XV-XVI вв. аналогичную борьбу со степняками их же военной техникой видим в Московском государстве, которое сажало на южное пограничье татарских князей, перешедших на русскую службу.

гальность в глазах Руси и вел. кн. Киевского, в подчинении у которого Черные Клобуки находились.

Просмотрим внимательнее роль, какую Черные Клобуки играли в войнах русских со степью. Летопись сохранила известия о 14 походах русских на Половцев, в которых участвуют Черные Клобуки. И хотя роль их в разных походах различная, но всюду она одинаково очень значительная.

В больших коалиционных походах русских князей Черные Клобуки высылаются авангардом „в сторожи”, как то было в 1185г., или, уже после поражения Половцев, — в погоню за ними, как напр, в 1170 г.⁴ Особенным талантом у Клобуков было „имать в плен”, и не только простых Половцев, но гл. обр. половецких ханов, что служило выгодной статьей дохода, т.к. половецкий князь часто тут же откупался, после чего и был отпускаем обратно на волю к большому неудовольствию русских князей⁵.

Но чаще видим Черных Клобуков посылаемыми одних в степи, только под начальством какого-нибудь молодого русского князя или великокняжеского воеводы. В 1152 г. Изяслав Киевский „отряди сына своего Мстислава на Половци, с Берендеи и с Торкы и с Печенеги и с неколиком дружины своея”; спустя немного времени „приде ему (Изяславу) весть от сына от Мстислава, оже Бог ему помогл Половци победити на Угле и на Самаре, а полон много взял, самех прогна, ве же их пойма, коне их и скоты их зая и множество душъ крестьянских отполони, и възвратишася в Переяславль хваляче Бога о таковой помочи, а отполоненныя отпусти в рожение свое”. Вот образец подобных походов⁶. Незаменимы были Черные Клобуки, когда надо было посылать их перехватывать „путь” Половцам, заходившим далеко вглубь Киевского княжества и отрезать им отступление⁷ или когда надо было послать погоню за ускользнувшим в степи, после набега, врагом. Хотя командование над Черными Клобуками и принадлежало всегда русскому князю, но они предпочитали действовать самостоятельно, правда, объясняя это заботою о безопасности князя. Пример — 1172 г. Когда Михаил Юрьевич выехал, готовясь к битве, перед полками Черных Клобуков и своей переяславской дружины, — „Берендееве же (если верить только этому подозрительному по интерполяции месту летописи — Д-Р.) яша коня княжа за повод и не даша им (т.е. князю и переяславцам — Д.Р.) ехати, рекуще: не ездите вы на-

³ ПСРЛ т. I, с. 166-167; т. II, с. 127-128. У меня не было возможности иметь под руками новых изданий летописей, почему мне приходилось пользоваться устарелым первым изданием.

⁴ ПСРЛ II, с. 97.

⁵ ПСРЛ II, с. 140, 1190 г. Ср. II, с. 124-5, 1180 г. См. еще *ibid.* I, с. 97, 1095 г., когда Торки выкрадывают сына Мономаха из половецкого стана.

⁶ ПСРЛ I, ст. 146; II, ст. 71.

⁷ ПСРЛ II, с. 103-4, 1172 г.

⁸ ПСРЛ II, с. 105-6, 1173 г.

перед, вы есте наш город, ать мы пойдем наперед”⁹; великому же князю Киевскому, собравшемуся было лично в погоню за Половцами, опустошившими в его отсутствие Киевскую область Берендеи заявляют: „княже! не ездъ; тобе лепо ездить в велике полку (а князь Глеб был действительно тогда только со своею дружиною — Д.Р.) и егда совокупишися с братьею; а ныне пошли брата котораго любо и Берендеев несколько”¹⁰; и Киевский князь соглашается с этим: „Глеб же посла брата своего Михаила и с ним Переяславец сто, а Берендеев полторе тысячи”¹⁰. Иногда же Черные Клобуки посылаются в степь под команду какого-нибудь русского воеводы, как напр, в 1187 г., когда „сдумав Святослав (Киевский князь — Д.Р.) со сватом своим с Рюриком, посла Черны Клобук на веже за Днепр и Романа Недзиловича воеводою и взяша вежи за Днепром и возвратишася во свояси со славою и честию великою: Половци бо бягутъ шли в Дунай и не бе их дома в вежах своих”¹¹. О подобных походах летопись упоминает еще под 1154 и 1185 гг.¹²

Черных Клобуков, предпринимавших бы походы совершенно одних, без русских, видим всего лишь два раза и то в исключительных случаях. Первый был в 1162 году, когда пришли Половцы и захватили много черноклобучких веж по реке Роте (Руток, приток Роси); здесь уже было не до ожидания русских князей; „Черный же Клобук — говорит летопись — весь съвъкупившеся ехаша по них (т.е. по Половцам — Д.Р.) и постигоша я на Реи, и много биша их и полон весь отымаша у них и самех изымаша боле 500, яша же старейших князей 9 и два княжича Сатмазовича и ины княжиче”¹³. Другой случай несколько иного характера. В погоню за отступающим половецким князем Кончаком, вел. кн. Киевский посылает Торкского князя Кунту-гдыя с шеститысячным отрядом, очевидно своих Торков¹⁴.

Зато неоднократно видим Черных Клобуков выступающими инициаторами походов-набегов в степь, подговаривая на это молодых русских княжичей. Знаем три таких случая¹⁵. Приведу наиболее характерный. В 1190 г. „сдумаша лепший мужи в Черных Клобуцах и приехаша во Торцьский къ Ростиславу Рюриковичу и рекоша ему: „се Половци сее зимы воюють ны часто, а не ведаем — Подунайци ли есм что ли, а отец твой далече есть...” Ростислав же Рюрикович улюби думу их с мужи своими и посла къ Ростиславу ВолодимERICHЮ (дру-

⁹ПСРЛИ, с. 104, 1172 г.

¹⁰ПСРЛП, с. 104, 1172 г.

¹¹ПСРЛ II, с. 136, 1187 г.

¹²ПСРЛ I, с. 148; II, с. 77; VII, с. 63, 1154 г.; II, с. 129, 319, 1185 г. Посылались Черные Клобуки и в виде охраны различных русских посольств, проходивших через степи. Так напр, когда в 1153 году в. кн. Киевский Изяслав послал к Олешью для встречи своей невесты — обезской княжны сына своего Мстислава, то приставил к нему отряд берендеев (ПСРЛ II, с. 73, 1153 г.).

¹³ПСРЛ II, с. 91; дополнено по Густинской лет. *ibid.* II, с. 307, 1162 г.

¹⁴ПСРЛ II, с. 129, 1185 г.

¹⁵ПСРЛ II, с. 140-141, 1190 г.; II, с. 141, 1192 г.; с. 142-3, 1193 г.

гому „молодшему князю” — Д.Р.)> Река е^мУ: „брате! хотел бых ехати на вежи Половецкия, а отци наши далече суть (в то время обоих киевских князей Святослава и Рюрика не было в Киеве; первый был в Черниговском княжестве, второй в Овруче — Д.Р.)»^а инех старейших нет; а мы будева за старейшая, а поеди ко мне вборзе”. Ростислав Владимирович принял столь соблазнительное предложение и оба князя „совокупися с Черными Клобуки и ехаша вборзе изъездом” в степи. Поход был очень удачный и князья пришли с богатою добычею и пленными¹⁶.

Такую готовность Черных Клобуков к беспрестанным походам в степи надо в значительной доле объяснять материальной заинтересованностью в этом Черных Клобуков; в случае успеха, они, как и русские князья и их дружины, забирали неисчислимые богатства Половцев: табуны, стада, рабов; рабынь, вооружение, конские уборы, золото, серебро, драгоценные ткани. Мы уже видели, как Черные Клобуки любили забирать в плен половецких ханов, чтобы получать с них откупы. О пленных Половцах, которые доставались именно им, Черным Клобукам, у нас есть целый ряд летописных известий.

Вряд ли будет правильна точка зрения некоторых ученых, считающих, что если в пер. пол. XII в. Черные Клобуки — еще горячие русские патриоты, то со второй половины того же столетия они уже начинают „лстить”, сближаться с Половцами. Такое мнение основано, в сущности, всего лишь на двух фактах: 1187 и 1192 гг., из которых, мне кажется, будет слишком поспешно делать такие выводы, тем более, что для каждого из этих случаев есть свои объяснения такому поведению Черных Клобуков.

В 1187 г. „Сдумав князь Святослав со сватом своим Рюриком пойти на Половце вборзе, изъездом, поведахуть бо им: Половци близ на Татинци, на Днепренском броде; и ехаша изъездом без воз. Володимер же Глебовичь приеха къ ним из Переяславля, с дружиною своею, испросися у Святослава и у Рюрика ездити наперед с Черным Клобуком (выезжать с передовым полком в поле считалось в древней Руси делом наиболее ответственным и трудным, но в то же время и наиболее почетным и славным — Д.Р.)- Святославу же не любо бяшеть пустити Володимера наперед перед сыны своими: но Рюрик и инии вси улюбиша, зане бе муж бодр и дерзок и крепок на рати, всегда бо тоняся на добра дела. Князем же Руским идущим на ня, из Черных же Клобук даша весть сватом своим в Половци. Половци же слышавше, оже идуть на ня князи Рустии, бежаша за Днепр. Князем же Руским нелзя бо ехати по них, уже бо располонился бяшеть Днепр, бе бо весна и возвратишася восвоися”¹⁸. Может быть эта „лсть” Черных Клобуков была результатом трений между самими князьями, и эти несогласия в русском стане как-либо коснулись и Черных Клобу-

¹⁶ПСРЛ. II, с. 140-141.

¹⁷ Напр. ПСРЛП, с. 78, 1155 г.; И, с. 91, 1162 г.; И, с. 140, 1190 г.

¹⁸ПСРЛ II, с. 134, 1187 г.

ков. Для другого случая, 1192 г., такое объяснение будет наиболее вероятным. „Сдумаша лепшие мужи в Черных Клобуцех” и обратились к вел. кн. Рюрику с просьбой отпустить сына его Ростислава в поход на Половцев, „ехали бо бяху Половци на Дунай” и вежи их остались незащищенными. Рюрик не отпустил сына. В походе видим других князей; и вот „доехаша Днепра, Черни же Клобуци не восхотеша ехати за Днепр, бяхуть бо сватове им сядяще за Днепром близь, и распрешавшися и возвратишася восвояси”¹⁹. Здесь особенно странно видеть в Черных Клобуках сперва инициативу к походу, отлично знавших, что в это время „ехали бо бяху Половци на Дунай”, и затем, вдруг, — отказ идти, из-за обнаруживания в степях своих „сватов”. Надо помнить, что мы всегда имеем здесь описания событий с точки зрения русского летописца, и нам совершенно не известно при этом, что было на уме у тюрков, т.к., повторяю, события изображаются в понимании русских, понимании, которое быть может, часто основывалось на официальных заявлениях черноклобуцких старейшин (как напр., вероятно, здесь — об обнаружении ими сватов) тогда как их собственных мыслей и настроений мы совершенно не знаем, как быть может не знал и летописец (а если и знал, то не всегда стремился высказаться, в особенности в тех случаях, когда виною неудавшегося похода были не Черные Клобуки, а свои же князья, как, по всей вероятности, было и в этом походе 1192 г.).

Из этих двух фактов делать какие-либо общие выводы уже потому затруднительно, что в последующем 1193 г. мы снова видим тех же Черных Клобуков опять подбивающими князя Ростислава на поход с ними в степь. Теперь, наученные предыдущим отказом вел. кн. Рюрика отпустить с ними своего сына, они подговаривают последнего тайно от отца пойти с ними. Ростислав послушался Черных Клобуков, собрал свою дружину, пригласил еще одного молодого князя, своего двоюродного брата, и соединясь с Черным Клобуком предпринял очень удачный поход на Половцев. И русские и Черные Клобуки возвращаются с богатейшим полоном²⁰.

Сколь велико было значение Черных Клобуков в деле обороны Руси от Половцев, может служить примером следующий случай с торкским князем Кунтувдеем, обитавшим со своими Торками в Поросье. Он жил в 80-90-х гг. XII в., и пользовался большим доверием у вел. князя киевского; последний посылал его с 6000 отрядом, без русского войска, в степи на Половцев. Вот этого-то хана Святослав Киевский арестовал по доносу; обвинения — неизвестны. Узнав об этом кн. Рюрик Ростиславич просил Святослава освободить Кунтувдея „жалуя про нь, зане бе муж дерз и надобен Руси”. Святослав послушал Рюрика, привел Кунтувдея к присяге („водив его к роте”) и отпустил. Но для последнего такое отношение со стороны вел. кн. киев-

¹⁹ ПСРЛ II, с. 141, 1192 г.

ПСРЛ II, с. 142-143, 1193 г. О некоторых других фактах, в которых нек. историки хотят видеть „лесть” Клобуков, см. ниже.

ского было слишком оскорбительным: он не мог „стерпети сорома своего” и ушел к Половцам. Отсюда, из степей, он вместе с Половцами „почаша часто воевати по Рси”, держа в неустанном страхе русскую границу. Князьям Святославу и Рюрику приходилось на ней простаивать целые лета „стерегучи земли Руские”, или же оставлять там своих сыновей. Такому напряженному состоянию положил конец Рюрик, сумевший вызвать Кунтувдея из степей, умирить, после чего „да ему город на Рси, Дверен, Русское земле деля”. Во всем этом рассказе подчеркивается летописцем насколько необходимы были Русской земле такие личности, как Кунтувдей, насколько оскорбление их или слишком крутые меры наказания были пагубны для Руси, ведя за собою столько осложнений, и наконец, показывают, насколько такими личностями дорожили те из русских князей,²² которые лучше понимали значение для Руси черноклобуцких ханов.

Другой пример — с киевским князем Юрием Владимировичем. В 1154 г. Берендеи захватили в плен Половцев, напавших на русское пограничье, и забрали этих пленных себе. Когда же в следующем году, Половцы, придя мириться с Юрием, стали просить его выдать им их братью, находящуюся у Берендеев, то последние наотрез отказали Юрию в этом, „рекуче” такою громкою фразою: „мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя съкладаем за твою честь” и „Дюрги”, говорит летопись, „не створи им насилья, но Половцы одарив дары, отпусти я, а сам иде Киеву”²³. То, что Юрию, человеку крутого и даже бесцеремонного нрава, приходилось так считаться с интересами Берендеев и кое-как мириться с Половцами, лишь бы не раздражать Клобуков, подчеркивает какое они имели значение на Руси. Сейчас, когда мы перейдем к рассмотрению роли Черных Клобуков во внутренних делах Руси, то это их значение выступит еще отчетливее, еще определеннее.

*

Значение Черных Клобуков во внутренних делах Руси было очень велико. Тем не менее в исторической литературе на это не было обращено должного внимания. Самчевский²⁴ говорит об этом вскользь, Голубовский²⁵, обращая внимание на значение Черных Клобуков, как лучших помощников против Половцев, обходит молчанием роль Черных Клобуков во внутренней жизни Руси; Грушевский в «Истории

²¹ ПСРЛ II, с. 139-141, 1190 и 1192 гг.

²² Не могу отнести к серьезной „лести” поведение Клобуков при набегах Половцев с ханом Кунтувдеем, когда население Поросья (очевидно Черные Клобуки) сочувствовали больше врагам Руси, чем русским князьям. Такое поведение Черных Клобуков надо рассматривать скорее как простое сочувствие своему бывшему хану, теперь опальному у Руси, чем измена в пользу Половцев, как то хотел видеть Голубовский.

²³ ПСРЛ I, с. 148; II, с. 77-78, VII, с. 63.

²⁴ Торки, Берендеи и Черные Клобуки. Архив Ист.-Юридич. Сведений под редакцией Калачева, т. 2, ч. 1 1855 г.

²⁵ «Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар».

Киевской земли» уделил всего три-четыре страницы Черным Клобукам, совершенно не подчеркнув всей важности значения последних в истории Киева

Рассмотрим же последовательно значение Черных Клобуков в военной, политической и наконец культурной жизни древней Руси.

Оговариваюсь — мы знаем только о Черных Клобуках Киевского княжества, где, собственно, их влияние и было совершенно исключительным; о значении же их в других княжествах мы равно ничего не знаем; там, случайные упоминания говорят лишь об участии „своих поганых” во внешних войнах, и только. Можно предполагать, что там и вообще роль их была несравненно скромнее, чем в Киевщине; доказательство тому — кроме как молчание о них источников — то, что черниговские напр, князья во внутренних междоусобных войнах прибегают к другому виду помощи: призывают из степей „диких” Половцев, что свидетельствует, что у них не было значительных собственных тюркских Сил вроде напр. Черных Клобуков Киевского княжества.

Каждый киевский великий князь, если только он прочно обосновывался на „золотом столе киевском”, получал в свое распоряжение и большую воинскую силу — легкую кавалерию Черных Клобуков, расквартированную в южной части княжества. Это было постоянное, собственными средствами вооруженное войско, и напрасно Грушевский считает, что только княжеская дружина составляла такое постоянное войско¹.

Киевский великий князь широко пользовался этою военной силой и где только летопись начинает подробнее перечислять участников великокняжеского ополчения, всегда почти мы встретим упоминание и о Черных Клобуках. С ними великий князь прежде всего защищает свою столицу и собственную власть в ней — у самого ли города (как то было в 1151 г.)²⁸ или на подступах к нему (1150 г.)²⁹. Участвуют Черные Клобуки и в экспедициях Киевского князя в другие княжества, лично с ним или в посылаемых им отрядах под командою молодых князей или воевод. Видим т.о. Черных Клобуков и под стенами соседнего Владимира Волынского³⁰ и еще дальше — в Галицком княжестве; часто переправляли их через Днепр на левую сторону его и тогда они воюют Переяславскую область, осаждают самый Переяславль³², проникают в Черниговское княжество, участ-

²⁶ История Киевской земли от смерти Ярослава Мудрого до конца XIV столетия, Киев 1891. Более определенно было указано на значение Черных Клобуков Молчановским (Очерк известий о Подольской земле до 1434 г., Киевск. Унив. Известия, за 1883 г.) да в 1ст. Укр.-Руси М. Грушевского (второе изд. 1905 г.), без развития однако этой темы.

² Ист. Киев. Зем. с. 343.

²⁸ ПСРЛ II, с. 60-62.

²⁹ ПСРЛ II, с. 50-51.

³⁰ ПСРЛ II, с. 80, 1157 г.

³¹ ПСРЛ II, с. 61, 1152 г.; II, с. 73, 1153 г.

³² ПСРЛ II, с. 18, 1142 г.; II, с. 26, 1142 г.; II, с. 43, 1149 г.; II, с. 65, 1151г.

вуют в осаде Чернигова³³ и заходят даже в Новгород-Северское княжество, пробираясь через его лесные дебри и достигая на севере Карачева⁴. Посылались они в Турово-Пинскую землю, к Пинску и за Припять³⁵; два раза даже видим Черных Клобуков в далеком от Киева Полоцком Княжестве³⁶. Наконец видим Черных Клобуков посылаемых в Великий Новгород; и туда посылал Киевский князь Коуев и Берендеев для конвоирования своего сына в тревожное время; но им не удалось пройти дальше Мозыря³⁷. Только о проникновении Черных Клобуков в Суздальскую Русь ничего не известно.

В больших походах внутри Руси, подобно тому, как и в больших походах в степь, Черных Клобуков видим в роли кавалерийских авангардов, конными передовыми отрядами, посылаемых вперед или на разведку (часто вместе с русскою „молодью”) или в качестве конных стрелков завязывать битву.

Далеко не всегда Клобуки исполняли роль лишь безмолвной военной единицы. В древней Руси было в обычае князьям совещаться с дружиною, с войском. Черные Клобуки в этом отношении были на равном положении с русскими, принимали участие в совещаниях и не раз давали свои советы, которых слушались князья.

При всей отрывочности и случайности упоминаний нашими летописями о количественном соотношении в походах дружины княжеской и Черных Клобуков или вообще „русских вой” и „своих поганых”, все же можно, мне кажется, утверждать, что сравнительно — Черные Клобуки составляли очень значительное количество, которое, конечно, невозможно определять в цифрах, но, по всему судя, „свои поганые” представляли в этих походах очень часто преобладающий элемент. Грушевский, пытаясь определить количество киевской князей дружины, пришел к выводу, что она „считалась сотнями и редко переходила за тысячу”, а далее указывает, что „с течением времени, по мере того, как Киевские князья становились менее могущественными и богаты, число дружины должно было еще более уменьшиться⁴⁰. Когда мы эти выводы поставим рядом с 600-м отрядом Торков,

³³ ПСРЛ II, с. 37, 1148 г.

³⁴ ПСРЛ II, с. 27-28, 1146 г.

³⁵ ПСРЛ II, с. 82, 1158 г.

³⁶ ПСРЛ II, с. 11, 1128 г.; II, с. 28, 1160 г.

³⁷ ПСРЛ II, с. 99; VII, с. 84.

³⁸ ПСРЛ II, с. 26, 1146 г.; II, с. 43, 1149 г.; II, с. 63, 1151 г.; II, с. 87, 1160 г.

³⁹ Напр. ПСРЛ II, с. 36, 1147 г. Напрасно Ляскоронский (К вопросу о Переяславских Торках, Журн. Министер. Народ. Просвещ. 1905, IV, с. 294), считал уп. здесь Черных Клобуков „местными жителями-степняками”, когда это были Изяславы Киевские Черные Клобуки. См. еще ПСРЛ II, с. 56-60, 1151 г.; II, с. 103-104, 1172 г.

⁴⁰ Ист. Киев. Зем., с. 344; повторено в Ист. Укр.-Руси III, с. 250. Надо еще заметить, что Грушевский не совсем верно оперирует счислениями, указывая напр. на трехтысячную дружину Изяслава Давидовича в 1146 г. и упуская

посылаемых киевским князем на помощь полоцкому⁴¹, полторы-, двух- и шести-тысячными отрядами Черных Клобуков в походах в степи, и наконец когда вспомним спорное место летописи о 30 000 и 1000-м отряде Берендеев у вел. кн. Ярополка⁴³, то высказанное предположение о Черных Клобуках как о преобладающем элементе в русском (собственно, киевском) войске не покажется слишком смелым⁴⁴.

Это обстоятельство показывает, насколько важно было претендентам на Киевский стол быть в хороших отношениях с Черным Клобуком, ибо отпадение последнего и переход на сторону противника, сразу бы вырывало почву из под княжившего в Киеве князя. Изяслав Мстиславич так рассуждал, когда в Киеве сидел его непримиримый враг — дядя Юрий: „если нельзя будет ехать на Белгород — рассуждает Изяслав, — то войдем в Черные Клобуки, а как уже в Черные Клобуки войдем и с ними соединимся, то тогда надеемся на Бога и не боимся больше ни Юрия ни Владимира (Галицкого союзника Юрия)”. В другой раз Юрий немедленно, без боя, бросил Киев, уступив его Изяславу, когда только узнал, что последний из Волынской земли, куда он ушел, изгнанный из Киева Юрием, очутился у Черных Клобуков и был ими радостно встречен. После этого Юрию уже казалось безнадежным удержать за собою Киев⁴⁶.

Очень характерной иллюстрацией может служить эпизод с черноклобучкою ордою Турпеев в 1150 году. Здесь, правда, дело идет не о Киевском, а о Переяславском княжестве, но это нисколько не умаляет характерности факта. Киевский князь Изяслав велит своему сыну Мстиславу добыть Переяславль. Между Киевом и Переяславлем, на левобережной стороне, но в расположены киевского княжества, которое простиралось здесь и на левый берег Днепра, находились Турпеи.

из вида то, что в том числе были и Берендеи киевского князя и неизвестно в каком количестве.

⁴¹ ПСРЛ II, с. 86, 1160 г.

⁴² ПСРЛ, II, с. 104, 1172 г. (1500 Берендеев); II, с. 127, 1183 г.; ср. I, с. 167 (2100 Берендеев); II, с. 129, 1185 г., где, правда, не говорится прямо о Черных Клобуках, а лишь сказано, что посылаемый 6000-й отряд был под начальством торкского князя Кунтувдея. Но не мыслимо, чтобы были здесь русские под командою торкского князя, да и в степи для погони более всего подходила именно легкая конница кочевников.

⁴³ 30 000 стоит в самых надежных летописных списках — Лаврентьевском (ПСРЛ I, с. 133, 1138 г.) и Ипатьевском (И, с. 14, 1139 г.); 1000 же — в Воскресенской лет. (VII, с. 31) да в Карамзин, и Оболен. списках Софийск. Временника (V, с. 157; в остальных пяти списках Соф. Врем. стоит 30 000).

⁴⁴ Грушевский, признавая многочисленность черноклобучьих войск, не сделал из этого дальнейшего вывода: „полки Черных Клобуков были важною составною частью княжеского войска, особенно в Киевщине, потому что тут эти полки бывали очень значительны, считаясь тысячами, а м.б. даже и десятками тысяч” (И. У.-Р. III, с. 251).

⁴⁵ ПСРЛ II, с. 55, 1150 г.

⁴⁶ ПСРЛ II, с. 49, 1150 г.

Мстислав прежде всего посылает за ними, с приказанием „ехати къ собе”, т.е. на левую сторону Днепра, чтобы уже затем, собрав их и свою дружину, двинуться к Переяславлю. Но переяславский князь, услышав об этом, торопится перехватить Турпеев у Мстислава, что ему и удается: „...сам гна к Сакову и сгони Турпеи у Днепра и поймав и приведе и Переяславлю”. На этом примере видим, какое значение, как слепой военной силы, имели тюркские отряды, за обладание которыми боролись князья⁴⁷.

Но такая пассивная роль Черных Клобуков — скорее исключение на страницах русских летописей. Обычно же мы видим Клобуков гораздо самостоятельнее, с явно выраженными симпатиями и антипатиями к различным ветвям княжеского дома. Перехожу таким образом к рассмотрению политической роли Черных Клобуков в делах Киевской Руси.

*

Самостоятельными инициаторами в переворотах Черные Клобуки никогда не выступали (по крайней мере об этом нет ни одного указания). Но деятельными участниками, в большинстве случаев согласно с Киевскою общиною, выступали неоднократно, и по причине той военной силы, какую они собою представляли, участия эти были очень ощутительны, а часто и решающими. Характерно, что Черные Клобуки в этих политических делах никогда не сливались с русскими, в частности с киевлянами, но наоборот, всегда подчеркивали свою самостоятельность. Так, когда умер вел. кн. Ростислав, то князья, сидевшие в киевских пригородах, и киевляне послали к Мстиславу Изяславовичу, зовя его сесть в Киев; тоже сделал и Черный Клобук, но отдельно: „В лето 6674. По Ростиславли смерти начата слати по Мьстислава; братья — Володимер Мьстиславич, Рюрик, Давид — и Кияне от себе послаша, Черный Клобуки от себе послаша” . Сын Юрия суздальского, Ростислав, чтобы поднять своего отца в поход на Киев, так говорит Юрию: „Слышал есмь, оже хочеть тебе вся Руская земля и Черный Клобуки” .

Остается спорным, сколько было правды в словах Ростислава Юрьевича, потому что обычно видим Черных Клобуков приверженцами волынских и смоленских Мономаховичей. Когда в Киеве княжил „неугодный киянам” Игорь Ольгович и Киевляне призвали Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, то Черные Клобуки тот час же приняли сторону последнего: „прислашося к нему Чернии Клобуци и все Поросье и рекоша ему: „ты нашъ князь, а Олговичъ не хотим; а поеди вборзе а мы с тобою!”⁵⁰; в другой раз, когда в Киеве сидел Юрий Суздальский, а тот же Изяслав искал под ним Киева, достаточно было ему приехать в распоряжение Черных Клобуков, как „и ту

⁴⁷ ПСРЛ II, с. 50. Ср. I, с. 141.

⁴⁸ ПСРЛ II, с. 96, 1169 г.

⁴⁹ ПСРЛ II, с. 141, 1149 г.

⁵⁰ ПСРЛ II, с. 23, 1146 г.

приехаша кь нему вен Чернии Клобуци с радостью великою, всеми своими полкы”.⁵¹ Еще решительнее заявляют они себя приверженцами этой линии Мономаховичей в 1151 г., говоря князьям: „хочем же за отца вашего за Вячеслава и за тя (т.е. Изяслава Мстиславича — Д.Р.) и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы свое сложите, да любо честь вашу налезем, таки же хочем с вами ту измерети, а Гюргя (Суздальского — Д.Р.) не хочем”⁵². В свою очередь только от старших Мономаховичей и видим такое теплое отношение к Клобуку. Когда умер племянник Изяслава, Мстислав Ростиславич, „плакашеса по нем вся земля Русская, не може забыта доблести его и Черные Клобуци вси не могут забыта приголубления его”⁵³; брат Мстислава, Давид Смоленский, в свой приезд в Киев в ряде даваемых обедов, дает обед и Черному Клобуку: „потом же позва Давыд Чернии Клобуци вси и ту попишася у него вси Чернии Клобуци и одарив их дарми многими и отпусти их”.⁵⁴ Когда же умер сам Изяслав (1154 г.) то „плакася по нем вся Руская земля и вси Чернии Клобуци, яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци”⁵⁵. Вокняжение в Киеве правнука Мономаха Рюрика Ростиславича встречается киянами и погаными с радостью „зане всих приимаше (Рюрик — Д.Р.) с себе с любовью и крестьяны и поганы и не отгоняше никого же”⁵⁶.

Обратно: к суздальским Мономаховичам, к черниговским Ольговичам — видим холодность Черных Клобуков, во всяком случае они никогда не проявляют той рьяности, какую они и на словах и на деле стремились проявить по отношению к старшим Мономаховичам. И сами левобережные князья в борьбе за Киев избегают опираться на них, видимо сознавая всю непрочность для них такой помощи⁵⁷. В данном случае симпатии и антипатии Черных Клобуков совпадали с отношениями ко всем этим княжеским родам Киевской общины, ибо как известно, киевляне издавна недолюбливали черниговских Ольговичей, а старших Мономаховичей предпочитали суздальским. Объяснением этому явлению может быть то, что и Черные Клобуки и Киевляне просто больше и лучше знали потомков Мстислава I, чем его брата Юрия с сыном Андреем; к первым они больше привыкли, постоянно видя их, помогая им в делах. Также точно и на черниговских

⁵¹ ПСРЛ II, с. 49, 1150 г.

⁵² ПСРЛ II, с. 60, 1151 г.

⁵³ ПСРЛ II, с. 121, 1179 г.

⁵⁴ ПСРЛ II, с. 144, 1195 г. В Ермолаевском списке вариант: „Клобуци вси у него (Давида) быша во чести велице”.

⁵⁵ ПСРЛ II, с. 74, 1154 г.

⁵⁶ ПСРЛ II, с. 144, 1194 г. Ср. еще II, 85, 1159 г., где Клобуки говорят сыну Изяслава, Мстиславу: „аже ны хочеси любити, яко же ны есть любил отец твой...”.

⁵⁷ Пример с князем Изяславом Давидовичем Черниговским; заняв в 1159 г. Киев, он, чтобы удержать его, хотя и привлекает к себе Берендеев, но в то же время посылает за „дикими” Половцами. Берендеи затем оправдали себя — и изменили Изяславу. (ПСРЛ II, с. 85, 1159 г.).

Ольговичей Клобуки смотрели как на чужих, пришельцев. Но что мне кажется особенно существенно, так это то, что и черниговские и суздальские князья являлись завоевывать Киев с ордами диких Половцев, смертельных врагов Черных Клобуков и уже это одно вызывало у них достаточно невыгодные ассоциации к таким претендентам на Киев.

Но все это, разумеется, волновало Черных Клобуков только в дни борьбы за Киев, когда они могли в мутной воде междоусобий в той или иной форме проявлять свои чувства; но как скоро в Киеве прочно утвердился князь, хотя бы и из Ольговичей, Черные Клобуки послушно становились перед лицом совершившегося факта и, например, в продолжительное и славное княжение Святослава Всеволодовича (черниговского) видим их исполнительными слугами киевского князя. Даже нелюбимому Юрию Владимировичу суздальскому они быстро подчиняются, как только он обосновался в Киеве и еще в громких фразах выражают ему свои уверения в преданности.

Вообще нельзя очень преувеличивать расположение Черного Клобука к кому бы то ни было; нельзя это делать потому, что по существу, Черные Клобуки выявляют себя резко-выраженными оппортунистами. Так, когда их любимец, в. кн. Изяслав Мстиславич в 1150 г., в перипетиях борьбы с дядей Юрием оказался в критическом положении, то Черные Клобуки, бывшие с ним в его войске, обратились к нему с такою характерною речью: „княже! сила его (противника) велика, а у тебе мало дружины..., не погуби нас, ни сам не погыни; но ты наш князь, коли силен будешь, а мы с тобою, а ныне не твое время, поеди прочь!” Им чужд был героизм Изяслава, ответившего им на это, что „луче, братье, измрем еде, нежели сей сором възмем на ся”, и вместе с покинувшими Изяслава киевлянами, отправились в свои вежи⁵⁸. Через девять лет они приблизительно то же самое говорят его сыну Мстиславу. Тогда киевский стол на короткое время занял нелюбимый киянами черниговский князь Изяслав Давидович; Мстислав же, претендент на Киев, был осажен Изяславом в Белгороде. Но Изяслав имел неосторожность привести под Белгород и Черных Клобуков, Берендеев. Последние входят в сношения с осажденным Мстиславом и тайно отправляют к нему в город своего посла с такими знаменательными словами, могущими бы служить эпиграфом к политической роли Черных Клобуков: „в нас ти есть, княже, и добро и зло; аже ны хочещи любити, якоже ны есть любил отець твой, и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступим от Изяслава”⁵⁹. Неудивительно поэтому, что когда на того же Мстислава в 1169 году поднялась небывалая коалиция почти всех русских князей, собранная Андреем Боголюбским, то Торки и Берендеи недолго стали защищать Мстислава, начали „льстить под ним”, и вероятно сыграли немалую роль в ускорении взятия Киева, что привело к первому, небывалому

⁵⁸ ПСРЛ И, 51, 1150 г.

⁵⁹ ПСРЛ II, 85, 1159 г.

еще разгрому столицы Руси⁶⁰. И недаром летописец заставляет произносить князя Владимира Мстиславича, обманутого Клобуками, такие слова: „не дай Бог поганому веры яти николиже, а яз уже погинул и душею и жизнью”, что можно, пожалуй, счесть за общий взгляд русских книжников на надежность Черных Клобуков⁶¹.

Другая сторона политической роли Черных Клобуков в Киевской Руси — это их значение, их вес в общественной жизни Киева и Руси. С ними князья готовы считаться, как считаются с влиятельнейшими элементами русского общества. Когда Изяславу Киевскому доносят на князя Ростислава Юрьевича, управлявшего несколькими городами Киевского княжества, что последний будто бы „подмолвил” против Изяслава „люди Берендичи и Кианы”, — Ростислав, возмущенный этим доносом, обращается к Изяславу с такими словами: „брате и отце! ако ни в уме своем ни в сердци ми того не было; каковы ли на мя кто молвить, князь ли который, а се язъ к нему, мужъ ли который в хрестяных или в поганных (т.е. среди Черных Клобуков — Д-Р-), а ты мене старей, а ты мя с ним и суди”⁶². Другой киевский князь, Ростислав Мстиславич неизвестно из каких причин, просит у Святослава Ольговича черниговского его сына Олега отпустить к нему в Киев: „пусти ко мне дѣтя Олга, ать познаеть Кианы лепшиа и Берендичи и Торкы. Святослав же безо всякаго извета пусти ему сын свой”⁶³. Насколько Черный Клобук представлял собою видную общественную роль, можно видеть из слов Изяслава Мстиславича к венгерскому королю. Изяслав в таких словах сообщает своему зятю и союзнику о своем вступлении на киевский стол: „а все ти скажутъ твои мужи (венгерского вспомогательного отряда у Изяслава, теперь возвращавшихся домой — Д.Р.) и брат твой Мстислав (сын Изяслава, посылаемый в Венгрию — Д.Р.) како ны Бог помогл, и паки како ся по нас яла Руская земля вся и Чернии Клобуци”⁶⁴.

Если пристально присмотреться ко всем большим междоусобицам конца XI и всего XII вв., то не трудно будет в них увидеть, что эта борьба, борьба за Киев, велась между Приднепровьем правым и левым, между князьями суздальской, черниговской, северской Руси и волынскими и смоленскими князьями, в обладании которых преимущественно был Киев. В Правобережье для этой борьбы существовала замечательно удобная и количественно большая военная сила Черных Клобуков, которой Киевские князья очень широко и пользовались. Левобережье же не могло из собственных сил противопоставить что-либо равноценное этим тюркским вспомогательным войскам. Отсюда — обращение левобережных претендентов в степи, к „дикимъ” Половцам, единственно-равной Черным Клобукам военной силе на

⁶⁰ ПСРЛ II, 100, 1171 г.

⁶¹ П. С. Р. Л. II, 97, 1169 г.

⁶² ПСРЛ II, с. 41, 1149 г.

⁶³ ПСРЛ II, с. 89, 1161 г. См. еще II, с. 86, 1160 г.

⁶⁴ ПСРЛ II, с. 58, 1151 г.

тогдашнем политическом горизонте левобережной Руси. Быть может поэтому, в самом наличии киевских черноклобуцких населений и был корень того зла, которым так страдала древняя Русь: навод Половцев в междоусобных войнах. Может быть в Черных Клобуках и разгадка того удивлявшего нас всегда отсутствия патриотизма русских князей, в особенности черниговских Ольговичей, так часто прибегавших к помощи ненавистных Половцев. Конечно, этим очень мало оправдываются поступки князей, золотом взводивших половецкие орды на первопрестольный Киев, но это все же, по крайней мере объяснит ту настоятельную необходимость прибегать к такому средству, как единственно-верному для осуществления своих стремлений: воссесть на Киевском столе.

Заканчивая обзор военно-политической роли Черных Клобуков, мне хочется завершить его летописной иллюстрацией, показать какую картину представляли собою эти бесконечные междоусобные войны за Киев, и насколько сильно восточный, тюркский элемент играл в них роль, придавая этим войнам на территории славянской Руси, по многочисленности принимавших в них участие азиатов — да не покажется это парадоксом — восточный, азиатский характер.

Весною 1151 г. в Киеве правил номинально — старейший среди Мономаховичей Вячеслав, а фактически — его племянник, знаменитый Изяслав Мстиславич. Перед тем, в предыдущем году, в Киеве сидел Юрий суздальский, младший брат Вячеслава, но энергичный племянник его, Изяслав, захватил Киев и теперь Юрий на том берегу Днепра собирался к новому нападению. С той и другой стороны стягивают войска. Юрий поджидает Половцев, за которыми он послал в степь. После Пасхи, Половцы, за присланное им золото, приходят к Юрию, и последний начинает наступление. Ему надо переправиться на киевскую сторону Днепра. Придя к Зарубскому броду, Половцы в боевом порядке первыми бросились в реку „и тако въбрелоша на ни на конех, за щиты и съ копьи и в бронях, якоже битися, и покрыша Днепр от множества вой”; русские же переплыли „в лодях”; это был лишь передовой русский полк, за которым уже последовал суздальский князь со своими союзниками — черниговскими князьями. Замыкал переправу многочисленный обоз, те „возы”, без которых тогда не предпринимали ни одного большого похода.

На киевской же стороне стояли со своими дружинами, киянами и Черными Клобуками Вячеслав с Изяславом Мстиславичем и союзными князьями. Когда увидели, что враг переправился через Днепр, в стане киевского князя было решено последовать совету Черных Клобуков, предложивших князьям обороняться под стенами Киева; сами же они, в виду этого, что бы не оставить беззащитными свои вежи в Поросье, испрашивают у Изяслава позволения поехать за ними, забрать их, обещая к вечеру того же дня уже быть в Киеве. Русские войска пошли на северо-запад, к Киеву, а Торки, Коуи, Берендеи и Печенеги, под начальством брата Изяслава, Владимира, пошли на юго-запад, в Поросье. На следующий день, когда русская рать уже была расставлена под сте-

нами Киева, „от Торчина же и Володимер приде с всеми Черными Клобуки, и с вежами и стады и скоты их и многое множество, и велику пакость створиша, оно ратнии, а оно свое и монастыри оторгоша и села пожгоша и огороды вси посекоша. Вячеслав же, Изяслав и Ростислав повелеша Володимиру пойти с Берендеи и с вежами и с стады их пойти по Олгове и стаща мъжи дьбрьми от Олговы оли и в огород святого Иоанна, а семо оли до Шковице, а Коуеве и Торчи и Печенези туда стаща от Золотых ворот по тем огородом до Лядьских ворот, а оттоле оли и до Клова и до Берестоваго и до Угорьских ворот и до Днепра”. После неудачных переговоров о мире — „утрии же день исполцився”, подступил Юрий к Киеву, у речки Лыбеди. Вперед были высланы Половцы, которые разбили передовой отряд противника, после чего вернулись к главным Силам Юрия. Но вечером повел наступление Изяслав Мстиславич, во главе с Черными Клобуками, и разбил наголову Половцев. Здесь был убит тогда и их хан Севенч Бонякович.

После нескольких дней маневрирования, когда обе рати опять сошлись друг против друга, была сделана последняя попытка к примирению, но союзники Юрия — Ольговичи, Половцы, „не дадущим миритися, зане скоро бяху на кровопролитье”. Наконец решительная битва произошла на реке Руть. Киевский князь открыл сражение тем, что послал конных стрелков — черноклобуцких и русских — нападать на все еще уклонявшегося врага (противники ждали прихода галицкого князя). Стрелки начали отбивать обоз неприятеля, „возы”, и наконец втянули всех в битву. Половцы не старались, видимо, честно отрабатывать свое золото: „Половци же Юрьеви по стреле пустивше и побегоша”, после чего началось бегство и остальной части войск Юрия. В начавшейся резне был убит черниговский князь „и ины многы избиша и Половечьстии князи многы изоимаша, а других избиша”. Нападение Юрия не удалось и было отбито. Он и все его союзники бежали через Днепр обратно в левобережье⁶⁵.

Если представить себе всю эту движущуюся массу войск: передовые отряды с той и другой стороны тюркских и русских конных стрелков, за ними внушительные силы Половцев и Черных Клобуков вместе с русскими дружинами, а за войском, у одних — обозы, а у других черноклобуцкие вежи с „жены и дети и с стады и скоты многое множество”, — то получится картина с сильно выраженным восточным оттенком.

*

Заканчиваю очерк о Черных Клобуках рассмотрением вопроса о культурном влиянии их на Русь. В нашей исторической литературе не допускалось и возможности поднятия такого вопроса, в виду того, что вообще не признавалось какой-либо культуры у кочевников или возможности за ними какой-либо посредствующей роли в передаче элементов других культур. Молчановский напр., судит о низкой степени культуры у Черных Клобуков по их способности в каких-либо не-

⁶⁵ ПСРЛ II, с. 57-64; VII, с. 52-55, 1151 г.

сколько десятков часов перенестись всеми вежами с одного места в другое⁶⁶. Грушевский обратил внимание лишь на отрицательную сторону Черных Клобуков, на их степную дикость и грубость, оказавшую сильнее всего это нежелательное влияние нерусское население Поросья, среди которого жили Черные Клобуки⁶⁷. Это совершенно справедливое замечание Грушевского можно было бы иллюстрировать очень выразительными примерами. Когда несколько видных Берендеев стали подговаривать волынского князя Владимира Мстиславича к захвату Киевского стола под Мстиславом Изяславичем, то дружина князя отказалась поддерживать его в этом предприятии и он почти один явился к Берендеям. Тогда черноклобуцкие старшины встретили Владимира назидательными словами о том, что раз с ним нет никакой силы, то они и поддерживать его станут, и проводили его стрелами: „...начаша в нь пушати стрелы и ударша князя двема стрелами“⁶⁸. В Руси на князей вообще редко поднимали руку, а такая бесцеремонность в отношении к Владимиру Мстиславичу только может быть отнесена за счет тюркской грубости. Тем более редки у нас были случаи убийства князей. И как раз Василько Тербовльский был ослеплен „Торчином именем Беренди“⁶⁹, а главными распорядителями этого дела были некие Кульмей и Туряк, мужи князя Давида Игоревича⁷⁰; Глеб, сын Владимира, был зарезан Торком⁷¹; Изяслав Давидович черниговский был зарублен, правда, в битве, Воибором Негечевичем, Черным Клобуком. Все перечисленные случаи убийств, кроме убийства Изяслава Давидовича Воибором, производились, правда, не по собственной воле этих лиц, но что исполнителями этого выбрали именно тюрков — достаточно характерно.

Мысли же о том, что Черные Клобуки, подобно Половцам, могли влиять на материальную культуру Руси, в вооружении, в конских уборах, в предметах личного украшения и пр., — не допускалось вовсе в нашей исторической литературе. Говорить о видах этого культурного влияния Черных Клобуков на Русь я здесь не буду, т. к. невозможно разделять, что шло к нам от Черных Клобуков, а что — от Половцев. Это можно выполнить говоря о тюркском влиянии вообще, что я и постараюсь сделать при рассмотрении культурной роли Половцев в русской истории. Сейчас же можно только подчеркнуть лишь ту роль, какую Черный Клобук сыграл в деле перенесения на Русь элементов своей тюркской и других восточных культур.

Надо указать, прежде всего на ту близость, которая существовала между русскими и Черными Клобуками, в особенности между хана-

⁶⁶ Молчановский, с. 64.

⁶⁷ Грушевский, Ист. Киев. Зем, с. 301.

⁶⁸ ПСРЛ II, с. 97, 1169 г.

⁶⁹ ПСРЛ I, III, 1097 г.

⁷⁰ Ibid. с. 113.

⁷¹ ПСРЛ I, с. 59, 1015 г.

⁷² ПСРЛ II, с. 90, 1162 г.

ми, черноклобуцкими старшинами, теми „лепшими мужами”, о которых так часто говорит летопись и русскими правящими кругами. Их хорошо знали, этих старшин, знали их по именам, сидели с ними за общими столами на пирах, приглашали их на совещания, ссорились и мирились с ними. Отдельные лица наполняли собою различные классы общества; видим этих тюрок и простыми слугами князей, и княжими отроками, и наконец — в высшем, боярском классе, даже послами своих князей при сношениях с другими князьями⁷³. Хотя главная масса Черных Клобуков жила на окраине Руси, в южной части Киевского княжества, тем не менее они были хорошо известны всей Руси. Лепшие мужи их жили в самом Киеве⁷⁴; там же находились иногда при князе и отдельные берендейские отряды⁷⁵; во время междоусобных войн Черных Клобуков видели всюду, почти по всей тогдашней Руси проходили их полки. Можно предполагать, что в первые годы их проникновения в Русь, в эпоху Святополка II и Владимира Мономаха, они наводнили собою княжеские дружины; может быть даже существовали самостоятельные тюркские отряды при князьях. Все это не могло не сыграть существенной роли в деле передачи различных тюркских элементов на дотатарскую Русь; а в исходе XI и начала XII вв., когда она была особенно насыщена этими элементами благодаря массовому наплыву Торков и Печенегов, едва ли не создалось своеобразной моды на них.

Как мы видели, Черные Клобуки, при удачных для них стычках с Половцами, захватывают в плен половецких ханов, которым часто тут же дают возможность откупиться, тем, главным образом, что было на них и их лошадях. А на половецких ханах было столько „злата” и

⁷³ О слугах — ПСРЛ I, с. 59, 1015 г.; I, III — с. 113, 1097 г.; об отроках — ПСРЛ I, с. 97, 1095 г.; о боярине — ПСРЛ I, с. 116, 1100 г.

⁷⁴ ПСРЛ II, с. 54, 1150 г.; II, с. 86, 1160 г.; II, с. 89, 1161 г. Впрочем, в последних двух упоминаниях можно видеть и просто черноклобуцкие военные отряды, расквартированные в Киеве при князе Ростиславе Мстиславиче.

Берендеи были вообще близки Киевским князьям. Берендейский военный отряд видим у князя Ростислава Мстиславича в 1161 г. — ПСРЛ II, с. 90. (Что это были не призванные из Поросья Черные Клобуки видно из слов дружины Ростиславлей: „княже! се братья твоя к тебе не притягнули, ни Берендичи, ни Торци, а сих (противников) сила велика...” След, упомянутые перед этим Берендичи, которые от начавшего врываться в город врага „побегоша” к Угорским воротам, были не из „притяглых”, как то хотел видеть Грушевский, Ист. Киев. Зем. с. 211, а местные, Киевские, вероятно составлявшие небольшой личный отряд Ростислава Мстиславича; ср. с уп. перед тем в предыдущ. году Берендеев у кн. Ростислава (ПСРЛ II, с. 86, 1160 г.). Отряд Черных Клобуков видим в Киеве и в 1195 г. у кн. Рюрика Ростиславича (ПСРЛ II, с. 144). Ср. еще ПСРЛ II, с. 89, 1161 г. Хотя под 1160 г. и говорится, что „послал же баше Ростислав из Киева помочь Рогьволоду (полоцкому князю) с Жирославом с Нажировичем Торк 600...” (ПСРЛ II, с. 86), но вряд ли здесь можно видеть указание на пребывание в самом городе Киеве такого значительного тюркского о отряда. Эти Торки вероятно были вызваны с Поросья.

„сребра”, такие „паволоки” и „дрогья оксамиты” и драгоценное оружие, а на конях их богатые седла и попоны, что было чем откупиться даже только „снимая на себе” (т.е. с себя). Все эти ценности не складывались, не прятались у кочевников, а носились на себе, и Черные Клобуки несомненно щеголяли ими, как трофеями и драгоценностями⁷⁶. Это не могло не оказать влияния на русских и для нас, по всей вероятности, останется навсегда загадкой — кто, собственно, больше влиял на русских в усвоении ими этих тюркских Видов убранства — Черные ли Клобуки или сами Половцы, прививая и создавая на Руси своего рода тюркскую моду, подобно той, какую например привносили Половцы — в Венгрию, а Гунны и другие варвары — в Византию.

Опубликовано: Semmarium Kondakovianum, I, Praha 1927, стр. 93-109

⁷⁶ ПСРЛ И, с. 149, 1196 г. Примером богатства Черных Клобуков может служить погребение у села Россавы, раскопанное Самоквасовым („Могила Русской земли”, М. 1908, с. 222-225, курган №1, в окрестностях села Россавы). Погребение вероятно принадлежало богатому черноклобуцкому хану. Его шапка была сделана из золотой парчи, украшена серебр., золот. и разными костяными бляхами и на верху кончалась шишаком вероятно из перьев. Тело было одето в длинный кафтан с узорчатым пестрым рисунком, с золотым и шелковым позументом, и с нашитыми золотыми бляшками; на шее — гривна; на поясе — ряд золотых бляшек; серебряный браслет, золотой перстень, подвески формы бубенчика; серебряные и позолоченные бляшки конского убора с изображением фантастических животных; позолоченная бляшка седельного убора.

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И БЕРЕНДЕИ НА РУСИ И В УГРИИ

I

Судьбами печенегов и Узов-Торков после вытеснения их Половцами из степей и расселения по соседним оседлыми государствами, а в особенности, по пограничью этих государств интересовались до сих пор обыкновенно лишь в пределах истории какого-нибудь одного оседлого государства и не рассматривали этого явления в целом.

Так, в русской историографии интересовались судьбою Печенегов и Торков в пределах истории русских княжеств, главным образом Киевского¹, в Венгрии — преимущественно в рамках мадьярской истории; В.Г. Васильевский проследил судьбу Печенегов в первое время их проникновения в Византию³, К. И речек — отыскивал следы Печенегов и Узов на Балканах и у Дуная⁴. Однако, полной, общей ис-

¹ И. Самчевский, Торки, Берендеи и Черные Клобуки. Архив Ист.-Юрид. сведений под ред. Калачева, т. 2, ч. 1, 1855, с. 83-106; М. Погодин, Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. V, М. 1857, с. 181-208, отчасти П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, Киевск. Унив. изд. 1883 и 1884 гг. и отд. отт.

² Jerney Janos', Keleti utazasa a' magyarok' oshelyeinek kinyomozasa vegett 1844 es 1845 (Янош Ерней, Путешествие на Восток в 1844 и 1845 гг. для отыскания древних поселений Мадьяр), т. I, Pesten, 1851; Szokolay Margit, A magyarorszagí bessenyó'telpekröl (Маргит Соколай, О печенежских поселениях в Венгрии) в журнале Fold es Ember (Земля и Человек), 1929, N 2, с. 65-90; Gombocz Z. es Melich J., Lexicon critico-etymologicum linguae hungaricae, Budapest, 1914, с. 379-380, s.v. besenyó'. Кроме того, множество мелких статей и заметок о собственных именах и географической номенклатуре Венгрии печенежского происхождения рассеяно в мадьярских журналах, как упомянутого Fold es Ember, Magyar Nyelv (Мадьярский язык) и др. Статья Куника О тюркских Печенегах и Половцах по мадьярским источникам, Уч. Зап. Акад. Наук по 1 и 3 отд. т. III, вып. 5, 1855, по поводу работы Ернея, мне осталась недоступной. Не выходит из рамок мадьярской истории и небольшая статья словацкого ученого Fr. V. Sasinek, Pecenci (Dejepiske zahady, X) в Slovenske Pohľady roc. XXIII, Turciansky Sv. Martin, 1903, с. 541-547. Пользуюсь здесь случаем принести свою искреннюю благодарность профессору будапештского университета Dr. Gyula Moravcsik и библиотекарю Мадьярской Академии Наук Dr. Laszlo Rasonyi Nagy за многие указания и за любезную присылку мне ряда мадьярских книг, а также Д.О. Семанюку за помощь мне в переводах с мадьярского языка.

³ Византия и Печенеги, Труды, т. I, СПб. 1908, с. 1-175.

⁴ C. Jirecek. Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen, sowie über die Völkerschaften der sogenannten Gagauzi und Surguci im heutigen Bulgarien, Sitzungsber. d. K. Bohmischen Oesellschaft d. Wissenschaften, Classe f. Philos., Gesch. u. Philol., 1889, с. 3-30.

тории судеб Печенегов, Торков и Берендеев (последними занимались менее всего; их следы в Угрии, например, совсем не были собраны) на всем обширном пространстве их рассеяния от границ Суздальского и Рязанского княжеств на верховьях Волги и Оки до западной границы Угрии по рекам Лайте, Рабе и Загу и до балканского пограничья Византийской империи — мы все еще не имеем. Единственно мне известной попыткой более широкого обзора судеб этих тюркских народов является труд мадьярского ученого Иштвана Дьярфаша „История Яс-Кунов”⁵; но вторая глава II тома этого труда „Печенеги-Куны”⁶, несамостоятельная и некритическая и рассматривающая главным образом время независимости Печенегов и Торков, лишь очень поверхностно касается Печенегов в Византии, немного подробнее останавливается на судьбах их в Угрии и совершенно перестает следить за ними на Руси⁷.

В действительности же, история расселения тюркских народов на территории соседних с ними оседлых государств, и, особенно, вопрос о поселении их на пограничьях этих государств, имеет полное право быть выделен в специальную тему и изучаться на всем огромном пространстве от Дальнего Востока до Центральной Европы — на всем пути прохождения и соприкосновения Тюрков с оседлыми культурами⁸. Станет тогда особенно наглядна общность явлений, связанных с этими поселениями. Ибо такие „черноклобуцкие” — по терминологии русской летописи — поселения существовали и на границе Китая по р. Хуанхэ в VII в.⁹, и в Средней Азии на пограничье саманидской Персии в X в.¹⁰ и, наконец в Руси, Византии и Угрии X-XIII вв. Сравнения помогут нам уяснить организацию этих поселений, далекую от ясности, если брать каждое государство в отдельности. Наконец, для истории оседлых государств очень интересно рассмотреть и сравнить,

⁵ Gyárfás István, A Jász-Kunok Története, I-IV, Kecskemet-Szolnok-Buda-pest, 1870-1885.

⁶ Стр. 41-102. II-ой том охватывает период 884-1301 гг. Издан в 1873 г.

⁷ Статья С.А. Macartney, The Petchenegs в The Slavonic Review, vol. VIII, 1929, с. 342-355 слишком поверхностна, да и касается гл. обр. также времени независимости Печенегов.

⁸ Насколько мне известно, единственным подобным опытом является статья В.В. Григорьева, Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами, ЖМНП 1875, март, с. 1-27, теперь уже сильно устаревшая и выводы которой было бы теперь невозможно принимать.

⁹ См. напр. о поселении около 640 г. на китайском пограничье по р. Хуанхэ Тюрков в количестве 100 000 чел. для защиты Китая от нападений со стороны других кочевников в Docum. historiques sur les Tou-kious (Turcs), extraits du Pien-i-tien, tr. par Stanislas Julien, Journal Asiatique, 6 serie, t. IV (1864) p. 234-240.

¹ Таково поселение на Сыр-Дарье Гузов саманидской династией с обязательством защищать это пограничье против остальных Тюрков. См. В.В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, 1927, с. 71, и его же Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб. 1900, с 179, 269.

как каждое из них справлялось с внедрением в него таких чужеродных и отличных по всему быту и культуре народностей, и насколько это отражалось в собственной жизни этих государств. Особенно же интересно сравнить результаты тюркских расселений — Печенегов и Торков у двух соседних, только что начавших укреплять свою государственность, стран — Руси и Угрии. В настоящем очерке мы и ограничимся этой задачей, не рассматривая судеб Печенегов и Торков в Византии.

В конце IX столетия Печенеги, как известно, господствовали на всем пространстве причерноморских степей от Дона до области Этелькёзу, т.е. приблизительно до Днестра. Восточнее, на низовьях Дона, был Хазарский каганат, а севернее и восточнее него кочевали Узы — Торки русских летописей"; на запад же Печенеги в это время соприкасались с Мадырами, расположившимися в Этелькёзу. Втянутые Византией и Болгарией в их войны при Дунай, Печенеги стали проникать еще дальше на запад и в самом начале X в. они уже совершенно вытеснили Мадыр из Этелькёзу, ушедших после того в Паннонию, а сами заняли места их кочевий, продолжая в то же время неуклонно продвигаться через Карпаты, и по дунайским степям на запад, к Паннонии. В 917 г. они впервые изведывают соблазн перехода на правый берег Дуная, призванные для этого самой Византией против Болгарии¹. X век — время наибольшей силы Печенегов. Византийский император в середине X в. сугубо наставлял своего сына о том, как надо учитывать значение Печенегов в его время. У первых киевских князей Игоря, Святослава, Владимира „бе (с Печенегами)... рать велика бесперестани”¹⁵. При Владимире Печенеги были уже на рас-

¹¹ О тождестве Узов византийских писателей с летописными Торками предполагал еще Карамзин в Ист. Гос. Российск. т. I, пр. 90; признавал уже Ф. Брун, Черноморье, Записки Импер. Новороссийск. Универс. 1879, т. 28, с. 97 и окончательно показал П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, Киевск. Универ. Известия, 1883, №3, с. 131-154 и отдельно в статье Об Узах и Торках в ЖМНП 1884, №7. Это признали теперь и мадыарские историки — см. Kossanyi Bela, Az uzok es Komanok-tortenekeze XI-XII szazadban (Бела Кошани, К истории Узов и Куманов в XI-XII веках) в журнале Szazadok («Века»), 1924. О кочевании Торков в перв. четверти X в. севернее Хазарии, по средн. течению Дона, вопреки мнению J. Marquart, Osteuropaische und Ostasiatische Streifzuge; 1903, S. 33 и повторенному в его же Über das Volkstum der Komanen, Abhandl. d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Gottingen, Phil.-hist. KX, N. F. t. XIII, №1, Berlin, 1914, S. 25, см. Фр. Вестберг, К анализу восточных источников о Восточной Европе, ЖМНП ч. XIII, 1908, февраль, с. 383-4.

¹² Konstantinus Porphyrogenetus, De Administrando Imperio, cap. 38, 40; ср. В.Н. Златарски, История на Българската държава, т. I, ч. 2, София 1927, с. 312 и след.

¹ В. Златарски, цит. соч., с. 385.

¹⁴ Constantinus Porphyrogenetus, De Administrando Imperio, cap. I.

¹⁵ ПСРЛ I, вып. 1, изд. 2, 1926, стлб. 127, 997 г.

стоянии двух дней пути от Киева¹⁶ и киевскому князю приходится „ставить города по Десне и по Востри и по Трубешеву и по Суде и по Стугне... бе бо рать от Печенег”¹⁷. То же приходилось делать соседу и современнику Владимира — Стефану Угорскому, которому также пришлось укреплять южные и восточные границы своего молодого государства целой системой засек — от тех же Печенегов¹⁸.

Обратимся теперь к рассмотрению постепенного просачивания сперва Печенегов, а затем и Торков сквозь эти границы Угрии и Руси, и начнем обзор с Угрии, где процесс проникновения этих тюркских народов начался по-видимому раньше, чем на Руси.

Проникновение Печенегов в Угriu шло тремя путями: с севера или точнее — с северо-востока, с востока и юга. С юга Печенеги прорывались в Паннонию, гл. обр. через Железные Ворота на Дунае, с востока они проникали южными карпатскими проходами на верховья Ольты, Мароша и Самоша, откуда шли на запад или, спускаясь вниз по Марошу или Мезешегскими воротами, выходили из Трансильвании в долины Шебеш-Кёрёша и Самоша; наконец, переходя Карпаты с верховьев Серета и Прута на верховья Тирсы, Печенеги заходили в Угriu с северо-востока. Как увидим ниже, все эти пути следования Печенегов (а отчасти и Берендеев) запечатлевались отдельными или групповыми поселениями этих тюркских народов по долинам перечисленных рек. Эти поселения и помогают нам уяснить процесс расселения Печенегов и Берендеев, в особенности последних, так как о переселении Берендеев в Угriu прямых исторических известий не сохранилось.

Первое, еще полулегендарное, внедрение Печенегов в южное Притисье мадьярские источники относят ко времени князя Арпада, то есть ко времени распространения Мадьяр по Паннонии — в самом начале X в. Тогда еще Мадьяры не овладели „Затисьем” — областью между Тиссой, Карпатами и Трансильванскими горами, где еще сохраняли самостоятельность Болгары под управлением своих князей. Один из таких правителей, по имени Глад, владения которого простирались по Марошу, начал войну с Мадьярами, имея в качестве вспомогательного войска — Печенегов¹⁹. Однако, на р. Темеше войско Глада было разбито, сам он бежал, а два печенежских хана были убиты в сражении с Мадьярами²⁰. По всей вероятности мы здесь имеем

¹⁶ Послание Бруно к импер. Генриху II (рус. пер. А. Гильфердинга в Русской Беседе, М. 1856, I, с. 12).

¹⁷ ПСРЛ I, вып. 1, изд. 2, 1926, ст. 121, 988 г.

¹⁸ О мадьярских засеках и новейшую библиографию о них см. у А. Петрова Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии, Прага¹⁹³⁰, с. 15.

¹⁹ По-мадьярски Печенег — Бешеньё (Besenyó); до поводу этого имени Zoltan Gombocz, *Über den Volksnamen „Besenyó”*, Turan, III, 1918, с. 211 высказывает предположение, что Мадьяры узнали его через посредство Болгар; вместе с Болгарами, как видим, Печенеги впервые и встречаются в Паннонии.

²⁰ Anonymi Belae Regis Notarii de Gestis Hungarorum, cap. 44, ed. Endlicher, *Reh. Hung. Monum. Arpad.*, Sang. 1849, с. 38-41. Печенеги здесь названы

дело с Печенегами, проникшими в Угрию с юга, по Дунаю. Но главная масса Печенегов проникала северо-восточным путем, и именно на севере и северо-востоке тогдашней Угрии мы будем находить древнейшие следы печенежских поселений, о которых сохранилась память в туземных мадьярских источниках.

Насколько к середине X в. было значительно просачивание Печенегов в северную и северо-восточную Паннонию, можно заключить из слов Константина Багрянородного, который в своем сочинении «De administrando Imperio», написанном им ок. 945 г., сообщает, что в его время Угория на севере граничит с Печенегами.

К этому же приблизительно времени относятся и первые мадьярские известия о поселении Печенегов в Угрии.

При мадьярском князе Золтане, жившем в первой половине X ст., по тому же полуполюгендарному источнику, приведенному у Анонима, впервые уже слышим, что этим князем было поселено „не мало” Печенегов в северо-западном пограничье Угрии у озера Ферте (Ferto'), для защиты от немецких вторжений. Про того же Золтана рассказы-

Куманами („adiutprio Cumanorum et Bulgarorum atque Blacorum...; et in eodem bello mortui sunt duo duces Cumanorum”) обычное для мадьярских источников смешение их с Половцами (Куманами). Валахи — здесь такой же анахронизм, как и Половцы. До 60-х гг. XI в. Половцы еще не проникали к Дунаю, в данное время это могли быть только Печенеги. Ср. Gyarfás I., цит. соч. II, с. 53. Об этой путанице терминологии мадьярских источников см. напр., у ICossanyi Bela, цит. соч., с. 532. О Болгарах в Паннонии в это время — см. V. Chaloupecky Dve studie k dejinam Podkarpatska. II. ICdy bylo Horni Potisi pripojeno k Uhram, Sbornik Filos. Fak. University Komenskeho v Bratislave, roc. III, с. 30, v Bratislave, 1925, с. 12-52.

²¹ De Administrando Imperio, гл. 40. Ср. V. Chaloupecky, Stare Slovensko, Bratislava 1923, с. 31-32 и пр. 94.

²² Anonymus, гл. 57 (Endlicher, с. 53): „ultra lutum Musun, collocavit (dux Zulta) etiam Biseenos non paucos habitare pro defensione regni sui, ut ne aliquando in posterum furibundi Teothonici, propter iniuriam sibi illatam fines Hungarorum inuadere possent”. Достоверность этого сообщения Анонима обычно отвергалась в новейшей мадьярской историографии, считавшей, что он является анахронизмом, т.к. действительное де поселение Печенегов произошло здесь позже, в 1072 г. (или в 1068 г., как относили раньше), когда, как это увидим ниже, шопронский жупан Ян разбил и взял в плен огромное количество Печенегов (Об этих событиях 1072 г. см. у Туроца — M. J. de Thwrocz, Chronica Hungarorum, II, cap. 50, ed. I. G. Schwandtneri in Scriptores Rerum Hungaricarum, t. I, Vindebon. 1746, p. 117-120); см: Szokolay M., цит. соч., с. 66, со ссылкой на Erdelyi Laszlo, A tizenket legkritikusabb kerdes, Kolozsvár 1917, с. 114; ср. еще P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, B. 1877, S. 231. Но во-первых в этом рассказе Туроца нет никаких указаний на то, чтобы взятые в плен Печенеги были поселены на шопроно-мошонском пограничьи; это выводили лишь позднейшие комментаторы этого места Туроца: Jerney J., цит. с. I, с. 229 и Gyarfás J., ц. с. II, с. 74-75; во-вторых, еще до 1068 (или 1072) г. Печенеги уже упоминаются в мадьярском войске, и именно в области шопроно-мошонского пограничья, — в 1052 г. (Thwrocz, II, cap. 43, p. 109-110); в-третьих, трудно было бы допустить, чтобы король Стефан, организовавший засеки на всех границах

вается далее, что он „привел своему сыну Токсону жену из Куманской (читай — Печенежской) земли”³.

При этом Токсоне, преемнике Золтана (ок. 943-972 гг.), совершилось, повидимому, уже массовое переселение Печенегов в Угрию). Аноним короля Белы передает известие о том, как из Печенежской земли пришел к Токсону целый род во главе с Тонузоба, и как мадьярский князь расселил пришельцев в северной Угрии, в Кемейской области у Тиссы. При том же Токсоне, по тому же источнику, пришли еще в Угрию некие Била и Баксу, которым был дан в держание Пешт²⁵. По их именам — в них также видят Печенегов²⁶. Наконец и Аноним и Симон Кезаи приводят рассказ (относя его ко времени несколько более раннему — еще к правлению Арпада) о приходе выходца из Скифии Эдемена, сына Чабы, предка Паты, а через него и будущего угорского короля Самуила-Абы, затем о приходе Кетеля с сыном Тольма и наконец Кульпуна, отца Ботонда. Эдемену были даны земли над Матрою, а Кетелю — по Дунаю у низовьев Вага²⁷.

Недавно мадьярский ученый Геза Фехер в своей работе *Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensaga* стремился показать, что все

Угрии и селивший на них в качестве стражи, среди других инородцев, также и Печенегов, в наиболее важном шопроно-мошонском пограничьи не поселил также и Печенегов, подобно тому, как они были поселены им в других местах, напр, в северо-западной Словакии, на моравском пограничьи (об этих поселениях см. V. Chaloupecky, *Stare Slovensko*, с. 34, 102, 301, 398). Ко времени св. Стефана некоторые поселения Печенегов в шопроно-мошонском пограничьи (напр. Китайские) относил и Karacsony J. *Halavany vonasok hazunk*. Szent Istvan korabeli hataroirol (Карачони, О неясных очертаниях границ Угрии при св. Стефане), Szazadok, 1901, XXXV, с. 1046. Еще определеннее о Печенегах при Золтане см. у Geza Feher, *Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen*, в Журнале *Korosi Csoma-Archivum*, I ket 2 szam. 1921, с. 131. Не вхожу здесь в оценку мнения В. Kossanyi (цит. соч.) о том, что взятые в 1072 (1068) г. пленные были не Печенеги, а Торки; об этом ниже, с. 17-18.

²³ Anonymus, гл. 57: „tunc dux Zulta duxit filio Tocsun uxorem de terra Cumanorum...” (Endlicher, с. 53). Ср. G. Feher, ц. соч., с. 129.

²⁴ Anonymus, гл. 57: „et in eodem tempore de terra Bissenorum (от мадьярск. besenyo' — Печенег) venit quidam miles de ducali progenie, cuius nomen fuit Thonuzoba pater Urcund, a quo descendit genus Thomo'y, cui dux Tocsun dedit terram habitandi in partibus Kemey, usque ad Thisciam, ubi nunc est portus Obad” (Endlicher, с. 54).

²⁵ Anonymus, гл. 57: „multi hospites confluebant ad eum (Токсону) ex diueris nfltionibus, nam de terra Bular (см. выше, с. 4 и пр. 19 о связи Печенегов с Болгарами) venerunt quidam nobilissimi domini, cum magna multitudine Hismahelitarum, quorum nomina fuerunt: Bila et Bocsu, quibus dux per diuersa loca Hungarorum condonavit terras et insuper Castrum, quod didtur Pest in perpetuum concessit” (Endlicher, с. 53).

²⁶ G. Feher, цит. соч. с. 131 и 136.

²⁷ Anonymus, гл. 15 (Endlicher, с. 17-18), гл. 32 (ib. с. 29) и гл. 57 (ib. с. 53); Simonis de Keza, I, 4 (Endlicher, с. 100-101). Ср. еще X главу Анонима (с. 12) — «De septem ducibus Cumanorum».

эти разрозненные известия являются отражением огромного переселения в Угрию осколков нескольких печенежских родов, до того кочевавших в Приднестровье и принужденных уйти оттуда под давлением на них с востока Торков и что это переселение совершилось в правление Токсона. Сопоставляя имена этих пришельцев с известными нам по Константину Багрянородному именами родов и родовых старшин приднестровских Печенегов, Г. Фехер пытался даже установить родовую общность этих пришельцев с тремя печенежскими родами Приднестровья: Чобан (Τζοπον), Кюльбей (Κουλβει) и Толмач (Ταλματ) .

Может быть это предполагаемое Г. Фехером движение печенежских родов можно поставить в связь с происшедшим как раз в это же время — ок. 968 г. — разгромом киевским князем Святославом Хазарин²⁹, что действительно открыло кочевавшим до того в задонских степях Торкам путь к Днепру, где они и натолкнулись на Печенегов и начали теснить их к Западу.

Глухим отголоском проникновения в Угрию Печенегов в эпоху первых Арпадовичей служат упоминания об этом Симона Кезаи и Туроца³¹, по поводу прихода различных иноземцев, в том числе и Печенегов.

Не менее глухие сведения о проникновении Печенегов в Угрию относятся и ко времени короля Стефана [Йштвана, по-магyarски] (997-1038). Обычно магyarские источники насчитывают три похода Стефана против Печенегов³², но с определенностью можно говорить

^{2X} Τζοπον = Chaba (Caban) магyarских источников; Била (глава рода Τζοπον в 890/91 гг.) = Bila; Бата (другой главе, в 945/46 гг.) = Pota (Patha); Κουλβει = Culpim; Ταλματ = Tulma. Эти сопоставления встретили резкую критику со стороны Gyula Czebe, *Turco-byzantinische Miscellen*, I, Korosi Csoma-Archivum, 1, 3, 1922, с. 209-219, указывавшего, что родовые имена Печенегов Константина Багрянородного заключали в себе или прозвища общенарицательного значения (как напр, caban = пастух), или названия санов, должностей, или, наконец, названия мастей лошадей племени, и что поэтому имена, Печенегов магyarских источников могли возникнуть совершенно самостоятельно, и вне зависимости от Печенегов приднестровских. Мне лично все же представляется большая доля вероятности в предположении Фехера, т. к. трудно ожидать таких случайных совпадений в именах вождей, родовых старшин одного у того же времени. Разбор имен родов и старшин Печенегов, приводимых Константином Багрянородным, см. у J. Nemeth, *Zur Kenntnis der Petschenegen*, Korosi Csoma-Archivum, 1, (1922), с. 219-225, его же *Die petschenegischen Stammesnamen*, *Ungarische Jahrbucher*, X, (1930), с. 27-34, его же *A honfoglalo Magyarsag Kialakulasa* (О магyарах после занятия ими отечества), Bud. 1930, с. 45 и след.

ПСРЛ I, 1, ст. 65 под 6473 (965) г. Ср. Е.А. Загоровский, *Очерк истории северного Причерноморья*, ч. 1, Одесса, 1922, с. 49.

³⁰ Simonis de Keza, *De nobilibus advenis*, 18 (Endlicher, с. 127): „Intraverunt quoque temporibus tam ducis Geiche, quam regum Boemi, Poloni, Greci, Bessi, Armeni...”

³¹ Thwroc, II, гл. XXII, с. 90. Ср. J. Jerney, *цит. соч.* I, с. 228-229.

³² Напр. Karacsonyi, ц.с. с. 1054, считавший Печенегами как Кеана (кроме Карачони еще см. Ladislaus Szalay, *Geschichte Ungarns*, I B. Pest., 1866, 96-97;

лишь об одном — в Трансильванию)³³; кроме того, отряд в 60 Печенегов пытался мирным путем проникнуть в Угрию, чтобы в ней искать себе поселений, однако Мадыяры уничтожили этот отряд³⁴. По-видимому, в последнем случае, Печенеги проникли в Угрию) не с юга, из-за Дуная, а также, как и при Токсоне, севером, верховьями Тиссы и Самоша³⁵.

В это время, когда Угория начинала уже поселять в своих пределах осколки печенежских родов, подступавших к ее границам, главная печенежская орда еще властвовала в Приднепровье, хотя ее могущество здесь доживало последние десятилетия. Уже в 985 г. Владимир Киевский в своих приволжских войнах с Болгарами пользовался помощью Торков³⁶, которые все более и более вытесняли Печенегов из причерноморских степей; все более сгоняемые к Поднепровью, Печенеги начинают свой натиск на Киевскую Русь, отбрасывая ее южную границу за Рось, под самый Киев — на Стугну, Ирпень и Трубеж; в течение первой трети XI ст. Печенеги все еще были самой грозной опасностью для Киевской Руси, пока в 1036 г. их наголову не разбил под Киевом Ярослав, после чего они навсегда отхлынули от русских границ³⁷.

Левое Приднепровье было для них уже потеряно³⁸, а с востока все не переставали насаждать новые — и на этот раз и очень кратковременные — властители южнорусских степей — Торки. Они беспрестанно воюют с Печенегами, а у последних, как раз на почве этой борьбы с Торками, начались внутренние раздоры, окончательно погу-

Gyarfas и. с. II; с. 64; Csuday, *Geschichte d. Ungarn*, S. 112) так и Ахтума (напр. L. Szaiaу, ц.с. с. 97-98), тогда как в обоих этих именах надо видеть скорее местных, затисских болгарских правителей (об этом см. V. Chaloupecky, *Dve Studie...* с. 25).

³³ Vita S. Stephani Regis, *Legenda major*, cap. 14 (ed. Endlicher, с. 149-150), *Legenda minor*, cap. 7 (ib. с. 158-159), Hartvici episcopi Vita S. Stephani regis, cap. 15 (ib. с. 179-180); Gyarfas ц. с. II, с. 66.

³⁴ Vita S. Stephani, *Legenda minor*, cap. 8, (Endlicher, с. 159-60): „LX uiri Byssenorum... cum universo apparatu suo, uidelicet auri et argenti copiositate, multaque uirietate omameritorum, curribus onustis partibus Bulgarorum egressi ut terminos Pannoniorum apprehenderant”; ср. еще Hartvici episcopi Vita S. Stephani, cap. 17 (Endlicher, с. 181-182).

⁵ V. Chaloupecky, *Dve studie*, с. 24 и пр. 41. Ср. его же, *Stare Slovensko*, с. 32, пр. 94.

* ПСРЛ I, 1, ст. 84, 985 г.

ПСРЛ I, 1, ст. 150-151, 1036 г. В это же время печенеги нападают и на Византию, переходят Дунай, глубоко вторгаясь в пределы империи (в 1026, 1032, 1035 гг. G. Cedrenus, ed. Bonn II, p. 483-4; 499, 512). М.б. в связи с последним нападением Печенегов на Русь в 1036 г. находятся и троекратные нападения их в том же году на Византию (Cedrenus, II, 514-515). Ср. М. Грушевский, *Ист. Укр.-Руси*, т. II, с. 25, пр. 1.

³⁸ G. Cedrenus, II, 582, рассказывая о событиях 1048/49 гг., говорит, что Печенеги перед тем кочевали между Днепром и Паннонией и, следовательно, еще до этого времени Заднепровье уже больше им не принадлежало.

бившие орду. Старейший печенежский хан, Тирах, из-за бездействия, теряет свой авторитет, а выдвигается стяжавший себе славу в борьбе с Торками, новый хан — Кеген. Кеген с двумя коленами отпал от остальных 11 печенежских колен и, преследуемый Тирахом, перешел с 20 000 человек Дунай и передался на службу Византии. Его орде были отведены земли на правом берегу Дуная и Печенеги, должны были охранять это пограничье, для чего им были переданы и пограничные крепости³⁹. Но так как Кеген не переставал и из-за византийского пограничья совершать набеги на кочевья Тираховой орды, то это вызвало движение к византийкой дунайской границе всего печенежского племени; в 1048 г. Тирах, как говорит византийский хронист — в количестве 800 000 человек, перешел замерзший Дунай, чтобы отомстить Кегену, в действительности же — чтобы найти гибель всему своему народу: сперва эпидемии, а затем победы византийцев и Кегена довершили крушение его орды. Сам Тирах попал в плен, а оставшиеся в живых его Печенеги были расселены по Западной Болгарии⁴⁰.

Обратимся теперь к Торкам. Их господство в южнорусских степях (точнее — в Приднепровье) было недолгим, поэтому недолгим было и их соприкосновение с Русью, однако их значение в ее истории значительно; и именно потому, что, тогда как главная масса Печенегов после вытеснения из степей была вобрана Византией и Угрией, главная масса уцелевших Торков была, по-видимому, расселена русскими князьями по Руси.

Через восемнадцать лет после того, как летопись в последний раз сообщила о нападении Печенегов на Киев и о поражении их Ярославом, встречаем первое известие о Торках в Приднепровье; но это уже была не та сильная орда, которая сокрушала Печенегов, а уже в свою очередь, сломленная — Половцами, шедшими из Заволжья на смену Торкам. В 1054 г. „иде Всеволод (тогда еще князь переяславский) на Торкы зиме к Воиню. и победи Торкы”⁴¹. Это был, очевидно, небольшой торкский отряд, если переяславский князь собственными силами мог разбить его. По пятам Торков уже шли Половцы: „В семь же лете — читаем далее под тем же 1054 г. — приходи Болушь с Половци и створи Всеволод^ мир с ними и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли”².

³⁹ В. Г. Васильевский, Византия и Печенеги, Труды, т. I, СПб. 1908, с. 10-11.

⁴⁰ Там же, с. 12-14.

⁴¹ ПСРЛ I, 1, ст. 162.

⁴² ПСРЛ I, 1, ст. 162. Ср. В. Ляскоронский, История Переяславской земли с древнейших времен до пол. XIII ст. Киев, 1897, с. 192 и его же, К вопросу о переяславских Торках, ЖМНП 1905, IV, с. 287. Вероятно в связи с торко-русским столкновением и объясняется этот первый приход Половцев к границам Руси. Надо помнить, что главенствующая орда всегда очень щепетильно относится к ускользающим из под ее власти осколкам покоренных ею других племен. На русском степном пограничье мы найдем тому много примеров. Только, вероятно, отбитием упомянутого торкского отряда и неприня-

В 1060 г. по летописи (1062 г. по Голубовскому)⁴³ русские князья предпринимают уже большой совместный поход на Торков, все в том же направлении — вниз по Днепру⁴⁴, окончательно решивший участь Торков в Приднепровье: Торки, слышав о надвигающихся русских ратях, не вступили в битву, но „убояшася, пробегоше и до сего дне и помроша бегаяючи, Божьим гневом гоними, ови от зимы, друзии же голодом, ини же моромь и судомь Божьим. Тако Бог избави хрестьяны от поганых”⁴⁵. Степями окончательно завладели Половцы, Торки же, отхлынув от русского Поднепровья, принуждены были уйти к Дунаю. В 1064 г. они (под именем Узов у византийских писателей) всем своим племенем, в количестве будто 600 000 человек, вторглись в Византию, предавая разорению ее балканские провинции; только начавшиеся среди Торков голод и эпидемии значительно ослабили эту орду и тогда уже Болгары и заклятые враги Торков — Печенег, расселенные в Византии, смогли довершить гибель этого многочисленного еще племени. Уцелевшие после этой резни Торки были расселены Византией в Македонии; в византийской армии после этого появляются торкские отряды, а отдельные лица этого племени проникли на высокие придворные и государственные должности в империи.

Части же Торкам все же удалось уйти обратно на север, за Дунай. По известию Михаила Атталиоты эти „Узы” были рассеяны „князем Мирмидонов” по своим городам⁴⁶. Еще В. Васильевский справедливо решил, что никто другой, кроме русского князя, не может разуметься под этим странным названием⁴⁴, то же признал и П. Голубовский⁴⁷. Действительно, от этого „рассеяния” в 1060-х годах Торков по своим городам „князем Мирмидонов” (в котором всего естественнее видеть киевского князя Изяслава Ярославича) и надо считать начало тюркских поселений на Руси. Летописные известия о них начинают встре-

тием его на Русь, можно объяснить последовавшую вслед за тем мирную встречу князя Всеволода с Болушем, ханом половецким. Обратные явления в событиях 1060-1061 гг. только подтвердят наше мнение.

⁴³ П. Голубовский, Печенег, Торки, Половцы, Киевск. Ун. Изв. 1883 г. № 3, с. 138-139. Его же, Об Узах и Торках, ЖМНП 1884, № 7, с. 13.

⁴⁴ „поидоша на коних и в лодьях” ПСРЛ I, 1, ст. 163.

⁴⁵ ПСРЛ I, 1, ст. 163.

⁴⁶ И новый приход Половцев вслед за бегством Торков надо поставить во взаимную связь: вероятно, русские князья захватили в плен часть разбежавшихся Торков. Этим естественнее всего будет объяснить первый ратный приход Половцев в следующем 1061 г., недовольных Русью за принятие ею тех, кого они считали своими рабами (ПСРЛ I, 1, ст. 163, 1061 г.). Татищев, Ист. Российская, т. II, с. 116 прямо говорит, что князья в 1060 г захватили много пленных и развели их по городам.

⁴⁷ В. Г. Васильевский, цит. соч. с. 26-29.

⁴⁸ Michael Attaliota, ed. Bonn. p. 87.

⁴⁹ В. Г. Васильевский, ц. с. с. 29 и пр. 1.

⁵⁰ П. Голубовский, Печенег, Торки, Половцы, цит. изд. 3, с. 138, его же Об Узах и Торках, ц. изд. с. 13.

чаться лишь с 80-х и 90-х годов XI ст., но возникли эти поселения, несомненно, ранее, и не следствием ли этого массового принятия ок. 1065 г. Торков, явился первый большой набег Половцев на Русь в 1068 г., принесший первое большое поражение киевскому князю. Изяславу и разорение Киевской и Черниговской земель?⁵¹ Из последующих событий мы увидим, как нетерпимо относились Половцы к принятию Русью таких беженцев из степей.

Первое бесспорное свидетельство о поселении Торков на Руси относится к 1080 г.: „В лето 6588. Заратишася Торци Переяславстии на Русь, Всеволод же посла на ня сына своего Володимера, Володимер же шед, победи Търкы”⁵², то есть здесь говорится о восстании Торков, живущих в Переяславском княжестве и о подавлении этого восстания сыном великого князя киевского (Владимиром Мономахом). Почти к тому же времени относится и первое известие о поселении Торков на правой стороне Днепра, в Киевском княжестве; там, на южном его пограничье, в 1084 г. впервые упоминается „Торческий город”⁵³, то есть срубленный Русскими, острог, в который бы могли, во время войны со степью, укрываться кочевавшие вокруг Торки. К концу XI ст. — к 1097 г. — относится первое упоминание Торков и в Галицком княжестве⁵⁴. Так, давая у себя приют беглецам из степей, Русь начинала в то же время огораживать силами этих же беглецов свое степное пограничье.

Возможно, однако, что самыми древними были торкские поселения в Ростово-Суздальской земле, хотя у нас и нет прямых данных о времени возникновения там этих поселений. Но за большую их древность говорит то обстоятельство, что когда южная Русь еще не знала Торков, когда в Приднепровье кочевали еще Печенеги, Русь северо-восточная уже имела дело с Торками, которые, на своем пути с востока, впервые соприкоснулись с Русью в Поволжье, и лишь семьдесят лет спустя подошли к Приднепровью. Под 985 г. читаем в летописи как „иде Володимер на Болгары (Волжские) с Добрыною с воем своим в лодьях, а Торьки берегом приведе на коних и победи Болгары”⁵⁵. Нельзя сделать каких-либо определенных выводов о том — какие это были Торки — степные или уже оселенные Русью⁵⁶, но несомненными следами торкских поселений в Ростово-Суздальском крае являются

⁵¹ ПСРЛ I, 1, ст. 167, 1067 г.

⁵² ПСРЛ I, 1, ст. 204.

⁵³ В Поучении Владимира Мономаха: „и потомъ на Святославль гонихом по Половцих и потомъ на Торческий город и потомъ на Гюргев по Половцах...” (ПСРЛ I, 1, ст. 249). О годе см. Указатель к первым 8-ми томам ПСРЛ s.v. «Половци».

⁵⁴ ПСРЛ I, 1, ст. 266. Текст будет приведен ниже.

⁵⁵ ПСРЛ I, 1, ст. 84.

⁵⁶ О проникновении Торков еще во второй четверти IX в. к средней Волге см. у Фр. Вестберга, К анализу восточных источников о Восточной Европе, ЖМНП.) 908, март, с. 17.

ся деревни Торки и Торчино⁵⁷; через Суздальскую Русь, очевидно, началось проникновение и отдельных Торков, т.к. первое сведение об этом относится к 1015 г., когда Киевская Русь еще с ними не соприкасалась⁵⁸.

Торков на Руси было больше всех остальных Тюрков. За это говорит и большое количество названий поселений в южной Руси, связанные с их именем (Торчин, Торкин, Торкское, Торчицы) и более частое упоминание их в летописях⁵⁹, и, наконец, прямые летописные известия о шестисотенном и о шеститысячном их отрядах.

В 1097 г. вместе с Торками упоминаются и первые поселения на Руси Берендеев и Печенегов.

Берендеи, Берендичи были, несомненно, такие же Тюрки, как Торки и Печенеги⁶¹ и представляли собою не то самостоятельное племя, не то лишь род Торков⁶; последнее предположение основывается на од-

⁵⁷ Об этом ниже.

⁵⁸ В 1015 г. князя Глеба Владимировича (бывшего одно время — заметим — князем муромским) зарезал его повар, „именемъ Торчин”. ПСРЛ I, 1, ст. 136.

⁵⁹ Сводку летопис. сведений о Торках см. у М. Погодина, Исследования, замечания и лекции, T.V, с. 193.

⁶⁰ ПСРЛ II (Ипатьевская летопись) изд. 1908 г., ст. 505 под 1160 г. о шестисотенном торкском отряде и там же ст. 636 под 1185 г., где говорится о посылке киевским князем шеститысячного отряда под начальством торкского князя Кунтугдея. По всей вероятности этот отряд состоял гл. обр. из Торков.

⁶¹ Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, Живая Старина, 1896, вып. III-IV, с. 277-456, указывал на существование отдела „беш-бёрен” у Кара-Киргизов и рода «кок-борон» у Кипчаков и сближал их с летописными Берендеями (с. ЗЮ-ЗИ и пр. 3). Несомненный тюркизм Берендеев в недавнее время пытался опровергнуть покойный ак. А.И. Соболевский в своих Русско-скифских этюдах (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1921, XVI, с. 10), видя в Берендеях Иранцев, потомков меотийских Скифов: „Первая часть названия Берендея, Берендичи может быть объяснена при помощи обще-иранск. *fama* мир, счастье, что нередко в составе сложных личных имен, вроде имени скифского царя Сайта-фарн, — с русским «б» вместо «ф» и с русским же полногласием. Целое название напоминает приводимое Страбоном скифское племенное название Парной Даес („выходцы из области Даев, живущих над Меотидой”). В. Пархоменко же, в заметке «Чорні Клобуки» (Східній Світ, № 5, [Харьков], 1928, с. 244-245), высказал даже предположение о связи Берендеев с „кавказцами-яфетитами”, но в подкрепление своего предположения выразил лишь надежду, что яфетидологи смогут установить эту связь. О тюркизме Берендеев см. еще беглое замечание J. Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, с. 157 и Ladislaus Rasonyi-Nagy, Valacho-Turcica, Отд. оттиск из Forschungs arbeiten d. Mitglieder d. Ungarischen Instituts und d. Collegium Hungaricum in Berlin, Berlin, 1927, с. 3.

⁶² П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9, с. 431-2. Н.П. Барсов, Очерки русской исторической географии, 2 изд. Варш. 1885, с. 136 и Багалей, «Берендеи» — статья в Нов. Энц. Словаре Брокгауз-Ефрона, т. 6, колебались, относя Берендеев или к Торкам или к Печенегам. С. Jigecsek, цит. с. стр. 6 считал их ветвью Печенегов.

ном месте летописи, где говорится: „и приступи Торчин, именем Беренди, овчюх Святополчъ, держа ножъ”...⁶³; но против такого объяснения как будто говорит и многочисленность Берендеев, — известны их отряды в Киевском княжестве в полторы тысячи⁶⁴, в 2100 чел.⁶⁵ и в 30 000, — и их разбросанность на таком огромном пространстве — как от северо-восточной Руси, до Угрии и Болгарии⁶⁷, так и то, что они, появляясь на Руси одновременно с Торками и Печенегами, никогда не смешиваются с ними и всегда упоминаются самостоятельно⁶⁸. Можно только подметить несколько более тесную нежели с Печенегами историческую связь Берендеев с Торками, но это еще не дает нам оснований для вывода о родовых взаимоотношениях этих двух народов.

Берендейские поселения, подобно торкским, находим и в Галицком и в Киевском княжестве, но кроме того также и в Ростово-Суздальской земле; где нет следов Печенегов. Последнее обстоятельство заставляет предполагать об общем пути у Берендеев и Торков при продвижении этих народов с Востока⁶⁹.

⁶³ ПСРЛ I, 1, ст. 261, 1097 г.

⁶⁴ ПСРЛ II, ст. 557, 1172 г.

⁶⁵ ПСРЛ II, ст. 631, 1183 г.

⁶⁶ Так в Лаврентьевской (ПСРЛ I, 1, ст. 290, 1138 г.), Ипатьевской (ПСРЛ II, ст. 301, 1139 г.), Академия, списке Новгородской IV (ПСРЛ IV, с. 5) и в пяти списках Софийской I (ПСРЛ V, с. 157); но в Воскресенской (ПСРЛ VII, с. 31), Хронографическом списке IV Новгородской и двух списках I Софийской (Карамзин. и Оболенск.) стоит 1000. В Хронографск. списке IV Новгородской первоначальная цифра 1000 была затем переправлена на 40 000; „четырнадцать тысячъ” Берендеев поставлено и в Никоновской (ПСРЛ IX, с. 162). Испорченность текста этого места в Ипатьевской лет. („Ярополк же съзвася с братею своею и с сыновци своими събрася и с Суждалци и Ростовчи, с Полочаны и Смолняны и король Угры посла помощь Берендичев 30 тысячъ и Туровци и собра вой многы и поиде Чернигову” вместо „Ярополку же скопившю множество вой, Ростовце, Полочаны, Смолняне, Угры, Галичане и Берендеев 30 тысячъ и Кыяне, Переяславци, Володимерци, Туровци и бе множество вой; и поиде Чернигову...” Лаврентьевской и др. летописей), дал повод некоторым историкам считать, что Берендеи были присланы угорским королем (Татищев, II, 236 почему-то с цифрой 10 000 Берендеев; Житецкий, Смена народностей в южной России, Киевская Старина, 1883, с. 440 и пр. 14, Н.А. Аристов, цит. Заметки об этнич. составе тюркских племен и народностей, с. 310-311, пр. 3, В. Пархоменко, в цит. заметке Чорш Клобуки, с. 243).

⁶⁷ На тождество русских Берендеев с Berend мадьярских источников указал Kossanyi B., в цит. работе *Az uzok es komanok torteneteheza XI-XII, sz., с. 529*, пр. 2. Сводка следов Берендеев в Угрии будет дана ниже. О Берендях в Болгарии см. у С. Jiresek, ц. с. с. 6-7, где приводятся две болгарские деревни Berende в районе Цариброда и Брезника между Нишем и Софией. Среди властителей Молдавии встречается в 1438 и 1442 гг. стольник Бериндей (Beryndej — транскрипция Иречека).

⁶⁸ Сводку летописных сведений о Берендях на Руси см. у Погодина, ц. соч. т. V с. 193.

Попав в Киевскую Русь, Берендеи и Торки и здесь как будто первоначально держатся вместе. Ср. летописное известие о приходе в 1105 г. Полов-

Печенеги далеко не все ушли к Дунаю, но еще значительная их часть оставалась в черноморских степях под властью — сперва Торков, а потом Половцев⁷⁰, откуда они или сами перебегали в Русь или выводились Русскими во время войн с Половцами. В этом отношении особенно интересны те большие походы на Половцев, которые принимали русские князья в начале XII в. и которые сопровождались освобождением тюркских не-половецких племен, покоренных Половцами. Так, после удачного похода 1103 г., Русские возвращаются не только с огромной добычей, но „и заяша Печенеги и Торки с вежами”⁷¹, а из Поучения Мономаха узнаем, что несколькими годами раньше, в 1096 г. к нему на Сулу перешли „ис Половецъ” торкский род Читеевичей, которых Мономах выезжал встречать. Удачные походы Русских 1103, 1109, 1111 гг. пошатнули господство Половцев в степях и вызвали, очевидно, надежду на освобождение у тех тюркских орд, которые все еще не примирились с властью Половцев. Вслед за удачным походом 1116г. князя Ярополка Владимировича, дошедшего до самого Дона, там, в Придонье, поднялось восстание Торков и Печенегов, свидетельствующее о том, как много их еще оставалось в степях. Два дня и две ночи длилась, страшная сеча; результат ее был не в пользу восставших: Торки и Печенеги оставили степи и пришли к Киевскому князю Владимиру Мономаху.

цев к Зарубу на Торков и Берендеев (ПСРЛ II, ст. 257). В этом отношении интересна подробность, не имеющаяся в летописях, но помещенная у Татищева (Ист. Рос. II, 79) под 993 г., по поводу переяславского единоборства Русского с Печенегом: „Владимир пришел в обоз, послал по всему войску, таже к Берендичам и Торкам в станы, спрашивая: есть ли такой человек, который бы мог на поединок против Печенега выйти?”. Проникновение Торков и Берендеев в Русь уже при Владимире, как мы видели, очень правдоподобно. В Угрии же, наоборот, Берендеев мы будем видеть большею частью вместе с Печенегами, а не Торками, которых вообще в Угрию проникало, по-видимому, очень немного. Но проникли в Угрию Берендеи вероятно независимо от Печенегов и позже них.

⁷⁰ Константин Порфирородный, *De Administrando Imperio*, гл. 37 говорит о том, что в его время (сер. X в.) часть Печенегов осталась на своих прежних землях и стала жить среди Торков.

⁷¹ ПСРЛ I, I, ст. 279.

⁷² ПСРЛ I, I, ст. 249.

⁷³ ПСРЛ II, ст. 284. Ср. М. Грушевский, *Ист. Укр.-Руси*, т. II, с. 535. Впрочем, некоторая часть Печенегов осталась в степях навсегда; имя Васана (Besene) встречается в степях в татарский период (J. Marquart, *Ueber das Volkstum der Komanen*, с. 157; ср. Zoltan Gombocz, *Ueber den Volksnamen „Besenyö”*, *Turan III*, 1918, с. 213), а Плано Карпини и Рубрук (пер. Малеина, СПб. 1911, с. 50, 95, 101, 102) упоминают о Кангитах-Канглах, некогда славнейшем роде Печенегов (об этом ср. у Marquart, *Ueber das Volkstum der Komanen*, с. 163 и след. и особ. с. 172). На Руси Печенегов было несравненно менее, чем Торков и Берендеев, они и реже упоминаются в летописях и известны гл. об. лишь в Киевском княжестве. Сводку летописных сведений о них см. у Погодина, ц. с. т. V, с. 193.

Это была последняя большая, массовая эмиграция Торков и Печенегов (а вместе с ними вероятно и Берендеев) в русские пределы. После 1116г. уже больше ничего не слышим о подобных выходах их из степей. Не удивительно, что такой наплыв в Русь беглецов не мог пройти без трений; вскоре же узнаем, что тот же Владимир Мономах прогнал Берендеев из Руси, а Торки и Печенеги „сами бежаша”⁷⁴. Но, по всему видно, что это был лишь эпизод: через четыре года снова слышим о Торках в Переяславском княжестве.

Половцы ни за что не могли примириться с подобными, выходами из степей своих рабов. Отсюда — целый ряд набегов Половцев, хотя и в Русскую землю, но направленных специально на Торков, Печенегов и Берендеев. Если о причинах первых половецких нападений 1061 и 1067 гг. можем только догадываться, то последующие — уже говорят сами за себя. В 1093 г., напав на Киевское княжество и несколько раз разбив русских князей, Половцы больше всего добиваются взятия именно Торчевска, города, где заперлись Торки. После девятидневной осады это, наконец, удается Половцам, Торчевск сжигается, а Торки уводятся в плен, обратно в степи⁷⁵. В 1105 г. Половцы уже специально нападают на тюркских поселенцев киевского княжества: „Того же лета пришед Боняк зиме на Зарубе и победи Торкы и Береньдеи”⁷⁶. В 1125 г. Половцы нападают на Переяславскую область. Летописец-современник определенно указывает цель этого набеге, вкладывая, по обычаю того времени, в уста Половцев такую речь: „...возмем Торкы их” (т.е. Русских). Но переяславский князь Ярополк не растерялся и прежде всего „повеле гнати люди и Торкы в Баручь и в прочая грады”, а уже затем удачно отразил Половцев⁷.

⁷⁴ ПСРЛ II, ст. 286, 1121 г.

⁷⁵ ПСРЛ I, 1, ст. 218-225, 1093 г. Ср. М. Грушевский, ц. с. II, с. 530.

⁷ ПСРЛ II, ст. 257. Не разорение ли черноклобуцких веж имел в виду, набег Половцев в 1071 г., когда они „воеваша... у Растовья и у Неятина” (ПСРЛ I, 1, ст. 174), где впоследствии всегда будем видеть кочевья киевских Тюрков?

⁷⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3-е, СПб. 1897, с. 280-1, под 1125 г. и Ипатьевскому в ПСРЛ II, ст. 289-290 под 1126 г. Придерживаюсь Ипатьевского списка летописи, представляющегося мне более обстоятельным. Ср. еще В. Ляскоронский, К вопросу о переяславских Торках, ЖМНП. 1905, апрель, с. 288. При рассмотрении первых столкновений Половцев с Русью, причина чему, как нам кажется, лежит в принятии Русью бежавших из степей Торков, напрашивается аналогия с первым столкновением Руси с позднейшими своими степными врагами — Татарами. Если верить рассказу Троицкой летописи, Русь во враждебные отношения с последними встала только из-за Половцев, которых Татары стремились покорить, а русские князья, поддавшись уговорам Половцев, приняли их под свою защиту. „...Уведавше Татарове, что идут князи Русстии прогиву им и прислаша послы к князем Русским: „се слышим, оже противу нам идете, послушавше Половецъ, а мы вашей земли не заяхом, ни городов ваших, ни сел, не на вас придохом, но придохом, Богом попущени, на хологш наши и на конюси свои, на поганья Половци, а возьмите с нами мир, а нам с вами рати нету; оже бе-

Кроме Торков, Берендеев и Печенегов известны из летописей еще три имени тюркских родов, осевших на Руси; это: Каепичи, Ковуи и Турпеи. Если первые два имени не удается связать с какой-либо из больших известных нам тюркских народностей, то последних, Турпеев, как нам кажется, можно определенно считать родом печенежского племени. Они упоминаются в летописи всего лишь раз, в 1150 г., и выступают как кочевой военный отряд на левой стороне Днепра в районе города Сакова, в пределах Киевского княжества⁷⁸, которое простиралось здесь и на левое Приднепровье⁷⁹. Для объяснения народности Турпеев сопоставим это известие с другим, 1142 г.; летописец, рассказывая о войне черниговских князей с переяславским князем Вячеславом, говорит следующее: „бьющим же ся им у Переяславля и посла Всеволод (великий князь киевский — Д.Р.) у Переславля Лазоря Саковського с Печенегы и с вой Вячслаго в помочь”⁸⁰. Великому князю киевскому естественнее всего было послать помощь переяславскому князю из ближайшего к Переяславскому княжеству месту, т.е. с левобережья, на что и указывает имя Лазаря Саковского;

жать к вам Половци, и вы бейте оттоле, а товар емлите себе, занеже слышашом, яко и вам много зла творят, того же ради мы их отселе бьем. Князи же Русстии того не послушаша, и послы Татарьския избиша, а сами поидоша противу им” (ПСРЛ I, с. 217, ср. Летопись по Академизации, списку в Лаврентьевск. лет. изд. 1897 г., с. 479). Впереди Русских ждала Калка. В общих трудах по русской истории не останавливались на этом эпизоде (а лишь излагали его) и критически это место Троицкой летописи не разбиралось. Сами летописцы, по-видимому, верили в искренность заверений татарских послов и осуждали поэтому князей, не послушавших Татар. В более поздних летописях, как напр. в Никоновской (ПСРЛ X, с. 90), вера в слова Татар и осуждение своих князей будут еще более явными (ср. Г.В. Вернадский, К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г., *Seminarium Kondakovianum*, т. I, Прага, 1927, с. 145). Однако было бы неосторожным принимать целиком все слова Татар, как то делали летописцы; уверения их послов о возможности мирного соглашения с Русью могли быть, как это, по-видимому, понимал И. Березин (Первое нашествие монголов на Россию, ЖМНП 1853, часть LXXIX, отд. II, с. 247) и еще более определенно Д. Иловайский (История России, ч. II, М. 1880, с. 358), лишь обычным приемом Татар, желавших воспрепятствовать соединению своих противников, как это только что было перед тем с Половцами и Аланами в тех же половецких степях. Вероятно уже самое обращение Половцев к Руси и начавшиеся там „моления” половецких ханов („помолися Котян зятю своему — Мстиславу Удалому — о пособьи”) послужило причиною желать Татарам отомстить за это Руси. Интересно было бы сравнить этот эпизод с обстоятельствами вторжения Татар в Угрию, куда они пошли также из-за Половцев, принятых королем Белою. Работа Куника о событиях 1223-4 гг. во II-м томе Учен. Зап. Акад. Наук по 1 и 3 отд. (1854 г.) мне осталась недоступной.

⁷⁸ ПСРЛ II, ст. 398.

⁷⁹ М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст., Киев 1891, с. 9.

⁸⁰ ПСРЛ II, ст. 311.

очевидно и Печенег, которых он вел, были в районе Сакова; поэтому, когда через восемь лет на том же месте, у Сакова, мы находим таинственных Турпеев, то более чем вероятно видеть в них родовое имя или один из родов упоминаемых саковских Печенегов⁸¹.

Каепичи также упоминаются только раз, в 1160 г. по поводу междоусобия в Черниговском княжестве, как отряд в союзном черниговском, киевском и галицком войске⁸². Ковуи же известны нам и в Киевской и в Черниговской области и упоминаются в первом княжестве под 1151, 1162 и 1170 гг. а во втором — под 1185 г., и, кроме того, в Слове о полку Игореве. Впрочем об этих двух тюркских ро-

⁸¹ П. Голубовский, Печенег, Торки, Половцы, ц. изд., № 9, с. 432-3, считал Турпеев Торками и на том основании, что Торки упоминаются в 1125 г. у Баруча (Лавр. Лет. изд. 1897 г., с. 280-1 и ПСРЛ II, ст. 289-290, об этом месте см. выше); который находился там же, где и Саков, т. е. к сев.-зап. от Переяславля. Но Баруч, повидимому находился далеко от этих мест, на верховьях Осетра и Удая. См. об этом у В. Ляскоронского, История Переяславской земли с древнейших времен, с. 175, его же, К вопросу о переяславских Торках, ЖМНП 1905, IV, с. 295, а также Барсова, Очерки русской истор. географии, 2-е изд., с. 161-162. Торками Турпеев считали также Самчевский, ц.с. с. 83, Погодин, ц.с. с. 202 и Ляскоронский, К вопросу о переяславских Торках с. 286. А.И. Соболевский, неуклонно искавший следы иранства в южной Руси, находил его и в Турпеех: „Вторая часть названия Турпеи напоминает вторые части в Εἰσιπτατος и Αρσιπτατοι Геродота, в Σαλατοι Страбона, в Ιπαραει Плиния. Последние два названия нетрудно объяснить как *Jaz-apaуа священо-водные, с отзвучным согласным вместо звучного *Апарауа безводные (Русско-скифские этюды, с. 10-11).

⁸² ПСРЛ II, ст. 507. Судя по контексту возможно, что эти Каепичи, упоминаемые здесь вместе с Берендеями, находились в числе того вспомогательного киевского отряда, который, под начальством князей Владимира Андреевича и Ярослава Изяславича, выслали черниговскому князю Святославу великий князь киевский. Во всех предшествующих перипетиях этой войны, до прихода киевской помощи, у черниговского князя не упоминаются ни Каепичи ни Берендеи (о последних в Черниговской области мы вообще не имеем сведений), тогда как Берендеи известны своею близостью Киеву (ср. Д. Расовский, О роли Черных Клобуков в истории древней Руси, *Seminarium Kondakovianum* I, 1927, с. 108 и пр. 7), а упомянутый здесь князь Владимир Андреевич в том же 1160 г. встречается как один из начальников киевского берендейского отряда (ПСРЛ II, ст. 505) и раньше еще — в 1153 г. (ПСРЛ II, ст. 465) он с Берендеями же посылается киевским великим князем к Олешью.

⁸³ ПСРЛ II, ст. 427, 428 (1151), 517 (1162), 544 (1170) — в Киевском княжестве, там же, II, ст. 638, 939, 642, 644 (1185) — в Черниговском княжестве. Слово о полку Игореве (изд. Сабашникова, М. 1920, с. 26-27) хотя прямо и не называет Ковуев, но перечисляет поименно тюркских старшин в числе черниговского войска в несчастном походе князя Игоря, о котором летопись говорит, что он пошел с „Коуи Черниговскими”: „а уже не вижду (говорит вел. князь киевский Святослав — Д.Р.) власти сильного и богатого и многовои брата моего Ярослава с Черниговскими былями, с Могуты и с Татраны и с Шельбиры и с Топчаки и с Ревуги и с Ольберы. Тии бо бес щитов с засапожники кликом пълкы побеждают, звонячи в прагеднюю славу”. П.М. Ме-

дах мы не можем говорить с уверенностью, что они принадлежали торкскому или печенежскому племени; они могли быть уже и Половцами, которые со второй половины XII в. начали оседать на Руси.

Все же вместе, эти, поселенные Русью, Тюрки носили собирательное имя Черных Клобуков⁸⁵.

лиоранский, Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве (Изв. Отд. русск. яз. и Слов. Акад. Наук, 1902, II s.v. „Быля”), в этом перечислении видит „отдельные племена” или „сильные многочисленные роды” Ковуев; «были» же (от турецк. бо [ла, буша) значит вельможи, бояре; „весьма вероятно — говорит Мелиоранский — что старшины их носили турецкий титул «быля». Н.А. Аристов, Заметки об этнич. составе тюркск. племен, с. 310-311, прим. 3, ссылаясь на Radloff, Aus Sibirien, с. 208, 214, указал на роды «кый» и «кобий» у нын. Шорцев и Сагайцев, которых Аристов связывал с летописными Ковуями. А.И. Саболевский, Русско-скифские этюды, с. 10-11 и Ковуев считал потомками Иранцев (сравнивая это имя с др.-бактр. каоуа, которое по-скифски должно было бы быть *кауа = принадлежащий к роду Kavi), а род Ковуев — Шельбиры, упом. в Слове о полку Игореве сближал с племенем Сабиры — Sa(ziroi) Приска Понтийского и др. греческих писателей. Что касается рода Ковуев. «Татраны», то, по-видимому, можно не сомневаться в тюркском его происхождении: ср. печенежское имя Татран (Татраутц); упом. у Анны Комнин (Annae Comnenae Alexias, ed. Reifferscheidii, Lipsiae, 1884, I, 257). О тюркской основе этого имени («tat») сведения собраны у P. Mutafciev, Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays Danubiens, Sofia, 1932, с. 252-254. Род же Ольберов ср. с именем парламентаря князя Мстислава Изяславича в событиях 1159 г.: „посла (Мстислав, к Берендеям — ДР.) Олбыря Шерошевича”, по-видимому тоже Тюрка (ПСРЛ II, ст. 501). Об имени Ольбер см. еще у В. Перетц, Слово о полку IгореViM, 1926, с. 268.

⁸⁴ Ср. М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 534.

⁸⁵ О том, что Черные Клобуки есть общее прозвище для Печенегов; Торков, Берендеев и др. мелких тюркских групп, предполагал еще Карамзин, II, пр. 218, а И. Самчевский, цит. с. с. 84-88 и М. Погодин, ц. с. V, с. 194-6 окончательно это показали сопоставлением летописных упоминаний о Черных Клобуках с упоминаниями Печенегов, Торков и проч. (ср. еще Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9, с. 433). Самое название „Черные Клобуки” могло произойти или носимых ими черных шапок или же было презрительным прозвищем, данным им Половцами, ибо в обычае тюркских народов называть черными (тюркск. кара) несамостоятельные, подчиненные народы. Заслуживает внимания, что название Черные Клобуки впервые упом. в летописи лишь через 70-80 лет (с 1146 г.) после появления на Руси этих беглецов, которые до того назывались Русскими по их племенным или родовым именам; м.б. только после того, как презрительная кличка была усвоена Половцами, она затем перешла от них и в Русь, уже в русском переводе (Каракалпаки = Черные Шапки, Клобуки). О турецк. «калпак» и русск. «клобук» см. еще П. Мелиоранский, Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени, Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Ак. Н. 1905, IV, s.v. клобук. Новейшие же тюркологи, не учитывая собирательности названия Черные Клобуки и его нарицательного значения, искали объяснения этого названия из собственного имени к.-н. тюркского племени. Так, J. Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, с. 158 связывал Черных Клобуков с отдельным родом Кипчакского племени Qara Boklu (Marquart исправ-

Обратимся теперь к Печенегам и Торкам придунайским. Постепенно отключивая сюда: Печенеги — под натиском Торков, а последние — под натиском Половцев, и те и другие еще несколько десятилетий после страшного их разгрома в 40-60-х гг. XI ст. будут находиться в брожении, пока окончательно не осядут в ближайших оседлых государствах — Византии и Угрии, уступив нижнедунайские степи Половцам. В эти десятилетия невозможно точно определить — какие именно из кочевников совершали свои грабительские набеги далеко вглубь Угрии или теснились у византийского пограничья. Магьярские источники смешивают их, называя то Бессами, то Кунами, а византийские объединяют в общем для всех классическому имени Скифов. Иногда же, действительно, различные племена кочевников соединялись, чтобы вместе совершить какой-нибудь набег и тем вносили еще большую путаницу в терминологию⁸⁶.

Поэтому трудно решить, какие именно кочевники под начальством своего хана Озула совершили в 1070 г. набег в Угriu); они перешли южные Карпаты, через Мезёшегский проход ворвались в Паннонию и опустошили ее до Бигара. Однако, при своем возвращении они были настигнуты королем Соломоном и его двоюродными братьями — герцогами Гезой и Ладиславом (Laszlo, Ласло — по-магьяр-

ял на Borklu), с чем согласился и В.В. Бартольд в своей пространной рецензии на упом. работу Маркварта (Русский Историч. Журнал, 1921 г., кн. VII, с. 150). Это не исключает, на наш взгляд, возможности видеть в современном племени Каракаллаков, обитающих в Туркестане потомков киевских Черных Клобуков, т.к., нося это прозвище более столетия, оно могло остаться за ними и после крушения Киевской Руси. О происхождении современных Каракаллаков от киевских Черных Клобуков см. ниже, стр. 63. и пр. 422. Совсем особых взглядов держится В. Пархоменко, в цитированной уже выше заметке «Чорш Клобуки», вызванной моей статьей «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси». На странице 243 Пархоменко отвергает мое утверждение, высказанное мною в этой статье, о собирательности имени «Черные Клобуки», и не считает возможным видеть в Черных Клобуках осколки племен Торков, Печенегов и Берендеев, присоединяясь к мнению Маркварта и Бартольда о тождестве Черных Клобуков с кипчацким родом Кара-Берклу; но на стр. 244, когда автору необходимо было связать Черных Клобуков с кавказско-яфетической теорией, он, вопреки только что им высказанному, пишет: „если же понимать это имя [Черные Клобуки] в *собирательном* (курсив мой, Д.Р.) смысле, то, безусловно, тут выявляются не только тюркский элемент и в первую очередь — кавказско-яфетический”. Яфетизм же Черных Клобуков В. Пархоменко обнаруживает следующим образом: в 1023-1024 гг. князь Мстислав привел с собою в Черниговское княжество, для войны с братом своим Ярославом Киевским, Хазар и Касогов; „из племенных названий XII ст., находящихся в летописи, думается, с ними (Касогами) скорее всего можно связать Ковуев,... насколько летопись связывает последних с Черниговскою территориею”. А Ковуи, как известно, входили в состав Черных Клобуков. В прим. 83 я уже говорил о тюркизме этих Ковуев.

⁸⁶ Напр., в походе угорского короля Соломона на Византию в 1087 г. участвовали и Половцы и Печенеги (В. Васильевский, Византия и Печенеги, с. 48).

ски) и в так наз. Чергаломском сражении почти все перебиты⁸⁷.) Большой интерес представляет другое столкновение с Мадырами — на этот раз скорее всего именно Печенегов — закончившееся страшным поражением степняков и, что особенно важно, — расселением огромного количества пленных по Угрии. В 1072 г. Печенеги, как кажется, не без подстрекательства византийцев, совершили набег на Угriu. Это вызвало поход короля Соломона на византийскую крепость Белград, наместник которой считался Мадырами главным виновником нападения кочевников на Угriu. Здесь эти Тюрки, пришедшие на помощь белградскому наместнику, были наголову разбиты Яном, шопронским жупаном, хан их Хазар едва спасся бегством, остальные же были или иссечены или отвечены в плен; последних, по выражению хроники, было „много тысяч“⁸⁸.

В правление короля Ладислава (1077-1095) прекращается господство Печенегов и Торков в придунайских степях и их сменяют По-

⁸⁷ Thwroc, II, глава 49, с. 116-117 («pagani Cuni»), Simonis de Keza, II, 4, с. 118 («Bessi»), Legenda St. Ladislai (ed. Endlicher, с. 239-40, «Bissen»), Chronicon Posoniensis (ed. Endlicher, с. 56 «Bessen»). Gyafas I. ц. с. II, с. 54 и 178-181 считал нападавших Половцами, также и П. Голубовский, Половцы в Венгрии, Киев. Универ. Изв., 1889, XII; Szokolay M., ц.с. с. 66 — печенегам. L. Szalay, ц. с. I, с. 186-187 ставит в связь этот набег в Угriu с поражением, нанесенным черниговским князем Святославом Половцам в 1067 г. Что в 1070 г. напали на Угriu Половцы — вполне допустимо, если вспомнить, что это было время, когда они начали совершать свои глубокие набеги в правое Приднепровье.

⁸⁸ Thwroc, II, гл. 50: „piurimus eorum (Bissenorum) in ore gladii prostratis, residuis autem eorum, in captivitate abactis”; ниже: „eo, quod ipse, multa millia Bissenorum, tamquam lapis limpidissimus, vasa fictilia, contrivisset, priusquam rex et dux, cum exercitu suo, de ientaculis capita levassent. Regi autem, et ducibus Geyza et Ladislao, super rupem, quae eidem civitati proxima est, residentibus; coeperunt Hungari praesentare captos Bissenos et capita interfectorum, ac equos, et supellectilia; quae in quarta feria, a mane, usque ad iuctionem meridiei, plene perficere non potuerunt” (с. 117-18). L. Szolay, ц.с. I, с. 188-191, Jemey J., с. ц. II, с. 229, Gyafas, ц. с. II, с. 74-75, Szokolay M., ц. с. с. 66, со ссылкой на Erdelyi Laszlo, A tizenket legkritikusabb kerdes (Kolozsvár, 1917, с. 114) считали этих степняков Печенегами. Но недавно Kossanyi в своей работе „Az uzak es pomanok tortmetehez a XI-XII sz.” попытался доказать, что это были Торки, а не Печенеги. Кошаньи исходил из предположения, что Печенеги к 1068 году уже расселились в Византийской империи, а Половцы лишь с 1078 г. будут впервые упоминаться у Дуная. Но эти Печенеги могли находиться и на правом, византийском, берегу Дуная, откуда и производили нападения на Угriu, а В. Васильевский (ц.с. с. 44) допускал возможность пребывания Печенегов в это время и на левой стороне Дуная. Как я уже упомянул выше (с. 5, пр. 22), в мадыарской историографии распространено мнение, что многочисленные пленные, взятые под Белградом, были расселены на шопрономошонском пограничье, т. к. победителем их был шопронский жупан. Но не надо забывать, что при этой победе присутствовал и король, который мог расселить Печенегов по любым местам. Не были ли поселены эти пленные по р. Шарвицу, под королевскою столицею Секель-Фсьерваром, где из более поздних источников мы узнаем о существовании, большого ядра Печенегов?

ловцы. В 1078 г. Половцы впервые появляются у Дуная, а в 1091 г. они уже с помощью византийцев окончательно сокрушают все еще не желавших замириться^ хотя уже и расселенных на византийском пограничье, Печенегов¹. В последний, однако, раз Угрии пришлось принять печенежских беглецов еще позже, в 1123 году.

Под 1122 г. византийские источники сохранили нам известие о большом поражении нанесенном Печенегам императором Иоанном Комнином. Печенеги в огромном количестве перешли Дунай и стали опустошать Фракию и Македонию, но у г. Верой они были совершенно разбиты императором, который в память этой победы, давшей ему с большим трудом, установил специальный „печенежский праздник“ (η των Πατζιναχων τελετή) в память избавления от Печенегов^ . Вероятно в связи с этим поражением и находится известие в хронике Туроца о том, как „кунский“ хан Татар, в числе немногих, спасшихся от „убийств“ императора, прибежал с этими немногими к угорскому королю Стефану II¹. Беженцы сразу заняли привилегированное положение при дворе, широко пользовались этим, и даже притесняли Мадьяр. Все это было возможно только благодаря особенному печенегофильству короля Стефана².

Этим эпизодом заканчивается период печенежских вторжений в Угriu, начавшихся со времени первых Арпадовичей в X в. и длившихся затем около двух столетий. Вместе с Печенегами проникали в Угriu Торки и Берендеи, но в несравнимо меньшем количестве, чем первые; исторических сведений об этом нет; сохранились лишь следы, и то только начиная с середины XII в., о единичных поселениях этих двух тюркских племен. Проникали они, особенно Берендеи, по-видимому, главным образом с севера и востока, через Карпаты: их поселения мы видим преимущественно в северной и восточной Угрии.

¹ В.Г. Васильевский, ц. с. с. 96-107.

² Nicetae Choniatae Historia, ed. Bonn. p. 22-23, у которого только и находим упоминания о «печенежском празднике», тогда как в изложении самой войны он и Ioannes Cinnamos (ed. Bonn. I, 3, с. 7-8) называют кочевников Скифами. Может быть это нападение Печенегов на Византию 1122 г. можно поставить в связь с событиями этого времени на Руси. Как мы видели выше, Владимир Мономах в 1121 г. выгнал Берендеев из Руси, и вместе с ними бежали Торки и Печенеги. Не эти ли изгнанники вторглись затем в Византию? Иначе трудно себе представить, чтобы осколки Печенегов все еще могли свободно кочевать на левой стороне Дуная, где в это время уже владычествовали Половцы. Не от этого ли времени ведут свое начало и приводимые уже мною выше (прим. 67) две деревни Беренде в Болгарии и не являются ли они таким образом отражением поселения здесь части Берендеев, бежавших в 1121 г. от Владимира Мономаха?

¹ Thwroc II, гл. 63, с. 141: „Rex autem Stephanus, diligebat Cunos tunc temporis plus quam decebat: quorum dux, nomine Tatar, qui a caede imperatoris, cum paucis, ad regem fugerat, cum rege morabatur“.

² Thwroc II, гл. 63, с. 141. Cp. L. Szaiaу цит. соч. I, с. 286.

Рассмотрим теперь — как были расселены Печенеги, Торки и Берендеи по Руси и Угрии, начав обзор с последней, где тюркские поселения были древнее.

Так как в Угрии старше и многочисленнее остальных были поселения печенежские, то и обратимся прежде всего к ним, перейдя затем к расселению Торков и Берендеев.

Печенежские поселения Угрии были двояки: пограничные и внутренние. Рассмотрим сперва пограничные поселения.

Систематическое устройство угорских пограничных линий в виде засек (gyeri — дьепу) с поселением на них стражи (speculators, confomom custodes или ewrii, eur, от мадьярск. or — стража, страж), в значительной степени из тюркских инородцев, в особенности Печенегов, относится ко времени короля Стефана I (997-1038). Лишь в некоторых местах, как на лайтенском пограничье, в районе Шопрона и Мошона, эти засеки с поселенными на них Печенегами были более раннего происхождения — от времени первых Арпадовичей. Засеки окружали Угriu — это классическое государство подобного рода укреплений — со всех сторон, и всюду здесь мы будем находить следы поселенных Угрий Печенегов⁹³.

Начнем обзор с западной, германской границы Угрии. Огороженная дьепуми, эта граница во времена короля Стефана тянулась от слияния Муры и Дравы на с.-з. по Муре до впадения в нее Керки, затем вверх по этой реке к местности Nova, а от Nova на север к Zala-lovo и Csakany на Рабе⁹⁴. Здесь, за этой пограничной линией мы находим поселения Печенегов ок. Nagy-Kanizsa (Заласского комитата), где известна местность Bessenew, Beseneu, yri. в 1335 г.⁹⁵, а севернее, ок. гор. Zalaegerszeg известна с 1381 дер. Bessenyeu⁹⁶. Кроме того, печенежского происхождения в том же Заласском комитате считаются те местности, которые носят название Орман (орман — по-тюркски значит лес)⁹⁷. Они как раз находятся там, где были и местности с именем

⁹³ Для правильного чтения названий, которые оставлены нами в мадьярской транскрипции, напомним, что es и ch читаются как русское ч, с и sz как ц, g — как г, но gy — как дь, у как долгое о, ci и x — как французск. eu, s и ss как ш, sz как с, d и b как франц. u, zs как ж, у соответствует русскому ь после согласных и «и» после гласных.

⁹⁴ Karacsony J. Halavany vonasok hazank Szent Istvan korabeli hatarairyl, c. 1043-1046.

⁹⁵ Csanki Dezso, Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában (Деж Чанки Историческая география Угрии во время Гуньядовцев [XV в.], том III, с. 36. Szokolay M. A magyarországi bessenyotelepekrol, c. 77.

⁹⁶ В 1381 г. ун. nobiles de Besenew. Ныне — Zalabesenyó. Csanki, III, с. 36, Szokolay, с. 77.

⁹⁷ За печенежское происхождение такого общетюркского названия говорит его древность: как увидим ниже, поселения Орман (в Бараньском комитате) встречаются уже в XII в., еще до расселения по Угрии Полов-

Бешеньё в 1260 г. уп. terra de Vrmand, около Zalaegerszeg (на юго-зап. от него), а к с.-в. от Nagy-Kanizsa, близ Komarvaros уп. в 1412 г. „possessio Ormandhyda”; наконец речка Ormanyi-vizer, уп. еще в 1251 г. („Vruhman aqua”), служила пограничем между Заласским и Шомодским комитатами. Севернее, в районе Csakany, в ю.-в. части Вашского комитата, в Прирабье, существовало два печенежских поселения: одно — Hodasz (упоминается „Bisse de Hodoutz”), другое, воле него — Besenew, известное с 1497 г.¹⁰¹

Классической же и старейшей местностью печенежских поселений Угрии были, к северу от Вашского, комитаты Шопронский и Мошонский. Здесь, уже в достефановское время существовали печенежские поселения, как на одном из самых важных стратегических мест Угрии — германском пограничье. Здесь линии дьепув тянулись не одной, а по всей вероятности двумя параллельными линиями¹⁰²; это требовало и большего количества защитников. Как раз о Печенегах шопронско-мошонского участка говорит Аноним, что их здесь было поселено „не малое количество”.

Первоначально германо-угорское пограничье шло вдоль реки Лайты (Лейты, слав. Литавы) но затем, под напором немцев, стало оттягиваться на восток, к Репче и Рабе, выдвигаясь снова на запад у Братиславы (мадьяр. Пожонь). Временем окончательной германизации лайтского района считают XIII в.¹⁰⁴; Печенеги, жившие здесь, частью погибли в войнах, оставшиеся же были германизированы, а м.б. частично и выведены Мадырами на новое, прирабское пограничье.

Древнейшим свидетельством о Печенегах в шопронско-мошонском районе является сообщение Анонима, что князь Золтан (ок. 907-943) „собрал по ту (юго-западную — Д-Р.) сторону Мошонского озера (Фертё) не малое количество Печенегов” для того, чтобы они защищали государство со стороны Немцев¹⁰⁵; в 1052 г. Печенеги упоминаются здесь, наряду с Мадырами, в войне Угрии с германским им-

пев. Ср. Rasonyi Nagy Laszlo, Orman, отд. от. из Magyar Nyelv, 1928, XXIV с. 14.

⁹⁸ Теперь дер. Ormandlak, Csanki, III, с. 88, Rasonyi Nagy, с. 13, Szokolay, L. 77. На прилагаемой карте значки, обозначающие поселения Печенегов, Торков и берендеев, указывают лишь на присутствие в данной местности тех или иных тюркских народностей, не отвечая в точности количеству расположенных здесь отдельных тюркских поселений.

⁹⁹ Теперь Ormandpuszta, Csanki III, с. 88, Rasonyi Nagy, с. 13, Szokolay, с. 77.

¹⁰⁰ Rasonyi Nagy, с. 13.

Hodasz — теперь Hegyhathodasz, а Besenew — теперь дер. к востоку от Rohouc, около Seregelyeshaza, Csanki, II, 737, Szokolay, с. 77.

¹⁰² Karacsonyi J., ц. с., с. 1054.

¹⁰³ Karacsonyi J., ц. с. с. 1042, 1046, Gyarfás I., ц. с. II, с. 58; Szokolay, ц. с. с. 79.

¹⁰⁴ Gyarfás I. ц. с. II, с. 58.

Anonymus, гл. 57 (Endlicher, с. 53). Текст приведен выше, прим. 22.

ператором Генрихом III¹⁰⁶; еще выразительнее роль Печенегов, как защитников шопроно-мошонского пограничья, выявляется в 1074 г.¹⁰⁷

По свидетельству грамоты короля Эмериха 1203 г., к северу от озера Фертё, у р. Лайты, Печенеги жили еще в древнейшую эпоху, и жили на земле, полученной ими „по праву мошонской военной службы”¹⁰⁸. Центром этой *terrae Bissenorum* была местность *Legento*, к сев.-вост. от озера, про которую тот же король Эмерих уже в 1203 г. говорил, что ею „Печенеги некогда владели”¹⁰⁹; понимать это выражение надо в том смысле, что некогда Печенеги имели все права и привилегии над этой королевской землей, которую теперь король передал монастырю св. Креста и на который вместе с тем переходила теперь обязанность защищать Печенегов. Очевидно к этому времени эти печенежские поселения уже не имели прежнего важного значения для государства¹. Памятью о печенежских поселениях по Лайте и у озера Фертё, является местность Бешеньё, уп. с 1265 г., на юго-зап. От

¹⁰⁶ Thwrocъ, II, гл. 43, с. 109-110. Как я уже упоминал выше (прим. 22 и прим. 88) нельзя, по-моему, придавать, как это обычно делалось, большого значения сообщению 1072 г. о поражении Печенегов Яном Шопронским и о расселении их им по шопронскому пограничью. Возможно, конечно, что некоторая часть пленных и была уведена этим жупаном в свой комитат, но по всему видно, что это не было главное, основное поселение здесь Печенегов, которые были поселены здесь еще раньше 1072 (1068) г.

¹⁰⁷ Thwrocъ, II, гл. 53, с. 126.

¹⁰⁸ „*de iure Musuniensis castris exceptum*”. Грамоты см. у Jerney J. ц. с. I, с. 232, § 6; ср. Szokolay, ц. с. с. 80.

¹ ⁹ О *Legento*, как центра печенежских поселений, см. грамоту короля Белы IV 1230 г. аббатству св. Креста, где говорится: „*terram, quae vocatur curia regis iuxta aquam Saar et medietatem terrae Byssenorum quae dicitur Leguentou*” (Jerney, I, с. 233); грамота же короля Эмериха говорит о *Легенто*: „*Prædium, quod Bysseni quondam possidebant*” (там же, с. 232); о местоположении земли *Легенто* говорит грамота 1217 г. кор. Андрея: „*cuius terrae metae sic incipiunt: Prima meta incipit a metis villae Balus (Galus) iuxta Fertew locum sitae, et protenditur contra orientem iuxta possessionem Petlen vocatem, et transit ultra terram Bissenorum vsque ad colliculum, Gesheleuhalm vocatum*”.

¹¹⁰ Грамота короля Андрея 1217 г. и булла папы Иннокентия III 1210 г. подтверждают принадлежность этой земли некогда Печенегам: „*terram quamdam, nomine Legingthov, quam Bisseni prius incolebat* (Jerney, I. с. 232), „*quod Bisseni quondam possederant*” (Szokolay, с. 80); о том, какой оказалась для Печенегов защита их братией монастыря св. Креста показывает грамота кор. Андрея II этому монастырю: „*ut dicitur, res eorum indebite accipientes, praedium Byssenorum maiori ex parte ab eis tulistis fratribus, quibus praesidio esse debuistis. Vnde vobis — praecipimus, quatenus omnes terminos Byssenorum ipsi fratribus defendatis*” (Jerney I, с. 233). Szokolay замечает, что после передачи этой земли в 1203 г. монастырю св. Креста, Печенеги получили другое владение „как вознаграждение” (с. 80 и пр. 78, со ссылкой на Tagany K. *Tortenelmi helynevmagyarazatok*, Fold es Ember, 1922, с. 230, без дальнейших подробностей). Смысл приведенной грамоты кор. Андрея II как будто опровергает возможность такого заключения. О *Legento* см. еще у Csanki, III, с. 682.

Kismarton (в нын. Австрии)¹¹¹ и целый ряд других деревень, по названиям своим признаваемые мадьярскими учеными за печенежские¹¹².

Несколько восточнее, у нижнего течения Рабы, в самой восточной части Шопронского комитата, на границе его с Дьерским, существовала местность Agrab, жители которой были Печенеги¹¹³.

Кроме перечисленных прямых сведений о существовании печенежских поселений на западном пограничье Угрии, есть целый ряд и косвенных указаний. Подобно тому, как в русских летописях нельзя иногда различить, кого именно имеет в виду летописец под общим собирательным именем „лучников“, „молоди“, так и в мадьяро-латинских хрониках и грамотах часто встречаются упоминания о

¹¹¹ «Besenev» (1265), «Bechenev» и «Beseneu» (1325), «Pechynd» (1437), теперь Potsching. Csanki, 111с. 623, Szokolay, с. 79; это, как будто, та же деревня, на которую указывает и Jerney J., I, с. 235, приводящий упоминания о ней еще в 1223 и 1232 гг.

¹¹² Potli (Pottelsdorf), Heron (Him), Moroc (Marc), Szerdahely (Stettera), Szemere (Cemendorf), Dorog (Trausdorf), Szanto (Antau), Mayad (Margareta), Siklos (Szieglos), Suslan (Schattendorf), Dag (Agendorf), Zvan (Wandorf), Gyula (Loipersbach), Meggyes (Morbisch), Szakai (Okkan), Sarfenek (Scharfeneck), Cseken (Wienpassing), два Ikka, Abraham-Kethida, Kovesd (Mllendorf), Ketcsó, Pereszen (Siegesdorf), Ravazd-pusztá, Viz-pusztá, Pagya-pusztá, Ejcse (Balf), Pomogy, Marton-szallo (Kismarton), Tard, Orkeny, Gyima, Szil (Ruszt), Csakan (Tundolskirchen). И реки этой области: Лайта, Вулка и Шпиттельбах носили первоначально печенежские названия: Шар (Sar), Сельег (Selyeg) и Меренье (Merenye). См. Gyarfas, II, с. 58, Szokolay, с. 79 со ссылкой на Nagy I. A Lajta mint hatarfolyam, Szazadok, 1871, с. 372. Все перечисленные местности находились в прежнем Шопронском комитате; в Мошонском же к печенежским поселениям относят дер. Kata (ныне Gottendorf) — см. J. Nemeth, Die Petschenegischen Stammesnameh, Ungarische Jahrbucher, 1930 X, 1/2, с. 33, np. 3, Csanki, III, с. 680, Szokolay, с. 80, и дер. Teteny (нем. Taden) — см. Csanki, III, с. 687 и Melich J., Ket alliotolagos honfoglalaselotti nemet helynevroel [Янош Мелих, Два немецких названия в нашей родине], Magyar Nyelv, 1931, XXVII, с. 221-226. Gyarfas (II, с. 58) и Szokolay (с. 79) приводят в Шопронском комитате вместе с упомянутыми деревнями еще дер. Kovacs-pusztá, как печенежскую. Не является ли она славянской? «Ковач», «ков» — общеславянские слова (pp. L. Niederle, Zivot starych Slovany, dil III, svazek I, v Praze, 1921, с. 232), тогда как в тюркских языках слова «ковач» нет совершенно, а «кова» в смысле ведра, посуды, известно лишь одному османскому языку (В.В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб. 1899, т. II, ст. 664, s.v. «кова»).

«Bissení de Agrab». О древности их поселений здесь свидетельствует грамота шопронского палатины Дьюлы от 1222 г., из которой узнаем, что арпашские Печенеги пользовались в это время еще „от древности установленными“ свободами („quod eorum [Bissenorum] libertas ab antiquo instituta... fuisset in plurimis diminuta“). Из того же, что эти Печенеги, лично явившись в 1222 г. к палатину с жалобами, „утрудили его таким количеством народа“, можно заключить, что их в это время еще не мало было в этой местности. Грамота 1222 г. издана полностью у Jerney I, с. 233, §7 и частично у Endlicher, Rer. Hung. Monum. Arpad., с. 419-420 („Iulae palatini libertas firmata Bissenis in Arpas“). Теперь это Kis-Arpast (Szokolay, с. 79).

„confinorum custodes”, „speculatores”, „sagittarii”, охранявших угорские границы. Под этими названиями скрывались и собственно мадьярская пограничная стража, и таинственные Сикулы, и, наконец, Печенеги. Показательно сравнение описаний Оттона Фризингенского и Туроца мадьяро-немецкой войны 1146 г., ведшейся на шопронском пограничье. Когда первый говорит об участии в мадьярском войске сагитариев и о поражении их Немцами¹⁴, второй рассказывает о бегстве перед Немцами — Печенегов и Сикулов¹⁵. Другим примером может служить упомянутая выше (стр. 22, пр. 112) деревня Мошонскаго комитата Ката (Kata), признаваемая печенежской по своему имени; как раз жителей этой деревни грамота кор. Карла 1339 г., называет „спикуляторами”: „quod nos Laurentio, Ioanni et Nicolao, spiculatoribus nostri de Katha de comitatu Mosoniensi”; из этой грамоты узнаем, что катаяские „спикуляторы” жили в этой деревне целым своим родом („ipsorum et totius generationis eorundem de eodem”) и охраняли мадьярское пограничье еще со времени первых угорских королей¹⁶; по этим признакам катаяцев скорее всего можно отнести к какому-нибудь печенежскому роду, издавна здесь сидящему, чем к сословию разноплеменной стражи. Дальнейшие слова грамоты еще более убеждают нас, что в ней подразумевался кочевой народ: она определяет, чтобы и на будущие времена эти спикуляторы служили конно и оружно, как служили угорским королям и их предки в древности¹⁷. Очень возможно, поэтому, что еще в упоминаемых в 1044 г. на лайто-рабском пограничье сагитариях (sagittarii) надо видеть тех же Печенегов¹⁸; в 1047 г. те же сагитарии этого пограничья отлича-

¹¹⁴ Ottonis Frisingensis, De Gesta Friderici I Imperatoris, I, cap. 33, ed. G. Waitz, Hannov. 1884, p. 41 „Positis in capite duabus alis, in quibus sagittarii, quatenus vim hostium eminus repellerent, erant...”.

¹¹⁵ Thwroc II, гл. 65 с. 145 „Bisseni vero pessimi et Siculi viiissimi, omnes pariter fugerunt sicut oves a lupis, qui more solito, praebant agmina Hungarorum”. Cp. Jerney I, с. 260.

¹¹⁶ „...quam in exercito seruitii speculations in finibus Teutoniae continue residentes temporibus priorum regum, piorum pregenitorum nostrorum” (Jerney I, с. 2541

„ut quemadmodum eorum pragenitores antiquites exercebant” (там же). О катаяцах, как о Печенегах прямо говорит Карасонь, ц.с. с. 1046. О сагитариях в районе Шопрона упоминают еще грамоты: кор. Андрея II 1225 г. (Jerney, I, с. 257-8), кор. Стефана V 1270 г. (там же, с. 258); грамота кор. Владислава Кумана, 1277 г. передавала Луэрских стрелков (Sagittarii de villa Luer) в самый замок Шопрон, ввиду оскудения его гарнизона; сагитарии там получили все права горожан. (См. Jerney I, с. 258; самое имя деревни Luer происходит от двух мадьярских слов лц и хг, т.е. стрелковая стража; Luer находился около Шопрона. Gyarfás I, с. 57); далее о них см. в грамотах 1282 г. и 1339 г. (Jerney I, с. 254-5). О сагитариях в Вашском комитате см. грамоты 1269 и 1317 гг. (там же, с. 253-4), в Заласском — грамоту 1392 г. (там же, с. 253). Jerney I, с. 252-261 отождествлял Сикулов с Печенегами, а потому все упоминания о сагитариях и спикуляторах относил исключительно к Печенегам.

¹¹⁸ Thwroc II, гл. 37, с. 103.

ются своею жестокостью, чем только побуждают к отождествлению их с Печенегами¹¹⁹.

На восточном, правом берегу Рабы, уже в Дьёрском комитате, находилась местность Besenyotarly, уп. в 1234 г.²; здесь же, в юго-западной части Дьёрского комитата была некогда большая группа печенежских поселений, еще существовавших в XIII ст., но затем исчезнувших; уже в 1269 г. писалось в одной грамоте об этой местности, как о некогда называемой печенежской¹²². Вся эта область в старину находилась во владении печенежского рода Тэт, т. к. с этим именем затем и будут (в 1251, 1269 и 1270 гг.) упоминаться жившие здесь Печенеги „Bisseni de Thet” и деревни: Oreg-Teth, Bessenyo-Teth и современная Tetszentkut¹²³. Еще севернее в Токезе (Tokez), около Дьёра, существует дер. Bezi, ранее носившая более полное имя Bisseni; тут же, между Reti и Lebeny есть дер. Thelukbarath, которую, по ее названию, считают печенежской¹²⁵.

В тылу прорабских поселений Печенегов, у самого Дуная, в комитате Комарнском, было также, некогда, большое количество печенежских поселений; может быть они служили здесь защитой границы, когда последняя (до времени св. Стефана) не перешла еще на левую сторону Дуная, в Словакию. Здесь находим печенежскую местность Vas („Wes”), уп. в 1229 и 1297 гг.¹²⁶, а также ряд современных деревень, коих названия считают печенежскими¹. Вблизи же приабского пограничья, в тылу его, ок. Nagy-Szollóshoz, в западной части Веспремского комитата, находится до сих пор посел. Bessenyo-major¹²⁸.

Перейдем теперь к обозрению печенежских поселений на северном, словацком пограничье Угрии, начав свой обзор с северо-запада. До времени св. Стефана угорская граница не переходила здесь Ду-

¹¹⁹ Thwroc, II, гл. 41, с. 107 „Tandem milites eius (бывшего короля Петра — Д-Р.) omnes a sagittariis sunt interfecti; ipse vero vivus captus est, et obsoecatus. Ср. с дикостью и жестокостью русских Черных Клобуков — Д. Расовский, О роли Черных Клобуков, с. 107-108.

¹²⁰ „Itur ad rus Bissenorum, quod vulgo dicitur Beseneuthorlou” (Szokolay, с. 78).

¹²¹ Szokolay, с. 73.

Грамота кор. Белы IV 1269 г. (Jerney, I, с. 235: „ut quamdam terram, quae olim fuit Bissenorum Theth vocatam...”).

¹²³ Melich, J. Ket allitolagos honfoglalaselotti nemet helynevrol, Magyar Nyelv, 1931, XXVII, с. 221-225; Szokolay, с. 78; Csanki, III, с. 561.

¹²⁴ Szokolay, с. 78-79.

¹²⁵ Там же, с. 79.

Теперь местечко Vas-pusztá деревни Acs на юго-западе от Комарно (мадьяр. Комаром), там же, с. 78.

Halap, Olbo, Baj, Tarjan, Usztancs, Ors, Kajand, Tarkany, Kocs, Tomozd, Igmaand, Csanak, Barancshaza, Tekevara, Gerebucs, Ladomer, Ete, Bolar (там же, с. 78).

¹²⁸ Там же, с. 77.

ная¹²⁹ и лишь в правление этого короля было положено начало проникновения Магьяр на левый берег Дуная, в Словакию. Проникая вероятно через Остригом (магьяр. Эстергом), эта магьярская колонизация в течение XI в. стала заселять течения рек: Ипола, Грона, Житавы, нижней и средней Нитры и Вага, — создавая здесь укрепления против Чешского государства, а на верховьях Грона, Нитры и Вага устраивать заслоны и сторожевые посты против Польши. На этих пограничных линиях и будем находить поселения Печенегов.

К северу от Остригома, на верховьях р. Секеницы, притока Грона, в районе Batovce (в прежнем Хонтском комитате, ныне в Батовецком округе Хонтианской жупы, в Чехословакии) еще в XIII в. упоминается селение Hontbesenyod (словацкая Pecenice).

На Гроне, по среднему его течению, у св. Креста (Sviaty Kriz), находится дер. Felsobesenyо (словацкая Dubrava)'.

Много тюркских поселений было по реке Житаве, особенно по ее низовью. Здесь находим следы и Печенегов и Берендеев, а грамоты XII-XIII в. в. упоминают о конных сторожевых отрядах, с тюркскими именами отдельных конников¹³⁴. Определенно печенежские поселения известны здесь с древнейших времен в районе Удварда, т. е. у слияния Житавы с Нитрой; впервые они упоминаются в 1075 г.; с 1209 г. уп. villa Beschene, ныне Zsitvabesenyо (словацкая Besenov), Вrabлевского округа, Тековской жупы¹; несколько выше по Житаве

¹²⁹ Homan B., A honfoglalo torzsek megtelepedese (Поселение занимающих родину племен), Turul, 1912, с. 103, цитирую по А. Петрову, Древнейшие грамоты..., с. 15, пр. 2.

¹³⁰ V. Chaloupecky, Stare Slovensko, с. 34. Халупецкий относит подчинение южной Словакии Стефаном к 1025-1039 гг., когда он отвоевал эту страну от Поляков (там же с. 301).

¹³¹ Там же, с. 34.

¹³² Szokolay, с. 88; Soznam miest na Slovensku dla popisu ludu z roku 1919. V Bratislave, 1920, с. 29.

¹³³ Szokolay, с. 87-83, Soznam, с. 103 (округ Sviaty Kriz, жупа Тековская).

¹³⁴ „Servientes in equo proprio, qui wlgo Luosicsag (lovassag конница по-магьярски — Д-Р.) dicuntur"; они жили в Малых Слепчанах на Житаве. Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, ed. Ferd. Knauz, t. I, Strigonii, 1874, с. 118-119 (1165 г.), с. 364-365 (1247 г.); ср. Chaloupecky, ц.с. с. 286, пр. 1129. Халупецкий считает эти поселения печенежскими.

¹³⁵ Упом. в грамоте короля Гезы I: „Insuper uero dedi aliam uillam hudwordiensium bissonorum, id arandum super eandem aquam Sitoua (Житавы) cum terra septuaginta duorum aratrorum" (Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, t. I, № 25, с. 54; ср. Jerney, I, с. 247, § 20, Chaloupecky, Stare Slovensko, с. 89, пр. 356, и с. 115 и пр. 452b и с. 263 и пр. 1036). Об этих Печенегах упоминает затем грамота кор. Стефана II от 1124 г. Они просуществовали здесь до татарского нашествия, когда жители Удварда погибли и король Бела IV подарил эту землю немецкому рыцарю Ресселю (Szokolay, с. 77-78).

¹³⁶ Она уп. еще и позже, в 1264, 1272 и 1395 гг. Находилась при стыке прежних Нитранского, Комарнского и Баршевского комитатов (Szokolay,

находилась печенежская местность Тасар (Tazzar), уп. с 1075 г.¹³⁷, ныне дер. Tesare (мадьяр. Bartaszar)¹³⁸, и Bessne, известная с 1298 г., ныне Barsbese (словацкая Besa)¹³⁹.

На реке Нитре была также „villa Beseneu”, уп. в 1217 и 1272 г.¹⁴⁰, а несколько на запад от этой реки, печенежского происхождения является дер. Recseny, уп. с 1316 г.¹⁴¹, ныне словацк. Risnovce Dolne (мадьяр. Alsorecseny), включающая в себя отдельное поселение, до сих пор называемое Besenyó¹⁴².

О поселении Печенегов на р. Ваге есть легендарное известие, относимое ко времени князя Арпада, будто бы давшего язычнику Кетелю много земель на Дунае, при устье Вага; это известие ценно гл. обр. в том отношении, что указывает, что еще в нач. XIII в., когда писал Аноним, сохранялась память о язычниках-инородцах, издавна здесь поселенных. Всего естественнее видеть в них Печенегов¹⁴. Следями

с. 87, V. Chaloupecky, ц.с. 15, где он правильно называет деревню — Besenov, но на с. 263, пр. 1036 называет ее Pecencisce, равно как и по карте № 3; см. еще Soznam, с. 105).

¹³⁷ В грамоте кор. Гезы I: „Dedi eciam uillam bissenori^Am ad arandum, nomine Tazzar, super Sitoua, cum terra XX aratrorum et magnam siluam uersus orientalem et meridionalem plagam cum pratis et pascuis” (Monum. Eccl. Strigon. I, с. 54). Позже упом. еще в 1209, 1352 и 1565 гг. Czokolay, с. 87; ср. Jerney, I, с. 246, § 16.

Szokolay из этой деревни Тасар сделала две, из-за двух существующих сейчас одноименных деревень в Словакии: Tesare (мадьяр. Barstaszar), рядом с дер. Mlynapu (мадьяр. Malonya) на Житаве, о которой идет речь в предыдущ. примечании и Tesary (Nytrateszer) на Нитре, в Велико-Топольчанском округе (ц.с. с. 86-87). Но в приводимом самим же Соколай свидетельстве о второй дер. Тесары определённо говорится „Tazzar, super Sitoua”, т.е. на Житаве, и поэтому она не может быть отождествлена с совр. дер. Nitra-teszer на р. Нитре. См. еще Chaloupecky, ц. с. 89, пр. 356 и Soznam, с. 108.

¹³⁸ 139) Уп. до 1359 г. Szokolay, с. 88, Jerney, I, с. 246, § 16, Soznam, с. 105. Szokolay, с. 87, ссылаясь на Borovszky, Vacs varmegye monografiaja (Монография о Бачском комитате), с. 48, считает печенежского происхождения и дер. Kovacs, уп. в 1075 году. Об этом названии см. выше, пр. 112; о славянском происхождении его — см., у V. Chaloupecky, ц. с. с. 270 и пр. 1065.

¹⁴⁰ „Item in Turmaskuz incipit meta a fluvio Nytra... et vadit versus Besseneu inter pratium et terram arabilem, et exit ad viam, quae ducit ad Besseneu” (Jerney I, с. 247^§ 22; ср. Siokolay, с. 87).

¹ В 1565 г. эта деревня, под именем Камоса была владением некоего Реченья (Jerney I, с. 248, § 22; Szokolay, с. 87).

Soznam, с. 46, Chaloupecky, ц. с. с. 91 (Ресепану); на карте 3-й эта местность у Халуецкого названа Pecenady. Где-то в Нитранской области была дер. Neuerici (Neverice), уп. в 1156 г. V. Chaloupecky, ц. с. с. 231 пр. 901 и с. 388^ предполагал в этом названии след языческого печенежского поселения.

¹⁴³ Anonymus, гл. 15, ed. Endlicher, с. 17-18. Ср. Chaloupecky, ц.с. с. 115, с. 262-3 и пр. 1034, и с. 452. G. Feher, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen с. 139-140. Если признать догадку Фехера о поселении здесь Печенегов еще при князе Токсоне, то эти низовые повагские поселения их были бы самыми древними в Словакии, еще до-стефановского времени.

Печенегов на Ваге, является селение Besne, на верхнем течении Вага, у дер. Marikeva¹⁴⁴, а южнее — villa Byssenorum на Дудваге, уп. в 1216 г.¹⁴⁵, ныне дер. Pecenyady (или Респану), мадьяр. Pecsényed или Besenyopetofalva⁶. По языковым данным печенежского происхождения считается и местность Kosztolanv, теперь Вел; Костоланы на Дудваге, по соседству с дер. Печеняды¹. Косвенным указанием на поселение язычников-Печенегов в повагской сторожевой линии служит упоминание о „sepulcra paganorum”, которые исследователи справедливо относят к поселенным здесь тюркским язычникам, в том числе и Печенегам¹⁴⁸. Эти же Тюрки скрываются и за своим профессиональным названием — военных стрелков „sagittarii”, „sagittarii nostri de Wagh”, о которых не раз упоминают мадьярские источники¹.

Выше по Дунаю, на Житном острове (по мадьяр. Csallóköz, Чаллокёз) в самом южном углу прежнего Пожоньского (Пожонь — мадьярское название Братиславы) комитата, ныне Братиславской жупы, находится ряд селений, в которых некогда жили Печенеги; такова местность Padan, о которой знаем, что в 1265 г. в ней жили Saul et Saulum, filius Salomonis... de villa Padan, qui filii Bissenorum dicuntur”, деревни Toboreti, Karcsa, Bos, Kis-Bodak, Nagy-Bodak, Varkony, Kotliba puszta и Barsunos[^] все — в районе нын. округа Дунайская Среда Братиславской жупы⁴.

Отдельно было расположено поселение Печенегов на верховьях Вага, у г. Ружомберок — нын. дер. Besenova (мадьяр. Besenyofalva), некогда вероятно служившее сторожевым заслоном против Польши, на пути из Кракова¹⁵.

На этом северо-западном пограничье Угрии, на территории нынешней юго-западной Словакии, печенежские поселения были не одни: как увидим ниже, здесь, в перемежку с печенежскими, мы найдем также тюркские и берендейские поселения, и несколько более позднего происхождения — поселения Половцев. Все эти Тюрки одинаково несли здесь сторожевую пограничную службу.

Не встречаем однако следов поселений Печенегов и Берендеев на реке Мораве. Отсутствие этих Тюрков на самой западной границе

¹⁴⁴ Soznam, с. 117; у дер. Марикова находится поселение, до сих пор носящее название Paganovce.

¹⁴⁵ „Dicta terra incipit ab aqua Dwdwae, ibi tenet motam cum terra ville Byssenorum”. В 1379 г. уп. как „Besseneu”. Szokolay, с. 87.

¹⁴⁶ Soznam, с. 55, Szokolay, с. 87, Chaloupecky, ц. с. с. 88, пр. 353 (Pecenyady) и карта 3, где эта же дер. названа Pecenice.

¹⁴⁷ Szokolay, с. 87.

¹⁴⁸ Chaloupecky, ц. с. с. 85, пр. 340, с. 88, пр. 3 §2. Известие относится к 1208 г.

¹⁴⁹ См. напр, грамоты кор. Стефана V от 1272 и 1279 гг. — Jerney I, с. 258-259. О том, что в этих стрелках надо видеть Печенегов, Chaloupecky ц. с. с. 83 и особенно с. 88.

¹⁵⁰ Szokolay, с. 88; Soznam, с. 6-8. Cp. Jerney I, с. 248, § 24.

¹⁵¹ Szokolay, с. 88; Soznam, с. 43. Cp. Jerney I, с. 247, § 21.

Угрии, на пограничье с Чешским государством легко находит себе объяснение в недавно высказанном мнении В. Халупецкого¹⁵², что угор-чешская граница до начала XIII в. проходила по лесистым горным хребтам Малых и Белых Карпат, служивших водоразделом Моравы и Вага, и что лишь начиная с XIII века угро-чешская граница установилась по Мораве. Расселение Угрией печенежских (и берендейских) отрядов в Словакии относится к древнейшему периоду колонизации Мадырами этой страны, т. е. к первой половине XI ст., когда укреплялись течения Гроны, Нитры, Вага; в XII-XIII вв. же Мадыры начали пользоваться для своих колонизаторских целей уже новым тюркским элементом — Половцами, и как раз только Половцев мы и находим на новом угорском пограничье по р. Мораве¹⁵³. Таким образом, р. Ваг, или, точнее, система этой реки, была тем крайним западным пределом, до которого дошло печенежско-берендейское расселение в Словакии. За пределами Угрии, в Моравии, т.е. на восточном пограничье Чешского королевства, мы уже не найдем этих Тюрков¹⁵⁴. Туда не докатилась волна тюркского рассеяния, и чешские короли, как увидим ниже, когда являлась у них потребность в этой легкой тюркской коннице, просили о временном предоставлении им ее — у угорских королей.

Вторая большая группа печенежских поселений на северном угорском пограничье находилась по течению р. Сланы (мадьяр. Шайо) и в районе предгорий Матры и Буковых гор.

В этой группе самым северным печенежским поселением надо считать существующую до сих пор в долине р. Бадовы (мадьяр. Бадва), притоке Сланы, деревню Besenyoiad (или Lad-Bessenyo[^] в Эделенском округе Баршодского комитата нынешней Венгрии^{1 5}. Здесь же к сев. от Мишкольца, близ устья Сланы, до сих пор существуют деревни Sajó-Besenyó и Szirma-Besenyó; о давности этих печенежских поселений можем судить из того, что еще в 1336 г. здесь уп. местность Bessenyei¹⁵⁶. Между реками Сланой и Ягером (мадьяр. Эгер) уже в 1067 г. упоминаются печенежские конники, печенежский колодезь, печенежские могилы¹⁵⁷. Южнее устья Сланы, близ Тиссы, в Ме-

¹⁵² Stare Stovensko, с. 76-78.

¹⁵³ Там же, с. 83-84, пр. 330 и карта № 3 при той же книге.

¹⁵⁴ Ср. напр. Fr. Cerný, Prspěvky k historickému zeměpisu Moravy, Časopis Matice Moravské, v Brně, 1917-18, том 41-42, с. 1-68 и особенно с. 18-19, где идет речь и восточном пограничье Моравии.

¹⁵⁵ Szokolay, с. 81; ср. Jerney I, с. 246, § 18.

¹⁵⁶ Csanki I, с. 169, Szokolay, с. 80. В деп. Szirma-Besenyó, еще в XIII в. жили Печенёги. Ср. Chaloupecký, с. 102, пр. 398.

¹⁵⁷ „Inde ad puteum Bissenomm ut tendit ad viam positam in transuersum, per quam venit a sepultures Bissenomm”, „Summa totius numeri concluditur calculo, videlicet C. III. mansus seruorum; XXX equitus, XX Ungari et (X) Bissení”. Szokolay (с. 80-81) упомянутые здесь колодезь и могилы ищет в районе сел Sajó-Besenyó и Szirma-Besenyó, т.е. к сев. от Мишкольца, тогда как Chaloupecký (с. 102, пр. 398) относит их южнее Мишкольца, ок. Szihalom.

зечатском округе Баршекого комитата было поселение Oszlar или Eszlar, ныне Tisza-Oszlarj которое, по его названию, считают печенежского происхождения⁵⁸.

Восточнее, в Эгерском округе Хевешского комитата была дер. Бешеньё, в 1278 г. находившаяся во владении Печенега по имени Текме, а после его смерти перешедшая к „великопеченежской” (nagybesenyoi Bessenyei) семье Тепель (Tepely)¹⁵⁹. От конца XIII в. есть сведения о дер. Burger (Buger)-Beseneu в том же Эгерском округе, у потока Lasko¹⁶⁰: около Эгера есть местность Becsenek-folde (т.е. печенежская земля)¹⁶¹; м.б. печенежского происхождения и названия местностей Tass^{1,2} и Szarozko¹⁶³. В Хевешском же комитате находится еще местность Besenyszog (теперь Tiszaszog).

Еще западнее, под Матроу, печенежские поселения группировались у рек Задьвы и Тарны, в области Хатвана. Аноним рассказывает, как еще князь Арпад (а по Фехеру — Токсон) отдал земли у Матры легендарным Эду и Эдумену, от которых происходил печенежской крови угорский король Самуил-Аба. В 1386 г. уп. у Хатвана печенежский житель Стефан из местности Hort¹⁶⁶. По правым притокам Тарны, в ю.-з. углу Хевешского комитата, находится целый ряд местностей, которые мажарские ученые считают, судя по их названиям, печенежского происхождения¹⁶⁷.

¹⁵⁸ J. Karacsonyi, Nehany besenyő es kun helynevbñkrol (О некоторых печенежских и половецких местных именах), Magyar Nyelv, 1921, с. 211 (цит. по Szokolay, с. 80).

¹⁵⁹ Деревня опустела в пер. пол. XVII в. и снова уп. с 1675 г. (Csanki, I, с. 73, Szokolay, с. 81.).

¹⁶⁰ С XV в. она уп. уже под именем Dorman или Donnanhaza и ныне наз. Dormand. Csanki, I, с. 58; G. Feher, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, с. 140, Szokolay, с. 81.

¹⁶¹ Szokolay, с. 81.

¹⁶² Gombocz Z., Arpadkori torok szemelyneveink (Личные турецкие имена времени Арпадовичей), Magyar Nyelv, X, с. 338. (цит. по Szokolay, с. 81).

¹⁶³ Уп. в 1446 и 1466 гг. Находится ок. Tepely. Szokolay, с. 81.

¹⁶⁴ Там же с. 81.

¹⁶⁵ Anonymus, гл. 32, с. 29 ed. Endlicher „Tunc dux Arpad in silva Matra debet terram magnam Edunec et Edumenec, ubi postea Pota nepos ebrum Castrum construxit, et quorum etiam progenie longo post tempore rex Samuel descendit”. Ср. G. Feher Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, особенно с. 125.

¹⁶⁶ „Ad supplicationem Stephani Bisseni de Hord” — Jerney I, с. 246, § 19; Szokolay, с. 81.

¹⁶⁷ Это местности: Abony, Hanyi, Adacs, Alatka, Atkar, Atany, Csany, Ecsed, Erk, Fuged, Heves, Gyork (или Vamosgyork), Hatvan, Demend, Karacsond, Kecsend, Komlod, Nana, Maklar, Rede, Semd, Ugra, Vezekeny и Visonta (Szokolay, с. 81-82 со ссылкой Karacsonyi J. цит. раб. Nehany besenyő es kun helynevbñkrol, с. 211 и Magyarorszag varmegyei es varosai, с. 455. Об имени Маклар см. заметку J. Nemeth «Maklar» в Magyar Nyelv, 1931, XXVII, с. 145-147) Южнее, по Задьве, в сев.-вост. части Пешт-Пилич-Шольт-Кишкунского комитата находится целая группа поселений с именем Kata: Szent-Lorinc-Kata,

Еще юго-западнее, между Дунаем и Палгой, притоком Задьвы, у южных отрогов Новоградских гор также находим печенежские поселения, которыми как бы связывались западнословацкие, придунайские печенежские поселения с матро-буковскими, образуя сплошную линию древнейшего угорского северного пограничья. Здесь, в районе Godollo, к с.-в. востоку от него, существовала местность Bessenew, позже наз. *Besnyo-pusztá* или *Maria-Besnyo*¹⁶⁸. Недалеко отсюда, но уже на правой стороне Дуная, около Буды, издревле существовала местность *Beseneu nomine*, уп. в 1214 г.¹ Если принять утверждение Г. Фехера, что лег ендарные Била и Баксу (*Bocsu*) были Печенегами, то в печенежских руках в таком случае в древнейшее время находилось и самое укрепление Пешт¹⁷⁰.

Третья группа печенежских поселений на северном угорском пограничье находилась в треугольнике, образуемое течением Тиссы, в Сабольчском комитате нынешней Венгрии. Граница Угрии при св. Стефане уже перешла здесь за Тиссу, простираясь к низовьям Лаборца и Латорицы, но далее на восток шла по Тиссе, а затем по Самошу¹⁷¹, и т.о. эти потисские печенежские поселения были почти у границы. Здесь упом. *possessio Besenywd*, известное с 1455 г., и еще другая деревня с тем же именем уп. в 1326 г., если только последняя не тождественна с первой¹⁷². Кроме того, печенежского происхождения считаются, судя по их названиям, целый ряд современных деревень, расположенных преимущественно в восточной части этого комитата, у Тиссы¹⁷³.

Переходя к восточному угорскому пограничью, мы и здесь будем встречать печенежские поселения, вблизи границы, часто — в долинах горных рек, что, как будто, указывает на их сторожевое значение.

Pusztá-Boldog-Kata; *Pusztá-Egres-Kata*, *Pusztá-Tamas-Kata*, *Nagy-Kata*, которые относят, на основании языковых данных, к печенежским. Szokolay, с. 82, J. Nemeth, *Die petschenegischen Stammesnamen*, *Ungarische Jahrbucher*, 1930, X, 1/2 с. 33, np. 3.

¹ В Пешт-Пилиш-Шольт-Кишкунском комитате. Упом. в 1387 и 1492 гг., после XV в. — пустырь. Szokolay, с. 82.

¹⁶⁹ „*Praedium etiam contulit quod est circa Budam, Beseneu nomine*”, Jerney I, с. 248, § 23 и Szokolay, с. 82.

¹⁷⁰ Anonymus, гл. 57, с. 53 (цитату ем. выше, с. 6). См. еще G. Feher, ц. с. с. 131 и 136.

¹⁷¹ Karacsonyi J. Halavany vonasok hazank Szent Istvan korabeli hatarairoi, с. 1049-1053.

¹⁷² Szokolay, с. 83 приводит лишь известие 1455 г. о „*possessions Besenywd vocat in Comitatu de Zaboch*”, упоминаемую еще под 1591 и 1776 г. и находящуюся ныне ок. Levelex (ср. Csanki I, с. 511); а Jerney, I, с. 249, § 26 относит к печенежскому поселению в Сабольчском ком. современную дер. *Besenyod*, уп. в грамоте кор. Карла I 1326 г., которую Ерней не приводит. У Szokolay нет упоминания об этой второй деревне.

¹⁷³ Laskod, Ikod, Ormezo, Or-Ladany, Lovo, Tura, Varsany, Teth, Balsa, Ekocs (Szokolay, с. 83).

Восточная граница Угрии в эпоху св. Стефана шла по Самошу, захватывала западную часть Трансильвании, спускалась далее на юг к Тарду и под ним, пересекая долины Аржаньоша и Мароша, упиралась в Трансильванские Альпы у Ольты¹⁷⁴.

Самым северным пунктом печенежских поселений является здесь местность Бешеньё (Besenyó), принадлежавшая Сент-Иобскому аббатству и расположенная по среднему течению р. Беретьё, притоке Кёрёша¹⁷⁵; в том же бывш. Бигарском комитате (теперь Румыния), около Варада, во владении Лелесского аббатства уп. в 1211 и 1214 гг. „Mich in Beseneu portus”¹⁷⁶; по течению Шебеш-Кёрёша вп. в 1235 г. villa Besenend¹⁷⁷, на Фекете-Кёрёше другая дер. Besenyó¹⁷⁸. Южнее, в быв. Арадском комитате (теперь Румыния) уп. в 1235 г. „terra castri nomine Beseneu”, находившейся на правом берегу Мароша, у предгорий Карпат¹⁷⁹; далее на восток, вверх по течению Мароша, в пределах бывш. Гуньядского комитата (нын. Румыния) существует до сих пор дер. Bessau (Bessendorf)¹⁸⁰; южнее, в прежнем Красно-Сёренском комитате у р. Караш было некогда селение Kovessataka, владельцем которого был Печенег Иоанн, начальник Эршомльской крепости, что как будто говорит за то, что Печенеги имели здесь свои владения; наконец в самых Трансильванских Альпах, у прежней румыно-венгерской границы, на р. Черной, существовало поселение Печенечка (Pecsenecska), теперь Csernabesenyó¹⁸².

В Трансильвании, присоединенной к Угрии лишь в течение XI в., также встречаем следы печенежских поселений. Однако возможно, что эти поселения возникли здесь не как результат колонизационной деятельности угорского государства, а еще до нее, по мере постепенного проникновения Печенегов в Трансильванию в X-XI вв.

Древнейшее упоминание здесь Печенегов относится к 1224 г., когда они уравнивались в привилегиях с Саксонцами грамотой кор. Андрея II¹⁸¹. По прежнему мадьярскому административному делению, Печенеги встречаются в следующих комитах: в Харомсекском (поток Besseny и дер. Besenczed и Besenazd, с 1332 г.), в Бестерце-Насодском (дер. Besenyot, Немцами звалась villa Paganio, Heidendorf), в Киш-Кюкюллёском (совр. дер. Buzas-Besenyó), Алып-Фехерском (дер.

¹⁷⁴ Karacsony J., ц. с. с. 1055-1056.

¹⁷⁵ Csanki, I, с. 604. Szokolay, с. 84. Теперь в Румынии.

¹⁷⁶ Szokolay, с. 84.

¹⁷⁷ Теперь это дер. Beznye, между Baratk и Nagybarod (там же, с. 83-84).

¹⁷⁸ Около Tenke, уп. в 1552 г. (там же, с. 84).

¹⁷⁹ Там же, с. 86 и карту к статье Соколай.

¹⁸⁰ Там же, с. 89.

¹⁸¹ „Ioannes bissenus”, там же, с. 86.

¹⁸² К югу от купорта Herkules (там же с. 86).

¹⁸³ „Silvam Blacorum et Bissenorum cum aquis, usus communes exercendo cum praedictis scilicet Blacis (Половцы) et Bissenis, eisdem contulimus ut prefata gaudentes libertate, nulli inde seruire teneantur” ed. Endlicher, с. 422; cp. Jerney I, с. 250, § 33, Szokolay, с. 88-89.

Bessenyo), Фогарашском (дер. Besse, Bessinbach), Чикском (Lasarfalva)¹⁸⁴, Удвархельском {дер- Felso и Also-Rakoson, где уп. в 1421 живущие здесь Печенеги}.

На южном, византийском пограничье Угрии, есть следы печенежских поселений между реками Савой и Дравой. В бывш. Сремском комитате (теперь Югославия), на с.-в. от Манделоса находилась местность Beseneu, где теперь Besenevo Selo и Besenovo monastir¹⁸⁶; о сремской villa Besenev уп. грамота кор. Белы IV от 1253 г.¹⁸⁷; у о. Вука, притока Дуная, уп. в 1396 г. местность Beseno, Bessenew⁸; есть следы Печенегов и в районе Осека, в бывшем Веречёском комитате, где они упоминаются в 1196 г. платящими пошлины местному цикадарскому аббатству¹⁸⁹. Если же в титуле Иоанна Марата, бана Мачвы: „Banus Machoviensis et Comes Bissenorum” 1406 г. можно видеть отражение действительного поселения здесь Печенегов, то это свидетельствовало бы, что еще в нач. XV в. были печенежские поселения и на правом, южном берегу Савы¹⁹⁰.

Вероятно, что поселения Печенегов, расположенные на левом берегу Дравы, в Бараньском и Шомодьском комитатах, и по Дунаю: в западной части бывш. Бач-Бодрогского (нын. Югославия) и в южной части Тольнского комитата, до присоединения королем Андреем I (1047-1061) Сирмии, а королем Владиславом (1077-1095) Хорватии между Дравой и Савой¹⁹¹, — находились в приграничной области и служили защитой Угрии от вторжений с юга, пока ев граница еще не перешла за Драву. На это указывает, как будто, и древность свидетельств об этих печенежских поселениях, восходящих вероятно, к началу XI в. Так, villa Beseneu у Дуная в б. Бач-Бодрогском комитате, уп. уже в грамоте 1093 г.¹⁹²; по другую сторону Дуная, около Печа (Печварада), в Бараньском комитате уп. дер. Besen в 1181 г.¹⁹³; к ю.-з. от Печа в 1168-1290 гг. уп. villa Vrmand(y), очевидно, также печенежского происхождения¹⁹⁴; грамота кор. Белы IV говорит о владениях, некогда принадлежавших Печенегам около Могача на Дунае, которые

¹⁸⁴ „Lazarfalva in Comitatu Albensi partium Transsylvanorum alias a Bysse-nis impopolata, multum tarnen desolata”, 1365 г. Кроме того в этом комитате упоминается: „vetaginta quinque mansiones liberorum Bicenorum” (Jerney, I, c. 251, Szokolay, c. 39).

¹⁸⁵ Csanki, V, c. 869-870; Szokolay, c. 89.

¹⁸⁶ Csanki, II, c. 241; Szokolay, c. 90.

¹⁸⁷ Jerney, I, c. 250, § 28.

¹⁸⁸ Szokolay, c. 90.

¹⁸⁹ Грамота лишь подтверждает другую, более раннюю, кор. Гезы II (1140-1160), Jerney, I, c. 267; Szokolay, c. 90.

¹⁹⁰ Jerney, I, c. 263.

¹⁹¹ Karacsony J., ц. с. с. 1057.

¹⁹² Szokolay, c. 82.

¹⁹³ В 1266 г. она же уп. как Bezen. Szokolay, c. 76.

¹⁹⁴ Csanki, II, c. 513, Rasonyi Nagy L., Orman, Magyar Nyelv; XXIV, 1928, отд. отт. с. 13.

в 1238 г. передавались фейервареки крестоносцам; оставаясь жить на прежних местах Печенеги должны были подчиняться новым владельцам их земли ; вероятно от этих Печенегов сохранилось также упоминаемое еще в 1335-1467 гг. *poss* или *terre Orman(d)* или *Wtmand* к ю.-з. от Могача ^{9>}; здесь же, в юго-западном углу Бараньского комитата, близ реки Дравы, находилась целая область, носившая название Орман (или Урман), вероятно от некогда бывшего здесь леса, т.к. орман по-турецки — значит лес¹⁹⁷. Выше по Дунаю, в с.-в. углу Бараньского комитата, на границе с Тольнским, существовала дер. *Beseneu*, упоминаемая в 1346 г.^{1 8} Здесь же, в ю.-в. углу Тольнского комитата, у Дуная, находится местность *Bata* (и *Bataszek*), печенежское население которой восходит, как кажется, ко времени св. Владислава (1077-1095), если не раньше¹⁹⁹. На бараньско-тольнском пограничье находилась и *terra Bissenorum de Nadasth*, уп. в 1233 г.²⁰⁰; в с.-з. углу б. Бач-Бодрогского комитата (той его части, которая осталась за современной Венгрией), к сев. от Байя (*Baja*), существовала местность *Besene*, *Besenew*, уп. в 1391 г.²⁰¹

Возле самой Дравы, у речки Фекете (*Fekete viz*), в Шиклошском округе Бараньского комитата находятся до сих пор две деревни *Besene* и *Bisse* (*Bese*)²⁰². На основании же названий считаются печенежского происхождения местности: *Kis Budmer*, *Nagy Budmer*, *Bellye*, *Katoly*, *Vosian*, как и прежнее название реки Фекете — *Окор*²⁰³. Западнее, в Шомодьском комитате к таким приграничным печенежским поселениям следует отнести уп. в 1091 г. *Pincinati-corum villa*, которую ищут на притоке Дравы — *Риньи* (*Rinya*), к ю.-в. от *Nagy-Atad*, где теперь находится дер. *Rinyabessenyo*²⁰⁴.

¹⁹⁵ „Item concessimus eidem Domini terram, quam habebant Bisseni in terra de Narad ipsosque Bissenos, de beneplacito, et voluntate sua, eidem domui dimissus iuxta libertatem ipsorum seruituros”. Jerney, I, с. 245-6; ср. Szokolay, с. 76.

¹⁹⁶ Csanki, II, с. 513, *Rasonyi Nagy L.*, ц. с. с. 13.

¹⁹⁷ В 1257 г. уп.: „*possessionem Samud nominatam, existentem inter Dramam et Vrman in Comitatu de Borona cum tredecim villis, que sub una meta includuntur*”. *Rasonyi Nagy L.*, ц. с. с. 13.

¹⁹⁸ *Poss. Besseneu, quae est in Bata in comitatu de Barana*. Csanki, II, С. 473, Szokolay, с. 76.

¹⁹⁹ Szokolay, с. 74.

²⁰⁰ Csanki, с. 410, Szokolay, с. 75.

²⁰¹ Теперь *Kis-Besenyó puszta* и *Nagy-Besenyó puszta*. В 1425 г. уп. об одной печенежской семье, здесь живущей. Но в 1628 г. — уже пустырь. Csanki, II, с. 194, Szokolay, с. 82-83.

²⁰² Jerney, I, с. 245, Szokolay, с. 76.

²⁰³ Jerney, I, с. 246, Szokolay, с. 76.

Наличие неупотребительного в средневековой Угрии наименования Печенегов Пацинаками объясняется здесь франкским элементом в Шомодьском аббатстве, откуда вышла грамота 1091 г. Позже, в 1193 г. эта местность будет упоминаться уже в мадьярской терминологии «*villa Bessenorum*» Jerney, I, с. 249, Szokolay, с. 76-77, Csanki, II, с. 593.

В тылу дравского пограничья существовала небольшая группа печенежских поселений у Балатонского озера, к югу от него, в пределах того же Шомодьского комитата. Здесь уп. в 1298 г. terra Besenew²⁰⁵, теперь Feher (Бело-) и Fekete (Черно-) Bezseny puszta (Печенежский пустырь) у Lengyeltoti²⁰⁶; Besenye Zent Gyerg (Besenye-Szent-Gyorgy), упоминаемая с 1303 г. и находящаяся на с.-з. от Magczali, ныне Balaton-Szent-Gyorgy²⁰⁷; Beseneumal (Besenyomal), уп. в 1229 г. и Beseneuvta (Besenyo-uta), уп. в 1279 г. у р. Капош"; по своему названию печенежского происхождения считают дер. Ertemlak.

Значительно меньше находим в Угрии следов торкского рассеяния. С большею или меньшею уверенностью можно указать лишь на следующие.

На западном пограничье, среди печенежских поселений щопронского района встречаем местность Torkosfertes (нын. Worthenstein); на Житном острове в 1309 г. уп. possessione de Torch uocata — ныне дер. Tores Шамаринского округа Братиславской жупы; в северной Словакии, на верховьях Тарца, на пути из Угрии в Польшу и Бабицкую Русь уп. в 1248 г. дер. Torkow^{2 3}; а восточнее, в нын. Сечевском округе Землинской жупы у Требишова до сих пор существует дер. Torkos²¹⁴. Таким образом, все известные нам следы Торков находятся на северном угорском пограничье (за исключением одного — у р. Лайты); никаких исторических свидетельств о проникновении Торков в Угriu у нас нет; остается только на основании имеющегося в нашем распоряжении материала по топографической номенклатуре, предположить, что Торки, в очень небольшом количестве в эпоху разгрома племени, т.е. в сер. XI ст. через Карпаты и долиной Тиссы проникли в Угriu и затем были здесь расселены Мадырами в виде сторожевых постов на путях из Руси, Польши и Чехии. Более сохранилось

²⁰⁵ В 1335 г. уп. как „Possessio Beseneu iuxta Balatinum”.

²⁰⁶ Csanki II, с. 593, Szokolay, с. 77.

²⁰⁷ Csanki II, с. 643-4, Szokolay, с. 77.

²⁰⁸ Szokolay, с. 77.

²⁰⁹ Szokolay, с. 77.

²¹⁰ Gyarfas II, с. 58; Szokolay, с. 79.

²¹¹ Monum. Eccl. Strigoniensis, II, с. 598-599; Marcellus de Torcha уп. уже в 1299 г. (там же, с. 475).

²¹² Soznam, с. 14.

²¹³ По-мадыарски наз. Tarko, теперь — Kamenica, Липианского округа, Шарницкой жупы. V. Chaluppeky, Stare Slovensko, с. 105, прим. 410; Perfecky, Socialne-hospodarske pomery Podkarpatske Rusi ve století XIII-XV, v Bratislave, 1924 с. 104; Soznam, с. 92.

²¹⁴ Soznam, с. 141.

²¹⁵ Интересно отметить, что как в Словакии, так и в собственно мадыарской земле встречаем поселения с именем Uz, т.е. византийским названием Торков: Uszfalva (слов. Usovce, Сабиновского округа, Шарницкой жупы, в 7 км. от г. Velky Saris и г. Sabinov, см. Soznam, с. 97 и ср. J. M. Korabinsky, Geographisch-Historisches und Produkten Lexikon von Ungarn, Pressburg, 1786,

следов о пребывании в Угрии Берендеев²¹⁶. Больше всего их в Словакии, затем на восточном пограничье Угрии. Судя по следам их расселения, можно думать, что они проникали в Угriu через южные Карпаты и поселялись гл. об. на северном и восточном ее пограничье²¹⁷.

В Словакии берендейские поселения находим между Багом и Моравою (но входившие, вероятно, в вагскую, а не моравскую сторожевую систему), в районе Мыйявы, где до сих пор существуют дер. Berencsbukocz (слов. Bukovec) и Berencsvaralja (словац. Podbranc), обе ближе к Brezova, Мыйявского округа, Нитранской жупы; возле них, в Сеницком округе той же жупы находится дер. Berencsrona (слов.

с. 800 s.v. Ussfalwa; за неимением под руками Codex Diplomat. Hung. G. Fejer'a, не могу сказать — эта ли деревня уп. в 1383 г., судя по Index M. Czinar'a, с. 470); Uzlar, земля около г. Буды, уп. в 1259 г. и Uzlar местность в Шомодьском комитате, уп. в 1279 г., Uzahazhegye, местность ок. Буды, уп. в 1212 г. (о всех трех по M. Czinar, Index Alphabeticus, с. 470; ср. Geza Kuun, Codex Cumanicus, Prolegomena, p. LXXXIII); болото Ush уп. в 1289 г. в Пешт-Пилич-Шольт-Кишкунском комитате (Ortvay, Magyarorszag regi vizrajaza [Гидрография древней Угрии] т. II, с. 304), portus Uz, уп. в 1261 г. в Солнок-Добокском комитате (Ortvay, ц. с. II, с. 304); деревня Ozlar (Huzlar), на ю.-в. от Темешвара, уп. 1400 г. (Csanki, II, с. 55), поток Uzar и деревня Uzman в Темешском комитате (Pesty A., Magyarorszag varispsagok tortenete [История градских жупаний Угрии], с. 501) ряд местностей с тем же названием (Uzpatak, Uzon, Uzonka) находим и в Трансильвании (Orban, Sekelyfold, I, с. 214. О последних восьми названиях мне любезно сообщил Dr. Laszlo Rasonyi Nagy). Кроме того, в угорских грамотах встречается и ряд лиц, носивших имя Uz: Uz, villanus de Doragh 1223 г., Uz, pater de Uza 1299 г., familiae de Uz compositionales 1371 г. и многочисленные nobiles de Uz, Uza (по M. Czinar, цит. указатель с. 469-470). Не берусь судить, происходят ли приведенные поселения от личного тюркского имени Уз, или же от имени того племени, которое на Руси было известно под названием Торков, а в Византии — Узов.

²¹⁶ На прилагаемой к настоящей работе карте некоторые из приводимых ниже берендейских поселений не могли быть помечены, т.к. были найдены мною уже после отпечатания карты.

Gombocz Z. — Melich J. Lexicon critico-etymologicum linguae Hungaricae с. 368-369 s.v. Bereny дают сводку (не полную) упоминаний этого таинственного для мадьярской топонимики слова в пределах Венгрии, различая два варианта: Berencs и Berend. Оба эти названия авторы словаря ставят в связь с несколько более распространенным местным названием Bereny; происхождение же последнего слова считают неизвестным. Первым же, как я упомянул выше (с. 12, пр. 67), кто указал на тождество мадьярского имени Berend с русскими летописными Берендеями был Bela Kossanyi (в своей статье Az uzok es komanok tortenetehez a XI-XII sz., Szazadok, 1924). Но Б. Кошаны, указав лишь на Berend, не коснулся слова Bereny; мадьярским филологам предстоит выяснить, можно ли и слово Bereny поставить в связь с русскими Берендеями. Не безынтересно отметить, что в Угрии, как и на Руси, было два варианта для названия того же племени: Беренди и Берендичи, Berend и Berencs. Ниже мною будут привлекаться из мадьярских источников собственные имена только в этих двух последних формах, покуда самая связь формы Bereny с Berencs и Berend не является прочно установленной.

Рovensko)²¹⁸. Здесь некогда был замок — *Castrum Berench* (возле упомянутой дер. *Berencsvaralja* — *Podbranc*), известный уже в 1297 г.; в 1401 году он стал королевским замком — *Castrum regalis* и существовал до XIX столетия¹⁹.

²¹⁸ Все три в *Soznam*, с. 47 и 59.

²¹⁹ На прямой линии между словацкими *Nove Mesto nad Vahom* и *Skalica* на реке Мьяве. О нем см. напр. у *G. Fejer*, *Codex Diplomaticus Hungariae*, t. X, vol. VIII, с. 142-149; *V. Chaloupecky*, *Stare Slovensko*, с. 81 и пр. 322; с. 237 и пр. 926; *J. Korabinsky*, *Geographisch-Historisches und Produkten Lexikon*, с. 50; *F. V. Sasinek*, *Branecky hrad v Slovensky letopis pre historiu, topografiu, archaeologiu a ethnografiu*, III, с. 286-290, v *Skalici*, 1879; *Ladislav Pauliny*, *Data k dejepisu hradu braneckeho*, *Slovenske Pohľady*, 1888, с. 63-70, 76-79; *Revai Nagy Lexikona*, том 3 (1911 г.) с. 143, s.v. *Berencsvaralja*, Теперь этот замок в развалинах. Словацкие ученые *L. Pauliny* и *F. V. Sasinek*, а за ними *V. Chaloupecky* объясняли происхождение как упомянутого замка, так и остальных словацких местностей того же имени от славянского слова «бѣгана», ворота; *V. Chaloupecky* утверждал, что как замок Бранч, так и сходные с ним по имени местности указывают на присутствие там ворот у сторожевых засек, и что т. обр. мадьярское *Berend*, *Berenc* является лишь искажением славянского *Bęapc*, а не наоборот. Не имея возможности по некомпетентности обсуждать этот вопрос со стороны филологической, укажу лишь, что было бы в таком случае крайне затруднительно объяснить такую скученность поселений в районе Нитры с именем *Berenc*, если производить это слово от *Бѣгана* — ворота, когда сам Халупецкий указывал на существовавшую тенденцию, в силу причин стратегических и пошлинных, сводит количество таких ворот до минимума (*Stare Slovensko*, с. 72), как же, как не объяснимо было бы наличие местностей с этим же именем в комитатах *Шомодьском* или *Тольском*, далеких от словацкой засечной системы. Наконец, есть прямые указания (о них ниже) на связь имени *Беренд* с тюркским родовым именем *Каранч* (*Karancs*). Две заметки на эту же тему мадьярских ученых — *Taganyi* в *Magyar Nyelv* IX, с. 259 и *Nagy Geza* в *Turul* IX, с. 115, мне остались недоступными, а *Janos Melich*, в своей работе *A honfoglalás kori Magyarorszag* (Угрия во время занятия ее Мадьярами), *A Magyar Nyelvtudományi Közlemények*, I, 6 (1926), с. 82-83 и 202-203 считает, что старославянское *Бѣгана* в мадьярском языке переходит в *borona*, тогда как словацкое *Bęapc* восходит к мадьярскому *Barancs* (тюркизм этого слова *Melich* не исключает), а словацкое *Berencs* — к мадьярскому *Berencs*. Уже после того, как настоящая работа была набрана, я ознакомился со статьей *L. Rasonyi Nagy*, *Torok eredetu helynevek* (Тюркские местные названия), напечатанной в *Nyelvtudományi Közlemények*, т. XLVI (1923-27); в ней автор, среди других названий, разбирает также и *Borgond*, *Bergende* (с. 3-4 отд. оттиска) — названия двух мадьярских деревень в *Фейерварском* и *Баранском* комитатах, производя эти названия от личного тюркского имени *Bergen*, которое, в свою очередь, сближается с распространенным в Венгрии собственным именем *Berep*. От *Berep* же *Rasonyi Nagy* производит и *Berepu* и *Berencs* и *Berend*. Интересуясь лишь словом *Bergen*, *Rasonyi Nagy* в этой статье и не ставил вопрос о связях русских *Берендеев* с *Berepu*. Беглое замечание о несомненном тюркизме собственного имени *Berepu* см. еще у *G. Nemeth*, *Maklar*, *Magyar Nyelv*, т. XXVII (1931), с. 147, сопоставляющего его с каракиргизским именем *Беш-Берен*, то есть с тем самым, на которое указывал и *Аристов* (см. выше, пр. 61), сближавший его с именем летописных *Берендеев*.

На р. Нитре известно „possessione Berench”, упоминаемое в 1283 г.^{22<)}, очевидно — нынешняя дер. Вегепс под гор. Нитрой, на р. Нитре²²¹. Здесь же, наряду с Беренч существовали еще три деревни того же имени -- Большой и Малый Беренч (Nagy-Berench et Kis-Berench), уп. в 1435 г. и Нижний Беренч (Also-Berenes), уп. в 1287 г.²²³ О древности поселения нитранских Берендеев можно судить по грамоте 1156 г. „которая уже упоминает „in parrochia nitriensi” местность Brencu”. Выше города Нитры, в район устьев Бебравы и Нитрицы, недалеко от Топольчан, была также местность Berench, уп. в 1244 г.²⁵

Далее на восток, под Рудными горами, у истока одного из правых притоков Ипола, около гор. Krupina находится дер. Prencov, мадьярское название которой — Berenchfalu (falu — деревня) Трнавского округа в Чехословакии, а на одном левых притоков Ипола, в районе

„Ad vniuersorum notidam tenore presencium volumus peruenire, quod Nicolaus, filius Johannis, de genere Lupolnuk, ad presenciam nostram accendens, terram trium aratorum de possessione sua, Berench vocata, in comitatu Nitriensi existente, pro decem marcis argenti sibi ad plenum sulutis se confessus est uenidisse Bathur, filio Mathou de Zeleus, coram nobis personaliter constituto, et eius posteritatibus, perpetualiter et pacifice possidendam, in vicinitate et commetate terrarum Cethen et Taran dictarum...” (Monum. Eccl. Strigoniensis. II, c. 171, № 150, 1283 г. Уп. дер. Cethen и Taran — нын. Cityn (мадьяр. Cseteny) и Taran также находятся ниже г. Нитры (Soznam, c. 49, 51). Интересно, что владение Беренч продается некоему Батуру, безусловно Тюрку, судя по имени (о тюркском происхождении этого имени см. Gombocz Zoltan, Arpadkori torok srcmelyeinek, Magyar Nyelv, 1915, c. 435).

Soznam, c. 49; cp. Korabinsky c. 50, s.v. Berencsch, Revai Nagy Lexikona) том 3, c. 143, s.v. Berencs.

²²² Codex Diplomaticus Hungarie, ed. G. Fejer, t. X, vol. 7, c. 687, 1435 г.: „ac primo et principaliter metas dictae possessionis Cheten, alias tres possessiones Nobilium Archiepiscopalium in fine eiusdem possessionis Cheten, adiocentes includendo a partibus possessionem dicti Magistri Siephani Syluestri et Viti, filiorum eiusdem Stephani, Livveky Arkos, Berench, alio nomine Nagyfalv, nec nos Nagy-Berench et Kis-Berench, alio nomine Kisfalv, vocatanim...” Упоминаемый здесь магистр Стефан м.б. был Берендеем („Magistro Stephano filio Gregory de Berench” ib., c. 687). Этот Стефан сын Григория из Беренча уп. еще перед тем в 1393 и 1400 гг., там же, t. X, vol. 2, p. 121 и t. X, vol. 4, p. 721.

„Gerolth [de Kurus] quodam possessiones suas, vnam scilicet inferiorem Berench vocatam ab utrique parte fluvij Nitrie sita...” Monumenta Eccl. Strigoniensis, II, c. 226, 1287, cp. Cod. Dipl. Hung. ed. O. Fejer, t. VII. vol. 2, p. 116-117; об этой же местности еще см. Monum. Eccl. Strig. I, c. 454 (1298 г.) и c. 465 (1299).

²²⁴ Monumenta Eccl. Strigoniensis, I, c. 108, „brenču ultra aquam”, V. Chaloupecky, Stare Slovensko, c. 231, pp. 901. Неизвестно, к какой именно из выше перечисленных местностей относится это самое раннее упоминание о Беренче. Во всяком случае перечисление ее одной группе с Molenta (нын. дер. Dolna и Нота Malanta), находящейся в 4-х км от г. Нитры, указывает, что Беренч была расположена где-то поблизости г. Нитры.

V. Chaloupecky, ц. с. с. 91 и pp. 363 со ссылкой на Codex Diplomat Fejer, t. IV vol. 1, p. 348. Этот том Кодекса мне не был доступен.

⁶ Soznam, c. 31, Revai Nagy Lexikona, т. 3, c. 143, s.v. Berencsfalu.

Новограда (Nohrad) Хонтского округа, Ноградского комитата, в Венгрии, есть местность Berenta или Birincsof (она же Borsos-Berenke²²⁷ Borsos-Berente или просто Bereny, Berin), известная уже с 1282 г. Несколько восточнее, у Ипола, в районе Szecsény в том же Ношадском комитате уп. в 1335 г. местность Berendefelde или Berendfeulde²²⁸.

Среди другой группы печенежских поселений — в районе Буковых гор, по р. Слане (Шайо), в Баршодском комитате, находится дер. Berente, уп. в 1454 г.²²⁹, а поблизости от нее, между р. Сланой и островом Borsokyo, около Мишкольца, но в Абай-Торнском комитате, — другая деревня Berencs²³⁰.

Еще восточнее, в углу, образуемом течением Тиссы, где находится третья группа печенежских поселений на северном угорском пограничье, в северной части Собольского комитата, именно — в Кишвардасском (Kisvarda) округе, находится также дер. Berencs²³¹.

На восточной границе Угрии, по течению Самоша, около города Сатмар-Немети (Szatmar-Nemeti) существует до сих пор дер. Berencze (она же Babosesty)²³²; кажется к ней относится упоминание в грамоте 1430 г.²³³ В бывш. округе Nagy-Banya того же Сатмарского комитата на зап. от г. Szinyer-Varalja (ныне Румыния), находим дер. Berend, уп. в 1463 г.²³⁴; поблизости от последней находилось Berendmezo (mezo — по-мадьярски поле), уп. в 1490 г., где ныне дер. Berencze (Berenczet), на юг от Nagy-Banya, в округе Kovarkolcse, того же бывш. Сатмарского комитата (теперь Румыния)²³⁵; еще восточнее, в бывш. комитате Бестерце-Насод есть дер. Berendest или Berenfalva²³⁶. На ю.-з. отсюда, около Колошвара в 1423-1501 гг. уп. дер. Berend²³⁷. В бывш. Арадском комитате, в округе Borosjeno у Фехер-Кёрёша до сих пор существует валашская деревня Berendia²³⁸. Еще южнее, у замка Hodos,

²²⁷ V. Chaloupecky, *Stare Slovensko*, с. 96 и пр. 382; в 1291 г. она уп. под названием Berenche, *Monum. Eccl. Strigon.* II, с. 301; Csanki, I, с. 95 считает первые упоминания об этой местности относящимися лишь к 1393 г., тогда как более древние свидетельства относит к другой одноименной деревне, современной Karancs-Bereny.

²²⁸ Csanki, I, с. 95.

²²⁹ Csanki, I, с. 169, Korabinsky, с. 50.

²³⁰ Korabinsky, с. 49; у Csanki, I, с. 204 эта местность определяется как лежащая на ю.-з. от Forgo; уп. в 1427-1490 гг.

²³¹ Упоминается в 1430 г. Csanki, I, п. 511; ср. Korabinsky с. 50.

²³² Korabinsky, с. 49, *Revai Nagy Lexikon*, т. 3, с. 143, s.v. Berend.

²³³ *Codex Diplomaticus Hungariae*, ed. Fejer, t. X, vol. 7, с. 307.

²³⁴ Csanki, I, с. 471, Korabinsky, с. 49. Там существовала семья Berendi, уп. в этом году, Csanki, I, с. 491.

²³⁵ Csanki, I, с. 471, Korabinsky, с. 49; „in Kowarer Distrinkt an den Marmaruscher Granzen 2 M. von Nagybanien O. So 1 M. von Rapnik-Banya, W. an Gebirge Rapnik”.

²³⁶ Jerney J., *Keleti utazasa*, I, с. 164.

²³⁷ Csanki, V, с. 334.

²³⁸ Korabinsky, с. 49.

где-то на границе бывших Темешского и Красеевского комитатов, упоминается в 1471 г. дер. Berendefalva²³⁹.

На южном пограничье Угрии, вблизи придравских печенежских поселений, находим также следы поселения Берендеев: в 1347-1493 гг. уп. *ross. Berench*, принадлежавшая в это время роду Домбаев. Теперь это пустырь на с.-з. от Szigetvar²⁴⁰.

На западном пограничье, близ Zalalovo (на сев.-вост. от него), т.е. близ самой границы, было поселение Berend, уп. между 1332-1513 гг. Об этой местности есть прямое свидетельство, что она в 1513 году принадлежала благородным землевладельцам (дворянам) Балажу и Петру Берендеям; теперь это селение называется Borond. Несколько восточное, к северу от Балатонского озера, около гор. Devecser (на ю.-з. от него), близ существовавшего здесь печенежского поселения Bessenyo-majog, была и местность Beren(d) „ad Balatinum” (в западной части Веспремского комитата), уп. в 1256 г.⁴²

Наконец в Дьёрском комитате существовало поселение Berenth, уп. в 1500 г.²⁴³

Для полноты картины этнографической пестроты угорских приграничных областей уже до татарского нашествия, добавим, что мы находим здесь не только Печенегов, Торков и Берендеев, но еще и Половцев, Русских, Сикулов, Немцев.

Половцы, как поселенцы, впервые упоминаются в Угрии в 1232 г., под Матрою²⁴⁴. То обстоятельство, что древнейшие половецкие поселения находим в северной Угрии, и при том название Половцев встречается там не в обычной для Магьяр со втор. пол. XIII века форме Куны или Куманы, а в форме Палоц (*Palocz*), приводит к заключению, что первые половецкие поселенцы Угрии пришли через Русь, и стали известны Магьярам в русском их названии²⁴⁵. Проникновение Половцев в Угriu совершилось в первой пол. XII в., а м.б. и еще раньше, на разгране XI—XII вв.²⁴⁶ Больше всего их было под

²³⁹ Csanki, II, с. 37.

²⁴⁰ Csanki, II, с. 591.

²⁴¹ Berendi Balazs и Berendi Peter. Csanki, III, с. 35.

²⁴² Fejer, Cod. Diplom. Hung. IV, 2, е. 403 (цит. по указателю М. Czinár, с. 42, s.v. Beren); Csanki, III, с. 222, Korabinsky, с. 49.

²⁴³ Принадлежало Хедерскому замку (*Heder-vara*), Csanki, III, с. 546.

„*Abbatia de Beel Trium fontium B. Mariae Virginis Assumptae (alios Trium fontium de Beel Cumanorum) Agriensis Diocesis, fmdata 1232*”, — „*Abbatia B. M. V. in coelos Assumptae triiim fontium de Beel seu Apatfalva*” (Jerney J. A palocz nemzet es Palocz-kronika, Magyar Torteneftni Tar., I. Pesten, 1856 с.. 26-27).

Ј. Melich считает, что переход слова «Половец» в «Palocz» мог совершиться лишь через промежуточное звено — словацкое «Plavec». Об этом см. у Josef Skultely, Plavecky zamek (Slovenske Pohľady, 1914, roc. XXXIV, с. 253) со ссылкой на Ј. Melich, Szlav joveveny-szavaink, 1903, I, 1, с. 156-162.

² ⁶ Cp. P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Bud. 1877, с. 236-7, V. Chaloupecky, Stare Slov. с. 103, 252.

Матранскими горами²⁴⁷, но также сидели они и в других местах словацкого пограничья Угрии²⁴⁸. В 1132 г. половецкий отряд уже встречается в чешском войске, как справедливо считают чешские историки — предоставленный Чехам Мадыарами²⁵⁰.

Следы поселения Русских находим на всех пограничьях Угрии²⁵¹: и на северном, вблизи Матры, где сидели и „Палоци”²⁵² и на западном, в Мошонском комитате, по соседству с Печенегами⁵³, и на восточном, недалеко от живших там Берендеев²⁵⁴ и, наконец, на южном,

²⁴⁷ Перечень половецких поселений в районе Матры у Jerney, A palocz nemzet es Palocz-kronika, с 67-68.

²⁴⁸ V. Chaloupecky, ц. с. с. 83-5, 106, 252; J. M. Korabinsky, Geographisch-historisches Lexikon, с. 510; Soznam, с. 92. Ср. П. Голубовский, Половцы в Венгрии, Киевск. Универ. Изв. 1889 г. декабрь, с. 50-52.

„homines inhumanos et paganos, Boemos videlicet ac Flavos, qui vulgari nomine Valwen (нем. назв. Половцев) dicuntur”, Bibliotheca Rerum Germanicarum, ed. Ph. Jaffe, t. V, 1869, с. 446-7.

²⁴⁹ V. Novotny, Ceske Dejiny, d. I. sv. II, 1913, с. 621.

О поселениях Русских вообще в Угрии см. у Анонима, гл. 10; сводку толкования этого места см. у Петрова, ц. с. с. 24-26; о несении Русскими пограничной военной службы наравне с Половцами и 51 сам и см. декрет кор. Владислава II, 1428 г., там же, с 66 и пр. 5.

²⁵² Здесь до сих пор существует деревня Nagy Oroszi (Velky Orosz slovacки) в восточной части Ноградского комитата. Мадыарский историк Н. Иштванфи (1538-1615) по поводу происхождения этого „oppidum Ruthenorum, quod Orasfalvam (falu по-мадыарски — деревня) vocant” пишет: „ante quadringentos annos Colomanus rex Pannoniae deductis e Ladomeria et Galicia, Russorum provintia, colonis, condiderat, lege lata” (N. Istvanffy, Historiarum Regni Hungariae, цит. по V. Chaloupecky. Dve Studie, с. 35, пр. 86. Ср. А. Петров. Древнейшие грамоты, с. 62-63). Не были ли подматранские Палоци поселены вместе с этими Русскими, откуда было бы вполне ясно и русское наименование этих Половцев? Русские не раз в конце XI — нач. XII ст. совершали походы на Польшу и Угriu вместе с Половцами, хотя о каком-либо поражении при кор. Коломане (1095-1116) Русских и расселения пленных по Угрии, как то сообщает Иштванфи, ни в мадыарских ни в русских современных источниках ничего не упоминается.

„Dux vero Zulta... in eisdem partibus dedit Castrum construere Ruthenis, qui cum Almo duce suo in Pannoniam uenerant, et in eodem confinio ultra Jutum Musun collocavit eciam Bissenos...” Anonymus, гл. 57, ed. Endlicher, с. 53. В грамоте Oroszvar или Orosfalva (orosz по-мадыарски русские, var — замок, falu — деревня) уп. с 1208 г. Он находился на правом берегу Дуная, ниже Братиславы, в Мошонском комитате, см. А. Петров, ц. с. с 64, V. Chaloupecky, Dve Studie, с. 35 и пр. 86. Петров высказывал предположение, не относится ли поселение здесь Русских к половине XI в. в связи с браком кор. Андрея (1046-1061) на дочери Ярослава Мудрого. Для правильности надо только заметить, что нам неизвестно, на ком был женат Андрей, кроме как только то, что жена его была русской. Более точная персонификация его жены — плод позднейших комментариев.

В 1217 г. в районе Сатмара уп. замок Kraszna (Красный) с русскими свободными военными поселенцами: „Castrenses de Carasna... dixerunt se esse

у Дравы. Как убедительно показал в своей последней, предсмертной работе покойный А.И. Петров²⁵⁶, эти Русские были именно поселенцами, военными колонистами — из пленных или переселенцев из Руси, а не аборигены или выходцы из Подкарпатья, которое в это время — XI-XII вв. — еще было „ничьей” и почти безлюдной землей.

Кроме уже перечисленных тюркских поселений, которые можно скорее считать по- или при-граничными, существовал в Угрии и целый ряд печенежских и несколько берендейских поселений (о торкских сведений нет) внутри страны, которые, в отличие от первых, можно назвать внутренними. Их было несколько групп: фейерварско-тольнская или шарвизская, кемейская, западно-кёрёшская и чанадская (или, точнее, аранская).

Самой большой из этих внутренних групп, да пожалуй, и самой большой из всех угорских печенежских групп вообще, является фейерварско-тольнская, расположенная между Дунаем и Балатонским озером, по течению реки Шарвиз, в южной половине Фейерварского и северной — Тольнского комитатов. Эти поселения служили здесь защитой столицы Угрии Арпадовского времени — „Стольного Белгорода” — Секеш-Фейервара (Szekes-Fejervar), к югу от которого они были расположены, подобно тому как главная масса русских Черных Клобуков защищала с юга подступы к стольному Киеву со стороны степей. О большом количестве шарвизских Печенегов свидетельствуют как грамоты, прямо упоминающие здесь Печенегов, так и многочисленные поселения, названия которых говорят об их печенежском происхождении.

Таковы: Alap (уп. с 1352 г.), Bacs (1258), Bessenew, Czece (1339), Fanes (1269); Gereny (1343), Nagyhalom (1218), Ors, Rekeszto (1352), Besenyo-Sag (1345), Szent Agata (1342), Besenyo-Szent-Miklos (1342), Szent Marton (1399), Toborzok (1269), Zedereg (1337), Egres (1338), Tas, Sarbogard (1323), Tinod, Horcsok (1383) — фейерварского комитата; Dorog (1399), Hodos (1320), Kajdacs (1399), Kaptar (1399), Kozepfalu (1329), Tokosszeg (1399), Varsand (1305), Vegfalu (1399), Besenyogrev и Besenyoto (1211) и др. — Тольнского комитата. Обо всех этих деревнях есть прямые указания на их печенежское происхождение („bissenus nobilis de Boch”; „nobiles bissemi de Kwzefolu” и т.п.). Печенежского происхождения считают и название города Tolna (уп. с

liberos et genere Ruthenos”; в 1220 г. уп. villa Uruz в Бихарском комитате (теперь дер. Oroszt), см. А. Петров, ц. с. с. 65-67, V. Chaloupecky, Dve Studie, с. 38 и пр. 96; его же, Stare Slovensko с. 223, пр. 874 и 875, с. 274-5. Оба автора подчеркивают военно-сторожевую службу этих русских поселенцев.

⁵⁵ В 1267 г. уп. в одной грамоте, у р. Дравы „meta separat Ruthenis existentibus iuxta aquam Ozna”, А. Петров, ц. с. с. 67, пр. 2. Не берусь судить — связано ли возникновение этого поселения с приходом в 40-50-х гг. XIII в. из Руси князя Ростислава, сына Михаила Черниговского, ставшего баном Славонии, или же это поселение более раннего происхождения.

² ⁶ А. Петров, ц. соч., особ. с. 6 и след., с. 60 и след.

1055 г.) и ряда местностей: Aba Vajfa, Kanaes-puzsta и др.²⁵⁷, а также название речки Урман (или Орман), притока Капоша в Тольнском комитате („fluvius Vtman”, уп. с 1230 г.)⁸.

Целый ряд грамот на протяжении XIII-XV вв. говорит о предоставлении угорскими королями этим шарвизским Печенегам различных льгот по самоуправлению, об освобождении их от пошлин, даровании им дворянства; со своих земель Печенеги служили государству. Ерней называет этих Печенегов — „большой военной группой”²⁹.

Кроме того, вокруг этого основного ядра шарвизских поселений, находился на более или менее близком расстоянии от него (от 20 до 60 км) ряд спорадических печенежских поселений, как Erteny у Tamasi в западной части Тольнского комитата (уп. с 1513 г.), Besenyo-puzsta около Lepseny, к с.-в. от Палатонского озера в Веспремском ком. на границе с Фейерварским; Igar (уп. с 1348 г.) к ю.-в. от Budajk, в западной части Фейерварского ком.; Besenyo, в сев. части того же комитата; на с.-в. от главной группы, на правом берегу Дуная, против острова Чепель находилась дер. „Bessenew” (в районе Adony и Ercsi, где теперь Also-, Felso- и Kis-Besenyo); севернее, на границе Пештского комитата с Фейерварским, до сих пор существуют деревни Kis-Teteny и Nagy-Teteny, судя по названиям печенежского происхождения (дер. Teten уп. с 1405 года); на острове Чепель печенежское поселение уп. в 1306 г.: „possessiones in magna insula existens, videlicet Besseneo et Eorsziget vocatas” — с прямым указанием на близкую связь Печенегов со стражей (ог, по мадьярски — стража), быть может и здесь исполнявших какие-нибудь сторожевые обязанности. Восточнее Чепеля, уже в пределах Пешт-Пилиш-Шольт-Кишкунского комитата, с 1374 г. известна Beseneyo-puzsta, ныне Kis- и Nagy Beseneyo puzsta между дер. Sargy и Ocsa; печенежское происхождение видят и в названии современной дер. Orkeny на ю.-в. от упомянутых двух деревень²⁶⁰.

Второй большой внутренней печенежской группой в Угрии является — кемейская, по левому берегу Тиссы, в с.-в. части нынешнего Яс-Надькун-Солнокского комитата, в прежней Кемейской области. Здесь, по-видимому, еще в X в. расселен был, как мы видели выше (стр. 5), целый печенежский род Чабан, пришедший сюда со своим ханом Тонуз-Аба (Thonuzoba)²⁶. Печенеги заняли огромное пространство в Притисье; память об их хане сохранилась и в родовом

²⁵⁷ Сводка печенежских поселений — у Szokolay, с. 71-76; Csanki, III, С. 316, 317, 319, 324, 32, 329, 344, 349, 350, 354, 358, 374-5, 423, 429, 432, 433, 438, 455, 457 и Jerney, Keleti utazasa, I, с. 236-237. § 10.

²⁵⁸ Rasonyi Nagy Laszlo, Orman, Magyar Nyelv, XXIV (1928), отд. отт. с. 12.

²⁵⁹ Jerney, I, с. 236.

²⁶⁰ Szokolay, с. 72, 75, 77, 82, Csanki, I, с. 25, 36, III, 319, 332, Jerney, с. 248, §23, Melich J., Ket allitolagos honfoglalaselotti nemet helynevrol, Magyar Nyelv 1931, XXVII, с. 221-226.

² ¹ Anonymus, гл. 57 (ed. Endlicher, с. 54), O. Feher, Die Petschuegieh und die ungarischen Hunnensagen, особ. с. 129.

имени Чаба (уп. в 1255 г.), Чабанка (уп. в 1267 г.)²⁶², в перевозе через Тиссу — „portus Obad”, упоминаемый Анонимом²⁶, и в местностях Tisza-Abad, Abad-Szalok⁶⁴, Csaba, Csabamezo, Csobanka, Csobid, Csobaj, Csobolo²⁶⁵; печенежского происхождения и местность Tomaj (род Томаев происходит от Тонуз-Абы), Besenyetelek (уп. с 1347 г.), может быть и Besemihalszallasa²⁶. Большое количество грамот в течение всего средневековья будет свидетельствовать о владениях здесь потомков этих Печенегов²⁶.

Лишь очень немногочисленные свидетельства находим теперь о другой, некогда большой группе внутренних Печенегов — по нижнему течению реки Кёрёша, на границах Яс-Надькун-Солнокского и Бекешского комитатов. По утверждению автора монографии «О Печенегах комитата Бекеш-Бешеньё» П. Вадас²⁶⁸. Печенеги некогда жили на пространстве всего Бекешского комитата. Теперь следы их видим лишь в дер. Besetanya, ок. Komadi по Шебеш-Кёрёшу, западнее Варада, дер. Bessenszog ок. Дьома, у устья Фехер- и Фекете-Кёрёшей (в Бекешском комитате), Besenyohalom (у Kodmonos) и Besenyo у Atyaszeg²⁶⁹. По другую сторону Тиссы у Nagykoros существовала некогда Besenyopuszta, теперь слившаяся с этим городом²⁷¹.

Наконец, последней внутренней группой является чанадская, по р. Аранке, левом притоке Тиссы, в бывш. Торонтальском комитате, ныне частью отошедшем к Румынии, частью к Югославии. Самое древнее упоминание относится здесь к дер. Bessenta, Bessenau (или Kis-Besenyo), известной от 1230 г.; с 1232 г. уп. Nagy-Besenyo, где теперь O-Besenyo (в нын. Румынии, на границе с Югославией); рядом с этими деревнями — известно дер. Sap (Saar, уп. с 1369 г.) у Nagapgod; по Аранке же, ниже O-Besenyo, лежали Domevar и Kocsa, уп. с 1345 г., а еще ниже — Valkapu (в Югославии); около последней была дер. Veresdob, впервые уп. в 1256 г. и исчезнувшая в XVI в.²⁷¹ Несколько северо-восточнее от ядра аранкских поселений, на правом берегу Мароша, ок. Pecska и Szemlak, в ю.-з. углу быв. Арадского комитата (ныне в Румынии) с 1232 г. уп. „terra Beu”, „meta Bissenogum”²⁷², а южнее в быв. Темешском ком. (на старой границе его с Торонтальским, теперь Румыния) с 1332 г. уп. дер. Bessenew, теперь Uj-Besenyo²⁷³. Грамота кор. Людовика 1309 г., перечисляющая большин-

G. Feher, ц.с. с. 134.

²⁶³ Anonymus, гл. 57 (ed. Endlicher, с. 54).

²⁶⁴ Szokolay, с. 83.

²⁶⁵ G. Feher, ц.с. с. 134.

²⁶⁶ Szokolay, с. 83.

²⁶⁷ Gyarfas, ц.с. II, с. 51.

²⁶⁸ Vadasz Pal, Bitos-besenyó megye, Turkeve, 1925.

²⁶⁹ Szokolay, с. 84.

²⁷⁰ Там же, с. 82.

²⁷¹ Szokolay, с. 85-86, Csanki, I, с. 694, 706.

²⁷² Там же, с. 86.

²⁷³ Там же, с. 86.

ство аранских поселений Печенегов, сохранила нам указание и на несение государственной (очевидно военной) службы этими „fideles... Bisseni nobiles”: „et conservarunt (они — Д.Р.), servitia que debita”²⁷⁴.

Южнее от аранской группы, по Тиссе, на правом ее берегу, в бывш. Бач-Бодрогском комитате (теперь в Югославии), находятся поселения О-Бесе и Бесеhaza, в которых также видят следы Печенегов²⁷⁵.

Возникновение кёрёшской и чанадской групп надо вероятно относить к тому времени, когда Печенеги еще в X в. начали проникать через Карпаты в Паннонию и оседать по течению рек Кёрёша и Ма-роша.

Внутри Угрии, в районе шарвизских поселений Печенегов, находим также следы поселений и Берендеев. В Тольском комитате, около Hogyecz, уп. terra Berencz (в 1305 г.; в 1344 г. она же possessio Berench) , и местность Berend, уп. в 1439 г., вместе с таким же именем одного придворного²⁷⁷; а в Фейерварском комитате, в его северной части, в области A1- и Fel-Csut, известно было в 1325-1487 гг. poss. Berenthe . В этих комитатах известны и семьи, носившие имена Berencze, Berentei²⁷⁹.

Добавим здесь, что из отдельных лиц, носивших это имя известны Berend, сын Мартона, спасший в 1330 г. короля Карла I²⁸⁰, Thoma de Berench (1287), Demetrius niger de Berench и Erdeus de Berench (1298 г.), Laurentius de Berench (1244), Bened. Berenche (1337), Cyriae, filia Moyus de Berench (1331), Stefanus, filius Gregory de Berench, de Berencze (1393, 1409, 1435, 1436), Magister Paulus filius Joannis nobiles de Berend (1414), Gallus de Berend (1429) и др.²⁸¹

Таковы приблизительные данные о расселении по Угрии Печенегов, Торков и Берендеев. Приблизительные — потому что поселений этих было, вероятно, значительно больше, в особенности в древнейшее время X-XII вв., от которых как-раз сохранилось гораздо менее

²⁷⁴ Jerney, I, с. 237; ср. позднейшие подтверждения этой грамоты в 1390, 1392, 1405 и 1495 гг. (там же, с 238-243).

²⁷⁵ Szokolay, с. 83.

²⁷⁶ Csanki, III, с. 417.

²⁷⁷ Csanki, III, с. 417, 461.

²⁷⁸ Csanki, III, с. 319.

²⁷⁹ Csanki, III, 362. Первая уп. в 1502 г., вторая — в 1407 г.

²⁸⁰ Revai Nagy Lexikona, т. 3, с. 143, s.v. Berend.

²⁸¹ Index Alphabeticus Codicis Diplomatici Hungariae per G. Fejer ed., concinnavit Maurus Czinar, P, 1866, с. 42-43. Большинство томов Кодекса Фейера, где уп. перечисленные лица, мне остались недоступными. Paulus Berend м.б. то же лицо, что приводится у Csanki III, с. 134: Berendi Pal, как поджупан в Заласском комитате в 1437 г. Csanki еще приводит фамилию Berencsi в Бигарском (I, с. 630, 1440 г.), Berentei в Боршодском (I, с. 184, 1440-1489 гг.), Berencsi (I, с. 244, 1409-1436 гг.) и Berentei (I, с. 222) в Абай-Торнском комитатах. Интересно упоминание в грамоте 1409 г. совместно и Берендея и Печенеге, как местных землевладельцев (Csanki, I, с. 244).

известий, чем от последующих. Кроме того, как мы уже видели, поселения этих трех тюркских народностей не всегда обозначались именами самих народностей (как Бешеньё, Беренч, Торч), но часто и именами отдельных родов, семей и даже отдельных лиц; отсюда — остаются невыясненными большое количество подобных несомненно тюркских поселений, сведения о которых начинают встречаться лишь с XIV и след. столетий: принадлежали ли они Печенегам, Торкам и Берендеям или же позже явившимся и оседавшим иногда на тех же самых местах — Половцам, чей язык, по-видимому, был почти схож с языком предшествовавших им тюркских собратьев.

Что касается возникновения этих тюркских поселений на территории Угрии, то оно, по-видимому, было двояким. Одни Тюрки, особенно такие группы их, как кемейская, кёрёшская, может быть и аранкская, явились просто следствием прихода в эти места большого количества Печенегов, просочившихся сюда через южные и северные Карпаты, разместившихся здесь, включенных в черту угорской государственности и оставленных ею здесь на вечные времена. Лишь постепенно эти поселенцы были превращены Угрией в послушную служилую массу.

Другая же часть тюркских поселений в Угрии возникла инициативой самой угорской государственности, формировалась, вероятно, гл. обр. из пленных и расселялась Мадырами согласно стратегическим интересам своего государства. Таково, вероятно, возникновение северных (словацких), западных (лайто-рабских и дравских) и южных (придунайских) пограничных тюркских поселений, а также и внутренней, шарвизской (секеш-фейерварской) группы.

Особенно наглядна принудительность расселения этих кочевников — в Словакии, в стране, которая по своим географическим условиям не могла бы быть местом добровольного пристанища для кочевника: гористость и лесистость западной Словакии — с одной стороны, и болотистость по течению рек — с другой, были совершенно не подходящими условиями для кочевого хозяйства. И как раз здесь, у словацких рек, и в глухих лесных областях, мы находим одинокие поселения-посты Печенегов и Берендеев.

III

Рассмотрим теперь немногочисленные свидетельства мадырских источников о роли, какую играли в Угрии эти тюркские поселенцы. В отличие от русских летописей, угорские хроники сохранили память лишь об одних Печенегах, ничего не упоминая о Берендеях и Торках, которых было в Угрии по-видимому, совсем немного, в особенности последних.

Огромный наплыв вооруженных Тюрков, поселение их большими группами в разных местах Угрии, близость печенежской родовой аристократии, к Арпадовичам и даже занятие одним из представите-

лей этой аристократии угорского престола, предоставление Печенегам укрепленных местностей и постройка ими новых — все это должно было придать, в условиях только что созидавшейся мадьярской государственности — во втор. пол. X — втор. пол. XI столетий — немаловажное значение, быть может даже большее, чем печенежско-торкский наплыв на Русь в эпоху Святополка II и Владимира Мономаха (первая четверть XI в.).

В XII—XIII же веках, с укреплением угорской государственности, и с включением в ее непосредственное управление расселенных по Угрии Тюрков, управлявшихся до того еще своими ханами — с одной стороны, и с постепенным уменьшением количества этих тюркских поселенцев, и денационализацией, омадьяриванием ханских родов с другой — значение Тюрков все более будет уменьшаться и ограничиваться лишь вспомогательной военной силой.

Некоторой реминисценцией значения Печенегов является царствование Стефана II (1115-1131), ярого, если верить Туроцу, печенегофила; заходившего в своих симпатиях к этому народу так далеко, что был готов за одного убитого Печенега казнить десять Мадьяр. При этом короле, Печенеги — народ, который „привык к преступлениям” по выражению летописца — во главе с своим ханом Татаром, только что спасшимся от меча византийского императора и нашедшего приют в Угрии — особенно неистовствовали и угнетали Мадьяр²⁸². Повидимому значение Печенегов при угорском дворе окончилось со смертью же Стефана, по крайней мере позже мы больше о них не слышим.

С конца XIII ст. все более редкуют упоминания о печенежской народности в Угрии, ограничиваясь известиями лишь о нескольких наиболее плотных группах их поселений внутри государства. Немаловажное значение в уменьшении этих поселений сыграло вероятно татарское нашествие. В XV в. прекращаются последние упоминания и об этих Печенегах.

Как пограничные, так и внутри государства поселенные, Печенеги обязаны были нести конную военную службу, составляя легкую конницу угорского государства, в большинстве случаев потребляемую в виде передовых разведывательных или Стрелковых отрядов²⁸³.

²⁸² „Cuni vero (о том, что под «Куны» здесь надо видеть Печенегов, см. выше, с. 19) qui permissionibus regis, fuerant assueti sceleribus, nec tunc minus saeviebant in Hungaros. Hungari vero, cum audissent, quod rex in mortis esset articulo, interfecerunt Cunos, qui eorum bona diripiebant. Tatar autem, dux Cunorum, conquestus est regi, de nece suorum. Rex autem putabat, se aliquantulum alleviatum esse ab aegritudine. Cumque vidisset Tatar lachrymantem, caeterosque Cunos circumfusus lamentantes, quia supra modum diligebat eos, infremuit et dixit: „Si sarititati restitutus fuero, pro unoquoque, quem ex vobis interfecerunt, decem interficiam...” (Thwrocъ И, гл. 63, с. 141-2).

²⁸³ Об их быстрых лошадях см. у Бонфиния (ум. 1503 г.): „equorum pemitate admodum delectari” (Ant. Bonfinius, Rerum Hungaricarum Decadis, II, L. IV, p. 220, Hanoviae, 1606; ср. Jerney ц. с. I, с. 265) и в грамоте о катаяских

Не сохранилось никаких сведений о роли Печенегов в достефановское время, как и от времени самого Стефана. Первое свидетельство о Печенегах среди мадьярского войска относится к 1052 г. Мадьяры в этом году вели на лайтенском пограничье войну с германским императором Генрихом III. Во время этой войны впервые и выступают Печенеги, как военная сила, и выступают, заметим, со всеми своими характерными приемами азиатской ловкости и лихости. Вместе с Мадьярами они по ночам подкрадывались к лагерю германского императора и арканами похищали часовых, а днем — донимали Генриха своими отравленными стрелами.

Еще более типично поведение Печенегов в 1074 г., на том же лайтенском пограничье. Когда изгнанный из Угрии Гезой прежний король Соломон с немецкою помощью подступил к угорской границе, Печенеги спешат использовать в своих интересах ту роль, какая выпала им в этой междоусобной войне, и заявляют Гезе, что они готовы защищать шопронское пограничье и не пропустят Соломона, но при условии, если король даст им „свободу”, т.е. привилегии. Геза обещал им это, и Печенеги во главе с ханом своим Солтаном стали воевать; однако, несмотря на то, что Немцы, „испугавшись страшного вида” их, не помогли Соломону, он один с собственными силами разбил Печенегов; большая часть их погибла в озере Ферте и лишь немногие, с ханом Солтаном, спаслись бегством²⁸⁵. Такое оппортунистическое поведение Печенегов очень напоминает их собратьев — киевских Черных Клобуков, не раз заявлявших какому-либо князю в междоусобиях за Киев: „аже ны хочещи любити... и по городу (в держание) ны дасти по лепшему, то мы на том отступим (от твоего противника —

Др _{y>286}

В 1116г. мы находим Печенегов вместе с таинственными Сикулами в войске, сопровождавшем Стефана II при его свидании с чеш-

спикуляторах 1339 г.: „equis bonis velocibus”, Jerney ц.с. I, с. 254-5; об „equitus Bisseni” у Буковых гор упомянут еще в грамоте 1067 года. Не идущие в поход Печенеги должны были платить налог соответственно количеству своих лошадей (грамота палатина Дьюлы арпашским Печенегам 1222 г.); „quod reuoluto semper tercio anno comiti eorum (Печенегов) debent dare pro nouitate sex pensas denariorum de montua, de duobus equis. Qui vero in expeditionem ire non potuerint, de quolibet equo sex pensas persoluent”, — Endlicher, с. 419-420, Jerney I, с. 234 и 262. Ср. Szokolay, с. 70.

⁸⁴ Insuper etiam Hungari et Bisseni, singulis noctibus, acriter eos infestabant, toxicatis sagittis eos interficiendo et fimes extendentes tiner papiliones eorum, quamplures, aliqua seruitia facientes, rapiebant. Thwroc, II, гл. 43, с. 109-100. Ср. Jerney, I, с. 230-231; Gyarfas, II, с. 70.

²⁸⁵ „eo tempore, Bisseni, unanimiter rogauerunt regem Geysam, ut, si eos libertate donaret, ipsi insultus regis Salomonis, omnino coercerent; ita, quod, nee auderet exire Moson et Poson, ad tentandam Hungariam. Rex autem Geysa, se petitioni eorum condescensurum promisit, si ipsi hoc, quod promiserant, adimplerent” (Thwroc, II, гл. 53, с. 126).

⁸⁶ ПСРЛ И, ст. 501, 1159 г.

ским королем Владиславом. Встреча происходила на границе обоих королевств у р. Олынавы²⁸⁷, и целью ее было укрепление мира между обоими государями; однако случай превратил эту встречу в кровопролитное сражение. Король Владислав, видя боевой порядок войск Стефана, решил предупредить Мадьяр и сам напал на них, но был отбит, а Печенеги и Сикулы были пущены по убежавшим. Однако новый напор Чехов смял Печенегов и Сиколов и те, бросившись бежать, увлекли с собою и остальных. Свидание королей неожиданно превратилось в страшное поражение угорского войска²⁸⁸. Упомянутые здесь Печенеги составляли вероятно ту пограничную печенежскую стражу, которой, как мы видели, было так много в этих местах.

В 1146 г. встречаются Печенеги в войске кор. Гезы II во время войны его австрийским герцогом Генрихом Язомирготом. В области р. Лайты и крепости Мошон, где велась война, они вместе с Сикулами составляли конный передовой отряд лучников. Здесь прямо говорится, что это были лайтенские пограничники. В удачном для Мадьяр сражении, Печенеги однако в самом начале битвы были разбиты Немцами и, по одним источникам — почти все погибли вместе со своими двумя начальниками „графами”, по другим — спаслись бегством²⁸⁴.

В 1150 г. Печенеги вместе с Халезами²⁹⁰ составляли вспомогательное войско Мадьяр у Сербов, в их войне с Византией²⁹¹.

Больше мы не встречаем прямых упоминаний о печенежских отрядах в Угрии²⁹². Можно только предполагать, что они подразумева-

²⁸⁷ Обычно эту реку чешские историки отождествляли с Ольшавою, притоком Моравы. Но недавно, V. Chaloupecky, Stare Slovensko, с. 79-82, высказал предположение, что под этою рекою надо видеть р. Голешку (Iloleska), приток Вага (ср. выше).

Thwrocъ II, гл. 63, с. 139. Туроц презрительно называет здесь Печенегов и Сиколов „Besseni atque Siculi vilissimi”; см. еще Cosmae Chronicon Bohemorum, гл. 48, Fontes Rerum Bohemicarum, II, с. 178-179. Ср. L.v.Szalay, Geschichte Ungarns, B I, с. 278-9; Fr. Palacky, Dejiny narodu ceskeho, v Praze, 1906, с. 209-210; V. Novotny, Ceske Dejiny, d. I, с. II, v Praze, 1913, с. 521-3; см. еще Jemey, I, с. 231 и 259 и Gyrfas, II, с. 97.

²⁸⁹ Thwrocъ II, гл. 65, с. 145: „Bisseni vero pessimi et Siculi villissimi omnes parites fugerent, sicut oves a lupis”, тогда как Ottonis Frisingensis Gesta Frid. I, Lib. I, с. 33: „ac illas cum duobus comitibus, qui eisdem praerant, ferme funditus delevit” (ed. Waitz, с. 42). Ср. Грот, Угория и Славянство, с 87, Gyrfas, II,

с. 120.

У угорских королей с конца XI в. был отряд мусульман Хорезмийцев из г. Кализии; эти Тюрки сперва бежали с арабской военной службы в Византию, а уже из Византии попали в Угriu. О них см. Karacsonyi, Kik voltak s mikor jottek hazankba a boszormenyek vagy ismaclitak (цит. по K. Kadlec, Prudy, 1925, с. 80-81).

⁹¹ Joannis Cinnami, III, 8 (ed. Bonn. p. 107). Ср. Грот, Угория и Славянство, с. 163; В. Васильевский, Из истории Византии в XII в., Славянский Сборник, т. II, СПб. 1877, с. 247.

²⁹² Jerney I, с. 231 относил последнее упоминание о печенежских отрядах Угрии к 1260 г., когда в Крессенбрунской битве Белы IV с Отокаром II Чеш-

ются в описании событий 1162 г., когда кор. Стефан IV после неудачной борьбы с племянником Стефаном принужден был бежать в Грецию: по Мюглену он бежал лишь после того, как ему изменили бывшие с ним язычники”²⁹³.

К сожалению, наши сведения об участии Печенегов в угорском войске столь немногочисленны и сами по себе столь кратки и отрывочны, что по ним крайне трудно составить представление о значении Печенегов в угорском военном деле.

На большинстве угорских границ печенежские поселения были лишь вкраплены в систему пограничной обороны; за этими приграничными поселениями во многих местах находились небольшие тыловые группы в виде ряда поселений, расположенных уже несколько более вглубь страны. Такое впечатление получается при рассмотрении южного и западного пограничья с их тыловыми печенежско-берендейскими поселениями в Бараньском и Тольнском комитатах, у озера Балатон, и в Дьёрском комитате, а также и северного, словацкого пограничья с его тюркскою скученностью у низовья реки Житавы. На границах Тюрки могли нести лишь сторожевую службу, опираясь на засеки и крепости, может быть подобно тому, как несли такую ее сторожевую службу их собратья у галицких, волынских или переяславских князей на Руси; но на мошоно-шопронском пограничье или по Шарвицу, под Секеш-Фейерваром, количество этих Тюрков было уже столь значительно, что здесь они представляли собою серьезную силу, наподобие киевских Черных Клобуков, способных самостоятельно оборонять пограничье или подступы к столице. Наконец остальные внутренние печенежские группы, как аранкская или кемейская, вероятно лишь поставляли в угорское войско известное количество своей легкой конницы. О количественном соотношении собственно мадьярского и печенежского элемента в угорском войске — у нас нет данных; можно только с уверенностью сказать, что в XII-XIII вв. этих Тюрков в Угрии было сравнительно много меньше, чем в современной ей Руси, где черноклобуцкий элемент бывал даже численно преобладающим в сравнении с русскими княжескими дружинами.

ским, в войсках Белы упоминаются „innumeram multitudinem inhumanorum hominum Comonorum et Ungarorum et diversorum Sclavorum, Siculorum quoque et Walachorum, Bezzerninorum et Hysmahelitarum, Seismatieorum etiam, ut pote Graecorum, Bulgarorum, Rusciensium et Bosnensium haereticorum” (письмо кор. Отокара папе, Font. Rer. Bohem. II, с. 315). Ерней из Bezzerninorum сделал Bezzenninorum, т.е. Печенегов, тогда как это было название мусульман «бурсурман», вероятно Хорезмийцев. Не надо смущаться двумя приводимыми названиями для мусульман и обязательно видеть здесь два различных народа: перечисления эти явно стилизованы под библейский параллелизм. Аналогичную стилизацию А. Петров заметил у Анонима (см. его Древн. грамоты, с. 76, пр.3).

²⁹³ Грот, Угрия и Славянство, с. 282-3 и пр. 5. Заметим, что несчастная для Стефана IV битва произошла вблизи Секеш-Фейервара, где как раз более всего было поселено Печенегов.

Чрезвычайно подвижное, с собственной общекочевнической военной тактикой, это своеобразное войско угорских королей, вместе с другими подобными тюркскими отрядами Половцев, Хорезмийцев, пользовалось известностью в средневековой Европе и угорские короли посылали этих Тюрков далеко за пределы своего королевства в помощь своим союзникам или обращающимся за военной поддержкой соседям. К сожалению, хронисты обозначают эти отряды не по названиям, а общим термином „стрельцов“, и нет возможности, поэтому, различать, кто именно из угорских Тюрков посылался в том или другом случае²⁹⁴.

Печенеги приходили в Угрию со своими ханами — *disi* латинской терминологии, и в древнейший период своего пребывания в Угрии — втор. пол. X — втор. пол. XI вв. — эти печенежские ханы получали очень большое значение²⁹⁵; им отдавались в управление укрепленные городки — так, напр., полулегендарным братьям Биле и Баксе князь Токсон отдал Пешт²⁹⁶ а Пота сам строит крепость под Матрою²⁹⁷; они роднились с Арпадовичами — с князем Токсоном²⁹⁸ и с королем Стефаном²⁹⁹ и в силу такого родства один из печенежских ханов, в лице Самуила-Абы, занимал угорский престол в 1041-1047 гг.³⁰⁰ Память об этих ханах, пришедших в Угрию) еще язычниками, будет долго сохраняться и еще была жива во времена Анонима, писавшего на розгране XII-XIII вв.³⁰¹

С ростом и укреплением угорской государственности, эти тюркские ханские роды, управлявшие Печенегами, заменялись представителями угорской королевской власти, графами — *comes*, под верхов-

²⁹⁴ Таков напр, пятисотенный или шестисотенный отряд, посланный в 1158 г. Гезой II в Италию с импер. Фридрихом („600 sagittarii electi“ у Rahewini, Gesta Frid. I Imper. Libr. III, cap. 26, ed. Waitz, с. 158 и „quingentis Saracenis“ у Vincencius Pragensis, Font. Rer. Bohem. II, 425. Ср. Грот, Угрия и Славянство, с. 234). Об отряде, посланном в 1132 г. в Италию с германск. императором и в 1203 г. в Тюрингию с кор. Отокарм I Чешским, известно, что они состояли из Половцев (Jaffe, Bibliotheca Rerum Germanicarum, t. V, с. 446-7; Arnoldi, Chronica Slavorum, VI, 5, M.G.SS. XXI, с. 216; см. V. Novotny, ц.с. 12, с. 621).

“Таковы были Аба, Пота, Томай, Кемей, Ботонд, Кульпун и др., упоминаемые Анонимом, на печенежское происхождение которых указал G. Feher, ц. с., особ. с. 129, 140. Таков был и уп. выше „Zultan, princeps Bissenorum“, приводимой Туроцом (II, гл. 53), и „dux nomine Tatar“ 1123 г. у того же Туро-

³⁰⁰ Anonymus, гл. 57, с. 53; Ср. G. Feher, с. 131 и 136. Текст приведен выше на с. 6 в прим. 25.

²⁹⁷ Anonymus, гл. 32, с. 29. Ср. G. Feher, с. 125. Текст см. выше, на с. 28 пр. 162.

²⁹⁸ Anonymus, гл. 57, с. 53, Ср. G. Feher, с. 129.

²⁹⁹ Szalay, I, с. 156.

³⁰⁰ О происхождении Самуила-Абы — у Anonymus, гл. 32, с. 29; о печенежском происхождении его рода — у Feher, с. 125-9, 134, 137.

³⁰¹ Напр, о Кемее, Кетеле, Опультульне и др.

ное ведение которых Печенеги теперь передавались. Таковы: Ochus, curialis comes et comes Bissenorum (1216 г.), магистр Mikch, бан Славонии „et comes Bissenorum” (1329 г.), Marothi Janos, бан Мачвы, носивший звание: „Banus Machoviensis et comes Bissenorum” (1406 г.)⁴; таким был и палатин Дьюла, правитель Шопрона⁵ comes Suproniensis, которому были подчинены арпашские Печенеги³, жившие в восточной части Шопронского комитата, и который дал им в 1222 г. грамоту, определявшую их военные обязанности. Из этой грамоты мы видим, что кроме палатину, Печенеги в некоторых отношениях подчинялись еще и иобадииам, а непосредственно управлялись особыми comes et iudices. Эти графы и судьи были, по-видимому, большею частью Печенегами³⁰⁴, вероятно их родовыми старшинами. Они не только управляли и судили, но и вели Печенегов в поход³⁵; впрочем, по грамоте 1222 г., у арпашских Печенегов их comes обязан был идти лишь в первый поход после своего вступления в эту должность; в последующие — идти уже не был обязан.

Выступать в поход Печенеги должны были в собственном вооружении, так, по крайней мере, требует от катаяских спикюляторов королевская грамота 1339 г.³⁰⁷

Очевидно эта степень самостоятельности, выражавшаяся в праве иметь своих судей и родовых старшин, разбиравших их внутренние дела, выступление на войну своими отдельными отрядами, а также освобождение от каких бы то ни было пошлин с тех земель, кои им принадлежали как государевым людям, — и составляло те свободы и привилегии, о которых так часто упоминают мадьярские грамоты. За все это Печенеги несли военную службу; одинаково — как расположенные на границах³⁰⁴, так и размещенные внутри страны.

⁴ Jerney I, c. 263, §43.

³⁰³ „Bisseni de Arpas, ad nos uidelicet Palatinum pertinentes” (Jerney, I, c. 233' cp. Endlicher, c. 419).

³ ⁴ Примером такого comes Byssenorum, бесспорно печенежского происхождения, может служить Печенег Григорий, имевший кроме того еще звание магистра: Magister Gregorius Byssenus, comes Byssenorum, уп. в 1351 г. в Тольском комитете. В 1346 г. он уже уп. как „Rector Bissenorum”, Jerney I, c. 236 263.

³ ⁵ Грамота арпашских Печенегов 1222 г., кроме того — у Оттона Фризингенского; текст см. выше, с. 45, пр. 285.

³⁰⁶ „Comes eorum non debet ire inter eos, nisi semel, quando fit de nouo”, Jerney, I, c. 234, Endlicher, c. 420.

⁰ „armati decenter incendentes”, Jerney, I, c. 255.

³⁰⁸ „Quod eorum libertas ab antiquo instituta” (1222 г., Jerney, I, c. 233); „in libertate Bissenorum possidendam” (1269, там же, I, c. 236). Ерней главный признак печенежской свободы видел в наличии у них собственных судей (там же, I, c. 267). О бараньских Печенегах грамота Белы IV 1230 г. говорит: „iuxta libertatem ipsorum servituros” (там же, I, c. 245).

³⁰⁹ В мошонской пограничной линии „predium, quod Bysseni quondam possidebant, de iure Musuniensis castri exceptum” (1203 г., Jerney, I, c. 232).

³¹⁰ Арпашские Печенеги „servita que debita” (1369 г., Jerney, I, c. 237).

Однако и эта некоторая самостоятельность не спасла Печенегов от сравнительно быстрой денационализации. Там, где Печенеги жили более рассеянно, небольшими пограничными отрядами, а главное, где они не могли по условиям местности продолжать свой полукочевой образ жизни, не могли заниматься скотоводством и коневодством, а принуждены были оседать на земле или по городам — там эта денационализация должна была осуществляться быстрее.

В Словакии, стране по преимуществу лесной и гористой, где не было много простора для кочевого хозяйства, эта денационализация Печенегов должна была начаться рано. Уже в 1075 г. встречаем здесь „(h)ortum besenendi” , что показывает на то, что Печенеги уже оседали на земле; из грамот же 1218-1229 гг. узнаем, что у Печенегов в Шомодьском комитате были виноградники ¹². Примером ославянивания Тюрков в Словакии может служить сравнение личных имен этих „servientes in equo proprio, qui wlgo Uiosicsag (lovassag, что по-мадьярски значить конница) dicuntur”, поселенных на р. Житаве, по двум грамотам ок. 1165 г. и 1247 г., из которых видно, что ок. 1165 г. эти „jobagiones equites” еще носили свои тюркские имена, тогда как в 1247 г. эти имена уже, в большинстве, словацкие ³¹³.

Христианизация Печенегов также означала для них утрату ими их тюркской самобытности. Пришли Печенеги в Угрию еще язычниками; язычниками они известны и в первое время своего пребывания в Угрии¹; но с середины XIII ст. в Варадском регестре, относящемся к перв. пол. XIII в.; мы уже встречаем в районе Бигара „ecclesia de Beseneu” и „abbatia de Beseneu” ³¹¹.

Устойчивее печенежский элемент держался в местах наибольшей скученности Печенегов — в трех больших группах их поселений в

³¹¹ Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, ed. Knauz, I, c. 56.

³¹² „Item confirmamus (коп. Андрей II) etiam sententiam definitivam nostri Palatini Nicolai, filii Borz, quam fecit contra Byssenos de Nagyhalom et Albenses Latinos; ita quidem, ut cum dicti Bysseni de patrimoniabus suis decimam dare non repudient, imo inuiti compellantur, multo magis de vineis suis in Comitatu Simeghienti emitte aquisitis, vel vinis emitte congregatis dare teneantur” (Jerney, I, c. 249; cp. Szokolay, c. 72).

¹³ Monum. Eccl. Strigon. I, c. 118-119 и 364-5; V. Chaloupecky, Stare Slovensko, c. 286, np. 1129.

³¹⁴ Таков напр, полулегендарный хан Кетель, о котором Аноним пишет, что „ipse Ketel et filius suus Tulma more paganismo sepulti sunt” (гл. 15, c. 18), а хан Тонузоба „infide uanus noluit esse Christianus, sed cum uxore uiuus ad portum Obad est sepultus, ut ne baptizando ipse et uxor sua uiuerent cum Christo in etemum. Sed Urcund filius suus Christianus factus, uiuit cum Christo in perpetuum” (гл. 57, c. 54). В 1067 г. уп. между pp. Сланую и Ягером „sepulturae Bissenorufi”, очевидно курганы, поразившее христиан (V. Chaloupecky, ц. с., c. 85 и пр. 340; Szokolay c. 80-81). Немцы печенежские поселения в Трансильвании называли Heidendorf (P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Pest, 1877, c. 231-2; см. еще V. Chaloupecky, ц. с. c. 85, пр. 340).

³¹⁵ Jerney, c. 246; Szokolay, c. 84.

Угрии: шопроно-мошонского пограничья, шарвизской и чанадской (аранкской); здесь Печенегов было особенно много, а равнинная местность по рекам (Лайте, Рабе, Шарвизу, Аранке) особенно способствовала ведению здесь полукочевого хозяйства; еще в XIV в. в шарвизской группе поселений будут встречаться „*comiti bissenorum*” из Печенегов³¹⁷, управлявшие своими же собратиями³¹⁸; права чанадских Печенегов, живших по реке Аранке еще в 1369-1405 гг., будут подтверждаться грамотами угорских королей³¹⁹. На лайтенском пограничье грамота 1339 г. рисует спикюляторов крепости Кага характерными чертами кочевников: кавалеристами, разъезжающими на быстрых своих лошадях и держащимися своим родом³²⁰. Еще ярче обрисовал Печенегов этой поздней поры Бонфиний, писавший в конце XV в.: „их обычаем, говорит он, является: пользоваться копыями, носить

³¹⁶ О полях Лайтенского пограничья говорит Отгон Фризингенский, I, гл. 33 (под 1146 г., ed. Waitz, с. 41); косвенным указанием на занятия скотоводством и коневодством Печенегов этого пограничья является декрет кор. Владислава (1077-1095) ed. Endlicher, Lib. II, cap. 15, с. 338 о запрещении пограничной страже и ее „графам” продавать лошадей и быков за границу, что, очевидно, практиковалось: *comites confinium, si eques vel boues ultra fines huius patriae, sine licentia regis, uendi permiserint, comitatus honore priuentur. Custodes ergo confinium, qui uulgo Ewri uocantur* (об этом слове см. выше, с. 19-20), *si absque sciencia comitum tale quid consenserint, libertatem amittant, si pauperes fuerint. Illis uero custodibus, qui presunt, si in culpa eadem rei inuenti fuerint, cum omnibus quae habuerint, pereant, soli filii et filie in libertate, permaneant*” (S. Ladislai Regis Decretum II, 15, ed. Endlicher, с. 338-9. Cp. Jerney, I, с. 252).

³¹⁷ Напр, упомянутый уже выше *Magister Gregorius Byssenus, comes Byssenorum*, 1351 г. (с. с 47, пр. 300).

³¹⁸ В 1383 г. уп. дер. Korosok, которая находилась „*inter bissenos*”; в 1399 г. уп. „*nobiles Bissen*”: „*de Belch*”, „*de Parthas-Dorag*”, „*de Kwzepfalu*”, „*de Thukusszeyh*” (Szokolay, с. 74-75).

³¹⁹ Грамоты приведены у Jerney, I, с. 237-243. Jerney, I, с. 237 считал, что эти печенежские поселения были уничтожены турецким разорением. Еще в 1435 г. слышим о благородных Печенегах, которые Исключались из-под ведения судей, их судил сам король (Szokolay, с. 85); однако, по-видимому, денационализироваться аранские Печенеги начали еще до турецких разорений: печенеги местности Nagy-Besenyó в 1405 г. уп. в королевской грамоте еще как „*fideles nostri Bessen*” *nobiles de Nagy Bessenew*, тогда как в грамоте 1495 г. те же надь-бешенцы названы просто „*nobiles de Nagy-Bessenew*”, уже без упоминания их печенежской народности. Грамоты -г- у Jerney, I, с. 240 и 242; на это обратила внимание и Szokolay, с. 86 со ссылкой на Borovsky, A honfoglalás tortenete, с. 144.

³²⁰ „*Nos Laurentio, Ioanni et Nicolao, Spiculatoribus nostri de Katha de comitatu Mosoniensi ipsorum et totius generationis eorumdem de eodem*”... и далее об этих мошонских спикюляторах: „*ita tamen, quod iidem nostri Spiculatores eorum seruitia et officia spiculationis; ut quemadmodum eorum progenitores antiquitus exercebant, facere et exercere teneantur, more consueti absque cuiusvis temporis intervallo, equis bonis, velocibus, sepe conservatis, armati decenter incedentes*”, Jerney, I, с. 254-5.

длинные бороды, длинные усы, носить шапки со шлыком и одеваться по персидскому образцу в развевающиеся шелковые одежды”³²¹. К концу XV в. таких Печенегов сохранилось вероятно уже немного: это последнее подобное известие о них³²².

Потомки ханов и более мелкая родовая печенежская аристократия, известная в угорских грамотах под именами *comes* и *nobiles bisseuorum* (являющихся полной аналогией „лепшим мужам” в Черных Клобуках Киевской Руси)³²³, проникали на различные государственные и придворные должности Угрии, достигая иногда очень высокого положения. Так в 1342 г. Веке Bissenus был судьей острова Чепеля (*comes Insulae majoris*); Печенег Бенедикт в 1329 г. уп. верховным жупаном Бараньского комитата; в 1404-6 гг. уп. *Magnificus Paulus Byssenus de Eorghede*, занимавший должность бана Далмации, Кроации и Славонии; наконец Печенег Маг (*Magh, Moch*) занимал одну из самых высоких должностей в Угрии — палатина и бачскаго верховного жупана³²⁴.

Отдельные Печенеги проникали к угорскому двору. Около 1225 г. уп. *Aba Bissenus* (очевидно из рода кемейских Абаев), которой был „*homo regius*” короля Андрея II; в 1381 г. уп. Матфей, а в 1386 г. Стефан, — Печенеги, придворные королевы Марии³²⁵. Но кроме этих лиц, с прямым указанием на их печенежское происхождение, существовало огромное, количество родов (Абы, Чабаи и мн. др.), ведших свое происхождение от Печенегов³²⁶.

IV

Переходя к обзору расселения Печенегов, Торков и Берендеев на Руси, надо прежде всего отметить различие источников наших сведений об этих народах для Угрии и Руси. О поселенных в Угрии Тюрках узнаем главным образом из грамот, особенно многочисленных со времени короля Андрея II (1205-1235). По этим грамотам мы восстанавливаем картину расселения тюркских племен по Угрии; несрав-

³²¹ Illis mos est vexillationibus uti, demissas ferre barbas et labri vel maxime superioris nutrire pilos caudata cristatave secum ferre pilea, fluitantibus quoque vestibus indui, iisdemque sericeis, in Persarum morem et equorum pernicitate admodum delectari (Bonfinus, *Rerum Hungaricarum Dec. II, Lib. IV, p. 220*, Hano-viae, 1606).

³²² В 1406 г. уп. *Ioannes de Maroth, Banus Machoviensis et cornes Bissenorum* (Jerney, I, с 263), что, как будто, говорит за то, что Печенеги еще в нач. XV ст. существовали в Мачве.

³²³ „Лепшии мужи в Черных Клобуцех”, ПСРЛ II, ст. 676. О них см. ниже.

³²⁴ Jerney, I, с 263-264.

³²⁵ Jerney, I, с. 264.

³²⁶ G. Feher, ц. с., особ. с. 134-140; об Абаях — у Gombocz Z., *Arpadkori torok szemelyneveink, Magyar Nyelv, XI (1915)*, с 342 и след.

ненно меньше сведений почерпаем из хроник. Наоборот, для Руси, где частично-правовая жизнь еще не достигла в XI-XIII вв. той фиксации, какую знала Угрия, у нас нет грамот, позволявших бы проследить расселение Тюрков; зато полны упоминаний о Черных Клобуках, как звали здесь этих поселенцев, русские летописи и гл. обр. Киевская, которая раскрывает нам не столько географическое расселение, сколько политическое значение Печенегов, Торков и Берендеев в жизни Киевской Руси³²⁷.

Если начать обзор черноклобуцких поселений на Руси с запада, то первым пограничным с Угрией русским княжеством будет Галицкое. Подобно тому, как в Угрии, в северо-восточных ее пределах, на путях из Галиции, встречаем печенежские, торкские и берендейские поселения, так и на Руси, в Галиции, на западном ее пограничье, для защиты со стороны Угрии, сидели, расселенные Русью — те же Печенеги, Торки и Берендеи. В летописи есть только одно указание на существование в Галицком княжестве Черных Клобуков — от 1097 г. Слепленный теребовльский князь Василько³²⁸ признается в своих военных планах: „яко приде ми весть яко идут [къ мѣне] Берендичи и Печенежи и Торци и се рекох в уме своемъ: оже ми будут Берендичи и Печенежи и Торци, реку брату своему Володареву и Давыдову: даита ми дружину свою молотыпную а сама пиита и веселитася и помыслих на землю Лядскую наступлю на зиму и на лето и возму землю Лядскую и мыщю Русьскую землю”.³²⁹ Из этих слов Василька видно, что Черные Клобуки находились где-то далеко от него, очевидно у южных окраин Галиции. Что это были поселенцы на русском пограничье, а не степные Тюрки, явствует из дальнейших слов Василька, собиравшегося затем идти, по-видимому с теми же Берендеями, Печенегами и Торками, на Половцев³. На верховьях Прута, у Коломыи, в прежнем галицком Понизии до сих пор существует дер. Печенежин³³¹. Может быть в ней можно видеть следы тех черноклобуцких поселений, о которых говорил теребовльский князь.

В районе Перемышля до сих пор находятся деревни Берендевичи и Торки³³²; такое расположение некогда тюркских поселений указывает на стремления галицких князей иметь наготове военные отряды

³²⁷ В настоящем очерке мы не будем останавливаться на оценке значения этих Тюрков для Руси, так как это рассмотрено нами в специальной статье: «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси», *Seminarium Kondakovianum*, I, 1927, с. 93-109.

³²⁸ Теребовльское княжество находилось на юго-восточной окраине Галицкой Руси.

³²⁹ ПСРЛ т. I, 1, ст. 266.

³³⁰ „И посем хотях проситися у Святополка и у Волдримера ити на Половци, да любо налезу собе славу а любо голову свою сложю за Русскую землю”, там же, с. 266.

³³¹ М. Грушевский, *Ист. Укр.-Руси*, II, с. 585.

³³² Там же, с. 585.

против Угрии в случае вторжения Магьяр через ближайшие Лупковский или Ужокский перевалы.

Юго-восточнее, на верховье Днестра, в 10 км на запад от г. Самбора есть деревня Торчиновичи³³³, расположенная у выхода в днестровскую долину из Карпат, если переходить их Верецким перевалом; м. б. это торкское поселение и было рассчитано для защиты этого пути из Угрии.

Наконец, упомянутый нами Печенежин у Коломыи мог быть как заслоном против степей, так и против Яблоницкого (Татарского) карпатского перевала.

На пограничье с Волынью, около Звенигорода находится „могила Печенеги” (Бобрецкого округа)³³⁴, м.б. память о бывшем тюркском поселении, которое имело здесь полный смысл, т.к. Звенигород был расположен на большом пути из Киева в Угriu и служил заслоном со стороны Волыни к внутренним областям Галиции. Недалеко отсюда, в соседнем Перемышлянском округе существует поселение Печенея³³⁵.

Переходя затем к Волынскому княжеству, мы прежде всего находим след черноклобуцкого поселения на пути из Галиции к столице княжества — Владимиру Волынскому, на южных подступах к нему у Буга, где до сих пор есть дер. Торки, Сокальского округа Галиции³³⁶. Далее известные нам следы Черных Клобуков будут находиться почти по прямой линии от Владимира Волынского на восток, указывая нам на последовательные заслоны, устроенные из этих поселенцев друг против друга Волынью и Киевом³³⁷.

Так, приблизительно на полпути между Владимиром и Луцком, в самом центре Волынского княжества, находился город Торчев, известный в летописи с 1231 г.³³⁸; далее на восток, уже на пограничье с Киевским княжеством, в 6 км, на ю.-з. от Дорогобужа, также существовало торкское поселение, о чем свидетельствует современное местечко Торчин³³⁹.

³³³ Там же, с. 585.

³³⁴ Там же, с. 585.

³³⁵ Там же, с. 585.

Там же, с. 585; Молчановский, Очерк известий о Подольской земле до 1434 г., Киевск. Универ. Известия, 1883, с. 68.

³³⁷ Очень возможно, что эти тюркские поселения Волыни, приграничные с Киевским княжеством, были основаны в эпоху княжения в Погорине (восточной части Волыни) в 80-х гг. XI ст. Давида Игоревича. Ни перед тем — в 60-70-х гг., в эпоху первого расселения Торков на Руси, ни после 80-х гг. XI ст. вряд ли была необходимость в подобных заслонах, так как тогда в Погорине сидели князья, находившиеся в прямой зависимости от Киева (об этом см. у Грушевского, Ист. Укр.-Руси, II, с. 73-74, 363-4), что как раз нельзя сказать про энергичную личность князя Давида Игоревича. Среди его приближенных были Тюрки, об этом см. ниже, с. 62.

ПСРЛ И, ст. 767; ныне село бывш. Лудкого уезда, Волынской губ.

³³⁹ На границе бывших Острожского и Ровенского уездов, Волынской губ. — Специальная (10-верстная) карта Европейской России, издание Воен.-

В соседнем, Киевском княжестве, все на том же пути с запада на восток, прежде всего встречаем деревню Торчицы, где-то в районе древнего Корческа (совр. Корец), в бывш. Новоградволинском уезде³⁴⁰, а еще западнее — дер. Торчин, Радомышльского уезда Киевской губернии³⁴¹; здесь же есть и речка Торчанка (= Турчанка), приток Уши⁴².

Но, кроме этих северных черноклобуцких поселений на пути из Волыни в Киев, существовали и южные отдельные поселения, которые, впрочем, могли иметь значение и как пограничных с Волынью, так и заслонов от степных кочевников — Половцев. Таково, вероятно, было значение поселения Торков на р. Сниводи, левом притоке Буга, в 15 вер. к северу от города Хмельника, Литинского уезда Подольской губ., где теперь находится селение Торчин³⁴³.

Еще южнее, на речке Шпаковке, правом притоке Буга, в 18 вер. на запад от Брацлава (Подольской губ.) там, где М. Грушевский проводит приблизительную границу между Галицким Понизьем и Киевскими владениями существует до сих пор дер. Торков, свидетельствующая о бывшем здесь поселении Торков на крайнем юго-западе Киевского княжества. Впрочем, в виду полной неясности здесь границ, это торкское поселение могло находиться и во владении галицких князей.

Но центр черноклобуцких поселений Киевского княжества был еще западнее и составлял степное пространство, ограниченное с запада — речкою Гуйвою, притоком Тетерева и верховьем Десны при впадении ее в Буг, с востока — течением Днестра. Северная же и южная границы черноклобуцких поселений менялись здесь в зависимости от борьбы со степью.

После Владимира Св., которому приходилось огораживаться от Печенегов еще под самым Киевом — на Стугне, Ирпени и Трубеже,

Топографич. Отдела Главного Штаба. Это, как и ряд последующих тюркских поселений, не указаны на прилагаемой карте, т.к. были найдены мною уже после того, как эта карта была отпечатана.

³⁴⁰ М. Грушевский, ц.с. II, с. 585.

³⁴¹ Молчановский, ц.с. с. 67, М. Грушевский, ц.с. II, с. 585.

³⁴² М. Грушевский, ц.с. II, с. 585. П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ошибочно считал, что черноклобуцкие поселения Киевского княжества не простирались так далеко на запад и не переходили р. Гуйвы (ц. изд. № 9, с. 430 и пр. 6, и с. 434). Впрочем и М. Грушевский в Истории Киевской земли, с. 32-38, описывая черноклобуцкие поселения Киевского княжества ограничивается лишь Поросьем, ничего не говоря о таких же поселениях на киево-волинском пограничье.

³⁴³ Специальная карта Европ. России, изд. В.-Г.отд. Главного Штаба; Молчановский, ц.с. с. 67; М. Грушевский, ц.с. II, с. 585.

³⁴⁴ См. карту Волинского и Галицкого княжеств во II томе Ист. Укр.-Руси.

³⁴⁵ Цит. изд. специальной карты Европейской России; Молчановский, ц.с. с. 68; М. Грушевский, ц.с. с. 585.

Русь начинает снова продвигаться на юг, и ко времени первых печенежско-торкских поселений в Киевском княжестве (60-80-е гг. XI ст.) успела снова выдвинуться в степь до Роси, закрепляя за собою вновь отвоєванную область постройкой городов, валов и засек и заселяя ее пленными. Здесь были поселены и Торки с Печенегам: в 1084 г. впервые здесь упоминается „Торчский город”³⁴⁷. Но в страшные 90-е годы XI ст., когда напор Половцев достиг своей наивысшей силы, эта граница вновь сметается: сжигается в 1093 г. Торчевск, жители которого уведаются в плен, в 1095 г. оставляют свой город юрьевцы; Половцы хозяйничают под самым Киевом. Граница Руси, отходит снова к Стугне³⁴⁸.

И только с началом XII в., когда вновь начинается наступление Руси на степи и снова отстраивается Юрьев, а поредевшие черноклобуцкие поселения пополняются притоком новых поселенцев, выводимых из степей, — лишь с этого времени Русь уже не отступает от Роси; в конце же XII столетия русская граница, а с нею и пограничные черноклобуцкие поселения, продвинулись еще южнее, за Рось, к устью Тясмина (притока Днепра), к водоразделу Висьи и Тясмина, с одной стороны, и Роси — с другой, и к среднему течению Буга³⁴⁹. Здесь, за Росью, следы Торков сохранились в названии реки Торча, притока Тикича, Торческих взгорьях (между с. Богатыркою и Литвинкою)³⁵⁰; где-то здесь находились черноклобуцкие городки Чурнаев, Кульдерев и Куниль (Такуниль)³⁵¹. Впрочем, черноклобуцкие поселения южнее Роси все же оставались редкими, так как даже и в конце XII в., когда как раз начинают встречаться указания на них, — и тогда Половцы продолжают при своих набегах грабить главным образом северное Поросье³⁵².

Соответственно борьбе со степью изменялась и северная граница черноклобуцких поселений; самым северным их пунктом здесь является урочище Торч на Стугне, недалеко от Триполья у Ст. Безрадич³⁵; с начала XII в., с установлением южной границы по Роси, северную границу надо полагать по р. Красной (приток Днепра) и по верховьям Унавы (приток Ирпеня) и Каменки (приток Роси)³⁵.

¹⁴⁶ ПСРЛ I, 1, ст. 150, 1031 г. Ср. Грушевский, Ист. Киевск. земли, с. 13 и 30.

³⁴⁷ ПСРЛ I, 1, ст. 249 (в Поучении Мономаха).

³⁴⁸ ПСРЛ I, 1, ст. 225, 229. Ср. Грушевский, Ист. Киевск. земли, с. 31.

³⁴⁹ ПСРЛ I, 1, ст. 280. Ср. Грушевский, Ист. Киевск. земли, с. 13-14, 38.

³⁵⁰ Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 385.

³⁵¹ ПСРЛ II, ст. 669, 1190 г. (Чюрнаев), ст. 672, 1190 г. (Кульдерев), ст. 396, 1150 г. (Куниль). Об их положении см. Грушевский, Ист. Киевск. земли, с. 13, 36, 38; Барсов, Очерки русской историч. географии, с. 139.

³⁵² В 1193 г. напр. Половцы воюют „на Оубережи” где они „поимаша Торкы”, ПСРЛ II, ст. 679.

³⁵³ Грушевский, Ист. Киевск. земли, с. 27, пр. 4 и его же 1ст. Укр. Руси, II, с. 585.

³⁵⁴ В 1172 г. Мстислав соединяется с Черными Клобуками южнее Триполья, у устья Красной (ПСРЛ II, ст. 548), а в 1150 г., когда Черные Клобуки

Центром же черноклобуцких поселений в Киевском княжестве на всем протяжении с пол. XII ст. по середину XIII ст. оставалось течение реки Рось с ее левыми притоками. Здесь на Роси был упомянутый город Торчевск, центр и оплот Черных Клобуков Поросья. Память о живших здесь Тюрках сохранилась в названии р. Торч, притоке Роси, с современной деревней Торчицы на ней, Торчевский степок, речка Кагарлык, лев. приток Росавы, впадающей в Рось, с селением Кагарлык на упомянутой речка того же имени, дер. Карапыши, село Тептиевка на Роси, и ряд др. тюркских названий. Из летописей мы знаем о шести берендейских городках („6 городовъ Береньдицъ”), расположенных где-то в центре Поросья и знаем также, что вежи тех же Берендеев находились на р. Руте, левом притоке Роси.

Археологические раскопки, ведшиеся здесь, обнаружили типичные кочевнические погребения (с конем)³⁶⁰, причем А. А. Спицын, в

пришли к Тумашу севернее Стугны, они, очевидно, были в некотором отдалении от своих веж, если сочли необходимым для безопасности „затворить” своих жен и детей в городах Поросья (ПСРЛ, II, ст. 400); наконец, если считать, как это делает Грушевский (Ист. Киевск. земли, с. 33), упоминаемое в летописи в описании событий 1146 г. „поля” за Перелетово поле, то расположенный где-то вблизи него гор. Дерновый (ПСРЛ И, ст. 323) представлял собою тот крайний северный пункт кочевий Черных Клобуков, где они соединились с войсками Изяслава Мстиславича. Нельзя поэтому согласиться с Голубовским (Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9, с. 434), считавшим, что на севере черноклобуцкие поселения во второй пол. XII—второй пол.

XIII вв. простирались до Стугны.

³⁵⁵ Местонахождение его спорно, как спорно и то, на том ли самом месте, где был Торчевск, сожженный Половцами в 1093 г. находился тот Торчевск, который после этого начинает снова упоминаться с 1161 г. Одни этот город ищут на месте нын. урочища Торч, что у с. Старых Безрадиц, на Стугне, другие — в нын. с. Торчицы на р. Торч, третьи полагают, что Торчевских было несколько, и наконец четвертые, что он был где-то в центр Поросья, близ Роси, на левом ее берегу. Последнее мнение наиболее вероятное. Об этом см. у Грушевского, Ист. Киевск. земли, с. 27-29, и карту ко II тому Ист. Укр.-Руси.

Тарашинского уезда Киевск. губ. Грушевский, Ист. киевск. земли, с. 28 и его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 585.

³⁵⁷ То же в Тарашинском у., Грушевский, Ист.-Укр. Руси, II, с. 585.

³⁵⁸ ПСРЛ II, ст. 603, 1177 г. Об этих городках см. еще у В.Б. Антоновича, в Чтениях в Ист. Общ. Нестора лет., 1889, кн. III, с. 10 и след.

³⁵⁹ ПСРЛ II, ст. 521, 1162 г.

³⁶⁰ Э.К. Витковский, Раскопки курганов и археологические находки в Васильковском уезде, Труды III Арх. Съезда, т. II, 1878, Приложение, с. 23-30; Н.Е. Бранденбург, Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губ., в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей? Труды X Арх. Съезда, т. I, 1899, с. 1-13, его же Журнал раскопок 1888-1902 гг., СПб. 1908; А. Спицын, Курганы киевских Торков и Берендеев, Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. т. XI, СПб., 1899; А. Спицын, Кочевнический курган близ с. Драчей, Каневского у., Зап. отд. русск. и славянск. арх. Имп. Русск. Арх. Общ., 1905, т. VII, вып. 1, с. 151-153. Д. Самоквасов,

статье, подвозившей итог этим раскопкам³⁶¹, наметил здесь три вида погребений ", что как раз соответствовало бы тем трем главным тюркским группам, которые были поселены Русью в Поросье: Печенегам, Торкам и Берендеям³⁶³.

Что представляли собою черноклобуцкие городки? Это были, по-видимому, небольшие остроги, построенные Русскими для защиты Черных Клобуков от степных Половцев; в эти же городки Черные Клобуки „затворяли” свои семьи, когда уходили из Поросья внутрь Руси на помощь какому-нибудь князю, большею частью для достижения им Киевского стола. Некоторые такие городки принадлежали отдельным черноклобуцким ханам и назывались их именами³⁶⁴. Про один из таких ханских городков (Чурнаев) прямо сказано, что он имел острог³⁶⁵.

Но кроме черноклобуцких городков в Поросье был целый ряд русских городов: Заруб, Иван, Канев, Родня, Товаров, Корсунь, Богуславль, Михайлов, Юрьев, Володарев, Растовец, Неятин, Мунарев, Дернов, Святославль '. Порошане-Русские противопоставляются Черным Клобукам и, когда летописец хочет сказать о всем населении этого края, он выражается так: „вси Клобуци и Порошане”³⁶⁷. В Юрьеве находился епископ Поросья, носивший звание епископа Юрьевского и Каневского. Наконец самый Торчевск, хотя и был главным оплотом Черных Клобуков Поросья, но, по-видимому, лишь в военное время, в мирное же — представлял собою обычный русский город, где Черные Клобуки не жили постоянно и где сидели русские князья или их наместники³⁶⁸.

Могилы Русской земли, М. 1908, с. 222-225, 237-238; Отчеты Имп. Арх. Комиссии за 1898 г., с. 71, за 1904 г., с. 119; В. Данилевич, Археологична минувшина Кшвщини, 1925, с. 111, 127-129 и карта IX; А.А. Спицын, Татарские курганы, Изв. Тавричesk. Общ. Ист., Археол. и Этнограф, т. 1 (58), Симферополь, 1927, с. 149; Ср. еще Дм. Анучин, Сани, лодья и кони, как принадлежность похоронного обряда, Древности, Труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XIV, М. 1890, считавший, впрочем, эти погребения славянскими.

Цитирована в предыдущем примечании: Курганы киевских Торков и Берендеев.

Один вид погребений — без срубов, второй — в срубах, третий же характеризуется тем, что в отличие от двух предыдущих, курганные насыпи в основание обкладывались камнями.

По летописным известиям невозможно определить, где жило каждое из этих племен, тем более, что чаще всего они объединялись у летописцев под общим именем Черных Клобуков.

Таковы напр, городки „Кульдерев”, „Чурнаев”, ПСРЛ II, ст. 669, 672, 1190 г.

„Половци... вседоша на коня и ехавше изъехалаша город Чурнаев и острог взяша и двор зажгоша и статок его весь поймаша и две жены его яша и челяди много яша”. (ПСРЛ II, ст. 669, 1190 г.).

Грушевский, Ист. Киевск. земли, с. 33-38.

“7 ПСРЛ II, ст. 323, 1146 г.

В 1174 г. в Торчевске видим кн. Михаила Юрьевича (ПСРЛ II, ст. 570-571), в 1188 г. Романа Мстиславича (И, ст. 662), в 1190-х гг. Ростислава

Но если Торчевск находился, по-видимому, постоянно в управлении князей или их наместников, то это не всегда можно сказать про другие, более мелкие города Поросья, которые иногда отдавались в держание черноклобуцким ханам или черноклобуцкой родовой аристократы. О городе Дернове есть прямое свидетельство³⁶⁹ что он был отдан в 1192 г. в управление торкского хана Кунтувдея, а в 1159 г. Берендеи говорят князю Мстиславу: „аже ны хоцещи любити яко же ны есть любил отец твои и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступим от Изяслава” (противника Мстислава). И Мстислав нашел их предложение вполне для себя приемлемым: он „рад быв речи той и посла к ним с тем же отроком той же ночи Олбыря Шерошевича и яса им по всю волю их и роте к ним ходи”³⁷⁰. Исследователями считалась мало вероятной возможность держания черноклобуцким языческим ханом русского города³⁷¹. Однако, если помнить значение

Рюриковича (II, ст. 669, 670, 672, 1190 г., ст. 677-8, 1193 г., ст. 685, 1195 г.), в нач. XIII ст. — Мстислава Удалого (Лаврентьев, лет. с. 408, 1207 г., ПСРЛ II, ст. 750, 1227 г.); в 1231 г. Торчевск находился в держании детей Удалого (II, ст. 766); о наместниках княжеских есть упоминание под 1102 г. (II, 519). Но мы ни разу не слышим об управлении этим городом каким-либо черноклобуцким ханом. Голубовский (Печенеги, Торки, Половцы ц. изд. № 9, с. 434 и 438) и Грушевский (Ист. Киевск. земли, с. 340) таковым считали Кунтувдея, которого летопись называет „Торцьким князем” (II, ст. 668, 1190 г.), но это лишь указание на его принадлежность к торкскому племени; как раз в тот год, когда Кунтувдей так именуется в летописи, в Торчевске сидел князь Ростислав Рюрикович; наконец, когда тому же Кунтувдею „русское земле деля” дали в держание город, то это был Дернов. Торчевск был, очевидно, слишком важным пунктом, чтобы давать его в управление Черному Клобуку. Что ни Черные Клобуки, ни их родовые старейшины не жили в Торчевске, можно видеть из слов летописи: „Тое же зимы (1190 г.) сдумаша лепшии мужии в Черных Клобучех и приехаша вТорцький к Ростиславу Рюриковичю” (ПСРЛ II, ст. 670). Выражение же летописца „Поиде Мстислав из Володимирия полком своим с Галичскою помощю а Рюрик поиде ис Торцьского с Володимиром с Андреевичем и с Василком с Гюргевичем и с Берендеи и с Куи и с Торки и с Печенеги и сняшась у Котелници со Мьстиславом” (ПСРЛ II; ст. 517, 1162 г.) — только указывает на место выступления Черных Клобуков, а не на их проживание в Торчевске. Другое известие летописи определенно противопоставляет Торчевск местопребыванию Черных Клобуков: „а Андреевич еха к Торческому и к Берендеем и к Торком” (ПСРЛ II, с. 516, 1161 г.)

³⁶⁹ „А Кунтувдея остави (князь Рюрик Киевский) у себе и да ему город на Реи Дверень Руское земле деля” (ПСРЛ II, ст. 674).

³⁷⁰ ПСРЛ II, ст. 501.

³⁷¹ Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд. №9, с. 435, 438 предполагал поэтому существование городов со смешанным населением из Русских и Тюрков, где тюркский элемент преобладал над русским и что суд в таких городах творили княжеские тиуны, а хану шли лишь доходы. Но Грушевский, История Киевской земли, с. 341, сомневался вообще в возможности такого явления: „довольно трудно уяснить себе в чем заключалось это держание; с одной стороны, кажется мало вероятным, чтобы хану поручались города с населением или чисто русским или смешанным (мне кажется даже

Черных Клобуков, их „лепших людей” и их ханов в Киевской Руси, вспомнить, насколько с ними считались даже самые сильные князья, то такое явление не должно показаться невероятным. И позже, в XVI в. мы видим, как русские города отдавались московскими государями в держание некрещеным татарским царевичам³⁷². В Угрии (но здесь имеем сведения лишь о поре язычества самих Мадьяр), печенежским ханам, по-видимому, также давались города в управление.

Порошане, видимо, мирно уживались с Черными Клобуками, по крайней мере летопись не упоминает о каких-либо столкновениях между ними³⁷⁴.

Несмотря на то, что поселения Черных Клобуков были защищены и русскими городами и черноклобуцкими острогами, Клобуки не переставали терпеть нападения от Половцев в течение всего XII ст. Правда, это уже были не опустошительные приходы Половцев конца XI — нач. XII вв. Половцы норовят теперь прокрасться больше „изгоном”, но порою им все же удается основательно пограбить Поросье, проникая к самому Торчевску и опустошая его окрестности³⁷⁵; не раз Половцы предпринимали специальные нападения на черноклобуцкие вежи и городки, увозя с собою пленных и все их добро³⁷⁷.

Такие явления надо объяснять не столько силою Половцев, а примитивностью организации сторожевой службы; по-видимому, не существовало никаких постоянных „сторожей” на киевском степном пограничье; по всему видно, что вся охрана пограничья заключалась лишь в факте кочевания Черных Клобуков в Поросье. Поэтому, когда они уходили отсюда принимать участие междоусобицах Руси, Поросье оставалось совершенно не защищенным и Клобуки принуждены

мало вероятным самый факт существования городов со смешанным населением). С другой стороны, если предположить, что ханы получали в держание городки, к которым тянуло исключительно черноклобуцкое население, то как согласить эту административную власть, получаемую от русского князя с прирожденным достоинством хана и связанною с ним властью? Нам кажется, что и нет необходимости предполагать существование городов со смешанным населением. Это могли быть и чисто-русские города.

³⁷² „И того же месяца Сентября пожаловал князь велики Василей Иванович, государь самодержец всеа Руси, бывшего царя Казанскаго Шигалея, дал ему Коширу да Серпохов со всеми пошлинами, да и отпустил его с Москвы того же месяца 21” (ПСРЛ т. XIII, вып. I, с. 66, 1533 г.). См. еще пожалование казанскому царю Абдыл-Латифу города Юрьева „со всем” (там же, с. 11, 1509 г.).

³⁷³ См. Anonymus, гл. 57 (с. 53 ed. Endlicher), о Биле и Баксе, получивших Пешт от князя Токсона (текст приведен выше, с. 6). Об их печенежском происхождении см. у G. Feher, ц.с. с. 131, 135-6.

³⁷⁴ Ср. Грушевский, История Киевской земли, с. 32.

³⁷⁵ ПСРЛ II, ст. 479, 1155 г., ст. 520-21, 1162 г., ст. 525, 1165 г., ст. 568, 1174 г., ст. 603, 1177 г., ст. 653, 1187 г., ст. 668-69, 672-73, 1190 г.

³⁷⁶ ПСРЛ II, ст. 605, 1177 г.

³⁷⁷ ПСРЛ II, ст. 679, 1193 г. и упомянутые уже нападения 1155 г. (ст. 479) и 1162 г. (ст. 520-21).

были, на случай нападения Половцев, просто запирали свои семьи по острогам. В этом не было бы необходимости, если бы существовала регулярная сторожевая служба.

Но и при такой примитивной защите, страдая сама, черноклобуцкая колонизация все же предохраняла от половецких разорений окрестности Киева, задерживая Половцев на своей территории, и этим достигался, для Русских смысл тюркских поселений Поросья³⁷⁸.

О количестве черноклобуцких отрядов в Киевском княжестве говорилось уже выше; в общем, в Поросье Черных Клобуков надо считать несколько десятков тысяч, а со всеми своими вежами, в которых у них были не только их семьи, но и рабы³⁷⁹, — их было, вероятно, около сотни тысяч.

Управлялись Черные Клобуки Поросья своими ханами — „князьями“, по терминологии русской летописи^{380*} таковы уже упоминавшиеся нами Кунтувдей, Кульдер, Чюрнай³⁸; иногда знаем об этих ханах лишь по упоминанию его рода, таковы: „Ичитеевичи“, „Чагровичи“, „Бастеева чадь“³⁸²; кроме того, часто слышим о черноклобуцкой родовой аристократии — „лепшии мужи в Черных Клобуцах“⁸; они управляли Черными Клобуками и решали свои дела: „сдоумаша лепшии мужи в Черных Клобуцах и приехаша в Торцький к Ростиславу Рюриковичю) и рекоша ему“ об их желании организовать поход на Половцев³⁸⁴.

Во все время существования Киевской Руси, т.е. на протяжении XI-XIII ст., Черные Клобуки Поросья остаются кочевниками, со своим своеобразным кочевым бытом и культурой; их вежи, стада, табуны — „стады и скоты многое множество“ — на луговых степях Поросья упоминаются не раз в летописи³⁸⁵, так же остаются Черные Кло-

³⁷⁸ Грушевский, История Киевской земли, с. 301.

³⁷⁹ Это были, гл. обр. пленные Половцы; напр., в 1162 г. Черный Клобук захватил в плен 500 Половцев (ПСРЛ II, ст. 521); в 1193 г. пленных Половцев „не бе числа“ (II, ст. 678); в 1155 г. Половцы пришли в Канев и просили у великого князя киевского, чтобы он вернул им их пленных, захваченных Берендеями. Но последние отказались выдать пленных Половцев и великому князю пришлось уступить: „Дюрги же не створи им насилья, но Половци (степных) одарив дары, отпусти я“ (ПСРЛ II, ст. 479-480). В 1190 г., когда Половцы захватили город черноклобуцкого хана Чюрная, то в нем они „и челяди много яша“ (ПСРЛ II, ст. 669).

³⁸⁰ Так летописцы называли и половецких ханов: „бысть же князь их Искал“ (ПСРЛ I, 1, ст. 163, 1061 г.); „Осень умре Половечьский князь“ (там же, ст. 205, 1082 г.).

³⁸¹ ПСРЛ II, ст. 629, 1183, ст. 636, 1185, ст. 668-73, 1190, ст. 674, 1192 (Кунтувдый); ст. 629, 1183, ст. 672, 1190 (Кульдер); ст. 669, 1190 (Чюрнай).

³ ² ПСРЛ I, 1, ст. 249, 1096 г. (Ичитеевичи), II, ст. 536, 1169 г. (Чагровичи), ст. 540, 544, 1170-1171 г. (Бастеева чадь).

³⁸³ ПСРЛ II, ст. 670, 1190, ст. 673, 1192, ст. 676, 1193. У Берендеев, там же II, ст. 534, 1169.

³⁸⁴ ПСРЛ II, ст. 670, 1190 г.,

³⁸⁵ ПСРЛ II, ст. 401, 1150 г., ст. 427-28, 1151 г., ст. 521, 1162 г.

буки и язычниками, — „поганые”, „свои поганые” не редкий их эпитет в устах летописца³⁸⁶. Об язычестве свидетельствуют и их могилы в Поросье, в которых мы не находим следов христианства, но за то неизменно встречаем погребения с конем.

Отдельно надо сказать о пребывании Черных Клобуков в самом Киеве. В нем жили черноклобуцкие „лучшие мужи”, там были расквартированы и целые отряды Тюрков; они состояли гл. обр. из Берендеев³⁸⁷. Эта черноклобуцкая, в частности берендейская, аристократия играет немаловажное значение в сложной политической жизни Киева. Более часто соприкасаясь с Русскими, живя среди них, эти Тюрки более других подпадали под русское влияние и только среди берендейских „лучших мужей” встречаем одного — с именем Кузьмы, свидетельствующим о его христианстве.

Переходя к обзору тюркских поселений на левой стороне Днепра, прежде всего встречаем их на той узкой, принадлежавшей Киевскому княжеству прибрежной полосе между Днепром и верховьями Корани и Альты, где, в районе Сакова, в 1142 г. упоминаются Печенеги, а в 1150 г. — Турпей, в которых, по всей вероятности, надо видеть род Печенегов³⁸⁸.

В Переяславском княжестве есть целый ряд свидетельств о поселении здесь Торков. В самом Переяславле они упоминаются в 1095 г., когда здесь княжил Владимир Мономах³; впрочем, в данном случае, эти Торки могли быть в числе дружины Владимира, а не переяславскими поселенцами. Несколько южнее Переяславля, у внутреннего вала, опоясывающего пространство на юг от столицы княжества, до сих пор существуют две деревни: Малая и Великая Каратуль (кара — черный, туль — шапка = Черный Клобук?), вероятно память черноклобуцких поселений³⁹¹. То обстоятельство, что в 1055 г. Торки, впервые появившиеся на горизонте Руси, встречаются у Воиня, прижатые сюда шедшими за ними Половцами, дает основание историку Переяславского княжества — В. Ляскоронскому, считать что первые торкские поселения именно здесь и возникли, когда Торки начали из степей проникать в пределы княжества. Их поселили, по предположению Ляскоронского, между Воинем и Зарубом, по низовьям Сулы, Супоя и Трубежа, т. е. на том участке, который был наиболее опасным из-за того, что Половцы

³⁸⁶ ПСРЛ II, ст. 323, 1146 г., ст. 373, 1149 г.

³⁸⁷ Сведения о Черных Клобуках в Киеве собраны мною в цитированной уже статье «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси», с. 103, пр. 6 и 7. См. еще на соединение имени Берендичей с Киевлянами у летописца под 1149 г. в наветах вел. кн. киевскому Изяславу на кн. Ростислава Юрьевича: „много зла баше замыслыл (Ростислав), подъямолвил на тя люди Берендич и Кианы” (ПСРЛ II, ст. 372).

³⁸⁸ ПСРЛ II, ст. 501, 1159 г.

³⁸⁹ Об этом см. выше.

³⁹⁰ ПСРЛ I, 1, ст. 227.

³⁹¹ А. Стороженко, Где жили Переяславские Торки, Киевская Старина, 1899, II.

сюда сосредоточили свои нападения во второй пол. XI³⁹². При Владимире Мономахе, кроме уже приведенного свидетельства, Торки в Переяславском княжестве упоминаются еще два раза: в 1080 г. они восстали против Руси и Владимир „шед, победы Търкы“, в другой раз, в 1096 г. новая группа Торков, род Ичитеевичей, пришли к Мономаху из степей и последней вышел их встречать на Сулу³⁹³. Ляскоронский предполагает, что эти Торки были поселены на другом уязвимом месте переяславского Пограничья — у верховьев рек Ромны, Осетра и Удая, откуда, по водоразделу, шел путь и к Переяславлю и к Киеву³⁹⁴. Здесь же, по-видимому, надо искать и город Баруч, в который князь Ярополк в 1125 г. укрыл Торков при приближении Половцев³⁹⁵.

О Черных Клобуках в Черниговском княжестве у нас есть только одно летописное упоминание о „Ковуях Черниговских“ 1185 г., о которых говорится и в Слове о полку Игореве⁶.

В княжестве Новгород-Северском существуют до сих пор местность Торкин в Стародубском уезде, да дер. Печенюги около самого Новгорода-Северского⁷, но летописных известий о Черных Клобуках здесь нет.

Еще скуднее наши сведения о Рязанском княжестве. Здесь известен лишь один город Торческ, перечисляемый в списке русских городов в приложении к Воскресенской летописи³⁹⁸.

Но в отдаленной Суздальско-Ростовской земле находим снова более многочисленные свидетельства о некогда живших здесь Черных Клобуках, именно — Торках и Берендеях. В летописи есть одно испорченное место, где говорится, что князь Юрий Суздальский прислал в 1146 г. князю Святославу Новгород-Северскому в Колтеск „в помощь тысячу Бренидьец³⁹⁹ дружины Белозерское. Святослав же

³⁹² В. Ляскоронский, История Переяславской земли, с. 192-3, его же, К вопросу о переяславских Торках, с. 286-8.

³⁹³ ПСРЛ I, 1, ст. 204 (1080 г.) и ст. 249 (1096 г.). Ср. выше, с. 13.

³⁹⁴ В. Ляскоронский, История Переяславской земли, с. 193-4, 299.

³⁹⁵ Летопись по Лаврентьевск. списку, с. 280-1 и Ипат. лет. в ПСРЛ II, ст. 289-290. В. Ляскоронский, ц. с. с. 193; Барсов, Очерки, с. 161-2. Ср. выше, с. 14.

³⁹⁶ ПСРЛ II, ст. 638, 639, 642, 644. Ср. выше, с. 16, пр. 83.

³⁹⁷ Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 584.

³⁹⁸ ПСРЛ VII, с. 241. В Никоновской летописи (ПСРЛ IX, с. 160) под 1136 г. есть такая запись: „Того же лета в Рязани убиша в загоне богатыря Печенежскаго Темирхозю“. П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд. № 9, с. 435 делал отсюда вывод, что „если верить Никоновской летописи, то Печенеги служили князьям рязанским“. Но из того, что в Рязани убили Печенега, еще нельзя делать вывода о печенежских поселениях в Рязанском княжестве, тем более, что здесь очень возможно смешение этой поздней летописью Печенегов с Половцами. Ср. аналогичное известие под 1148 г.: „Того же лета в Резани тысяцкий Константин многих Половец поби в загоне“ (ПСРЛ IX, с. 178).

Буквы **об** написаны по подскобленным буквам **ст**, следующее **е** переделано также из другой буквы, а над ним надписано, кажется, **о** (прим. к тексту Ипатьевской летописи, изд. второе, 1908 г. стб. 337-8).

перебрав дружину хоте ехати съ Белозерци на Двдовичю к Дедославлю...”⁴⁰¹); испорченное слово „Бренидьецъ” понималось исследователями как „Берендичъ”⁴⁰¹. Но было бы все же несколько рискованным на основании этого единственного и столь испорченного летописного указания признавать существование тысячного берендейского отряда у суздальского князя², если бы ряд топографических данных не убеждал окончательно о действительно живших некогда в Суздальской Руси Берендях и Торках.

Можно наметить три группы поселений этих Тюрков. Первая — у верховьев Клязьмы и Истры, на середине пути между Москвою и Дмитровым, несколько западнее от этого пути; здесь издавна известна слобода Берендеева, центр Берендеевской волости или стана⁴⁰³; Берендеева слобода уп. с 80-х гг. XIV ст.⁴⁰⁴ Вторая группа — на северо-восток от первой, в районе озера Плещеева, где в 15 км на ю.-в. от Переяславля Залесского находится жел.-дор. станция Берендеево, к северу от которой простирается Берендеево болото (10 км длины и 4-5 км ширины); близ болоту есть возвышенность; с этою возвышенностью связано предание, что именно здесь был некогда гоююд Берендеев, в котором жил знаменитый сказочный царь Берендей. Вблизи этого болота современные поселения носят явно тюркские названия, как Абашево, Бакшеево, Балакирево, Итларь. Наконец, третья группа — еще восточнее, в районе Юрьева Польского и Суздаля. Близ р. Нерли (притоке Клязьмы), в километрах 15 на с.-с.-в. от Суздаля находится До сих пор дер.Торчино, а в километрах 15 от Суздаля на с.-з. на р. Ирмизе известно село Торки, уп. ок. 1462 г.⁴⁰⁶ Очень интересно с приведенными топографическими данными сопоставить данные археологические. На Юрьевой горе у г. Юрьева Польского было обнаружено кочевническое погребение с конем, которое, по манере

⁴⁰⁰ ПСРЛ II, ст. 338.

⁴⁰¹ Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд. №9, с. 435. Иначе объяснял Карамзин в Ист. Гос. Росс. т. I (изд. 1842 г.), ст. 129 и пр. 299, а за ним И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб. 1893 ст. 177 и 182-3, сближая это слово с „бронистецъ”, бронник, латник.

⁴¹² В 1927 г. в своей статье «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси» (с. 100), я не располагал еще топографическим материалом и не решился признать наличие Черных Клобуков в Суздальской Руси лишь по упомянутому месту летописи.

⁴⁰³ М.К. Любавский, Образование основной государственной территории великорусской народности, 1929, с. 15, 63-65. В XIV в. эта слобода входила в Дмитровское княжество.

⁴ В завещании в. кн. Дмитрия Ивановича Донского, составленном между 1377-1389 гг., Собрание Государственных грамот и договоров, ч. I. М. 1813, с. 59 (№34).

⁴¹⁵ «Россия» под ред. Семенова-Тянь-Шанского, т. I, СПб. 1899, с. 271.

⁴⁰⁶ Акты Исторические, т. I, СПб. 1841, с. 122, № 71. Ср. М.К. Любавский, ц.с. с. 107 (в ссылке на Акты Исторические у Любавского опечатка: вместо т. I, с. 122 напечатан т. I, с. 171)

погребения и инвентарю, представляло, по определению А.А. Спицына, ближайшую аналогию с курганами киевских Черных Клобуков или с абхазскими, северо-кавказскими погребениями, и датировалось XII-XIII вв.⁴⁰⁷ А.А. Спицын сперва склонялся отнести эту могилу „мирному обывателю северного Кавказа, явившегося в Суздаль хотя бы по торговым делам”⁴⁰⁸, но позже переменял свое мнение и считал ее „несомненно половецким характерным курганом”⁴⁰⁹. Покойному археологу не были известны следы черноклобуцких поселений в Ростово-Суздальской Руси; нам кажется естественнее считать это юрьевское погребение — берендейским или торкским.

Вспомним, что уже Владимир Св. ходил с Торками в 985 г. в поход на Волжских Болгар и что у самих Болгар был город Торчский⁴¹. Очевидно Торки, вместе с Берендеями, уже в X в. втягивались в орбиту болгарской и русской политической жизни на средней Волге⁴¹², результатом чего явились их поселения в Ростово-Суздальской Руси.

В заключение надо еще упомянуть об отдельных Тюрках, проникавших на службу к князьям и занимавших у них различные должности. Так, знаем из летописей, что у вел. кн. Святополка II был конюх Сновид Изечеви⁴¹³, а „овчюх” (овчар) — „Торчин, именем Беренди”⁴¹⁴; у современников Святополка — князя Давида Игоревича Волынского был муж Туряк⁴¹⁵, и среди отроков — Улан и Колчко⁴¹⁶, а у Василька Ростиславича Тербовльского — муж Кульмей⁴¹⁷; у князей Давида и Олега Святославичей Черниговских некто Торчин ехал даже близким их дружинником, участвовавшим со своими князьями в Увечевском съезде⁸. Хронологически все эти известия относятся к концу XI — началу XII вв., т.е. к тому времени, когда Русь была особенно наводнена Печенегами, Торками и Берендеями. Поэтому в тех случаях, когда перечисленные Тюрки не обозначаются по своему племенному имени, их все же надо считать скорее всего именно Торками, Печенегами или Берендеями.

⁴⁰⁷ А.А. Спицын, Кочевнический курган близ гор. Юрьева Польского, Известия Имп. Археол. Комиссии, вып. 15, 1905, с. 78-83.

⁴⁰⁸ А. А. Спицын, ц. с. с. 83.

А.А. Спицын, Татарские курганы, Известия Таврического Общ. Истории, Археологии и Этнографии, т. I, Симферополь, 1927, с. 149.

⁴¹⁰ ПСРЛ I, 1, ст. 84. См. выше.

⁴¹¹ Лаврентьев, лет. с. 370, 1184 г. Ср. ПСРЛ II, ст. 626, 1182 г.

⁴¹² О том, что кочевья Торков еще во второй четверти IX в. доходили до средней Волги и соприкасались с поселениями русских славян — см. у Фр. Вестберга, К анализу восточных источников о восточной Европе, ЖМНП 1908, март, с. 16-20 и 28.

⁴¹³ ПСРЛ I, 1, ст. 260, 1097 г.

⁴¹⁴ Там же, ст. 260.

⁴¹⁵ Там же, ст. 268.

⁴¹⁶ Там же, ст. 262.

⁴¹⁷ Там же, ст. 265.

⁴¹⁸ Там же, ст. 274, 1100 г.

Летописные сведения о Черных Клобуках на Руси прекращаются на грани ХТТ-ХТТТ вв.: в 1202 г. в последний раз они упоминаются под этим общим для них именем⁴¹⁹, в 1235 г. последний раз упоминаются Торки⁴²⁰, а в 1206 г. — Берендеи⁴²¹. О Печенегах знаем лишь до 1169 г.⁴²² Все эти сведения относятся к Киевской Руси, о других местах их поселений у нас есть лишь единичные упоминания XI-XII вв. и о дальнейшей судьбе там Черных Клобуков мы ничего не знаем.

В последний раз в истории киевские Черные Клобуки упоминаются при нашествии Татар, и не в русском источнике, а тюркском у Рашид-эд-дина. Описывая разрушение Татарами Южной Руси в 1240 г.; Рашид-эд-дин сообщает: „осенью года Кулькия, который есть год мыши... принцы Бату с братьями Кодан, Буру и Бюджик, напали на страну Русских и племя Черных Шапок и взяли в девять дней большой русский город, имя которого Минкер-Маан (Киев), а потом все города Уладмура (Владимира)“⁴²³. Вероятнее всего, что Татары, как полагает Грушевский⁴²⁴, вытянули пограничных Черных Клобуков в степи, обратив их в своих рабов⁴²⁵. Проезжавший через Поросье шесть лет спустя по взятии Татарами Киева францисканский монах Плано Карпини уже не встретил здесь каких-либо обитателей⁴²⁶. В современных туркестанских Каракалпаках некоторые видят потомков киевских Черных Клобуков⁴²⁷.

⁴¹⁹ Летопись по Лаврентьевск. списку, с. 396.

⁴²⁰ ПСРЛ II, ст. 775.

⁴²¹ Летопись по Лаврентьевск. списку, с. 405.

⁴²² ПСРЛ II, ст. 533.

⁴²³ И. Березин, Нашествие Батия на Россию, ЖМНП 1855, апрель (ч. 86), отд. II, с. 105-106.

⁴²⁴ Ист. Укр.-Руси, II, с. 551.

⁴²⁵ Недавно О. Андрияшев, Нарис історії колонизації Кшвської землі до кінця XV в. (в Сборнике «Кшв та його околиця в історії і пам'ятках», Кшв, 1926, с. 48), высказал предположение, что Черные Клобуки „бежали (от Татар) следом за половецкими ордами далее на запад” (в Угriu?). Что это не могло быть так, видно из Рашид-эд-дина, приводящего известие о нападении Батия в 1240 г. на „племя Черных Шапок”.

⁴²⁶ Плано Карпини, пер. А. Малеина, с. 25 и 45.

⁴²⁷ Карамзин, Ист. Гос. Росс. т. II, пр. 218, И. Березин, ц. с. с. 101, Брун, Черноморье, Зап. Имп. Новороссийск. Универ. т. 28, 1879, с. 190-191, кн. В.И. Масальский, Туркестанский край, в серии «Россия», под ред. В.П. Семёнова-Тян-Шанского, т. 19, СПб. 1913, с. 390-391, Б.А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч. I. Одесса, 1922, с. 53. Известно, как при Монголах далеко могли оказываться от мест своего первоначального поселения отдельные, покоренные ими народности. Другого воззрения о судьбе Черных Клобуков держались Н. Костомаров, Исторические монографии и исследования, т. I, СПб. 1872, с. 189, А. Jablonowski, Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną, Kwartalnik Historyczny, 1893, с. 408-435, и ряд др. ученых, считавших, что Черные Клобуки и после татарского нашествия остались на своих прежних местах, ассимилировались с местным русским населением и положили начало казачеств. Но еще сам Яблоновский

Подводя итоги и сравнивая историю проникновения Торков и Печенегов в Угriu и Русь, видим, как эти степняки были той главной силой, которая врывалась в пределы обоих государств на протяжении X-XI ст. и против которой и Русь и Угрия одинаково огораживались системой валов и засек со стражею по линии этих засек. Но так как эти Тюрки все же не переставали просачиваться внутрь оседлых государств и так как за ними двигались другие кочевники, оба государства стали селить этих степных беглецов на своих пограничьях или в наиболее важных стратегических местах. Так возникли обе главнейшие группы Торков, Печенегов и Берендеев в Угрии и Руси — на путях с юга к их столицам: стольному Фейервару и сольному Киеву.

До середины XIII ст., до самого конца Киевской Руси, эти Тюрки не ассимилировались с Русскими (да это, вероятно, и не входило в расчеты киевских князей, которым Черные Клобуки тем и были ценны, что представляли своеобразное конно-стрелковое войско, со своей степной военной тактикой); до самого конца Киевской Руси мы видим их кочующими по Поросью, в вежах с „жены и дети и с стады и скоты многое множество”. Нечто подобное было и в Угрии, где Печенеги как раз до конца XIII в. менее всего ассимилировались, занимались скотоводством и коневодством, несли конно-стрелковую службу и еще в конце XV в. можно было видеть Печенегов в халатах, в оригинальных своих шапках и на быстрых своих лошадях, разъезжавшими по Угрии. К сожалению, у нас нет сведений о том, что представляли собою те многочисленные *villae Bissenorum*, которыми пестрят угорские грамоты, и многим ли отличались они от поросских черноклобуцких станов?

Что же касается значения Печенегов, Торков и Берендеев в политической жизни обоих государств, то и в этом будет у Руси и Угрии немало сходных черт. Оба государства первоначально были наводнены этими Тюрками. Огромный наплыв Печенегов X-XI вв. в Угriu был еще многочисленнее, чем печенежско-торкское проникновение в

должен был признать (ц. с. с. 412), что после татарского нашествия о Черных Клобуках нет никаких прямых известий, а М. Грушевский в 1ст. Укр. Руси II, с. 584-585 особенно подчеркивал всю эфемерность этой точки зрения. Известно лишь несколько лиц на Украине — по-видимому потомков Черных Клобуков, носивших в XVI-XVII ст. имя Берендей. Таковы: Берендей Пименович, землянин Киевский, уп. в 1500 г., Мишко Берендеевич, черкасский, мещанин, уп. в 1552 г., Ждан Берендеевич, уп. в 1582 г. (См. Н.М. Тупиков, *Словарь древнерусских личных собственных имен*, СПб, 1903, с. 47, 477) и Берендей, сотник немировский, XVII в. (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. XIII, СПб. 1885, с. 751 и 754). В Московской Руси памятью о Берендеях была особая шапка, носимая в XVII в., и называвшаяся берендейкой (В. Даль, *Словарь живого великорусского языка*, s.v. берендейка). Даль еще приводит слово „берендейка”, бытовавшее в живом великорусском языке его времени и обозначававшее ремень с сумочкой для держания в ней фитиля, пороха или пуль при ношении огнестрельного оружия.

Русь в первой четверти XI в. Но в Угрии Печенеги попали в более крепкие тиски государственности, чем в Киевской Руси, и их роль, поэтому, во внутренних делах Угрии была несравненно скромнее, чем на Руси. На Руси Клобуки, поселенные у самого нерва тогдашней политической жизни — Киева, благодаря начавшимся с 30-х гг. XII в. беспрестанным междоусобиям князей за столицу, были втянуты последними как военная сила в эту княжескую борьбу. Отсюда — и та исключительная роль Черного Клобука в политической жизни южной Руси. В Угрии же мы ничего не слышим о подобной роли шарвизских Печенегов, расположенных под Секель-Фейерваром, или каких-либо иных печенежских поселений, хотя и Угрия знавала междоусобия и борьбу различных претендентов за угорский престол. Как мы видели, есть лишь один смутный намек на подобное участие угорских Печенегов: это сообщение Мюглена о том, как в борьбе короля Стефана IV со своим племянником Стефаном решающую роль в неудаче первого сыграли „язычники”, от него отступившие, — намек, очевидно, на печенежские отряды.

Но несмотря на то, что политическая роль печенежских беглецов в Угрии была менее значительна, чем она была на Руси, Печенеги, до расселения в середине XIII в. по Угрии новой волны тюркских беженцев — Половцев, будут самым существенным азиатским элементом и без того им насыщенной Угрии, и в этом отношении будет опять аналогия с Киевскою Русью, в которой до татарского нашествия элемент печенежско-тюркский (вместе с берендейским) по сравнению с другими восточными, коих не менее чем Угрия всегда знала Русь, — также будет наиболее значительным.

Опубликовано: Seminarium Kondakovianum, VI, Praha 1933, стр. 1-64

ПОЛОВЦЫ

Половцам — одной из последних волн турецкой экспансии на запад — особенно не посчастливилось в историографии. Им, почему-то, менее всего уделяют внимание историки, и, в частности, историки турецких народов их нередко просто пропускают в своих обзорах. Такое пренебрежение к Половцам началось еще с Дегиня, лишь вскользь упоминавшего о них в своей знаменитой «*Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux*»¹. Но не только историки турецких народов обходили молчанием Половцев. Начавший свою историю в Азии, а завершивший в Европе и Африке, этот народ тем не менее не включается ни в обзоры истории Азии, ни в обзоры истории Европы, ни даже в труды, специально посвященные истории Европы восточной. Так, мы почти ничего не найдем о Половцах ни в «*Introduction a l'histoire de l'Asie. Tyres et Mongols des origines a 1405*» Leon Cahun², ни в трехтомной «*Histoire de l'Asie*» Rene Grousset³, ни в «*Geschichte Asiens und Osteuropas*» A. Wirth⁴. Между тем, этот кочевой народ играл немалую роль в XI-XIII вв. в причерноморских степях и глубоко запечатлел себя в судьбах соседивших с ним оседлых государств — Грузии, Руси, Угрии, Византии, Болгарии, и даже, после падения своей независимости в юго-востоке Европы, создал целый „мамелюкский период” в истории средневекового Египта.

Наиболее всесторонней сводкой по истории Половцев является четырехтомная „История Яс-Кунов” мадьярского историка Иштвана Дьярфаша⁵, труд мало критический и для своего времени, а теперь уже во многом совершенно устаревший, в особенности 1-й том, посвященный общей истории Половцев (по-мадьярски — Кунов); остальные три тома, касаются исключительно известий о Половцах в Угрии после татарского нашествия.

В русской историографии, несмотря на то, что Половцы играли существенную роль в истории Руси XI-XIII вв., мы не имеем надлежащего исследования по общей истории Половцев. Единственная работа в этой области П. Голубовского „Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар. История южнорусских степей IX-XIII вв.”⁶, поя-

¹ Paris, 1756-1758.

² Paris, 1896.

³ Paris, 1921-1922.

⁴ Halle, 1905.

⁵ Gyarfas Istvan, A Jasz-Kanok Tortenete, I—IV, Kecskemet-Szolnok-Budapest, 1870-1885.

⁶ Киевские Университетские Известия, 1883 и 1884 гг., и отд. оттиск — Киев 1884.

вившаяся пятьдесят лет тому назад, центр тяжести своего исследования полагала в русско-половецких отношениях, а не в истории самого половецкого народа. Остальная литература о Половцах, в общем довольно многочисленная, всегда ограничивалась лишь частными вопросами истории Половцев⁷.

⁷ Частичные сводки сведений о Половцах (многие теперь уже совершенно устарели), можно найти в следующих трудах: Р. Fr. Suhm, Историческое рассуждение об Узах или Половцах, напис. в 1774 г., на русск. яз. с датского пер. прот. Стеф. Сабининым в Чтениях Имп. Общ. Ист. и Древн. Российских, 1848 г. №8, с. 15-49; A.L. Schlozer, Kritische Sammhngen zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen, Gottingen, 1795, часть II, с. 450-2 и 482-504; Jos. v. Hammer, рец. на L. Sauli, Deila colonia dei Genevesi in Galata, в Jahrbucher der Literatur, Bd. 65, Wien 1834, с. 13-16; его же: Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, Pest, 1840, с. 1-33, 439-459; И. Березин, Первое нашествие монголов на Россию, Журн. Мин. Нар. Пров. 1853, IX; R. Roesler, Romanische Studien, Leipz. 1871, с. 328-339, 352-356; O. Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenland. Gesellschaft, B; XXIX, Leipz. 1875; P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungaro, Bud. 1877, с. 235-244; В. Васильевский, Из истории Византии в XII в. (Союз двух империй 1148-1155), Славянский Сборник т. II, СПб. 1877; Comes Geza Kuun, Codex Cumanicus, Bud. 1880, Prolegomena (стр. CXXXIV); Ф.И. Успенский, Образование второго Болгарского царства, Зап. Имп. Новоросс. Унив. т. 27, Одесса 1879; S. Sallavilie, Les Comans ou Polovetses, Echos d'Orient, 1914; Bela Kossanyi Az uzok es komanok tortenetehez a XI-XII szazadban (К истории Узов и Куманов в XI-XII вв.), журн. Szazadok 1924, с. 519-537; A. Bruce Boswell, The Kipchak Turks, The Slavonic Review, VI, 1927 с. 68-85 (научно-популярная; но очень обстоятельная сводка). Основной труд о происхождении Половцев — недавно скончавшегося немецкого ориенталиста Josef Marquart Uber das Volkstum der Komanen 25-238 (как вторая глава Ostturkische Dialektstudien W. Qang und J. Marquart in Abhandl; d.K. Gesellsch. d. Wiss. zu Gottingen, Phil.-hist. Kl. N. F. T. XIII, 1, Berlin, 1914, с. 1-286). Это капитальное исследование вызвало три рецензии: Miskolczy Gy., A kunok ethnikumához (О народности Кунов), Torteneti Szemle, 7, 1918, с. 23-52; Paul Pelliot, A propos des Comans, Journal Asiatique, XI serie, t. XV, № 1, 1920; В.В. Бартольд, Новый труд о **HojoBwax**, Русс. Историч. Журн., 1921, кн. VII. Сводку русских летописных сведений о Половцах см.: И. Беляев, О северном берегу Черного моря и прилегающих к нему степях до водворения в этом крае Монголов, Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Др. III, 1853, С. 3-46; М. Погодин, Исследования, замечания и лекции по русской истории, т. V, М. 1857, с. 181-208; Пл. Бурачков, Опыт исследования о Куманах или Половцах, Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т.Х, 1877, с. 111-136. См. также о Половцах в общих трудах по русской истории: Д. Иловайский, История России, ч. II, М. 1880, с. 74-87; М. Грушевский, История Украины-Руси, т. 11(2), Львов 1905; Е.А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч.1, Одесса, 1922, § 20 (с. 54-61). О половецкой топонимике в южнорусских степях: Н. Аристов, О земле Половецкой. Историко-географический очерк, Изв. Ист.-Фил. Фак. Инст. кн. Безбородко в Нежине за 1877 г., Киев, 1877. О военных отношениях Руси с Половцами: М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст., Киев 1891; П. Голубовский, История Северной земли до пол. XIV ст., К. 1881; В. Ляскоронский История Переяславской земли с древн. времен допиол. XIII ст., К. 1903; его же, Русские походы в степи в удельно-вечевое

Это обстоятельство побуждает меня предпринять такой первый и, как всегда в подобных случаях, нелегкий опыт связной истории этого кочевого турецкого народа. Трудность такого опыта усугубляется еще тем, что у нас совершенно нет собственно половецких источников и мы всецело зависим от источников тех оседлых соседних государств, с которыми Половцы граничили. Свидетельства же эти в огромном большинстве своем преисполнены такою ненавистью и презрением к чуждой им культуре своих соседей-кочевников, что часто делает очень затруднительным использование подобных свидетельств. Для истории политической это обстоятельство еще не имеет серьезного значения, но для возобновления строя внутренней жизни половецкого народа, то есть того, что мы зовем его культурой, — такой угол зрения наших источников будет ощущаться особенно неблагоприятно.

Единственный прямой источник по половецкой культуре — памятники археологические — все еще находятся на таком неудовле-

время и поход кн. Витовта на татар в 1399 г., ЖМНП 1907, III, с. 1-37, IV, с. 273-312, V, с. 1-45; его же, Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов, Сборник в честь Д.А. Корсакова, Казань 1913, с. 281-296. О Половцах в Венгрии, кроме упомянутой работы J. Gyarfas, остающейся до сих пор самой полной сводкой, цит. выше работ П. Гунфальви, гр. Г. Куна и Б. Кошани, см. еще Fejer G., A Kunok eredete (О происхождении Кунов), Bud. 1840, Gyarfas J., A Petrarka Codex kun nyelve (Кунский язык Кодекса Петрарки), Ertekezések a Történelmi Tudományok Köréből, X k. VIII s. Bud, 1882, Jerney Janos; A palocz nemzet es a palocz kronika (Половецкий народ и половецкая хроника), Magyar. Történelmi-Tár. I, Pest, 1885. Все эти работы совершенно устарели. По-русски на эту тему см. статью П. Голубовского, Половцы в Венгрии, Киев. Унив. Изв. 1889, XII, с. 45-72. Старое издание Petro Horvath, Commentatio de initiis et majoribus Jazygum et Cumanorum, Pestini, 1801, и новые исследования: Meszaros Gy., Magyarországi kun nyelvm emlékek (Кунские памятники языка в Венгрии), Bp. 1914 и Gyorffy J., A kunok megterese (Крещение кунов), Protestans Szemle, 34, 1925, остались мне недоступны. О ряде других венгерских мелких статей и заметок о Половцах см. у Julius Moravcsik, Ungarische Bibliographie der Turkologie und der orientalisches-ungarischen Beziehungen 1914-1925, Korosi Csorna-Archivum, II, 3, 1926. Для половецко-болгарских отношений, кроме цит. работы Ф.И. Успенского, см. Ст. Младенов, Печенеги и Узи-Кумани в българската история, Българска Историческа Библиотека, т. I, с. 116-136; П. Мутафчиев, Происхождение на Асеневици, Македонски Преглед, год. 1, кн. 4, 1928, с. 1-42; В.Н. Златарски, Потеклото на Петра и Асеня, водачът на възстанието въ 1185 годъ, Списание на Бълг. Академия на Науките, кн. XLV, 1933, с. 7-48. Вопрос о культурных взаимоотношениях Половцев с Византией см. D. Rassovski, Les Comans et la Byzance, имеющее появиться в Актах IV Международного Византологического Конгресса в Софии. О половецко-иконийских отношениях см. Ф. Успенский, Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды, Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Др. XI, 1879 и А.Ю. Якубовский, Рассказ Ибн-ал-Биби о походе мало-азийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в., Визант. Временник, т. XXV, 1927, с. 53-76. Для отношений Половцев к Грузии и мусульманским владетелям Кавказа и Туркестана много дают «Fragments de geographes et d'historiens arabes et persans indédits relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie Meridionale», M. Defremery, Journal Asiatique, IV s. t. XIII-XIV, 1849.

творительном уровне классификации, в смысле приурочивания их тому или иному кочевническому народу причерноморских степей, что пользоваться ими приходится с крайней осторожностью⁸.

I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЛОВЦЕВ

1.

Для того, чтобы правильно понять прошлое Половцев, недостаточно начинать следить за ними со времени появления их в поле зрения европейских оседлых государств, как то обычно делалось, а необходимо постараться проследить их судьбы еще в Азии, начиная с прародины всего турецкого народа.

Необходимо помнить, что Половцы в причерноморские степи пришли не новоявленными дикарями, но что они несли с собою уже много столетий перед тем сложившийся политический и бытовой уклад кочевой орды, в эпоху всецарского единства имевшей свою славную и героическую историю, несли, также, без сомнения, и обрывки различных культурных влияний, которым они подвергались на пути следования с Востока на запад. Это особенно надо будет учесть при рассмотрении культурной истории Половцев.

Вот почему я позволяю себе сделать небольшой экскурс в область Древней истории Турков, дабы нагляднее представить, в каких условиях слагались, и жили те турецкие племена, из которых выделился впоследствии половецкий народ.

Половцы — по языку — были народом турецкого (или, как иначе говорили, тюркского) племени, именно — западной его группы и являлись потомками тех Турков, которые первоначально жили на Алтайско-Саянском нагорье, у верховьев Енисея и Оби. Первые сведения об отдельных турецких племенах начинаем встречать со II в. до Р.Х. в китайских источниках. Об этих племенах Китайцы тогда еще говорят вскользь, в связи с Гуннами, создавшими в ту эпоху первое

⁸ Археологическая литература будет мною приведена в главе о материальной культуре Половцев. Здесь укажу только, что в 1924 г. в первом и последнем выпуске журнала «Древний мир» (Москва, вып. I, авг. 1924) Археологическое Отделение научно-исследовательского Института Археологии и Искусствознания объявило (на с. 41), что для коллективной работы на 1925 г. Отделение ставить себе темой «Культуры Азии на территории Восточной Европы с IV по XIV в.», причем В.А. Городцеву поручалось „разобрать вопрос” о „культуре Печенегов, Торков и Половцев”. Насколько мне известно, это поручение Института так и не было до сих пор осуществлено (по крайней мере в изданных в 1934 г. Гос. Академией Истории Материальной Культуры «Известиях византийских писателей о Северном Причерноморье», в прим. 3 на с. 51 „главнейшей литературой о печенегах” все еще остаются труды Васильевского и Голубовского). Самый же Институт Археологии и Искусствознания был закрыт в 1929 г.

известное истории огромное кочевое государство в Монголии от Хингана до Алтая. Гунны, или Хунну китайских летописей, вобрали в себя Турков-кочевников и, вероятно, способствовали разбросу их по степям своей империи, выведя Турков из их алтайской прародины. К концу IV в. по Р.Х. окончательно разваливается гуннская держава и власть над ее территорией ненадолго переходит к другим кочевникам, известным у китайцев под презрительным прозвищем Жуань-жуаней (т.е. черви, насекомые). Но к середине VI в. подвластные Жуань-жуаням турецкие племена уже настолько усиливаются, что, опираясь на Китайцев, свергают с себя их власть, в 552 г. окончательно уничтожают их могущество и выходят на широкую самостоятельную историческую дорогу. Продолжая политику предшествующих двух кочевых государств, Турки, объединяя свои и вбирая в себя чужие племена, создают новую великую кочевую империю), выказывая поразительную способность к экспансии, притом в условиях упорной борьбы с Китаем. VI-VIII вв. — являются героическим периодом турецкой истории, когда ярче всего выступает и их национальное самосознание.

Племенем, которое свергло власть Жуань-жуаней и объединило большинство турецких племен, было Ту-кюэ китайских летописей⁹. В короткий срок Ту-кюэ создали кочевую империю на огромном протяжении от Хингана до Аму-Дарьи, объединяемую единой ханской властью. На востоке они покорили, орды Киданей (Кытаев), народа тунгусского племени, а на западе и юго-западе, в своем стремлении в нын. Русский и Восточный Туркестан, Ту-кюэ в 560-580-х годах обрушиваются на осколки Гуннов, вытесненных сюда Жуань-жуанями и Китайцами и известных здесь в это время под именем Гуннов-Эфталитов — предков Авар.

Усиление Турков совпало с периодом упадка государственной мощи Китая и, вероятно, только благодаря этому обстоятельству и было возможно. Но с 580-х гг. Китай, снова объединенный Суйской династией, начинает с Турками более чем двухвековую борьбу, ведущуюся с переменным счастьем. Это была самая упорная и героическая борьба, когда-либо ведшаяся объединенными Турками. Первый натиск Турков на Китай, еще до его объединения, поставил Небесную империю в положение данника, вынужденную выплачивать победителям колоссальные контрибуции шелком. Но уже в 584 г. китайская

⁹ Не вхожу здесь в рассмотрение спорного и доселе не разрешенного вопроса, о народности Гуннов: были ли они Монголы, Турки или соединением племен обоих народов. Ср. К. Иностранцев, Хунну и Гунны. Труды Туркологического Семинария, Ленинград 1926 и Н.П. Толль, Скифы и Гунны, Прага 1928, с. 28.

¹⁰ Сводку различных объяснений этого имени см. у J. Nemeth, Der Volksname 'turk', Korosi Csoma-Archivum, II, 4, 1927, с. 275-281. Немет производит это слово из турецкого «turk» — «мощь»; прозвище «мощные», первоначально данное одному роду, перешло затем на весь народ.

политика натравливания отдельных турецких племен друг на друга привела к тому, что турецкое государство раскололось на Западное и Восточное.

Восточные Турки в первое время даже подпали под власть Китая; однако, в начале VII ст. они не только освобождаются от этого подчинения, но сами успешно вмешиваются во внутренние китайские дела, сменяют династию и победителями входят в китайскую столицу. Западные же Турки распространяют в это время свою власть на левый берег Окса (Аму-Дарьи), до Мерва, Балха и Индии.

С 630-х гг. начинается новое наступление Китая: он снова подчиняет себе Восточных Турков, а государство Западных Турков, благодаря внутренним смутам, в свою очередь раскалывается на две части; Китай отвоевывает у Западных Турков в 648 г. Восточный Туркестан, а в 659 г., вместе с одним из турецких племен — Уйгурами, совершенно уничтожает государство Западных Турков. Собственно турецкой территории, в районе Тяньшаня и к северу от него, была сохранена самостоятельность в управлении, под главенством турецких ханов, исполнявших теперь роль китайских чиновников; области же к югу, до Индии, перешли в непосредственное китайское управление. Двадцатилетие 660-680-х гг. — время наибольшего упадка Турков и торжества Китая. Все свои войны в эту эпоху Китайцы ведут исключительно силами подчиненных им кочевников.

Возрождение Турков началось среди их восточной группы, в районе Хангая, энергией их ханов Кутлука (682-691), Мочжо (691-716) и Бильге (716-734), восстановивших на полстолетия турецкую империю под главенством Ту-кюэ и снова вернувших себе земли Западных Турков из-под власти Китая. Но в 745 г. уже окончательно падает государство Восточных Турков: оно было уничтожено другим турецким племенем — Уйгурами.

Уйгуры, имея свой центр на Орхоне, могли сохранить власть только над территорией Восточных Турков, тогда как в западно-турецких землях власть перешла к ряду отдельных турецких племен. Уйгурское государство просуществовало около столетия и представляло собою последнее большое государственное соединение Турков в Азии. За это столетие Китаю в последний раз приходится испытать на себе силу этих кочевников, в годы удач хозяйничавших в обеих столицах Китая. В 840 г. приходит конец державе Уйгуров, сломленной их же сородичами — Киргизами, а вместе с нею и конец турецкой гегемонии в Монголии, т.к. Киргизы вскоре ушли обратно на север.

В VI-VII вв. не прекращалось движение западно-турецких племен на юг, запад и юго-запад, в сторону Джунгарии, Семиречья и обоих Туркестанов. Западно-турецкое государство объединяло под главенством западной части племени Ту-кюэ турецкие племена: Дулу (как считают — предков Болгар), Тюркешей, Карлуков и, вероятно, Кимаков (в Восточно-Турецкое государство входила другая, восточная часть Ту-кюэ, живших по Селенге, и Тогуз-угузы или Уйгуры). Восстания некоторых племен и отложение их от Ту-кюэ много способст-

вовало ослаблению мощи Западно-Турецкого государства. Постепенно власть здесь переходит от Ту-кюэ к Тюргешам (племени, очевидно, выделившемся из Ту-кюэ и близкое им по крови), имевших две главные ставки — в Таласе, западнее Яксарта, и в Суябе, на р. Чу. Эти же смуты привели, наконец, и к покорению всего Западно-Турецкого государства Китаем в 740 г. Но в 751 г. падает и китайское влияние — перед напором на Туркестан с юга новой силы — Арабов.

Арабы, начавшие проникать в южный Туркестан еще в конце VII в., в первой пол. VIII в. перешли Оке и подчинили себе Бухару, Самарканд, Хорезм, Фергану, Кеш, Кашгар — очаги старой иранской культуры, и прилегающая земли со смешанным ирано-турецким населением, ввели магометанство и присоединили эти южно-турецкие земли к своей Хоросанской провинции, имевшей столицей Мерв. Эта культурная область по верхним течениям Окса и Яксарта стала называться у Арабов Маверанагром. Хозяевами же северного и сев.-вост. Туркестана стали три турецких племени: Карлуки, Огузы и Уйгуры.

Карлуки жили севернее Тюргешей и, выйдя с Алтая в VII в., кочевали, кажется, западнее Тарбагатая; в 766 году они взяли ставку тюргешских ханов на р. Чу-Суяб и овладели всем Семиречьем и восточной (верхней) частью течения Яксарта. Огузы (Тогуз-Гузы или просто Гузы), кочевавшие до того у Иссык-Куля, продвинулись на запад и образовали самостоятельное кочевое государство по низовьям Сыр-Дарьи. Здесь они вошли в непосредственное соприкосновение с жителями оседлого Маверанагра и Хорезма, торговали с ними, оседали на пограничье, вели сторожевую службу у мусульман, обороняя их от своих же сородичей — Турков, подобно своим потомкам — Черным Клобукам Киевского пограничья.

После падения в 840 г. Уйгурского государства на Орхоне, эта ветвь Турков частью подчинилась Китаю и осела на его северной границе у склонов Наньшаня, частью же ушла в юго-восточную Джунгарию и, постепенно распространяясь по этой стране, создала здесь новое Уйгурское государство, известное у Арабов под именем Тогуз-Уйгурского; здесь это, славившееся своею высокою культурою по сравнению с остальными Турками, государство просуществовало четыреста лет, до самого монгольского нашествия¹¹.

¹¹ О древнейшей истории Турков см. E. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux, Сборник Трудов Орхонской Экспедиции, т. VI, СПб. 1903; Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, Живая Старина, вып. III-IV, СПб. 1896; В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб. 1900, особенно с. 178-9, 189-190, 195, 199-200, 205-207; его же рецензия на уп. труд Аристова в Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ-ва, XI, 1899, с. 341-356; его же рецензия на книгу J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen в Русском Истор. Журн., кн. VII, 1921; Г.Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, JL 1926, с. 208-330; Rene Grousset, Histoire de l'Asie, II, Paris 1922, с. 191-260; П. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВОИРАО, XII, 1900, особенно с. 8-11 и 60-78.

Севернее Огузов, живших у низовьев Сырь-Дарьи, кочевали Печенеги, а где-то около Печенегов, по-видимому, еще севернее в киргизских степях (быв. Тургайская, Акмолинская и Семиреченская области России) и у верховьев Иртыша, жили Кимаки и Киргизы.

Печенеги были, вероятно, родственны Огузам¹² и непосредственно с Огузами соседями. Здесь легендарный хан Огузов Салар-Казан воевал с ханом Беджне³ (Бече, Бечене — настоящее имя печенежского народа, искаженное арабами в Бедженеш, Баджанак, а русскими — в Печенегов). Где-то неподалеку от Огузов помещает Печенегов и древнейший арабский источник — Ибн Хордадбех¹⁴. Так было, вероятно, до конца VIII или нач. IX в., когда Печенеги двинулись на запад (под давлением других турецких племен) и, обойдя с севера Аральское море, вышли в приурральские степи. Если не считать Дулу-Болгар, выселившихся много раньше с Гуннами в Причерноморье, то это был первый выход Турков в Европу. За Печенегами непосредственно шли Узы (не надо их смешивать с Огузами; Узы — это Торки русских летописей, и, как считал Аристов, потомки Тюркешей¹⁵).

Огузы, а с ними, как предполагал Бартольд, может быть и Печенеги и Узы-Торки¹⁶, были потомками Ту-юэ¹⁷, принадлежавших к срединной языковой турецкой группе, или как она зовется у филологов — южной или туркменской, вследствие того, что потомками этой группы являются современные Туркмены — наиболее южные Турки¹⁸. Считается вероятным, что еще в эпоху совместной жизни Турков на Алтайско-Саянском нагорье определилось разделение турецкого языка на три группы: восточную, срединную (в будущем „южную”) и западную¹⁹. К западной относятся Дулу, Кимаки, Киргизы, к центральной — Ту-кюэ, с выделившимися из них Тюркешами, Огузами, Печенегами и Узами-Торками, к восточной — Уйгуры. На запад Огузы и близкие им по крови племена попали, вероятно, еще в эпоху существования турецкой империи, когда преобладание в ней находи-

¹² В. Бартольд, рецензия на Аристова, с. 348, предполагал даже, что Печенеги могли быть родом Огузов, — на основании упоминания у них рода Бичне.

¹³ А. Туманский, По поводу «Китаби Коркуд», ЗВОИРАО, IX, с. 271.

¹⁴ J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 97.

¹⁵ Н.А. Аристов, Заметки об этн. составе тюркск. плем. и нар., с. 312.

¹⁶ В. Бартольд родственниками Огузов считал и Берендеев, на основании того, что у Огузов был род Баяндыр (рец. на Аристова, с. 348). Не отрицая возможности родства Огузов с Берендеями а priori, нельзя однако делать подобный вывод на основании этого факта, так как этимологически Берендеи восходят к турецкому имени Берен, а не Баяндыр — см. L. Rasonyi Nagy, *Der Volksname Berendei*, *Seminarium Kondakovianum*, VI, 1933, с. 219-226.

¹⁷ В. Бартольд, рец. на Аристова, с. 346-348.

¹⁸ П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 67, СПб. 1902, с. 159-168; А. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Петроград. Институт жив. вост. языков, вып. 4, Пг. 1922.

¹⁴ В. Бартольд, рец. на Аристова, с. 347.

лось в руках Ту-кюэ, распространивших свою власть на все тогдашние турецкие племена от Орхона до Туркестана. Этим перемешиванием племен и объясняется, по утверждению Бартольда, то обстоятельство, что Печенеги и Торки — племена центральной турецкой языковой группы, выступили на запад, в Европу, прежде Половцев, принадлежавших к западно-турецкой языковой группе и, следовательно, первоначально, в прародине Турков, занимавших пространства более западные, чем те, которые занимали предки Печенегов и Торков — Ту-кюэ²⁰.

Вот почему лишь после Печенегов и Торков мы видим выход Половцев в южно-русские степи.

2.

Появление на исторической сцене Половцев является одним из сложнейших вопросов турецкой истории. Главная причина тому та, что кочевой народ нередко меняет свое имя, что зависит от того, какая из групп данного народа является в нем господствующей. Это явление осложняется, когда кочевой народ покоряется какою-нибудь ордою совсем иной народности; такая орда быстро растворяется среди покоренного ею племени, не внося в его основную массу серьезных этнических и языковых изменений, но зато давая свое имя покоренному ею народу. Классическим примером подобного рода может служить история Половцев.

Уже с давних пор и русским и западноевропейским историкам много хлопот создавали Половцы тем, что в русских, арабских, армянских, византийских, мадьярских и немецких источниках они упоминаются под различными именами: у Русских — Половцы, у Арабов и вообще в мусульманской письменности — Кипчаки, Кафчаки, у Армян — Хардеш, у Византийцев — Куманы, у Мадьяр — Куны, Куманы, а также Папочи, у Немцев — Фалоны, Фальвы или, как и в остальных западноевропейских источниках, — Команы, Куманы. Поляки и Чехи знают Половцев и в русском наименовании (только, обычно, без русского полногласия) — *Plawci*, *Plauci* и в общелатинском — *КоманьГ*.

²⁰ В. Бартольд, там же, с. 348.

²¹ Сводку различных наименований Половцев см. у П. Голубовского, Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар, гл. II; сюда надо добавить прямое свидетельство Вильгельма Рубрука: „Команы, именуемые Капчат” (гл. XIV, с. 84 пер. А. Малеина, СПб. 1911); об армянском названии Половцев (у Матвея Эдесского) см. «*Bibliothèque Historique Armenienne*», tr. en fr. par. Ed. Dulaurier, Paris 1858, с. 89 и прим. 3 на с. 404-5; ср. J. Marquart, цит. с., с. 54-55; о немецких источниках см. там же, с. 27-8, 55 и 173-176; об имени Палоч — P. Hunfalvy, *Ethnographie von Ungarn*, с. 235-238 и Д. Расовский, Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, *Seminarium Kondakovianum*, VI, 1933, с. 37; любопытно упоминание имени Палоч в русском эпосе, на что указал А.И. Лященко, Былина о Дюке Степановиче, Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук т. XXX, 1925, с. 105-106. Вследствие такой разноименности Половцев еще до сих пор нередко смешение их с другими турецкими наро-

Такие названия как Половцы-Плавцы-Палочи, Фальбы и Хардеш не являются этническими, а служат лишь для объяснения внешнего вида народа; на всех трех языках — русском, немецком и армянском это одинаково означает: бледновато-желтый, соломенно-желтый, названия, служившие для обозначения цвета волос этого народа²².

Не придает ясности для нахождения собственного имени Половцев сопоставление и других их названий: Куны-Куманы-Команы и Кипчаки. Как ничего не дает нам слово „кун”²³, так ничего не дает в данном случае и слово „кипчак”, объясняемое из турецкого языка то как „пустой”, „дуплистый”, то как „гневный” и „яростный”²⁴.

дами (ср. цит. выше Ст. Младенов, Печенези и Узи-Кумани в болгарската история) или такие выводы, что под различными именами кроются и различные народы (напр. V. Chaloupecky, *Stare Slovensko*, v Bratislave, 1923, с. 103, где Половцы не отождествляются с Команами; то же сделано — не надо и объяснять, что без моего ведома — чешским издательством, при переводе моей статьи о Владимире Мономахе (в серии «Menschen die Geschichte Machten») с немецкого языка на чешский, где в безграмотном подзаголовке Половцы и Куманы фигурируют как два самостоятельных народа («Tvurcove Dejin», II, 1934, Vladimir Monomach, с. 225).

Объяснение «Половец» от «половый», т.е. изжелта-белый, желтоватый (а не от «поле», как предполагали раньше) впервые предложил А. Куник (в прим. на с. 387 книги Б. Дорн, Каспий. О походах древних русских в Табаристан, Записки Имп. Акад. Наук, т. 26, кн. I, СПб, 1875); ср. ц.-сл. «плава» — солома и прилагат. «плавый», др.-руск. «половый» и *plavy*, *plowu* и *половый* в совр. чешском, польском и русском языках (ср. И.И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб. 1902, стлб. 949). Долго оспариваемая (Миклошичем, Блау, Куном, Вамбери, Бретшнейдером), эта конъюнктура теперь окончательно принята (ср. J. Marquart, цит. с., с. 28-29, P. Pelliot, *A propos des Comans*, с. 134, Г.Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, II, с. 57-59). Интересно отметить, что принятию такой этимологии мешало убеждение, что Половцы не могут быть белокурым народом! (Ср. Fr. Milkosich, *Etymologisches Worterbuch der Slawischen Sprachen*, Wien, 1886, с. 256). Особого мнения держался А. Соболевский, признававший, что Половцы происходит от слова «половый», но самое это слово понимавший, как «синий», на том основании, что малорусск. «половый» иногда употребляется для названия волов голубоватого цвета, а в немецк. *Falben* — видел «Ыаи», синий. Половой или синей, по Соболевскому, должно было быть название одной из половецких орд (подобно существовавшим татарским «синим» ордам), давшей имя всему народу (Несколько этимологических названий. Половцы, Русск. Филолог. Журнал, т. LXIV, Варшава 1910, с. 175)

²³ Comes Geza Kuun, *Codex Cumanicus*, с. 265, s.v. *kuun* и *kun* («dies», «sol»); Miskolczy Gy., *A kanok ethnikumához*, с. 36 (в смысле «большой», «могущественный»).

²⁴ Объяснение имени Кипчак у Рашид-эд-дина приведено И. Березиным, Первое нашествие монголов на Россию, с. 235-6, пр. 29 и П. Голубовским, Печенег, Торки и Половцы, гл. II; ср. другое объяснение у армянского переводчика сирийской хроники патриарха Михаила (перевод относится к 1224-1252 гг.) в *Recueil des historiens des Croisades. Documents Armeniens*, I.1, Paris 1869, с. 316. Критический разбор объяснений имени Кипчак см. у

До самого последнего времени усилия историков направлены были лишь на доказательства тождества народа, известного по различным источникам в столь различных названиях. Только в 1914 г. немецкий востоковед Иосиф Маркварт первый посягнул, в своем подавляющем эрудицией труде «*Über das Volkstum der Komänen*», разрешить вопрос — почему же, собственно, Половцы носили столь разнообразные имена? Вопрос оказался настолько сложным, что, при всей своей эрудиции, Маркварт не смог дать обстоятельного ответа, запутавшись в собственных противоречиях и предложив лишь ряд смелых гипотез.

Основные положения Маркварта сводятся к следующему. Предками Половцев были Кимаки, народ турецкого племени (см. выше), живший первоначально на верховьях Иртыша, несколько к юго-западу от общетурецкой прародины — Алтайско-Саянского нагорья, среди своих соплеменников, принадлежавших, как и они, к западно-турецкой языковой группе, и соседил с Киргизами. Но Кимаки, когда мы впервые узнаем о них, — а древнейшие мусульманские известия об этом народе восходят к середине IX в. — уже тогда были покорены какими-то монгольскими; именно — татарскими выходцами. Случилось это, по предположению Маркварта еще в VII в.²⁵ Исходным пунктом для такой гипотезы послужило. Маркварту известие о монгольском происхождении Кимаков у персидского историка XI в. Гардизи."

С середины X в. исчезает племенное имя Кимаков и Маркварт объясняет это тем, что они были покорены другою, новою ордою, и также монгольского происхождения — Кунами. Эти-то Куны и вывели Половцев-Кимаков в Европу в середине XI ст.²⁷ Именно монгольскому господствующему классу Маркварт приписывает способность организовать это большое движение на запад половецкой орды, значительно более сильное, чем предшествовавшие подобные движения других Турков — Печенегов и Торков²⁸. Найти, однако, прямые исторические известия о подчинении Кимаков Кунами Маркварту не удалось, и он удовлетворяется рядом косвенных указаний.

Действительно у Бируни (XI в.) и у Якута (XIII в.), использовавшего первого, и независимо от них у Мухаммета Ауфи, писателя также XIII в., но, по предположению Маркварта, использовавшего более древние источники, мы встречаем имя народа „Кун”. У Бируни-Якута Куны упоминаются вместе с другим народом, Кайями, как самые вос-

J. Marquart, ц. с., с. 159-162. Интересно отметить, что „Кипчак”, как имя собственное, и при том не у Половцев, а у Туркмен, приводится Ибн-аль-Асиром под 534 г.х. (1139/40 г.): «*Captchac, fils d'Arslan Tasch, Turkoman d'origine*» — *Extrait de la Chronique «Kamel Al-tevarykh» в Recueil des Historiens des Croisades. Hist. Orient., Paris 1872, с. 437-438.*

²⁵ J. Marquart, ц. с. с. 95.

²⁶ В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, Зап. Имп. Акад. Наук, VIII серия, Ист.-фил. отд., т. I, № 4, СПб. 1897, с. 105.

²⁷ J. Marquart, ц. с. с. 56-57 и 111.

²⁸ Там же, с. 38.

²⁹ Там же, с. 102.

точные турецкие племена тогдашнего географического горизонта Арабов; жили Куны восточнее Киргизов и соседили на восток с Кытаями (Киданями), народом, обитавшим у северных границ нын. Китая и давшего впоследствии свое имя всему государству. Про прошлое Кунов, которые иначе еще называются Маурка, Мухаммет Ауфи говорит, что они вышли из Китая, оставив там из-за тесноты свои пастбища. Самих же Кунов Маркварт, посредством сложных филологических комбинаций, этнически считает Монголами. Хотя Бируни и Ауфи ничего не говорят о времени, когда произошло выселение Кунов из земли Кытаев, Маркварт склонен отнести его к X в., т.е. времени, когда как раз исчезают упоминания о Кимаках и когда, по предположению немецкаго ориенталиста, Кимаки и были покорены Кунами. Отголосок пребывания Кунов среди Кытаев Маркварт видит в имени Кита, Китан-опа у половецких ханов³¹, а отражение у Половцев самого имени Кун — в мадыарском названии Половцев — „Кун” и в имени половецкого хана Кунуя (Кун-уй)³².

Наконец, полтора столетия спустя, уже около 1120 г., происходит новое, третье по счету и последнее, внедрение чуждого этнического элемента в половецкий народ, и опять монгольского происхождения — Кипчаков. Это объяснение Маркварта покоится на официальном китайском источнике монгольской династии — Юань-ши, который приводить биографию одного потомка кипчакских ханов, крупного военачальника в армии Кубилая³³. В биографии рассказывается, как предок этого кипчака — K'u-ch'u (=Ку[к]чу[к]), выселившись со своей ордой из района, который Маркварт расшифровывает как северопекинский, ушел на запад и обосновался, судя по сопоставлению с другим китайским источником эпохи монгольского нашествия — Ганму³⁴, в пред-

³⁰ J. Marquart, ц. с. с. 39-42.

³¹ Там же, с. 57; ср. ПСРЛ 1(2), Л. 1926, стлб. 279 под 1103 г. (Китанопы, ср. Ипатьевск. и др. списки Начальной летописи) и Gyarfás I., A Jasz-Kunok Története, II, с. 268-9, Chyta, под 1347 г.; добавлю, что в Туркестане, среди современных Кипчаков есть род Китай-Кипчаков (А. Харузин, К вопросу о происхождении киргизского народа, Этнографический Обзор., кн. XXVI, № 3, М. 1895, с. 76, пр. 2).

³² Там же, с. 57; ср. ПСРЛ 1(2), Л. 1926, с. 239 под 1096 г. Имени же „Куман” Маркварт не смог объяснить и, повторяя старые мнения о происхождении этого имени от реки Кумы, ставит с ним в связь имя половецкого хана Кумана (упомянутого в 1103 г. в русской летописи), как доказательство того, что это личное имя отражает племенное имя (Volksname) Половцев. „Куман” — уп. в Лаврентьевском списке Начальной летописи (ПСРЛ 1(2), с. 179); но в Ипатьевском и во всех близких к нему списках стоит „Кунам” (ПСРЛ II, СПб. 1908, с. 255). Непонятно, почему в новом издании Начальной летописи по Лаврентьевскому списку (1926 г.) о разночтениях разбираемого имени ничего не оговорено, тогда, как еще редактор первого издания Лаврентьевского списка отметил варианты „Кунам” и для этого списка (ПСРЛ 1(1), СПб. 1842, с. 118-119).

³³ Перевод из Юань-ши у E. Bretschneider, Medieval Researches from Eastern Asiatic Source vol. IP, London, 1910, с. 72 и у J. Marquart, ц. с. с. 114.

³⁴ Перевод из Ганму у E. Bretschneider, ib. с. 72 и у J. Marquart, ib. с. 114-15.

горях Урала, то есть в том районе, который в то время был одним из центров Половцев, и здесь стал основателем Кипчакского государства³⁵. Происходил Кукчук из племени Хи (Hi), родственному Кытаям (Ки-таи, Ки-пчаки)³⁶. Вычисляя время жизни первого из перечисленных Юань-ши предков монгольского полководца-кипчака, Маркварт приходит к выводу, что появление Кукчука Кипчакского в предгорьях Урала совершилось около 1120 г.³⁷ Подтверждение своей теории Маркварт видел в том, что в 1120/1 г. Кипчаки впервые, по его мнению, „активно выступили в истории, „предпринимая далекие военные и грабительские походы” в Грузию; об этих походах, действительно, рассказывает нам Ибн-аль-Асир и называет здесь Половцев Кипчаками. Кукчук, по мнению Маркварта, дал лишь новое, монгольское или манджурское, имя половецкому народу, сами же пришельцы быстро отуречились и так как их, вероятно, было немного, то они не повлияли на этнический состав Половцев и не изменили их языка; прежняя кунская династия должна была признать власть рода Кипчака. Совершились эти события без особенного шума, Кипчаки остались в Приуралье, а западные Половцы, распространившиеся к тому времени до границ Киевской Руси, Угрии и Византии, признали над собою новую династию. Вот почему в византийско-славянском мире (а также и в Угрии) не заметили совершившегося переворота и продолжали называть Половцев Куманами, Кунами или Половцами, тогда как мусульманский мир, бывший ближе к месту событий,³⁸ этого времени знал Половцев исключительно под именем Кипчаков”.

Маркварта не смущало то обстоятельство, что Кипчаки и ранее 1120/1 г. упоминаются у мусульманских писателей. У Ибн Хордадбеха (сер. IX в.) Кипчаки упоминаются живущими на юго-запад от Алтайско-Саянских гор, около Киргизов⁴⁰, а затем и протоисточник Гардизи и Аль-Бекри⁴², восходящий также к ср. IX в.⁴³, упоминают Кипчаков как северных (или восточных) соседей Печенегов. Но так как у ряда других мусульманских писателей, напр, у Масуди, Хаукаля, Ауфи, в другом источнике Гардизи, Кипчаки не упоминаются, а на их месте, при перечисле-

³⁵ J. Marquart, д. с. с. 114, 117 и 138.

³⁶ J. Marquart, ц. с. с. 117 и 137.

³⁷ *Ib.* с. 136.

³⁸ Ибн-аль-Асир, под 514 г.х. (1120/21 г.). — M. Defremery, *Fragments de geogr. et d'hist.*, *Journ. Asiat.* 1849, t. XIII, с. 478-80; ср. J. Marquart, с. 102 и 137. Подробнее об этом — в одной из следующих глав.

³⁹ J. Marquart, ц. с. с. 137-8.

⁴⁰ Ибн Хордадбех у Marquart, ц. с. с. 97.

⁴¹ Гардизи у В. Бартольда, *Отчет о поездке в Ср. Азию*, с. 120.

⁴² Аль-Бекри у А. Куника и бар. В. Розена, *Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и Славянах*, *Зап. Имп. Акад. Наук*, 1878 г., т. XXXII, Приложение, с. 59.

⁴³ Фр. Вестберг, *К анализу восточных источников и восточной Европы*, ЖМНП.

1908, март, с. 25 и 27-8.

нии турецких племен, стоят Кимаки, Маркварт делает вывод, что в позднейших мусульманских источниках Кипчаки и Кимаки смешивались а более ранние упоминания Кипчаков — суть позднейшие интерполяции⁴⁴.

Таковы чрезвычайно сложные ответы, даваемые немецким ученым на не менее сложную историческую загадку о происхождении половецкого народа и о его различным именам.

Как бы ни была несовершенна теория Маркварта о трехкратном вторжении монгольских элементов в основную массу Половцев-Турков, она сейчас единственная, которая вообще пытается как-то объяснить, не имевший до сих пор никакого объяснения, факт различных названий Половцев и, вероятно, эта теория еще долго будет служить, покуда обработка восточных (мусульманских и китайских) источников не принесет чего-либо нового. Главное, в чем теория Маркварта прежде всего нуждается в исправлении — это в ее хронологических построениях.

Уже покойный Бартольд в пространной рецензии на труд «*Über das Volkstum der Komanen*» указал, что Маркварту осталось неизвестным бесспорное упоминание о Кипчаках в Туркестане много ранее 1120/1 г., именно еще в 1030-х гг. — у персидского поэта Насира Хусрау. Это как будто реабилитирует и еще более ранние известия о Кипчаках у Ибн Хордадбеха, Гардизи, Аль-Бекри, заподозренных Марквартом. Не обратил внимания он также и на то, что участие Половцев в грузинской войне 1020/1 г., когда они, якобы впервые выступили под именем Кипчаков, было вовсе не проявлением их самостоятельной экспансии под руководством новой монгольской династии, а лишь участием в качестве наемников в походах Грузин, после того, как им пришлось выселиться из придонских степей к кавказским предгорьям от разгрома Владимиром Мономахом. Трудно также было бы согласиться, чтобы русская летопись совершенно не отметила такого существенного факта, как покорение Половцев в 1120 году новою ордою — Кипчаками. Наконец, уже после выхода труда Маркварта стало известно сочинение Махмуда Кашгарского, написанное в 1073 г., в котором этот ученый араб знает Кипчаков (Qifcaq), как одно из ближайших к Византии турецких племен, живших где-то между Печенегами и Огузами⁴⁵. Все это заставляет отодвинуть на одно, а, может быть, и более столетия, констатирование у Половцев имени Кипчак, и позволяет допустить, что Кипчаки уже издавна были одним из родов Половцев (то есть Кимаков-Кунов) и что гегемония над Кимаками-

⁴⁴ J. Marquart, ц. с. с. 97-99.

⁴⁵ Русский Исторический Журнал, т. VII, 1921, с. 141 и 148.

⁴⁶ Под 1116 г. в русской летописи рассказывается, правда, о смутах у Половцев и о восстании против них осколков Торков и Печенегов, оставшихся в степях; но это восстание объясняется желанием Торков и Печенегов воспользоваться ослаблением Половцев вследствие ряда поражений, нанесенных им Русскими. Ср. ПСРЛ, II, ст. 284; М. Грушевский, История Украины-Руси, II, с. 535; Д.А. Расовский, Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, с. 13.

⁴ C. Brockelmann, Mahmud al-Kasghari über die Sprachen und die Stamme der Turken im 11 jahrh., Korosi Csoma-Archivum, I, 1, 1921 г. с. 36.

Кунами они достигли к сер. IX ст., когда начали вытеснять с низовьев Сыр-Дарьи Огузов и продвигаться к причерноморским степям⁴⁸.

Если гипотеза Маркварта (без ее хронологической стороны) о трехкратном омонголивании Половцев и верна, то и он сам признавал, что эти монгольские волны были не настолько многочисленны, „чтобы существенно влиять на этнический состав населения” основной массы Половцев, „или” изменить существовавшие там языковые отношения⁴⁹.

Это совершенно правильное утверждение об отсутствии монгольских элементов у Половцев, которое, замечу кстати, все же довольно трудно примирить с основной мыслью Маркварта о столь усиленном, трехкратном проникновении монгольского элемента в половецкий народ, находит себе полное подтверждение как в турецкой чистоте половецкого языка (в смысле отсутствия в нем монголизмов)⁵⁰, так и во внешнем виде Половцев, ничего в себе монгольского не заключающего.

К рассмотрению внешнего вида Половцев теперь и перейдем.

3.

Все источники, описывающие внешний вид Половцев, единогласно сходятся в характеристике их как народа рослого, стройного, красивого и светловолосого.

У Аль-Омари узнаем, что Половцы были красиво сложенными, с правильными чертами лица⁵²; неоднократно слышим о красоте половецких женщин: их воспел персидский поэт Низами, восхищавшийся белизной их кожи⁵³; красотой одной половецкой хатуни пленяется Ширван-

⁴⁸ Об этом движении Половцев в сер. IX ст. см. у В. Бартольда, рец. на Маркварта, с. 141.

⁴⁹ J. Marquart, ц. с. с. 137.

⁵⁰ Ср. Б. Владимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, Зап. Вост. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ. XX, 1910, с. 153-184, где рассматриваются также и монгольские влияния на различные турецкие языки (с. 183-18-1).

⁵¹ Из старых теорий о происхождении Половцев упомянем две: мадьярскую и парфянскую. Мадьярское происхождение Половцев долго защищали мадьярские ученые; обзор этих мнений см. в цит. выше статье Miskolczy Gy., A kunok ethnikumahoz; кроме того см. еще Gyarfás I., A Petrarka Codex kun nyelve, Bud. 1882. — O. Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen, с. 586-7, а за ним G. Kuun, Codex Cumanicus, Prolegomena, с. LXV11-LXX1, признавая язык Половцев турецким, самих Половцев считали однако Парфянами, основываясь на некоторых средневековых Польских хрониках, которые не раз называют Половцев, на ряду с обычным Plauci, Comani, еще и Parthi (ср. Monumenta Poloniae Historica, ed. A. Bielowski, II, Lwow 1872, с. 409, 437, 533). Объяснение этого названия см. у J. Marquart, ц. с. с. 28, пр. 9. Совсем особое место в истории определения народности Половцев занимает S. Sallaville, Les Comans au Polovetscs, находивший следы их уже в ассирийских текстах.

⁵² Франц. перевод у Quatremere, Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliotheque du Roi, t. XIII, Paris 1838, p. 267; изд. и русск. перев. В. Тизенгаузена, СМЗО, СПб. 1884, с. 232; нем. пер. у J. Marquart, ц. с. с. 137.

⁵³ Charmoy, Expedition d'Alexandre le Grand contre les Russes: extrait de d'Alexandride au Iskender-Name de Nizamy, t. I, St. Pet. 1828, p. 15: «jeunes

шах' ; о красоте другой, дочери хана Отрока и внучке хана Шаруканя, ставшей женой грузинского царя Давида II, говорит грузинская летопись . Наконец, если даже справедливо заподозрить персидского поэта в некоторой риторике при описаниях им красоты половецких женщин, то нельзя этого сказать про беглое, но, очевидно, совершенно правдивое, замечание автора Слова о полку Игореве о „красных девках половецких”, взятых в плен Русскими⁵⁶. Из русских летописей известен эпизод, когда одна русская княгиня (внучка Владимира Мономаха) бежала из Руси к Половцам, чтобы выйти вторично замуж за язычника, хана Башкорда⁵⁷.

Все это говорит за привлекательную наружность Половцев для арийского глаза (Русских и Персов), который совсем иначе воспринимал обычный турецко-монгольский тип „с широким лицом, маленькими глазами, плоским носом и малым количеством волос в бороде”⁵⁸.

Но самым для нас существенным в описании внешнего вида Половцев является их белокурость или рыжеватость. Интересно прежде всего отметить удивительную тождественность в наименовании этого народа — Русскими, Армянами и Немцами: Половцы, Хардеш, Фальбы, что выражает один и тот же признак белокурости, о чем я уже говорил выше. Надо признать, что наименование это возникло, по всей вероятности, совершенно самостоятельно у каждого народа, без какого-либо письменного влияния⁵⁴. И уже совершенно независимо

beautes dont les jambes le disputaient au lis pour la blancheur. Leurs faces etaient vermeilles comme un feu ardent, et leurs joues etaient semblables a une eau limpide: elles etaient plus brillantes que l'astre du jour et de la nuit, c'etaient des beautés seduisantes aux yeux retrecis, telles que les esprit celestes meme n'auraient pu a leur aspect, resister aux charmes de l'amour».

⁵⁴ Ибн-аль-Асир в пер. Defremery, Journal Asiatique, 1849, t. XIV, p. 465.

⁵⁵ Histoire de la Georgie, tr. par M. Brosset, I Partie, St. Pet. 1849, p. 362: «D'ailleurs, bien des années auparavant il (Давид II) avait épousé la fille d'Atraka, fils de Charaghan, le plus distingué des princes Qiphtchaqs, la bien-heureuse reine Gourandoukht, célèbre par sa beauté qui était devenue sa femme légitime, la reine de toute la Georgie».

Слово о полку Игореве, фотографич. изд. Сабашниковых, М. 1920, с. 10. Что „девочки половецкие” ценились Русскими и составляли одну из статей подарков половецких ханов, видно из событий 1223 г., когда Котян обдаривал русских князей: дары принесе многы, кони, вельбуды и буйволы и девкы, и одари князей Русьских” (Троицкая лет. под 1223 г., ПСРЛ I, с. 216-217).

ПСРЛ II (1908), стлб. 501, 1159 г.

⁵⁸ Ср. описание Турок государства Караханидов у Утби (В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, И, с. 287)

П. Голубовский, Печенеги, Торки и Половцы, гл. II, считал, впрочем, возможным допустить, что нем. Valwen, через Balwe Blawen (такие варианты дает одна польская летопись: „Contigit autem non longe post hoc Plawcos, qui Almanice Balwen [вариант — Blawen] dicuntur, innumerabiles convenire”, Kronica xiazat polskich, Monum. Polon. Hist. v. III, p. 457) происходит от зап.-славянск. Plauci. Мне представляется, что нет необходимости искать здесь фонетических влияний, а проще объяснить фонетическую близость общим индоевропейским корнем для обозначения желтовато-соломенного цвета: ср. лат.

от этих известий, находится упоминание китайского источника, что у Кипчаков — голубые глаза и „красные” (по другому переводу — рыжеватые) волосы °. Кроме того известно, что один из мамелюкских вождей в Египте Шемс-ад-Дин-Сонкор, Кипчак родом, был рыжеволос⁶¹. Из современной этнографии добавим, что в обитающей в нын. Румынии (старой Венгрии и румынской Молдавии) народности Чанго венгерские исследователи по определенным фонетическим признакам видят прямых потомков Половцев; и как раз Чанги являются светловолосыми блондинами и „еще в столь слабой степени утратили эту особенность типа, что их антропологической характеристикой и до сих пор могут служить белокурые волосы, иногда светлые, как лен, иногда с рыжеватым оттенком, нередко вьющиеся, и голубые глаза” ’. С другой стороны, среди некоторых современных орд Кипчаков Средней Азии и Приуралья, которые в большинстве своем теперь черноволосы, встречаются, однако, в некоторых отдельных родах (как напр. Карачай-Кипчаков Оренбургской области) до 50% темно-русых и рыжих .

Маркварт, разбирая вопрос о белокурости Половцев и о наличии в древности некой белой расы в Азии, подвергнув критике все существовавшие до него на этот счет мнения, и, отвергнув их все, сам не высказал каких-либо определенных соображений⁶ . Но рецензент на его труд, синолог Поль Пелльо, легче допускает связь Половцев с предполагаемой белой азиатской расой⁶⁵. Еще решительнее в защиту этой теории встал Г.Е. Грум-Гржимайло, защищающей мнение, что аборигенами Сев. Китая был народ белой расы Ди-ли, Динлины, к IV веку н.э. окончательно вытесненный Китайцами на север за Гоби, где он и смешался с турецкими племенами . Характерными признаками воссоздаваемой Грум-Гржимайло белой расы Азии являются: высокий рост, прямые носы, светлая кожа, голубые глаза и светлые волосы. Поэтому, заключает этот исследователь, светловолосость Половцев „указывает, если не на то, что они были отуреченными Динлинами, то во всяком случае на значительную в них примесь динлинской крови”⁶⁷.

flavus, др. верх.-нем. Ылао,ц.-слав. плавыи (И.И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка, т. II, СПб, 1902, стлб. 949 s.v. плавыи).

⁶ История первых четырех ханов из дома Чингисова, пер. с китайского монахом Иакинфом (Бичуриным), СПб. 1829, с. 273-4; E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, vol. II, с. 72.

⁶¹ Bar. d'Ohsson, *histoire des Mongoles depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour bey ou Tamerlan*, III, p. 423 (цит. по Г. Е. Грум-Гржимайло, ц. с. II, с. 57, пр. 3).

⁶² B. Munkacsi, *Komatiischer Ursprung der Moldauer Tschango*, Keleti Szemle, III, 1902, с. 249.

⁶³ А. Харузин, К вопросу о происхождении киргизского народа, *Этнографическое Обзор.*, 1895, кн. XXVI, № 3, с. 84.

⁶⁴ J. Marquart, ц. с. Приложение I и с. 137-8.

⁶⁵ Paul Pelliot, *A propos des Comans*, с. 134.

⁶⁶ Г.Е. Грум-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, с. 5-78.

⁶⁷ Там же, с. 57-59.

Как бы скептически не относиться к теории о белой расе Азии, однако нельзя обойти таких издавна известных фактов, как рыжеволосость, голубоглазость и белый цвет кожи древних Киргиз (Хакасов), отмеченных как Китайцами, так и мусульманскими писателями, напр., Гардизи XI в. (припомним, что Половцы были как-будто ближайшими соседями Киргиз на Алтайской прародине) и ряд подобных свидетельств древних Китайцев об Уйгурах, Киданях и др.⁶⁸ Эти свидетельства должны быть поставлены в связь с белокуростью и голубоглазостью Половцев для решения спорного вопроса о нетурецких этнических элементах древних турецких племен.

Но, как бы ни было сложно этническое прошлое Половцев, покоящееся может быть и на нетурецкой основе, только впоследствии отуреченной, и затем испытавшей на себе троекратное привхождение монгольского элемента, — все же с безусловной определенностью можно утверждать, что при выходе своем в сер. XI в. в причерноморские степи, Половцы по языку были уже чистыми Турками⁶⁹, а по культуре — типичными кочевниками.

⁶⁸ Сводка сведений у Грум-Гржимайло, ц.с. с. 5-9, 18-19, 21; ср. Marquart, ц.с. с. 175.

⁶⁹ Именно — западно-турецкой языковой группы. Памятниками половецкого языка служат: Codex Cumanicus — латино-персидско-половецкий словарь конца XIII — нач. XIV вв. из причерноморских итальянских колоний; арабско-турецкий словарь сер. XIII в., составленный в Египте, куда Половцы в большом количестве проникали из южнорусских Степей после татарского нашествия, образовав мамелюкскую гвардию при дворе египетских султанов; два подобных же словаря: один написанный в 1313 г. арабом из Испании Абу Хайяан аль-Гарнати, другой — первой пол. XV в. Абу Махаммед Абд Аллах ат-Турки; отрывок половецко-русского словаря (вероятно, не ранее второй пол. XIII в.), отрывки христианских молитв Половцев, бежавших от татарского нашествия в Угрию и там крестившихся; собственные имена Половцев, встречаемые в русских и мадьярских летописях и актах и у арабских историков мамелюкекого периода Египта; неопубликованная, происходящая из Египта, половецкая поэма XIII в. «Хосрой и Ширин», ряд переводов на половецкий язык, сделанных в Египте; памятники письменности XVI-XVII вв. каменец-подольских и львовских Армян, усвоивших половецкий язык и, наконец, живой язык Караимов Литвы и Галиции. О языке Половцев и его отношении к другим древне-турецким языкам сообщает, впрочем очень кратко, Махмуд Кашгарский (C. Brockelmann, Mahmud al-Kasghari über die Sprachen der Turken, с. 29, 37-39). Библиография о Codex Cumanicus собрана мною в статье «К вопросу о происхождении Codex Cumanicus», Seminarium Kondakovianum III, Praha 1929, с. 193-214; после того появилась еще статья J. Nemeth, Zu den Ratseln des Codex Cumanicus в Korosi Csoma-Archivum, II, 5, 1930, с. 366-358; арабско-турецкий словарь египетского происхождения издан M. Th. Houtsma, Ein türkisch-arabisches Glossar, Leiden 1894; Словарь 1313 г. издан в 1893 г. (1309 г. х.) в Константинополе; о нем см. Tadeusz Kowalski, Ka'raimische Texte im Dialekt von Troki, Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademji Umiejetnoci, N. 11, w Krakowie 1929, с. LVI-LVIII; о словаре Абу Махаммед Абд-Аллаха ат-Турки, еще неизданном, см. сообщение Deny, Journal Asiatique, 11 serie, т. XVIII, 1921, с. 134; отрывок

половецко-русского словаря впервые был опубликован кн. Оболенским в Москвитянине, 1850, март, кн. I (эта статья мне осталась недоступной), а затем фотографически его издал W. Bang, Zur der Moskauer polowzischen Worterliste, Bull. de la Cl. des Lettres de l'Acad. R. de Belgique, 1911, № 4, с. 91-103; соображения о датировка его у J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen, пр. 7 к с. 153; отрывки молитв мажарских Половцев — у G. Kunn, Codex Cumanicus, с. XLIII и след.; обследования половецких собственных имен по русским летописям до сих пор еще не произведено (если не считать старой попытки И. Березина, Первое нашествие монголов на Россию, пр. 29 на с. 238-240); по мажарским источникам такая работа частично проделана

3. Гомбочем (Gombocz Zoltan, Arpadkori torok, szemelyneveink [Личные турецкие имена времени Арпадовичей], Magyar Nyelv, 1915, дополнением к ней см. R. Nagy Laszlo, Torok eredetu magyar tulajdonnevek (Мажарские собственные имена турецкого происхождения), Korosi Csoma-Archivum I, 3, 1922, с. 237-239; ждуг своего изучения и сравнения с половецк. именами русск. и мажарск. источников и собственные имена египетских мамелюков; в настоящее время подобный материал собирается мажарским тюркологом L. Rasonyi Nagy для своего труда «Onomasticon Turcicum»; о поэме «Хосрой и Ширин», рукопись которой находится в Парижской Национальной Библиотеке, упоминает А.Н. Самойлович в статье О „пайзам — „байса” в Джучиевом улусе, Изв. Акад. Наук СССР, 1926, с. 1110, пр. 2; о переводах на половецкий язык Гулистана Саади, одной Космографии и одного ученого трактата, хранящихся в рукописях в Лейденской библиотеке, сообщает М. Th. Houtsma, Ein turkisch-arabisches Glossar, с. 6. Караимы, издавна обитавшие в Крыму, в эпоху господства в XI—XIII вв. в Причерноморье Половцев, находились под их властью и полностью усвоили их язык и перевели на него Библию. В XIV в. большинство караимов из Крыма переселилось в Литву и Польшу, где они живут поныне и говорят на языке, наиболее близком к Codex Cumanicus и арабo-турецкому словарю из Египта; подобный же путь из Причерноморья — в Волино-Галицкую Русь проделала и часть Армян, также как и Караимы, удвоившие половецкий язык; на этом языке сохранился ряд письменных памятников XVI-XVII вв. армянских колоний Каменца-Подольского и Львова; о них Fr. v. Kraelitz-Greifenhorst, Sprachprobe eines armenisch-tatarischen Dialekten in Polen, Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenlandes, XXVI, Wien, 1912, с. 307-324, Deny, Journ. Asiat. 11 s. т. XVIII, с. 134-5 и цит. выше работу T. Kowalski, с. LXXI-LXX; ныне эти Армяне утратили половецкий язык, обрусев или ополячившись; зато Караимы Поневежа, Трока, Вильны, Луцка и Галича до сих пор сохраняют половецкий язык как в богослужении, так и в разговорной речи. См. цит. выше работа T. Kowalski, Koraimische Texte im, Dialekt von Troki, с. LXXIX + 311, где приведена и остальная литература. Из всех этих памятников видно, что половецкий язык не был единым, а заключал в себе ряд диалектов. На это указывал еще Ф.Е. Корш, По поводу второй статьи проф. П.М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слово о полку Игореве», Изв. отд. русск. яз. и сл. Имп. Акад. Наук, XI, 1, 1906, с. 264-5; см. также T. Kowalski, ц.с. с. LVII, LVIII, LX и J. Nemeth, рецензия на Ковальскаго в Korosi Csoma-Archivum, II, 6, 1932, с. 454. Специального всестороннего исследования о половецком языке, о его культурном уровне по сравнению с другими турецкими языками — мы все еще не имеем.

РАССЕЛЕНИЕ ПОЛОВЦЕВ

1.

В первой главе я указывал на связь, которую усматривал Маркварт между племенами Кимаки и Кыпчак. Мнение Маркварта теперь можно считать окончательно принятым в востоковедении³.

Кимаки, известия о которых восходят к середине IX в., были в это время одним из самых северных турецких племен и жили по среднему течению Иртыша. Они состояли из двух племен: Кыпчак и Емек (Имак). Подтверждение тому, что Кимаки включали в себя два племени, Маркварт видел и в самом их имени, которое он объяснял из Ики-Емек, то есть „два Емек”⁶. Кыпчаки жили западнее⁷, Емеки — восточнее. Распространяясь постепенно на запад, Кимаки в X в., во время

¹ См. *Seminarium Kondakovianum*, том VII (1935 г.), с. 254 (с. 10 отд. оттиска).

В первой главе я неправильно писал «Кипчак» вместо «Кыпчак».

¹ W. Barthold, *Enzyklopaedie des Islam*, II, с. 1085, 1089; III, с. 976; его же 12 *Vorlesungen über die Geschichte der Turken Mittelasiens*. Deutsche Bearbeitung von Theodor Menzel, Berlin, 1935, с. 61, 112-113.

Древнейшее известие о Кимаках сохранилось у персидского географа XI в. Гардизи (В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью*, Зап. Имп. Акад. Наук, VIII серия, Ист.-фил. отд., т. I, № 4, СПб. 1897; ср. J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, *Abhandl. d. k. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, Phil.-Hist. kl. N. F. T.* XIII, 1, Berlin, 1914, с. 89-94). Маркварт считает, что источник, использованный Гардизи, восходит к концу VIII ст. (*Über das Volkstum der Komanen*, с. 67; его же *Skizzen zur geschichtlichen Volkerkunde von Mittelasien und Sibiren*, *Ostasiatische Zeitschrift*, VIII, 1919/20, *Festschrift für Fr. Hirth*, с. 293). У того же Гардизи находится и итинерарий в землю Кимаков, который Маркварт относит к нач. X в. (*Skizzen*, с. 293). Об этом итинерарии, равно как и о древнейших известиях о Кимаках у арабских географов, см. у В. Бартольда, *О христианстве в Туркестане в домонгольский период*, ЗВОИРАО, VIII, 1894, с. 18-19 и у Маркварта, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 41, 91-2, 100-1. В Кимаках Идризи, согласно общему воззрению востоковедов, надо видеть Кара-Китаев (В. Григорьев, *Об арабском путешествии X в. Абу-Дулафе и странствовании его по Средней Азии*, ЖМНП 1872, сентябрь, с. 31; Бартольд, *О христианстве*, с. 24, Marquart, *ib.* с. 111-112).

⁵ W. Barthold, *Enz. d. Islam*, II, с. 1099; 12 *Vorlesungen*, с. 112-113.

⁶ J. Marquart, *Über d. Volkstum d. Komanen*, с. 96-97.

J. Marquart, ц. с. с. 99; Бартольд, рецензия на Маркварта в *Русском Историческом Журнале*, VII, 1921, с. 148; его же, *Киргизы*, Фрунзе, 1927, с. 20; его же, *История турецко-монгольских народов* (конспект лекций) Ташкент, 1928^г. с. 11.

О Кимаках еще см. J. Marquart, *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*, 1903, с. 79, 339; его же, *Über d. Volkstum d. Komanen*, с. 89-113, 170-172, 205-6; его же, *Skizzen für geschichtlichen Volkerkunde von Mittelasien und Sibirien*. 2. Die Iki Jmak; W. Barthold, *Enz. d. Islam*, II, 1085, 1099; его же 12 *Vorlesungen*, с. 112-113; его же *Киргизы*, с. 20.

своих летних кочеваний, переваливали даже за Урал и доходили до низовьев Камы⁹. С середины X в. окончательно исчезает имя Кимаков¹⁰; последние, очевидно, были поглощены Кыпчаками". Махмуд Кашгарский, писавший в 1073 г., не знает больше Кимаков: вместо них он говорит о Кыпчаках и Емеках, причем Емеки к этому времени оказываются уже в подчинении у первых¹². С начала XIII в. начинает выдвигаться новое племенное образование среди Половцев — Канглы, кочевавшие на восточной окраине тогдашнего половецкого мира — у среднего течения Иртыша, т.е. в области прежних кочевий Кимаков.

⁹ Истахри, X в. — у Бартольда, *Enz. d. Islam*, II, с. 178.

¹⁰ См. 1-ю главу в *Seminarium Kondakovianum*, VII, с. 254.

¹¹ А не Кунами, как считал Маркварт, основываясь на показаниях Ауфи (*Über das Volkst. d. Komanen*, с. 39-42; ср. *Seminar. Kondakov*, VII, с. 255 или с. 11 отд. отт.): Бартольд, *Киргизы*, с. 23-25 и 12 *Vorlesungen*, с. 114-115 указал на ошибочность чтения Марквартом у Ауфи «Кун» вместо действительного «Кури» или «Фури». Добавлю к этому, что следы собственного имени Кытаев у Половцев, которое Маркварт считал занесенным к Половцам через Кунов, вышедших согласно Ауфи, из государства Кытаев, можно, по моему, объяснить и простым соседством Половцев с Кытаями в Средней Азии в XI в. О появлении Кыпчаков в Средней Азии уже в тридцатых годах XI в., а не лишь с 1120/21 г., как думал Маркварт, см. *Seminar. Kondakov*, VII, с. 255-7 (с. 11-13 отд. отт.) и ниже с. 177-178.

¹² W. Barthold, *Enz. d. Islam*, II, с. 1099; его же, 12 *Vorlesungen*, с. 112-113. В 1184 г. русская летопись упоминает Половцев „Емекове” (ПСРЛ I, вып. 2, Л. 1927, ст. 389); во втор. пол. XIII в. Емеков упоминает Табакат-и-Насири (Marquart, *Über d. Volkst. d. Komanen*, с. 170-1), в нач. XIV в. — Шемс-аддин-Димашки (A.F. Mehren, *Manuel de la cosmographie de Moyen Age*, Copenhague, 1874, с. 382; ср. Marquart, ц.с. с. 157). Маркварт Емеков, подобно как и всех Кимаков, считал по своему происхождению Монголами, но отуреченными. Монголизм Емеков Маркварт усматривал в имени рода Баявут — имя, которое встречается также и у Монголов (ц.с. с. 171).

¹³ Махмуду Кашгарскому (втор. пол. XI в.) Канглы, как племя, еще не известны; при нем этим именем Половцы называли у себя людей высокого роста (W. Barthold, 12 *Vorlesungen*, S. 113). Впервые, как племя, Канглы (K'ang-li) упоминаются во втор. пол. XII в. в китайских источниках, как живущие где-то у Иртыша (J. Marquart, ц.с. с. 167); в нач. XIII в. часть Канглов живет и южнее, между Таласом и оз. Иссык-Куль, у Алмалыка, где у них было самостоятельное владение, о чем мы узнаем от Джувейни (Бартольд, рец. на труд Н. Аристова, *Заметки об этнич. составе тюркск. племен...*, ЗВОИРАО, XI, 1899, с. 353; Marquart, ц.с. с. 163-1 отвергнул правдоподобность этого сообщения, но Бартольд снова защитил его в рец. на труд Маркварта, с. 153 и повторил в 12 *Vorlesungen*, с. 131). Здесь мы находим Канглов и в эпоху монгольского нашествия, о чем сообщает Абуль-Гази (Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, с. 27-8, J. Marquart, ц.с. с. 168). Часть Канглов, благодаря браку хорезмшаха Текеш-хана на кангльской княжне, переселилась в конце XII в. в Хорезм (Бартольд, ц.с. с. 27 и пр. 2; Marquart, ц.с. с. 167-98). На сев.-вост., у Иртыша, Канглы в [нач. XIII в. соседил с Найманами (Бартольд, рец. на Аристова, с. 353, его же *О христ. в Туркестане*, с. 27, его же 12 *Vorlesungen*, с. 151). О Канглах в эпоху монгольского нашествия

Южнее Кымаков, главным образом в юго-западной части среднеазиатских степей располагались Огузы (Гузы, Узы, они же Торки русских летописей) вместе с немногочисленным, но игравшим впоследствии не малую роль в истории Руси, племенем Верен (Берендей, Берендичи русских летописей, Berend, Berencs — мажарских источников) . До тридцатых годов XI ст. Огузы были преобладающим туземным племенем в Средней Азии¹⁷, занимавшим в IX-X вв. огромные пространства от Приуралья до среднего течения Сыр-Дарьи; на северо-западе летовища Огузов достигали низовьев Камы, где Огузы соприкасались с летними кочевьями Кымаков¹⁸; на юге Огузы примыкали к мусульманскому пограничью, почему мусульманские географы X в. среднеазиатские степи называли „степью Гузов”¹⁹. Центром же Огузов были низовья Сыр-Дарьи²⁰. Здесь, вероятно, находились главным образом зимовья Огузов тогда как летовища их, как мы уже видели, достигали Камы. Огромность пространств таких кочевий обуславливалась двумя причинами: особенностями климата и почвы среднеазиатских степей и колоссальными размерами кочевых хо-

см. у Бартольда, О хрисг. в Туркестане, с. 28 и у Marquart, ц.с. с. 171, 205. Канглы были настолько близки Кыпчакам, что мусульманские источники смешивали их друг с другом (Бартольд, рец. на Аристову, с. 348, пр. 1; его же О христианстве в Туркестане, с. 27 и пр. 2; его же 12 Vorlesungen, с. 116, Marquart, ц.с. с. 170-2). О Канглах, как о „родственников” Куманов-Половцев прямо говорит Рубрук (перевод Малеина, с. 101; ср. еще с. 95: „Команы, называющиеся Канглы”); о них см. еще у Плано Каргшши (под именем Кангитов, пер. Малеина, с. 50-51). Бартольд первоначально ошибочно сближал Канглов с Гао-гуй китайских источников и с Уйгурами (О христианстве в Туркестане, с. 27; рец. на Аристову, с. 348), что было отвергнуто еще Радловым и позже Марквартом (ц.с. последнего, с. 78).

Под среднеазиатскими, ныне казахскими, степями мы имеем в виду Степной край или Степное Генерал-Губернаторство времен Империи, в которое входило три области: Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская; теперь — Казахстан.

В 1-й главе (Seminar. Kondakov. VII, с. 251, с. 7 отд. отт.) я неверно, вслед за Аристовым, считал Узов и Огузов за разные племена. См. W. Barthold, 12 Vorlesungen, с. 103.

¹⁷ О них см. мою статью Печенеги, Торки и Берендей на Руси и в Угрии, Seminar. Kondakov. VII, 1933, с. 1-64, L. Rasonyi Nagy, Der Volksname Berendey, там же, с. 219-226 и только что появившуюся статью G. Luko, Haveselve es Moldva nepei a X-XII szazaban [Население Валахии и Молдавии в X-XII вв.], отпечаток из журнала Ethnographia, 1935, стр. 16, с коротким немецким резюме.

В. Бартольд, рец. на Аристову, с. 348.

J* W. Barthold, Enz. d. Islam, II, с. 178; его же, рец. на Маркварта, с. 147.

^ W. Barthold, Enz. d. Islam, II, с. 1099; его же рец. на Маркварта, с. 141.

В. Бартольд, рец. на Аристову, с. 348, его же 12 Vorlesungen с. 104. Ср.

J. Marquart, Osteuropaische und Ostasiatische Streifzuge, с. 339.

В.В. Бартольд, Очерк истории Туркменского народа в сборнике «Туркмения» т. 1, JI. 1929, с. 15; J. Marquart, Über d. Volkstum d. Komanen, с. 43, пр. 2 и с. 46.

зяйств. Климатические условия среднеазиатских степей таковы, что весной наиболее благоприятные условия для кочевания создаются на юге, где ранее всего появляется трава; но, по мере выжигания солнцем травы, кочевники вынуждены искать лучших пастбищ все более и более на севере, где благоприятные условия для кочевания наступают позже, зато и держатся дольше. На зимовки же кочевникам надо возвращаться на юг, где из-за менее глубокого снега легче тебеневать чем на севере и где раньше появляется весенняя растительность. Сколь велики были хозяйства огузских богачей узнаем из мешхедской рукописи Ибн-уль-Факиха, упоминающей о владельцах 100 000 баранов²³. Оба эти фактора — климатический и хозяйственный — определяли необходимость далеких перекочевок; вполне допустимо предположить, что, так как все лучшие пастбища северного пояса среднеазиатских степей (лесостепи и ковыльных степей) были заняты кочевьями Кимаков, то Огузам приходилось на летовища передвигаться не на север, а на северо-запад, за Урал. Таким образом, очевидно, создавалась известная закономерность, в силу которой кочевникам южной полосы среднеазиатских степей (именно обитателей полынной и полынно-соляной степей²⁵), при их зимовках на рр. Сыр-Дарье и Чу, у мусульманского пограничья, — на летовища приходилось перебираться за Урал, к низовьям Камы. О наличии этой закономерности мы можем судить потому, что и сто лет спустя после извес-

²² Так кочуют и современные насельники среднеазиатских степей — Казахи (Киргиз-Казаки). Еще в нач. XIX в. некоторые их поколения, зимую по Куван-Дарье и Сыр-Дарье, летовали на Ишиме или у истоков Урала, т.е. диапазоном в 800-850 верст (А. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб. 1832, с. 13-15, 26). Еще по сей час в некоторых местах можно встретить кочевание на расстояние 800-1200 верст, напр, между Мангышлаком или низовьями Аму-Дарьи до р. Хобдо (Ф. Фиельструп, Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана, сборник «Казаки» под ред. С.И. Руденко, JL 1927, с. 80-107, особ. с. 80-81 и 104).

²³ А.З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибн-уль-Факиха, Изв. Росс. Акад. Наук, 1924, с. 246. Ср. А. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV вв., Материалы по истории Узбекск., Таджикск. и Туркменск. ССР, ч. I, JL 1933, с. 15. Ибн-Баттута в XIV в. сообщает о 10-и тысячных табунах богатых кочевников Причерноморья (В. Тизенгаузен, СМИЗО, т. I, СПб. 1884, с. 286; ср. француз, перевод Defremery, Journal Asiatique, t. XVI, 1850, с. 73. Хозяйства в 10 000 лошадей и в 20 000 овец существовали у современных обитателей средне-азиатских степей — Казахов — еще в нач. XIX в. (А. Левшин, ц. с. т. III, с. 187, 192).

²⁴ Маркварт, впрочем, предполагал, что летовища Огузов могли быть и на севере, у границ кочевий Кимаков; он заключал об этом на основании некоторой осведомленности Огузов о верхнем течении Иртыша и о кочевавших там Кимаках, что могло, по Маркварту, быть следствием соседства летних кочевий обоих племен в этом районе (Ober d. Volkstum d. Komanen, с. 101).

²⁵ Ср. Атлас Азиатской России, и?д. Переселенческого Управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия, 1914, карта № 24 — растительности Азиатской России.

тия Истахри о кочевании Огузов, в 1043 г. мы снова узнаем о подобных же перекочевках неназванного по имени Ибн-аль-Асиром турецкого народа, зимовья которого были у Баласагуна на р. Чу, а летовища все в тех же степях у низовьев Камы²⁶.

В непосредственном соседстве с Огузами, где-то к северу и м.б. к северо-западу от Аральского моря, кочевали Печенеги. Очень возможно, что они, до известной степени, преграждали Огузам перекочевывание на летовища прямо на север.

Печенеги и открыли в конце VIII или в начале IX в. великое движение Турок на запад.

Но прежде чем переходить к изложению передвижений Печенегов, Торков и Половцев на запад (а последних, отчасти, и на юг), необходимо сделать одно общее замечание, касательно этих передвижений, указать на одно обстоятельство, интересное для русской истории, на которое до сих пор не обращалось должного внимания, а именно: движение этих трех турецких племен шло очень широкой полосой, захватывая огромные степные пространства и не ограничиваясь одними „азиатскими воротами” между северным побережьем Каспийского моря и южным Уралом, как то обычно представляется²⁸. В действительности это движение шло на всем протяжении степной полосы, доходя на севере до границ лесостепи, т.е. до среднего течения Ишима, Тобола, и выходя в Европу через склоны южного Урала на р. Белую и нижнее течение Камы, до бассейна Черемшана, а на правом берегу Волги забирая к верхнему течению Дона; и Донца, и по тому же лесостепному пограничью достигая бассейна Днепра²⁴. Только так представляя себе это турецкое передвижение, станет понятно, что Торки и Берендеи будут упоминаться в русской истории в среднем Поволжье еще задолго до того, как эти кочевники окажутся в приднепровских степях под Киевом, и только тогда получает свое наиболее естественное объяснение наличие

²⁶ В. Бартольд, О христианстве в Туркестане, с. 22; его же, 12 Vorlesungen с. 116; J. Marquart, ц.с. с. 101.

²⁷ J. Marquart, ц.с. с. 26, 35, 98 и 1-ю гл. настоящей работы, Seminar. Kondak. VII, с. 251 (или с. 7 отд. отт.)

²⁸ Об этом исключительном движении „воротами народов” см. напр, не так давно написанный очерк Вяч. Егорова Переселение народов Европейской России, как приложение к переводу А. Геддона Переселение народов, s.a. с. 115, или Е. А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч. I., Одесса, 1922, с. 54.

²⁹ Насколько Уральские горы не служили препятствием к созданию единого культурного района для Турков, обитавших по обоим склонам Урала, см. интересные наблюдения об едином „окско-волжско-камско-тобольском культурно-географическом районе” у А. Н. Самойловича, К истории культурных и этнических отношений в волжско-уральском крае, Новый Восток, 1927, № 8; ср. о том же у Н.Н. Поппе, Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам, Известия Рос. Акад. Наук, 1924 г., с. 296-7.

торкских и берендейских поселений в Ростово-Суздальской Руси и у Камских Болгар, вблизи лесостепного пограничья, которым Торки и Берендеи проходили в X-XI вв.

2.

Печенеги, как я уже сказал, были тем первым народом, который открыл великое движение Турок на запад. К выселению своему из приуральских степей Печенеги были вынуждены, если верить Масуди, нападениями на них Кимаков, Огузов и Карлуков³⁰ (последние жили восточнее Огузов в долине р. Чу). На то, что движение Печенегов было действительно вынужденным, показывает как будто и тот факт, что в тылу у них во все время их дальнейшего движения в IX и X вв. находились Огузы, беспрестанно на них наседавшие.

У нас нет сведений для определения времени начала печенежского движения. R. Roesler относил его к концу VIII века³¹, хотя оно могло быть и позже, в первой половине IX в. К середине этого столетия мы видим Печенегов разделившимися на всем огромном пространстве европейского Приуралья. Что движение Печенегов не шло лишь узкой полосой приаральских и прикаспийских степей, показывает одно место у Аль-Бекри, на которое до сих пор не было достаточно обращено внимания: „длина их страны — сообщает арабский географ о Печенегах — 30 дней пути, а ширина столько же”². Вестберг, который счел вполне возможным принять это сообщение и рассчитал, что 30-дневный путь будет равен 900 верстам, определил на этом основании территорию Печенегов описываемого времени с востока на запад: от р. Урала до бассейна Дона³³. „Ширина” владений Печенегов Вестберга, не заинтересовала. Мне представляется, что к определению Аль-Бекри „ширины” владений Печенегов можно отнести более скептически, чем к его определению длины, т.к. если отмерить 900 верст даже от низовьев Волги, то уже в таком случае мы попадаем на север в низовья Камы; но при отмеривании с юга, надо исходить из более северных точек, чем низовья Волги, во всяком случае не южнее Царицына (ныне Сталинграда), так как по сообщению того же Аль-Бекри, Хазары находились к югу от Печенегов³⁴, чего не могло бы быть, если бы Печенеги располагались у устьев Волги, где, как мы знаем, была и столица Хазар — Итиль. Но как бы осторожно не относиться к свидетельству Аль-Бекри о тридцатидневной ширине владе-

³⁰ J. Marquart, *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*, с. 63; его же, *Über d. Volkstum d. Komanen*, с. 25-26.

³¹ R. Roesler, *Romanische Studien*. Leipzig. 1876, s. 153. Ср. Фр. Вестберг, К анализу восточных источников о восточной Европе, ЖМНП 1908, март, с. 18.

А. Куник и бар. В. Розен, *Известия Аль-Бекри и друг. авторов о Руси и Славянах*. Ч. I, Прилож. № 2 к XXXII т. Зап. Импер. Акад. Наук, СПб. 1878, с. 59; ср. перевод М. Defremery в *Journal Asiatique*, 1849, 4 ser. t. XIII, p. 466.

³³ Фр. Вестберг, ц.с. с. 17.

А. Куник и бар. В. Розен, ц.с. с. 59; ср. Ф. Вестберг, ц.с. с. 17.

ний Печенегов, все же, несомненно, что последние простирались далеко на север³. Однако до Камы Печенеги не доходили, так как из того же Аль-Бекри мы знаем, что Печенеги на севере имели своими соседями Половцев³⁶, которые не могли бы кочевать севернее Камы, т.е. на ее правом берегу, из-за лесистости этого побережья, и которые, следовательно, могли находиться лишь на левом берегу Камы. Известие Аль-Бекри о соседстве на севере Печенегов с Половцами прекрасно согласуется с упомянутым уже мною известием Истахри о том, что Половцы (под именем еще Кимаков) кочевали у низовьев Камы³⁷. Таким образом движете в Европу Печенегов, а затем, как увидим далее, и Торков и Половцев, шло не только с востока на запад (по прикрас-

³⁵ Маркварт, который вопреки Веетбергу определял положение печенегов много восточнее (об этой полемике см. Вестберг, ц.с. с. 16-18), в своем новом труде — *Über das Volkstum der Komänen*, с. 99, оставаясь в определении местожительства печенегов, при своем прежнем мнении, замечает, что 30 дней в ширину по земле печенегов надо полагать „по Уралу” („Das Gebiet der Pecenegen mus sich dagegen nach Norden bis in den Ural hinauf erstreckt haben”). Мусульманские географы (Гардизи и Ибн Росте) говорят о болотистости и лесистости земли Печенегов (Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с. 95; Marquart, *Über d. Volkstum d. Komänen* с. 99; Д.А. Хвольсон, Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах и Русских Ибн-Даста, СПб. 1869, с. 15-16), а аноним Туманского упоминает Печенежские горы (А.Г. Туманский, Новоткрытый персидский географ X в., и известия его о славянах и руссах, ЗВОИРАО, X, с. 135-6; в настоящее время В.Ф. Минорским, в Лондоне, закончен и вскоре появится в свет, перевод и комментарий анонима Туманского), об этих горах мы будем затем слышать от Идризи (пер. Jaubert, *Geographie d'Edrisi*, т. II, Paris, 1840, с. 407) и Ибн-Саида (у Абульфеды в пер. того же Jaubert, *Geographie d'Aboulfida*, II, с. 292-3). Под печенежскими горами вряд ли можно подразумевать Урал, как то хотел Маркварт, т. к. трудно себе представить, чтобы кочевники могли постоянно располагаться на Урале; скорее всего это была Волжская возвышенность с ее Жигулевскими горами (так считает С. Смирнов, Волжский шлях і стародавш Руси, Киев 1928, с. 125) или возвышенность Общий Сырт. Что Печенеги были много севернее Каспийского моря, считал и Фр. Вестберг; непосредственное соседство Печенегов с Буртасами и Вятичами приводило Вестберга к заключению, что „кочевья печенегов доходили уже тогда (т.е. в сер. IX в.) до Средней Волги (К анализу вост. источн. о восточн. Европе, с. 17 и 19-20). Хотя Маркварт, ц. с. с. 98 и считал, что упоминаше арабских географов о соседстве Печенегов со Славянами есть позднейшая переделка текста, в котором первоначально вместо Славян стояли Буртасы, однако это не меняет вопроса о местоположении печенегов. Раскопки курганов в районе Оренбурга обнаружили большое сходство инвентаря с инвентарем погребений Черных Клобуков Поросья, так что в оренбургских погребениях надо видеть Печенегов или Огузов-Торков (О. А. Кривцова-Гракова, Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г., Труды Секции Археологии, РАНИОН, т. IV ГСборник в честь В. А. Городцова], М. 1928, с. 288-299).

А. Куник и бар. В. Розен, ц.с. 59; Фр. Вестберг, ц.с. с. 17; ср. J. Marquart' ц.с. с. 98.

³⁷ W. Barthold, *Enz. d. Islam*, II, 178, см. выше прим. 18.

пийским и причерноморским степям), но также их северо-востока на юго-запад, и пространство, захватываемое кочевниками, представляло как бы треугольник, который на западе вклинялся своей вершиной в южнорусские степи, а основание имел на востоке, от Аральского и Каспийского морей до среднего Урала.

Еще прежде чем Киевская Русь в начале X в. была вынуждена принять на себя напор первых Турок — Печенегов, эта участь стать заслоном от турецкого кочевого мира выпала Болгарскому каганату, который уже с середины IX в. оказался лицом к лицу перед Кимаками-Половцами, Узами-Торками, Берендеями и Печенегами.

Болгарский каганат, сложившийся на средней Волге и низовьях Камы уже к началу VII века³⁸, представлял собою прочное государственное образование, с развитой земледельческой и промышленной культурой, широко налаженной торговлей, с целым рядом зависимых от Болгар финских народов, вовлеченных в хозяйственную жизнь этого государства — как Муромы, Мордва (Мокша и Эрзя), Буртасы (Мещера), Пермь, Югра, Вотяки, Черемисы, Башкиры. Ядром Болгарского каганата, его государственно-организующей силой, была, как известно, немногочисленная, из пятисот семейств состоявшая⁴⁰, турецкая орда, выслевшаяся из своей алтайской прародины; перевалив через Урал, она подчинила себе местное оседлое земледельческое финское население⁴² и долго с ним не смешивалась. Еще в IX в. эта главенствующая турецкая орда вместе со своим каганом была типично кочевой среди городского и земледельческого финского населения⁴³, что не мешало, однако, государственной сплоченности Болгарии.

³⁸ А. Куник, О родстве Хагано-Болгар с Чувашиами по славяно-болгарскому именнику. Приложение к Известиям Аль-Бекри и др. авторов о Руси и Славянах, Зап. И. Акад. Наук, 1878, том XXXII, 2, с. 155-6; W. Barthold, Bulghar, *Enz. d. Islam*^I, с. 822; Н.Н. Поппе, Чуваши и их соседи, Чебоксары, 1927, с. 9 и 13.

Обычно Буртасовы считают Мордвою; этот взгляд находим и в новейших работах (напр. у Н.Н. Поппе, Чуваши и их соседи, с. 19), хотя еще в 1890 г. Ф.Ф. Чекалин на Археологическом съезде в Москве указывал на то, что древние Буртасы — не Мордва, а Мещера (Мещера и Буртасы по сохранившимся о них памятникам, Труды VIII Археологич. Съезда; т. III, М. 1897, с. 65-74). Мнение Чекалина принял Фр. Вестберг, ц.с. с. 19.

⁴⁰ Аль-Бекри у А. Куник и бар. В. Розен, ц.с. с. 63; ср. W. Barthold, *Enz. d. Islam*, I, с. 821.

⁴¹ Nemeth Gy., *A honfoglalo Magyarasag kialakulasa*, Budapest, 1930, с. 85 и след.; то же в конспектном изложении по-французски — *La prehistoire hongroise Nouvelle Revue de Hongrie*, Juin 1932, с. 461-2.

⁴² О земледелии у Волжск-камских Финнов еще до прихода сюда Болгар см. И.И. Смирнов, Волжские Болгары, «Русская история в очерках и статьях» под ред. М.В. Довнар-Запольского, т. I, М., с.а. с. 16-33; А. А. Штуkenберг, Земледельческие орудия древних Болгар, Учен. Зап. Казанск. Univ. 1896, июнь-июль, с. 211 (цитирую по Н.Н. Воробьеву, Материальная культура Казанских Татар, Казань, 1930, с. 15-16).

⁴³ См. описание кочевания кагана и его орд у Ибн-Фадлана (А.З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибн-уль-Факиха, с. 247), упоминания у Аль-

Эта основная, собственно-болгарская территория, ограничивалась лишь обоими берегами нижней Камы, бассейном Черемшана и течением Волги между устьями этих рек; но „сфера влияния” Болгар простирались далеко на север (в „Заволоцкую Чудь”, Югру), запад (Мурома по Оке), юго-запад (Мордва, Буртасы) и особенно на восток (Пермь, Вотяки), переваливая за Урал и по границе лесостепи проникая в область среднего течения Тобола, Иртыша и Оби (Башкиры и др.)⁴⁴. Все эти зависимые от Болгар народы были хорошо защищены от кочевников дремучими лесами. Но собственно болгарская область, лежащая в открытых степях, с ее восточной и юго-восточной сторон, в районе нижней Камы и Черемшана, — была издавна желанным местом для кочевников, и болгарскому каганату приходилось защищаться от них теми же средствами, которые так широко затем применяли южнорусские княжества, т.е. родственными союзами с главами родов, с ханами, и — несравненно более действительным средством — расселением кочевников на своих степных границах для защиты государства от их же соплеменников. Так Болгары, сами Турки и кочевники, вынуждены были в силу сложившихся на берегах Волги и Камы государственно-хозяйственных интересов, защищать образованное ими государство оседлой культуры от своих же соплеменников, ко-

Балхи и Мукаддиси (X в.) о войлочных юртах Болгар (Д.А. Хвольсон, Ибн-Даста, с. 82, 84), и свидетельство Ибн-Росте о платеже Болгарами дани своему кагану лошадьми (Д.А. Хвольсон ц.с. с. 24). Эти сведения указывают, что основная масса Болгар в IX-X вв. оставалась кочевнической. В. Бартольд как будто не доверял арабским известиям о кочевничестве Болгар (12 Vorlesungen, с. 69) и противопоставлял этим известиям данные археологии о каменном строительстве в болгарских городах. Но памятники каменного строительства относятся к более позднему времени (XIII-XIV вв.), а древнейшую мечеть X в. строили иностранцы-мусульмане. Вообще же заботы о городах не исключали, на наш взгляд, возможности оставаться Болгарам кочевниками. Что же касается влияния болгарского языка на финские в области земледельческих терминов (см. цит. работы Nemeth-a и Поппе), то еще И. Смирнов высказал вполне правильное предположение, „что Болгары-завоеватели, подобно Обрам русского предания, явились не учителями, а только организаторами подневольного труда туземцев, что они заставили Финнов перейти к более интенсивному земледелию и работать не только на себя, но и на завоевателей” (Волжские Болгары, с. 21). Что целая часть Болгар (современные Чуваши) так и осталась не затронутой мусульманством, а следовательно и городским влиянием (в Волжск-камской Болгарии мусульманство распространялось из городов), вынужден был признать и сам В. Бартольд (Enz. d. Islam I, с. 825).

⁴ П. Голубовский, Болгары и Хазары — восточные соседи Руси при св. Владимире, Киевская Старина, 1888, № 7; W. Barthold, Bulghar, Enz. d. Islam, I, с. 819-825; его же 12 Vorlesungen, с. 68-70; Н.Н. Поппе, Чувашский язык..., с. 296-7; его же, Чуваши и их соседи; А.Н. Самойлович, К истории культурных и этнических отношений в волжско-уральском крае. Работа Григорьева, Волжские Булгары в сборнике «Россия и Азия», СПб. 1876, мне осталась недоступной.

чевников-Турок, причем для этой защиты пользовались силой самих же кочевников.

Уже мне приходилось упоминать о свидетельстве арабского географа Истахри, писавшего в сер. X в., о том, что к лету на низовья Камы прикочевывали Огузы-Торки и что Кама служила им границей с кочевавшими здесь же Кимаками-Половцами⁴⁵. В дальнейшем мы будем видеть Огузов-Торков южнее, в причерноморских степях, но след пребывания их на болгарском пограничье останется в виде города Торческого, — очевидно место оселения Огузов-Торков, — известный из русских летописей как город, принадлежавший Болгарам⁴⁶. Ибн-Фадлан сообщает нам о родстве болгарского кагана с одним из влиятельнейших Огузов⁴⁷, — пример, вероятно, стремления Болгар обезопасить себя от нападений кочевников.

Тот же процесс проникновения турецких кочевников в мир оседлых государств, который происходил в Болгарии, мы видим и на Руси. Как раз в конце X ст., при князе Владимире, начинается закрепление за киевским княжеством областей по верхней и отчасти средней Волге. От этого времени, по всей вероятности, и ведут свое происхождение те поселения Торков в Ростово-Суздальской земле, след которых мы узнаем в современной топонимике: деревни Торчино и Торки в окрестностях Суздаля⁴⁸; из летописей же мы знаем о походе Владимира Киевского в 985 г. на Камских Болгар со вспомогательным конным отрядом Торков⁴⁹. Этот факт указывает, что здесь, на

⁴⁵ W. Barthold, *Enz. d. Islam*, II, с. 178; ср. выше с. 162 и 167.

⁴⁶ ПСРЛ I вып. 2, ст. 390, Л. 1927, под 1184 г. („Болгаре же... поидоша... ис Торцького [вар. Торчьскаго] на коних”); II, СПб. 1908, ст. 626, под 1182 г. Ср. Д.А. Расовский, Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, с. 61.

⁴⁷ А.З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибн-уль-Факиха, с. 246.

⁴⁸ Д.А. Расовский, Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, с. 61. Дер. Торки известна уже с сер. XV в.

Поход Владимира Киевского в 985 г. на Болгар вызвал и до сих пор вызывает у русских историков большие разногласия. Целый ряд историков считал и считает, что этот поход был совершен не на Камских Болгар, а на Дунайских. Начальная летопись говорить только следующее: „Иде Володимер на Болгары, с Добрынею с воєм (вариант: оуємъ) своим в ладых. а Торьки берегом приведе на коних. и (вар. тако) победы Болгары, (вар. и) рече Добрына (вар. к) Володимеру. съглядах колодник, оже (вар. и) суть вси в сапозех. сим дани нам не даяти (вар. не давати, но другой вар. не имети). пойдем искать лапотник, и сътвори мир Володимер с Болгары, и роте заходиша (вар. болгаре) межи собе (вар. собою), и реша Болгаре. толи не будет межи нами мира, лико (вар. — оли же) камень начнеть плавати а хмель почнеть тонуту (вар. грязнуту). и приде Влодимер (вар. к) Киеву” (ПСРЛ т. I, Л. 1926, ст. 84; ср. т. II, вып. I, П. 1923, ст. 72; мною приведены не все, но лишь главнейшие варианты); ср. т. V с. 114 („а Торки берегом переведе на конех”), т. VII, с. 296 („а Торкы берегом перевод на конех”), т. IX, с. 42 („иде Володимер на Болгары Низовския...”); ср. также реконструкцию текста у А.А. Шахматова, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб. 1908, с. 557 и 615, где, между прочим, разночтения о „приведе” и „переведе” решены Шахмато-

русско-болгарском пограничье не только Болгария, но и Русь привлекала Торков для своих военных целей и образовывала из кочев-

вым в пользу древнейшего текста: „а Търкы берегъмъ приведе на конихъ”. Но „Память и похвала” князю Владимиру (авторство ее приписывалось прежде мниху Иакову) говорит определенно каких именно Болгар надо подразумевать: „Радимицы победы (Владимир) и дань на них положи, Вятичи победы и дань на них положи на обои, и Ятьвягы взя, и сребрены Болгары победы, и на Козары шед, победы а дань на них положи”. Так читается в шести из семи известных списков; лишь в более позднем, стоит „сербяны Болгары” (С.А. Бугославский, К литературной истории „Памяти и похвалы” князю Владимиру, Изв. отд. русск. яз. и слов. Росс. Акад. Наук, т. XXIX, JI. 1925, с. 150-151). Очевидно, как раз этого рода списком пользовался Татищев (ср. Бугославский, ц.с. с. 150, пр. 230 и К. Бестужев-Рюмин, О составе русских летописей до конца XIV в., Приложения, с. 17, под 6493 г.). Впрочем, еще до Татищева, у некоторых польских историков XVI в. встречаем смешение Болгар Дунайских с Волжскими и чтение „земли Сербская, Булгарская”. Так, в хронике Мартина Кромера (Martini Cromeri, De origine et rebus gestis Polonorum), впервые изданной в 1555 г., дается такое путанное известие: „Vladimirus ucro paterno principatu omni potitus finitimos Bulgaros, Croatas, Vlaticos, Dulepios & Iazygas, quos Jazvuingos nostri uocant, subegit, ac tributarios sibi fecit” (изд. 1563 г. Basilea, кн. III, с. 34-35); а у М. Стрыйковского, в его Kronika Polska, появившейся в 1582 г., впервые находим смешение „Серебряных Болгар” с „Сербами и Болгарами”: „Potym Wladzimierz bedac juz zupełnym jednowlajea, wszystkie Rusi, zebrał wielkie wojsko, którym przeprowiwszy sie przez Dunaj, opanował ziemie: Bulgarsca, Serbska, Karwacka, Siedmigrocka, Wijaticka, Jatwieska, Dulebska i ty krainy, gdzie dris Wolosty, Multani i Tatarowie Bobruczy, a wszystkich do posłuszeństwa swego jedna wyprawa przypędził, i dan na nich włożył, która pierwej Greckim cesarzom dawali” (цит. по изд. 1846 г., Warszawa, т. I, с. 126). К. Бестужев-Рюмин, уп. соч. с. 17 Приложения, был совершенно прав, когда приведя цитируемый текст Стрыйковского, заметил, что „из этого ясно, что смешение в этом случае Волжских Болгар с Дунайскими восходит, по крайней мере, до XVI в.” Однако Татищев зависел не столько от этого места Стрыйковского (он отнесся к нему весьма критически — см. его Историю Российскую, кн. II, М. 1773, с. 62, 64, 79 и особ. прим. 167 на с. 401 и 172 на с. 403), сколько, очевидно, от уже упомянутого выше неисправного списка „Памяти и похвалы” князю Владимиру. Татищев излагает события так: „Владимир, собрав воинство великое, и Добрыню Вую своего призвав, с Новгородцы пошел на Болгары и Сербы в ладиях по Днепру, а конные войска Русские, Торков, Волянян и Червенских послал прямо в землю Болгарскую объявить им многие их нарушения прежних отца его и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения. Болгары же не хотя платить онаго, но совокупившись со Сербы, вооружились противу ему, и по жестоком сражении победил Владимир Болгаров и Сербов, и поплени землю их, но по просьбе их учинил мир с ними, возвратился со славою в Киев; взятое же разделил на войско, и отпустил в дома их” (История Российская, кн. II, с. 63-64). Так из Серебряных Болгар получились у Татищева Сербы и Болгары; упоминание о Днепре, Волянянах и Червенских войсках надо также отнести за счет собственного комментария Татищева. Последний не обратил внимания, что русская летопись Серебряными Болгарами называла именно Волжских (ПСРЛ II, СПб. 1908, ст. 625, 1182 г.: „поидоша (Русские) ко Волзе... в землю Болгарскую к великому городу. Сербьных [вариант: Сребрьных] Болгар”). Карам-

ников пограничные вспомогательные отряды на подобие Черных Клобуков Приднепровья; только здесь, в ростово-суздальском по-

зин признал, что поход был на Волжских Болгар (История Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, т. I, гл. IX, с. 125 и пр. 436) и этот взгляд не вызывал затем возражений до 1880-х гг., когда появился 1-й том Истории Русской Церкви Е. Голубинского. Голубинский вернулся к толкованию Татищева и в подтверждение своего взгляда, во-первых, указывал на то, что в X в. берега Волги были покрыты лесами и, следовательно, были непроходимы для конницы Торков (цит. ко 2-у изд. в ЧОИДР 1901, кн. III, с. 167, пр. I), а, во-вторых, замечал, что „иметь Владимиру желание покорить себе Болгар Камских и не было смысла, ибо как бы он мог поддерживать свою власть над этими Болгарами, находившимися от Киева так далеко?“ (ц.с. с. 926-927). По поводу первого аргумента Голубинского (к нему примкнул и Н.П. Барсов, Очерки русской исторической географии. География начальной, Несторовой летописи. 2-ое издание, Варшава, 1885, с. 112, 286 и прим. 201; мне не было доступно первое издание книги Барсова, вышедшей в 1865 г. под названием Материалы для истор.-географич. словаря России, Варшава 1865) можно сослаться хотя бы на известия Ибн-Фадлана о кочевании болгарского кагана со всеми своими родами в районе г. Булгар, что, следовательно, говорит за возможность свободного передвижения здесь также и русского вспомогательного конного отряда из Торков (А.З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибн-уль-Факиха, с. 247); кроме того русская летопись, описывая войну великого кн. Всеволода Суздальского с Болгарами в 1182 (4) г., говорит о том, как русские полки „поидоша на конех“ под стены болгарской столицы, а из г. Торцкого болгарские войска вышли навстречу Русским тоже „на коних“ (ПСРЛ II, 1182 г. стб. 625-6). По поводу же второго аргумента Голубинского надо сказать, что как раз со времени Владимира начинается закрепление Суздальско-Ростовской земли за киевским княжеством и продвижение Русских вниз по Волге, к Болгарам; в тоже самое время начинается и борьба с последними за торговые пути и за финские племена, находившиеся под властью Болгар (ср. Д. Иловайский, История России, ч. I. М. 1876, с. 64; М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, т. I, К. 1913, с. 486-7; П.Г. Любимиров, Торговые связи Руси с Востоком в VIII-XI вв., Ученые Записки Саратовск. Унив., т. 1(X), вып. 3, 1923, с. 29). Ф.И. Успенский в рецензии на издание В.Р. Розена „Имп. Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского“ вводит новый аргумент в пользу похода Владимира на Дунай: намек на поход именно в Дунайскую Болгарию Успенский находил в словах Льва Диякона о том, что в 986 г. в битве при Сардике с Болгарами, он едва спасся от „меча скифского“ (ed. Vopp. с. 173); «Скифами» же Лев Диякон называет не только Болгар, но и Русских — напр, при описании борьбы Святослава с Иоанном Цимисхием. Поэтому Успенский заключал, что выражение „меч скифский“ может „указывать на действительный факт участия Русских в византийско-болгарской войне 986 г.“ (ЖМНП 1884, апрель, с. 282-315, особ. с. 293-4), подтверждение этому он находил также и в словах Яхьи о том, что Русь до 987-9 гг. была во вражде с Византией („и истощились его [имп. Василия II] богатства и побудила его нужда послать к царю русов, — а они его враги,— чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении“, т.е. во время восстания Варды Фоки в 987 г.). И. Линниченко Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси, Труды Киевск. Дух. Акад. 1886, № 12, с. 587-606, хотя и видел, что утверждение о войне Русских вместе с Болгарами (против Византийцев) не согласуется с известиями русской летописи о походе Владимира против Болгар, все же принял и защищал мнение Успенского о первоначальном походе Руси на Болгар именно — Дунайских, в помощь Визан-

границе, это произошло на целое столетие раньше, чем на пограничье киевском.

тии, воевавшей в это время с Болгарами („поход Владимира на Болгар 985 г. [вернее 986 г.] — писал Линниченко — с большой вероятностью можно признать военной помощью Византии в ее борьбе с Болгарией...”, ц.с. с. 604, пр. I); чтобы примирить это положение с русскою летописью, говорящей о мире с Болгарами, Линниченко делает предположение, что Владимир, недовольный Византией, перешел на сторону ее врагов — Болгар: „если выражение Яхъ, что Русь враждовала с Византией в эпоху борьбы последней с Вардою Фокою, не общая фраза или комбинация самого автора, то это могло бы указывать на примирение Владимира с Болгарами и совместные действия против Византии, которой Владимир мог быть почему-либо недоволен”. Эти истории в своем стремлении доказать, что поход Владимира был не на Камских, а на Дунайских Болгар, заходили так далеко, что не только дочитывали в русской летописи то, чего в ней не было (о войне Владимира против Византии, тогда как летопись сообщала о войне его с Болгарами), но и прямо противоречили ей, предполагая о войне Русских с Византией после заключения мира с Болгарами, тогда как летопись говорила о том, что Владимир, заключив мир, вернулся в Киев. К тому же общим аргументом против похода на Камских Болгар у Голубинского, Успенского, Линниченко и вставших на их точку зрения А.А. Шахматова (Разыскания о древн. русск. летописн. сводах, с. 175-6) и М.Д. Приселкова (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XIII вв., СПб. 1913, с. 23-24) была невозможность представить поход, который был бы совершен „в лодьях” из Киева на восток, тогда как допустить такой поход на юг, в Дунайскую Болгарию), казалось вполне возможным, тем более, что в русской истории этого периода были тому аналогии (напр, поход Святослава 972 г., см. Шахматов, ц.с. с. 175). В действительности же, во-первых, издавна существовал ряд водных путей из Киева к средней Волге, к Болгарам: один по Десне и Сейму с волоком на верховья Оки (А. Спицын, Торговые пути Киевской Руси, Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову, СПб. 1911, с. 250; П.Г. Любомиров, Торговые связи Руси с Востоком в VIII-XI вв., с. 32; П. Голубовский, Болгары и Хазары, с. 45), другой Днепром до Дорогобужа и левыми притоками Днепра волоком на притоки Угры и Угрою и Окою к Волге (Г.К. Бугославский О восточном торговом пути, пролежавшем в великокняжескую эпоху через Смоленск и его область, Труды XI Археологич. съезда, т. I, М. 1901, с. 469-78, R. Jakimowicz, O pochodzeniu ozdób srebrnych znajdujących w skarbach wczesnohistorycznych, Wiadomości Archeologiczne, Warszawa 1933, t. XII, см. таблицу X; в частности, о походе Владимира 985 г. водою, по Оке и Волге, см. М. Грушевского, Ист. Укр.-Руси, т. I, с. 468), наконец, третий путь, наиболее кружной и проходящий еще севернее — Днепром до его верховьев и с них волоком на верховья Волги (Д. Ходаковский, Пути сообщения в древней России, Русск. Историч. Собрн. т. I. М. 1838, с. 24-25; Н. Шляков, О поучении Владимира Мономаха, ЖМНП 1900, июль, с. 2-11). А. Шахматову почему-то казался невозможным поход Владимира водою на Волгу, но, однако, он признавал наличие речного пути из Киева на среднюю Каму и считал, что в Начальной летописи под 1015 г. отразился намек о таком пути (Разыскания о др. русск. лет. свод., с. 76-78). Вторым же и главным возражением тем, кто отрицал возможность похода Владимира „в лодьях” на Камских Болгар, является следующее: из текста летописи вовсе не явствует, что Владимир предпринял этот поход в лодьях и с Торками — от самого Киева. Естественнее всего предположить, что такой поход водою был начать только с Волги, откуда не раз Русские ходили на Болгар и именно в лодьях (о подобных походах на Волжских Бол-

Очевидно, вместе с Огузами-Торками доходило до среднего Поволжья и не фиксируемое мусульманскими и русскими источниками

гар водою см. ПСРЛ I, ст. 389-90, и т. II ст. 625-6, 1182-4 гг.; т. I, ст. 444, 1220 г.; см. еще Д. Ходаковский, Пути сообщения в древней Руси, с. 11-12); в Ростово-Суздальском княжестве находились поселения Торков, которые отсюда и могли сопровождать берегом русское войско. Кроме того защитники похода Владимира на Дунай упускали из вида одно существеннейшее обстоятельство, именно то, что Торки в Приднепровье появились лишь с 50-х гг. XI ст., а поселение их в Киевской Руси относится лишь к 60-м гг. того же века, т.е. это произошло на 65-70 лет позднее 985 года. Первым, кто обратил внимание на это хронологическое противоречие был Н. Костомаров, разбивший поход 985 г. в своих Преданиях первоначальной русской летописи (цит. по изд. 1881 г. в XIII т. его Исторических монографиях и исследованиях, с. 134-136). Костомаров на основании этого противоречия считал подробность о Торках в летописи — народным преданием, не соответствующим исторической действительности. Костомаров не подозревал, что летописная статья 985 года могла иметь в виду Торков Ростово-Суздальской области. П. Голубовский (Печенеги, Торки Половцы до нашествия Татар, Киевск. Унив. Известия, 1883 г. № 3, с. 135, Об Узах и Торках, ЖМНП 1884, июль, с. 10-11, Болгары и Хазары, с. 35), Фр. Вестберг (К анализу восточн. источников о Восточной Европе, ЖМНП 1908, март, с. 17) и М. Грушевский (Истор. Укр.-Руси I, с. 486, II, с. 527) уже считали Владимировых Торков — волжскими, но только не русскими „Черными Клобуками“, а „дикими“, степными, которые с юга, со стороны черноморских степей пришли на помощь Владимиру. Но такому объяснению противоречит, по-моему, выражение летописи „а Торьки берегом приведе...“, что означает „привести с собою“, а не „вызвать“ или „навести“ (с юга), как стояло бы при понимании текста Голубовским, Вестбергом и Грушевским. К тому же, при таком понимании текста,

Торкам пришлось бы пробиваться через всю Болгарскую землю, чтобы соединиться с Владимиром — явление маловероятное (в 1933 г. в своей работе Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии я еще не решался определенно высказаться — были ли рассматриваемые нами Торки степными или уже поселенными Русью). Но даже и после указания Голубовского и Грушевского на хронологическую невязку в представлении о Торках, которые могли бы отправляться из Приднепровья в 985 г. будь на восток в Камскую Болгарию, будь на юг, в Дунайскую, и после высказанных мнений Голубовского, Вестберга и Грушевского о том, что Торков этих надо искать где-то на Волге, все же некоторые историки продолжают отстаивать прежнюю точку зрения. Так С. Смирнов, Волжский шлях стародавни Руси, Киев 1928, с. 177, который признает, правда, что поход Владимира был в Камскую Болгарию, однако считает Торков, участвовавших в этом походе — приднепровскими (причем не своими, замкнутыми, а степными!), пишет следующее по этому поводу: „щоб напасти з цьго боку на болгар, торкам-узам довелось пройти дуже далеко на захид, присунутися своима кочовищами до Днипра й тут зайти в дружнї стосунки з руським князем, щоб спїйними силами грабувати Камських болгар“. Наконец, Н. Баумгартен (N. de Baumgarten, Saint Vladimir et la conversion de la Russie, Orientalia Christiana, vol. XXVII, 1, № 79, 1932, с. 54-57) считает, что было два похода: в 985 г. на Дунайских Болгар, а в 986 г. — на Камских. Никаких новых доказательств для решения этого вопроса в такой новой постановке, — не приводится. Значение летописной статьи 985 гг. Баумгартен пытается ослабить соображением, что эта статья — есть лишь народное предание (повторение мнения Костомарова), и возвращается к мнению Голубинского, Успенского и др. что „conduire la cavalerie torque des

турецкое племя Верен (русские Берендеи, Берендичи), судьба которого ближайшим образом связана с судьбою Огузов-Торков: следы

steppes du sud jusqu'aux bassins de la Volga et de la Kama etait materiellement impossible"; г. Баумгартен ставит под сомнение и самый поход Владимира на Камских Болгар, т.к. признает правильность варианта „Сербяны”, а не „Сребрены” Болгары текста „Памяти и похвалы” князю Владимиру (у г. Баумгартена „Память и похвала” цитируется неверно: „Сербяны и Болгары”; союза „и” нет ни в одном из списков, которые изучал Бугославский, его очевидно, ввел, впервые, от себя, Татищев) и принимает „категорическое утверждение” Татищева, что поход был против Дунайских Болгар, — так что непонятно, почему г. Баумгартен совсем не отказался от существования похода на Волгу, тем более, что раскритикованное им место летописи ведь и не содержит никакого определенного указания на то, что поход был именно на Каму. Г. Баумгартен представляет все дело так, как будто у Русских никакой войны с Дунайскими Болгарами не было, а была только война вместе с этими Болгарами против Византийцев: „les sources byzantines et arabes permettent de conclure, que Vladimir alia en Bulgarie, non comme ennemi, mais comme allie contre les grecs...” Больше: объясняется даже невозможность такой войны против Болгар „si les Russes avaient attaque les Bulgares du Danube, ceux-ci n'auraient pu mener une guerre victorieuse contre les Grecs car la Bulgarie etait alors excessivement affaiblie. L'alliance russo-bulgare, au contraire, fut fatale aux Byzantins”. Для доказательства участия Русских в болгаро-византийской войне 986 г. повторяется прежняя аргументация Успенского, лишь с несколько большим чем у Успенского подчеркиванием свидетельства византийского церковного писателя и поэта Иоанна Геометра, митрополита мелитинского (Успенский упоминает об этом писателе только вскользь), намекавшего в своих стихах то на устремляющееся на византийцев „русское всеоружие”, то на „Скифов” — врагов Болгарии, в которых тоже м.б. можно видеть Русских. Но все эти места в сочинениях Иоанна Геометра были тщательно изучены В.Г. Васильевским в его „Русско-византийских отрывках”, II, К истории 976-986 годов, который не считал возможным связать эти намеки И. Геометра с византийско-болгарской войной, описанной Львом Диаконом, а относил их к последующим событиям 986-989 гг. (Труды В.Г. Васильевского, т. II, СПб. 1909, см. особенно с. 88, 114-115, 117-118). Определенное упоминание летописи о болгарских „колодниках”, т.е. о пленных, взятых Русскими в этой войне 985 года, г. Баумгартен объясняет так: „ce passge un peu legendaire pourrait aussi designer les ennemis des Bulgares du Danube, les Grecs”. Вопреки летописи, пленные Болгары превращаются у г. Баумгартена в пленных Греков! Так смело еще никто не обращался с этой летописной статьей 985 г. (О смелости приемов г. Баумгартена можно судить хотя бы по тому, как „меч скифский”, о котором упоминает Лев Диакон и о котором уже была речь выше, у г. Баумгартена превращается в „glaive d'un Russe” [с. 56] со ссылкой на G. Schlumberger, L'epoque Byzantine, т. I, 1896, с. 667, где, оказывается, все же стоит „epee Scythique”). К слову, о „сапозех” пленных Болгар. Еще Успенский указывал, что ношение Болгарами сапог „скорее может иметь приложение к греко-славянскому населению на Дунае, чем к Камским Болгарам” (цит. рец. на бар. Розена, с. 294). Такое априорное утверждение не может быть серьезным аргументом; скорее оно характеризует взгляды той части русских ученых того времени, которые были убеждены в культурном превосходстве запада над востоком. Вслед за Успенским тоже, очевидно, склонен считать и г. Баумгартен. Однако еще в 1888 г. Голубовский, в статье Болгары и Хазары, с. 40, указывал

его мы также находим в топонимике Ростово-Суздальского княжества⁵⁰.

настолько эта летописная легенда о Болгарах, ходящих в сапогах, верно отразила действительное явление — знаменитое кожевничество Камских Болгар, славившихся этим ремеслом по всему востоку с древнейших времен.

Нам остается рассмотреть последний аргумент г. Баумгартена в пользу похода Владимира на юг, а не на восток. Г. Баумгартен пытается устранить хронологическую невязку позднего появления Торков в Причерноморских степях (в 1050-х гг.) и участия их за, 65-70 лет до этого появления в походе из Приднепровья на Дунай. Но доводы г. Баумгартена крайне не убедительны: он считает, что Торки м.б. могли и ранее 1050-х гг. быть уже по соседству с Киевской Русью. Допущение более раннего, уже во времена Владимира, пребывания Торков в Приднепровье противоречить всем нашим сведениям о продвижениях Печенегов и Торков, и о природе кочевых государств: время Владимира — как раз время наибольшей мощи Печенегов в Приднепровье; они тогда были на расстоянии двух дней пути от Киева; эта могущественная орда никогда не допустила бы существования тут же, в Приднепровье, другой орды, вернее — какого-то попавшего сюда осколка орды Торков, т.к. главная масса последних была в это время в Поволжье и в Приднью (см. ниже, с. 176). „Еп tout cas, пишет далее г. Баумгартен, la presence des Torques en Russie meridionale au temps de Vladimir ressort encore d'un autre temoignage: en 1015, le prince Gleb, fils de saint Vladimir, avait a son service un Torque” (с. 55). В факте, что у князя Глеба, сына Владимира, был повар „именем Торчин” (ПСРЛ I, ст. 136, 1015 г.) еще нельзя видеть доказательства наличия Торков в южной Руси к 1015 году. Наоборот: этот факт скорее является лишним доказательством пребывания Торков в русском Приволжье, в Ростово-Суздальском крае. Летопись упоминает этого Торчина как исполнителя задуманного Святополком убийства Глеба. Убийство произошло около Смоленска — плохое доказательство для кочевания Торков в степях под Киевом! Но на что особенно интересно обратить внимание, это на то, что перед смертью Глеб княжил в Муроме (М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, I, с. 487, II, с. 3) или, как считают другие — в Ростове (С.М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. I, гл. VII, ст. 192, изд. «Обществ. Пользы»; Н. Шляков, О поучении Владимира Мономаха, ЖМНП 1900, июль, с. 2), — т.е. так или иначе, на границе с Камскими Болгарами, где как раз и были торкские поселения и где, следовательно, Торки могли проникать и на службу к князьям. Отсюда, из Мурома или Ростова, Глеб и ехал вместе со своим поваром-Торчином. Известно, что „свои поганые” нередко выбирались исполнителями убийств князей, об этом см. мою статью «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси», Seminar. Kondkov. I, 1927, с. 107-8. Настолько мне известно, болгарские историки никогда не ставили вопроса о походе Русских на Дунай в 985 г. По крайней мере в История на българската държава през средните векове (т. I, ч. 2). В.Н. Златарского об этом ничего не говорится.

Итак, с одной стороны, отсутствие каких-либо определенных данных об участии Русских в болгаро-византийских делах 986 г., невозможность допустить, чтобы Торки могли кочевать в приднепровских степях еще в годы наивысшей мощи Печенегов, с другой стороны — начало закрепления власти киевских князей в верхнем и среднем Поволжье, с вытекающими отсюда конфликтами с Камскими Болгарами, — процесс, начавшийся как раз в княжение Владимира, — наличие торкских поселений в Ростово-Суздальском крае

К середине IX ст. Печенеги, перейдя среднюю Волгу, распространились до бассейна Дона и подошли к северным пределам Хазарского каганата'. Вскоре новые нажимы на них из Азии заставили их двинуться еще дальше: в конце IX в., в результате неизвестных нам причин, одна из волн Огузов вышла, из Зауралья и вытеснила Печенегов с левого берега Волги. Печенеги, обойдя севером Хазарский каганат, расположились между Доном и Днепром⁵³.

3.

В X веке в глубине степей Средней Азии происходят какие-то новые движения, причины и начало которых скрыты от нас; на нашу долю остается наблюдать отражения этих событий лишь на перифериях турецкого мира, где эти движения запечатлевались мусульманскими, армянскими и позже византийскими источниками.

Первая половина X в. — время образования двух новых государств в Средней Азии: в 916 г. в нынешнем северном Китае, у границ Монголии, под главенством династии, известной по китайским источникам под именем Ляо, объединяются Кытай, народ не то монгольского, не то тунгусского происхождения⁵⁴; а около 940 г. об-

к X в., и ряд других, второстепенных фактов — все это заставляет нас признать, вслед за Карамзиным, Соловьевым, К. Бестужевым-Рюминым (Русская История, I СПб. 1872, с. 104), Д. Иловайским (История России, ч. I. М. 1876, с. 64), Д.И. Багалеем (Русская История, ч. I, X. 1909, с. 111-112, 121,) В. Пархоменко (Начало христианства Руси, Полтава, 1913, с. 182), что Владимир в 985 г. предпринял свой поход на Камских, а не на Дунайских Болгар, и что приведенные им Торки были не степные, с низовьев Дона или Волги, как считали Голубовский, Вестберг и Грушевский, и тем более не приднепровские, как хотел видеть С. Смирнов, а поселенные Русью Черные Клобуки Ростово-Суздальского края.

⁵⁰ Д.А. Расовский, Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, с. 60-61. Древнейшее упоминание о Берендеевой слободе относится к XIV в.

⁵¹ Так считает Вестберг, К анализу восточн. источн. о вост. Европе, с. 17, а Roesler, Romanische Studien с. 153 (ср. Вестберг, ц.с. с. 16-18) — что Печенеги в это время еще не перешли Волги.

Догадка Загоровского: „Быть может размножение и вместе с тем недостаток мест для кочевки вызвали переход Узами их западных границ, которыми являлись рр. Эмба и Урал” (Очерки истории северного Причерноморья, ч. I, Одесса, 1922 г., с. 52).

Константин Багрянородный, гл. 37. Русский перевод в Известиях византийских писателей о Северном Причерноморье, вып. I, Изв. Гос. Акад. Ист. Мат. Культ., вып. 91, 1934, с. 15. Е.А. Загоровский, ц.с. с. 36, вопреки объяснению Багрянородного, предполагаешь, что перекочевка Печенегов с Поволжья к Дону и Днепру произошла „скорее в результате усилившейся слабости Хазарского государства, нежели вследствие давления на Печенегов Хазар в союзе с Огузами-Торками” (с. 36; хотя дальше, на с. 52, Загоровский придерживается объяснения этого события согласно Константину).

О Кытаях см. G. Oppert, Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte, Berlin, 1864, с. 121 и след.; N. N. Howorth, The Northern Frontagers of China,

разуется в долине р. Чу новое турецкое государство из соединения Карлуков, частей Огузов и других Турок, под управлением династии Караханидов, постепенно распространивших свое господство на весь западный и часть восточного Туркестана⁵⁵. Образование этих новых государств, в особенности Кытаев, не могло не отразиться на кочевом мире среднеазиатских степей. Эти новые государства вызвали передвижения среди соседивших с ними кочевников. Известно, что Кытай уже в нач. X в. вытеснили из Монголии Кыргызов и вынудили их откочевать на Енисей⁵⁷; в 1017 или 1018 г. „со стороны Китая” в Туркестан вторглась огромная турецкая орда в 100 ООО шатров, разбитая затем Караханидами; здесь, кажется впервые, вышли на мусульман, между прочими народами, и Кытай⁵; к этому же времени надо отнести и движение не то турецкого, не то монгольского народа Кури или Фури, обитавшего на границах турецкого мира, восточнее Кыргызов; движение этого народа надо ставить в связь, согласно Ауфи, с событиями в государстве Кытаев⁵⁴; наконец, в сер. в. Кытай, как увидим ниже, сдвинуть со своего места монгольское племя Найманов, передвижение которых, надо полагать, уже непосредственно задело Половцев в Прииртышье.

Вероятно, именно в связи с этими явлениями и началось великое движение Огузов со втор. пол. X в. — на юг, юго-запад и запад из среднеазиатских степей. В 955 г. часть их выселяется на левый берег Сыр-Дарьи, а в 985 г. они двигаются дальше на юг, к Аму-Дарье, откуда передвигаются далее на юго-запад, покуда через Табаристан не выходят в Малую Азию, где основывают сельджуцкое государство; другая ветвь Огузов уходит на юг в Персию, где они становятся известны под именем Туркменов; наконец Третья группа пошла в западном направлении: к этому времени относится заселение Огузами полуостро-

Part III, The Kara-Khitai, The Journal of the R. Asiatic Soc. of Great Britain and Ireland, N. S. t. VIII, 1876, с. 262-290; Ed. Chavannes, Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen, Journ. Asiat. 1897; W. Barthold, Kara-Khitai, Enz. d. Islam, II, с. 789-791; его же, 12 Vorlesungen, с. 97-8, 120-21; Г.Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, 1926, с. 375 и след.; Wl. Kotwicz, Les „Khitais” et leur ecriture, Rocznik Orientalistyczny, II, 1925, с. 248-250.

⁵⁵ В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПб. 1900, с. 266; его же, 12 Vorlesungen, с. 73-78.

⁵⁶ J. Marquart, Uber d. Volkstum d. Komanen, с. 35; В. Бартольд, рец. на Маркварта, с. 142.

⁵⁷ В. Бартольд, Киргизы, с. 24-25; его же, 12 Vorlesungen, с. 97, 120.

⁵⁸ В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, с. 294; его же, Kara Khitai, Enz. d. Islam II, с. 789 и след.; J. Marquart, ц.с. с. 47.

⁵⁹ Это тот самый народ, который Маркварту, ц.с. с. 39-42 неправильно считал Кунами (см. I главу наст. работы в Seminar. Kondak. VII, с. 254-5, или с. 10-11 отд. от.), на что указал Бартольд, Киргизы, с. 23-25 и 12 Vorlesungen, с. 114-115). Маркварт, ц.с. с. 54, эти движения Кури относил к X в., но Бартольд датировал XI в. (рец. на Маркварта, с. 142). Об ошибочном чтении Марквартом Куны вм. Кури (Фури) см. выше, пр. 11.

ва Мангышлака⁶⁰. У нас нет сведений — пошли ли Огузы и дальше на запад, к Поволжью, усиливая огузский элемент, появившийся там уже с конца IX в. (см. выше с. 175); во всяком случае, возможность дальнейшего продвижения Огузов-Торков к причерноморским степям складывалась для них и без того благоприятно: в 965 г. под ударами киевского князя Святослава падает (или, во всяком случае, значительно ослабляется) Хазарский каганат, и Торки, не сдерживаемые более Хазарами, переходят Дон и начинают теснить Печенегов к Днепру⁶¹.

Это выселение Огузов из средне-азиатских степей произошло, по-видимому, не без давления на них с севера Половцев, которые и появились, вслед за уходом Огузов на места, перед тем ими занимаемых⁶². О причинах же движения самих Половцев на юг из северной полосы среднеазиатских степей — у нас все еще нет ясных данных. Мы только можем предполагать, что причина этого находится в связи с движением в Семиречьи и на верховьях Иртыша других турецких и монгольских народов, движением, вызванным экспансией государства Кытаев⁶³, образовавшегося в это время. Передвигаться из ковыльных степей на юг, к границам соляной пустыни, вряд ли можно добровольно.

Арабский географ Мукаддиси уже в конце X в. упоминает о Половцах (под именем Кимаков), как о кочующих в непосредственном соседстве с мусульманскими областями Туркестана у г. Саурана на Сыр-Дарье⁶⁴. Махмуд Кашгарский приводит рассказ (но, к сожалению, не датируя событий) о пленении Половцами какого-то турецкого народца Булак или Эльке-Булак и об освобождении затем этого народца из-под ига Половцев, — смутное воспоминание о хозяйничании Половцев на мусульманском пограничье еще задолго до жизни Махмуда, писавшего в 1073 г.⁶⁵ Наконец, намек на борьбу Половцев с

⁶⁰ В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, с. 269; его же, Очерк истории туркменского народа, с. 19, 21 и след.; его же, 12 Vorlesungen, с. 100, 113; ср. его же Ghuzz в Enz. d. Islam, II, с. 178.

⁶¹ ПСРЛ I, ст. 65. Ср. М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, I, с. 236, II, с. 462 и 527. J. Marquart, ц.с. с. 111.

⁶² В. Бартольд в рец. на труд Маркварта, с. 141 и в статье Ghuzz в Enz. d. Islam, II, с. 178-9 прямо считал, что Огузы из среднеазиатских степей были вытеснены Половцами; в немецком же издании 12 Vorlesungen он говорил осторожнее: „e s i s t m o g l i c h (празьдка моя — Д. Р.) das die Wanderung der Oghuzen im 11. Jahrhundert nach Westen und Suden zuni Teil durch den Druck der Qypcaq von Norden hervorgerufen worden ist”.

В. Бартольд в рец. на труд Маркварта, с. 142, замечает по этому поводу: „Передвижение народов в XI в. связано с распространением на северо-запад господства Кытаев, во главе которых находилась династия Ляо”.

⁶⁴ J. Marquart, Ueber d. Volkstum d. Komanen, с. 91-2; W. Barthold, Enz. d. Islam, II, с. 1085 и 1099; его же, рец. на Маркварта, с. 147. О г. Сауране см. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, с. 178.

⁶⁵ W. Barthold, 12 Vorlesungen, с. 113.

Огузами и вытеснение последних с мусульманского пограничья находится в рассказе Ауфи о вторжении в землю Туркмен (Огузов) жителей страны „Сары”⁶⁶, „Сары” же, или „сарыг”, значит по-турецки „желтый”. „Если Половцы действительно были светловолосым народом — писал по этому поводу В. Бартольд — то едва ли мы имеем только случайное звуковое совпадение между географическим (и этнографическим?) названием и турецким прилагательным”⁶⁷. Событие это относится к началу XI века⁶⁸.

К началу 1030-х гг. Половцы уже окончательно овладевают среднеазиатскими степями и вытесняют отсюда Огузов, при чем Половцы здесь впервые выступать под тем своим именем, под которым отныне их всегда будут знать мусульманские источники — под именем Кыпчаков. Около 1030 г. Впервые среднеазиатские степи вместо „степей Гузов” как они назывались доселе, начинают упоминаться как „степи Кыпчаков”⁶⁹.

Возможно, что уже к этому времени Половцы из среднеазиатских степей стали распространяться и на запад, к северному побережью Аральского и Каспийского морей, продвигаясь к Волге, вытесняя и отсюда Огузов-Торков⁷⁰.

В 40-50-х гг. XI ст. происходят новые сдвиги на границах Туркестана, имевшие огромные последствия для истории всего степного пространства от Туркестана до Дуная, а в равной мере и для граничивших с этими степями оседлыми государствами от Грузии до Византии; в результате этих сдвигов Половцы, получившие страшный толчок где-то у пределов Туркестана, с огромным напором врываются в Европу и в 10-15 лет овладевают всем степным пространством до границ Византии и Угрии.

В 1046 г. несторианский митрополит Самарканда сообщил своему католикосу в Багдаде о том, что из гор „между Тибетом и Хотаном” вышел какой-то неведомый многочисленный кочевой народ

⁶⁶ J. Marquart, ц.с. с. 41, 52, 54, 108; В. Бартольд, рец. на Маркварта, с. 141-2, связывает эту страну Ауфи с селением Сарык, существовавшим в долине р. Чу.

⁶⁷ Рецензия на труд Маркварта, с. 140-2.

⁶⁸ J. Marquart, ц.с. с. 54 относил это событие к пер. пол. X и связывал с движением Кунов. В. Бартольд, в рец. на Маркварта, с. 142, считал известия Ауфи относящимися к XI в. Об ошибочности всей теории Маркварта о „кунском” этапе истории Половцев см. выше, пр. 11.

⁶⁹ W. Barthold, *Enz. d. Islam*, II, с. 178-9 и 1099; его же рец. на Маркварта, с. 141 и 148; его же 12 *Vorlesungen*, с. 114. Упоминание это находится у персидского поэта Насира-Хусрау, см. E. Browne, *A literary history of Persia*, Cambridge, 1928, II, с. 227, Nasir-i Khusraw, и у персидского историка Baihagi, изд. Marley, с. 91.

⁷⁰ На раннее проникновение Половцев к сев. побережью Каспия (т.е. к концу X — нач. XI в.) как будто указывает недолго существовавшее у Персов (у Фирдоуси в *Шах-намэ*, пер. Fr. Ruckert, Berlin, 1895, т. III, с. 178) название Каспийского моря — Кимакеким (ср. J. Marquart, ц.с. 104, 106, 111).

(700 000 всадников под начальством 7 царей) и появился у Кашгара⁷¹. В этом народе предполагают Монголов-Найманов, а причину их сдвига видят все в том же государстве Кытаев⁷². В нач. XIII в. мы найдем Найманов кочующими в Прииртышье, на месте прежних кочевий Половцев⁷³; очень возможно, что уже теперь, в 1046 г., эти Найманы столкнулись с Половцами, будучи сами вытеснены из областей Кытаев. Поэтому В. Бартольд совершенно правильно утверждал, что „появление Половцев было звеном в цепи народных движений XI в., простиравшихся от границ Китая до восточной Европы”⁷⁴.

Но самый катастрофический удар Половцы получили четыре года спустя, о чем уже совершенно определенно повествует армянская летопись Матвея Эдесского: „в 499 г. (1050/51 г. по Р.Х.)... народ змей двинулся в область Половцев (буквально — в область Половых, по-армянски — Хардеш), разбил и согнал их, после чего Половцы отбросили Узов и Печенегов и все эти народы, соединившись, обратили свою ярость на Ромеев (Византийцев)”⁷⁵. Под народом „змей” надо, вероятно, видеть или самих Кытаев, или какое-нибудь монгольское племя, жившее в непосредственном соседстве с Кытаями⁷⁶.

⁷¹ G. Oppert, Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte с. 91.

⁷² W. Barthold, 12 Vorlesungen, с. 121.

⁷³ Там же, с. 151.

⁷⁴ Рецензия на Маркварта, с. 142.

⁷⁵ Chronique de Matthieu d'Edesse, I partie, chap. LXXV, в Bibliotheque Historique Armenienne, tr. en fr. par Ed. Dulaurier, Paris, 1858, с. 89. К слову Хардеш Dulaurier делает такое примечание: „en armenien Khardesch signifie blond, qui a les cheveux d'un blond ardent” (с. 404-5). Dulaurier ошибочно считал, что это Мадьяры. Немецкий перевод — у Marquart, Uber d. Volkstum d. Komänen, с. 54-55. Здесь Хардеш прямо переведно как „die Falben”, Сообщение армянской летописи о последовавших за 1050/51 г. совместных нападениях Половцев, Узов и печенегов на Византию, верно лишь в самых широких хронологических рамках: первое нападение печенегов после событий 1050/51 г. было в 1059 г., да и то по наущению угорского короля (В. Г. Васильевский, Византия и Печенеги, СПб. 1908, с. 25), а не вследствие толчка, полученного Печенегами от Узов и Половцев; Узы же обрушились на Империю лишь в 1064 г. (там же, с. 26-29). А Половцы впервые дойдут к дунайской границе Византии лишь к концу 70-х гг. XI ст. (об этом ниже). Поэтому совершенно непонятно утверждение Маркварта, ц.с. с. 55, на основании разбираемого места армянской летописи об „eigentliche Ursache der grossen Pecenegenfalle unter Konstantin IX. Monomachos”. Константин IX царствовал с 1042 по 1055; при нем были частые войны с Печенегами, но со своими, оселенными им еще в 1048 г., и эти войны, будучи чисто-местными, не имели никакого отношения к событиям в среднеазиатских степях. Тем менее можно было бы ставить в связь сообщение армянской летописи 1050/51 г. с массовыми поселениями Византией Печенегов — сперва орды Кегена, а затем остатков Тираховой орды, так как это расселение произошло еще в 1048 г.

⁷⁶ J. Marquart, ц.с. с. 55 видел в народе „змей” Кытаев или Кайев. Бартольд, 12 Vorlesungen, с. 121, склонен был считать, что „es ist sehr wahrscheinlich, dass zu jener Zeit nicht die Qytai selbst nach dem Westen gegangen sind,

Вследствие этого удара, полученного от народа „змей“, значительная часть Половцев (но не все, как увидим ниже) двинулась к черноморским степям и здесь, прежде всего, обрушилась на Огузов-Торков. У нас нет никаких прямых указаний об этом разгроме Торков Половцами, но ряд косвенных фактов неопровержимо приводят нас к этому выводу, позволяя датировать это событие приблизительно 1054 г. Торки в это время кочевали между Днестром и Волгой. Если они и начинали испытывать на себе давление с востока первых волн Половцев, тех Половцев, которые еще до катастрофы 1050/51 г. начали проникать в Нижнее Поволжье (см. выше), то давление этих передовых орд Половцев все же еще не вызывало больших сдвигов Торков на запад: мы ничего не слышим о том, чтобы Торки, вытеснив в 1048 г. Печенегов из левого Приднепровья, и дальше наседали бы на них, что было бы для них совсем не трудно после разгрома печенегов Русскими в 1036 г. и вражды среди печенежских ханов, кончившейся переселением Печенегов к Дунаю и страшной резней 1048 г. Не подступали Торки в это время и к русским границам. Очевидно, до 1054 г. они, еще не испытывая с востока нажима Половцев, не стремились уйти из степей, расположенных между Днестром и Волгой. Но в 1054 г. начинается недолгий натиск Торков на Русь, причем Торки в это время уже не представляли собою сильного племени: — иначе отдельные русские княжеские рати (как напр. Всеволода, князя переяславского, в 1054 г.)⁷⁴ не могли бы побеждать их. Все это говорит за то, что около этого года Торки были сломлены Половцами и бросились искать убежища в степных пространствах южной Руси. Но Половцы шли за ними по пятам и в том же 1054 г. русская летопись, вслед за упоминанием о поражении Торков от Русским в переяславском княжестве, говорит и о приходе туда же — впервые в истории Руси — Половцев⁸¹. Из последующих сообщений летописи мы знаем, сколько Торков (и Печенегов, последние, очевидно, были те, которые в свое время покорились Торкам*) оказалось подчиненными Половцам и остались с ними в степях в результате разгрома 1054 г.

sondem die von ihnen in Bewegung gesetzten mongolischen Stämme, die zuerst den Ostlichen und dann den westlichen Teil der Mongolei inne hatte”. Замчания по поводу Кайе см. там же, с. 107.

⁷⁷ Д. Расовский, Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, с. 8 и пр. 38. В.Н. Златарски, История на българската държава през средните векове, т. I, ч. 2, с. 114-115 считал, что выселение Печенегов из левого Приднепровья произошло ок. 1032 г. но, к сожалению, не приводил никаких объяснений в пользу этой даты.

⁷⁸ В.Г. Васильевский, Византия и Печенеги, Труды, т. I, СПб. 1908, с. 9-14; В. Н. Златарски, ц.с. I, с. 88-92; Д. Расовский, ц.с. с. 7-8.

⁷⁹ ПСРЛ I, ст. 162; ср. Д. Расовский, ц.с. с. 8.

⁸⁰ ПСРЛ I, ст. 162.

⁸¹ О таких Печенегах см. у Ибн-Фадлана (А.З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибн-уль-Факиха, с. 246) и у Константина Багрянородного, De administrando imperio, гл. 37 (русс. пер. в Известиях византийских писателей о

Разбив Торков и сбив их к границам Руси, Половцы обрушиваются на самую Р'ась, — вероятно из-за принятия последнюю часть торкских беглецов .В 1061 г. Половцы в первом ратном столкновении с Русскими на днепровском левобережье, наносят последним поражение — „се бысть первое зло на Русьскую землю от поганых и безбожных враг” — пишет русский летописец⁸⁴.

В 1060-х гг. Византийцы и Русские окончательно добивают Торков и остатки их размещают по своим приграничным областям⁸⁵; благодаря этим событиям Половцам открывалась беспрепятственная дорога в „Заднепровье”, т.е. в степи днепровского правобережья. В 1071 г. видим Половцев переправляющимися через Днепр и нападающими на киевское княжество⁸; в 70-х гг. XI в. они распространяются уже по низовьям Днепра, Днестра и Дуная; к концу этого десятилетия мы видим их в непосредственной близости от дунайского пограничья Византии, где кочевала часть Печенегов, вытесненных сюда из причерноморских степей. Первые известия здесь о Половцах говорят как будто о мирном уживании кочевников между собою и об их совместных грабительских набегах⁸⁷: в 1078 г. Половцы, которые под именем Куманов впервые с этого года появляются в византийских источниках, были призваны из-за Дуная, вместе с Печенегами, в пределы империи одним из претендентов на византийский престол, Никифором Василяки. Оба турецких народа, в качестве вспомогательного войска претендента, дошли до Адрианополя, повергая все на своем пути огню и разорению⁸⁸.

Из придунайских степей Половцы начинают совершать свои набеги и на Угriu; возможно, что именно они, а не Печенеги (венгер-

Северном Причерноморье, Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. Культ, вып. 91, 1934, с. 16). Ср. П. Голубовский, Печенеги, Торки и половцы до нашествия Татар, Киевск. Унив. Изв. 1883, № 3, с. 135-6; его же, Об Узах и Торках, ЖМНП 1884^ июль, с. 11-12.

Д. Расовский, ц. с. с. 13.

⁸³ О причинах первых русско-половецких войн см. мою работу Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии с. 8-9, особенно пр. 42 и 46 и с. 13-14.

⁸⁴ ПСРЛ I, ст. 163, II, ст. 150-151.

⁸⁵ В. Васильевский, ц.с. с. 26-29; В. Златарски, ц.с. с. 115-119; Д. Расовский, ц.с. с. 9-10.

⁶ „Воеваша Половци у Ростовьца и у Неятина”, ПСРЛ I ст. 174. Оба города^ р. Роси, правом притоке Днепра.

Мне приходилось уже высказывать мысль, что кочевья орда обычно рассматривает разбитых ею других кочевников как своих рабов. Таков, очевидно, был взгляд у Половцев на Торков, из-за принятия которых Русью может быть и начались первые войны Половцев с Русью (Печенеги, Торки и Берендеи..., с. 8-9 и 13-14). С Печенегами же Половцы никогда не соприкасались, будучи всегда разделены Торками. Вероятно этим и надо объяснять первоначальное мирное уживание Половцев с Печенегами на Дунае, пока интриги Византии и дележи добычи не восстановили эти две турецкие орды одну против другой.

В. Васильевский, ц.с. с. 37; В. Златарски, ц.с. с. 161-2.

ские источники называют то одних, то других) в 1070 г. ворвались через Мезешегский перевал в Паннонию и опустошили Угriu до Бигара⁸⁹; в 1086 г. уже сам угорский король Соломон, изгнанный из родины дворянскими братьями, поднимает Половцев в поход на Угriu, чтобы с их помощью вернуть себе угорскую корону⁹. В 1087 г. тот же Соломон, ничего не достигнув в Угрии, повел придунайских Половцев и Печенегов в большой поход на Византию, к самому Константинополю⁹¹. В 1092 г. Половцев из Поднепровья и Поднестровья призывает галицкий князь Василько для похода на Польшу, в Повислие, куда после этого Половцы будут проникать и самостоятельно^{1"}.

Так Половцы на западе дошли к границам тех оседлых государств — Руси, Угрии и Византии — соседить с которыми Половцам пришлось затем во всю свою почти двухвековую историю. Интересно отметить, что первые проникновения Половцев в эти государства в большинстве случаев совершались благодаря призывам, шедшим из самих же этих государств: слишком был велик соблазн воспользоваться появившейся у границ оседлых культур подвижной военной силой кочевников; вот почему пути для хищнических набегов в эти страны указали Половцам сами же Византийцы и Угры; а путь в Польшу Половцам показали Русские.

Было бы неверным представлять себе это движение Половцев второй половины XI в. как некое переселение, поход с востока на запад. Это было именно расселение, так как и после окончания этого движения, до самого монгольского нашествия, Половцы остались господствовать от Туркестана до Дуная, — на всей огромной территории, пройденной ими в 50-70-х гг. XI в., достигая на с.-в. Камы, Тобола, Ишима и Иртыша, а на юге и юго-западе простираясь до бережий Аральского, Каспийского и Черного морей. Удар, который Половцы получили в 1050/51 г. где-то в среднеазиатских степях и который вынудил их к выходу в Европу, не вытеснил их из Средней Азии; народ „змей” не остался в среднеазиатских степях и мы будем видеть Половцев на всем протяжении XII и перв. пол. XIII вв. также и в местах их древнейших азиатских кочевий.

Резюмирую: расселение Половцев из северных частей среднеазиатских степей началось еще в IX в. и шло на запад первоначально севером, через средний Урал, к Каме. Во второй половине X в., вероятно вследствие движения народов, вызванного образованием мощного государства Кытаев в Средней Азии, Половцы из северных пределов среднеазиатских степей, т.е. с верхнего течения Иртыша, устремились на юг, к Туркестану, вытесняя из южного пояса среднеазиат-

Д. Расовский, ц.с. с. 17 и пр. 87.

⁹⁰ В. Васильевский, ц.с. с. 48-49.

⁹¹ В. Васильевский, ц.с. с. 48-49, В. Златарски, ц.с.с.188-9.

⁹² ПСРЛ I, ст. 215: „В се лето воеваша Половци Ляхы Васильком Ростиславичем”; ср. И. Линниченко, Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. К. 1884, пр. 2 к с. 122.

ских степей Огузов-Торков. К 1030-м гг. Половцы становятся полными хозяевами всех этих степей, до мусульманского пограничья. Удар по Половцам в 1050-51 г. народа „змей” сшиб значительную часть Половцев с мест их кочеваний, после чего они двинулись в Европу: в течение тридцати лет Половцы продвигаются по степям на запад, пока не доходят до естественных пределов своего распространения: — лесистых Карпат, Железных ворот Дуная и Балканского хребта, за которыми уже была Византия и Угрия. Прежние же обитатели степей — Огузы-Торки веером разметывались Половцами, находя спасение или окончательную гибель на пограничьях оседлых государств — Византии, Руси и Угрии.

Опубликовано-. Seminarium Kondakovianum, VIII, Praha 1936, стр. 161-182

ПРЕДЕЛЫ „ПОЛЯ ПОЛОВЕЦКОГО”

1.

В настоящей главе¹ постараемся наметить границы половецких кочевий на всем пространстве степей от верховьев Иртыша до низовьев Дуная.

Величину этого пространства современники представляли себе крайне смутно. Соседи Половцев — Русские, точнее говоря — киевские летописцы, хорошо знали половецкую землю только „межи Волгою и Днепром”, о заволжских же Половцах они ничего не сообщают³, а Половцев дунайских упоминают только раз и то вскользь. Когда в 1185 г., после плена Игоря Новгород-северского, Половцы пошли в Русь, то киевский летописец записал это событие в таких выражениях: „Поганый же Половци победивъше Игоря с братею, и взяша гордость велику, и съвокупиша весь язык свои, на Рускую землю...”⁴. В действительности же речь шла лишь об азовско-донецких Половцах и их ханах Гзе и Кончаке. Судя по этим сведениям, представление русских летописцев о „половецком поле” ограничивалось лишь пространством между Днепром и Волгой⁵. Другие соседи Половцев — мусульмане Халифата и Туркестана знали преимущественно восточную, азиатскую часть половецкой земли, и „кыпчакскою степью” называли лишь нынешние казахские (киргизские) степи⁶, хотя и слышали о Кыпчаках При-

¹ 1-ю главу см. в *Seminarium Kondakovianum* t. VII (1935); 2-ю главу там же, т. VIII (1936).

² ПСРЛ II (1908 г. изд.), ст. 455, 1152 г.: „тогда же Ярославичъ Ростиславъ с братею и с Рязанци. и с Муромци. поидоша с Гюргемъ. а не отрекоша ему. тако же и Половци. и Оперлюеве. и Токсобици. и вся Половецкая земля. что же их межи Волгою и Днепром и поидоша туда на Вятич...”.

³ Раз, правда, летописец говорит о том, как Мстислав, сын Мономаха (1125-1132), „загна Половци за Дон. и за Волгу за Гиик (Яикъ)” (ПСРЛ II, ст. 303-4, 1140 г.), но исследователи справедливо видят в этом риторическое преувеличение, т.к. вряд ли русские войска заходили так далеко (ср. М. Грушевский, *Ист. Укр.-Руси*, II, с. 107).

⁴ ПСРЛ II, ст. 646.

⁵ Русские летописи дважды упоминают „поле половецкое”, но ни разу не дают объяснения, что подразумевали современники под этим названием. В Троицкой летописи (ПСРЛ. II, с. 218, 1223 г.) при описании битвы на Калке говорится лишь, что Русские перешли Днепр „и поидоша на конех в поле Половецкое...”; в Лаврентьевской лет. (ПСРЛ I, Л. 1926, ст. 432, 1207 г.) упоминается, что за городом Пронском, за р. Пронею, т.е. на правом берегу ее было уже половецкое поле („ста за рекою с поля Половецкаго”).

⁶ Напр. Низами в *Искандер-Намэ*, изд. Charmoy, т. 1, St. Pet. 1828, с. 15 и след. Ср. представление о земле Половцев у Рашид-эд-дина: на запад она не простиралась далее Яика (И. Березин, *Первое нашествие Монголов на Россию*, ЖМНП 1853, IX, с. 235, пр. 29).

1
черноморья. Более широкое понимание кыпчакской степи — „Дешти-и-Кыпчак”, гораздо ближе соответствовавшее действительному распространению Половцев, утвердилось лишь после татарского нашествия, когда хозяевами этих степей были уже Монголы⁸. Единственным исключением среди мусульманских географов, в смысле большего знания половецкой земли, был Идриси (и м.б. отчасти Ибн-Саид). Но известия Идриси (как и Ибн-Саида) столь сбивчивы и неясны, что пользоваться ими, пока не появится обстоятельного разбора этих сочинений, чрезвычайно трудно. Еще менее, чем мусульмане и Русские, знали о половецкой территории Греки и Латиняне. Первые упоминали в своих хрониках о Половцах только тогда, когда соприкасались с Половцами на дунайском пограничье Византии; латинские же запад почти совсем не знал Половцев и землю их представлял себе где-то „ultra Hungariam et in partibus Russie”⁹. Латинский мир узнал об обширности половецкой земли лишь после завоевания ее Татарами, из обстоятельных описаний Плано Карпини 1246 г. и Рубрука 1253/5 гг. Правильнее же всех представлял себе огромность половецкой земли армянский царевич Гетум (Гайтон), писавший в 1307 г. Он был поражен пространством „Комании” и это дало ему основание считать ее „одним из величайших государств, существовавших на земле”¹⁰.

Под влиянием древнерусских летописей и русские историки, почти не выходившие в данном случае из круга отечественных источников, считали, что половецкая земля ограничивалась причерноморскими степями; поэтому пределом распространения Половцев на востоке предполагали то Волгу¹¹, то Дон¹², на западе же — Днепр¹³ или Буг¹⁴; коче-

⁷ Ибн-аль-Асир считал даже Судак половецким городом (В. Тизенгаузен, СМЗО, т. 1, СПб, 1884, с. 26). Махмед Кашгарский на своей карте 1076 г. совсем не поместил Половцев, а лишь нанес „горы, обитаемые Кыпчаками и Гузами”, которые у него находятся где-то около Кавказа (Albert Herrmann, Die älteste türkische Weltkarte (1076 n. Chr.), Imago Mundi, Berlin, 1935, с. 21-28).

⁸ J. Marquart, Über des Volkstum der Komanen, с. 161.

⁹ Chronica Albrici Monachi Trium Fontium, Mon. Germ. Ser. XXIII, с. 911, под 1221 г.

Hayton, La flor des estoires de la terre d'Orient, Livr. 1, chap. V в Recueil des historiens des Croisades. Documents arméniens, t. II, Paris 1906, p. 124 („Comanie est un des plus grans roiaumes qui soit en monde”). Ср. перевод Ф.И. Успенского, Образование второго Болгарского царства, Зап. и И. Новоросс. Унив. т. 27, Одесса, 1879, с. 214. Этот Гетум, т.н. Младший, был племянником царя Гетума, также оставившего исторические сочинения. Об обоих Гетумах и их трудах см. F. E. A. Krause, Das Mongolenreich nach der Darstellung des Armeniers Haithon, Ostasiatische Zeitschrift, Bd. VIII, 1919/20, с. 238-267.

И. Беляев, О северном берегу Черного моря и прилегающих к нему степях до водворения в этом крае Монголов, Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. т. III, 1853, с. 12; Пл. Бурачков, Опыт исследования о Команах или Половцах, там же, т. X, 1877, с. III; М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, 1905, с. 530.

Н. Аристов, О земле Половецкой, Изв. Ист.-Фил. Фак. Инст. кн. Безбородко в Нежине, К. 1877, с. 25; В.Г. Ляскоронский, Русски походы в степи в удельно-вечевое время, ЖМИП 1907, IV, с. 307; С.М. Середонин, Истори-

вание Половцев у Дуная ставилось под сомнение¹⁵, а если и допускалось, то только для самого конца XII или нач. XIII в.¹⁶ За исключением Ф.И. Успенского, наличие Половцев у Дуная признавалось лишь нерусскими учеными: Дьярфашем¹⁸, Рёслером¹⁹, Мутафчиевым²⁰. Что же касается восточной границы Половцев, то только Дьярфаш и Успенский искали её в Азии, в глубине туркестанских степей².

2.

В действительности половецкое поле уходило на восток до предгорий Тянь-Шаня и Алтая и озера Балхаша, то есть до естественных пределов степей. „Половецкая земля простирается на восток до Хорезмийского государства и частью до Большой Пустыни” (под которой надо подразумевать среднеазиатские степи) — сообщает армянский царевич Гетум“. Царевич совершенно правильно определял положение половецкой земли: мусульманские писатели подтверждают, что Половцы на востоке, действительно, достигали течения рек Сыр-Дарьи, Таласа, Чу и верховьев Иртыша, соприкасаясь у Сыр-Дарьи с

ческая география, Пг. 1916, с. 171-2, признавая, что Половцы кочевали до Волги, основною их территорией считал, однако, лишь степи между Доном и Днепром. Того же взгляда придерживался и Е.А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч. 1, Од. 1922, с. 54.

Бурачков, ц.с. с. 111 и особ. с. 125-6; Грушевский, ц.с. II, с. 530; Ляскоронский, ц.с. с. 298; Середонин, ц.с. с. 171-2. О случайном характере кочевания Половцев на правом берегу Днепра, при основном кочевании на левом берегу см. еще у В. Новицкого, Давне Лукомор'я, Зап. Ист.-Фил. Вид. Всеукр. Ак. Наук, кн. XXIV, Киев 1929, с. 45.

Аристов, ц.с. с. 25; Беляев, ц.с. с. 13, хотя и говорить, что Половцы „продвинулись почти к Пруту”, но на с. 22 делает вывод, что „степи на запад от Днепра еще не были заняты Половцами”. Занятие днепровского правобережья Беляев относит лишь ко втор. пол. XII в., впрочем, доказательства, приводимые им в защиту этого мнения, крайне наивны (с. 31-2).

¹ Бурачков, ц.с. с. 125-6, Грушевский, ц.с. с. 530; Загоровский, хотя и признает, что Половцы „оказываются (с XI в.) полными хозяевами степей от Волги и до Дуная”, однако оговаривается, что „главным сосредоточением их кочевий являлись степи между Доном и Днепром” (ц.с. с. 54).

¹⁶ Аристов, ц.с. с. 25, Ляскоронский ц.с. IV, с. 299, Середонин, ц.с. с. 171-2. Также ограничивал кочевья Половцев днепровским и донецко-донским районами и O. Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen, ZDMG, XXIX, 1875, с. 558-9.

¹⁷ Успенский, Образ, втор. болг. царства, с. 208-9, 211.

¹⁸ Gyarfas Istvan, A Jasz-Kunok Története, II, 1873, с. 211.

¹⁹ R. Roesler, Romanische Studien, Leipzig. 1871, с. 334.

²⁰ P. Mutaftchiev, Bulgares et Roumains dans l'histoire des Pays Danubiens, Sofia, 1932, p. 221; его же, Происходите на Асеновци, Македонски Преглед, I, 4, 1928, с. 13-14 отд. отт.

²¹ Gyarfas Istvan, ц.с. с. 211; Успенский, ц.с. с. 214-5.

“ Hayton, *ibid.*, с. 124-5: „Ceste terre de Comainie marche devers orient au royaume de Corasme, e en partie a un grat desert...”; ср. у Успенского, ц.с. с. 214-5.

владениями Хорезма. Как мы знаем из предыдущей главы²³, Половцы к тридцатым годам XI ст. заняли все среднеазиатские степи до мусульманского пограничья. Здесь они удержались до монгольского нашествия и даже пережили его, оставаясь на тех же местах под властью Монголов. Уже в конце X в. Мукаддиси сообщает о кочевании Половцев (тогда еще известных под именем Кимаков) у г. Саурана на Сыр-Дарье (выше Яркенда)²⁴; в сер. XII в. на границе с Хорезмом у Половцев был город Сыгнак на Сыр-Дарье, южнее Дженда²⁵; часть Половцев была в политической зависимости от хорезмшахов²⁶; при их дворе, вследствие брака одного из шахов с половецкой княжной племени Канглы в конце XII в., жило большое количество Половцев из племени Канглов²⁷; но далее от Хорезма, в области р. Талас, Половцы были уже независимы от власти хорезмшахов²⁸. Если верно предположение Бартольда о том, что в жителях страны Сары, упоминаемой у Ауфи, надо видеть Половцев, то из этого бы следовало, что в XI в. Половцы были и на р. Чу, где локализует эту страну Бартольд²⁹.

„Поле половецкое” простиралось и далее на север и северо-восток, т.е. в те области, которые были местом древнейшего обитания Половцев — тогда еще слывших под именем Кимаков — и где они оставались затем во все последующие века своей истории. Так, напр., известно, что хорезмшах Мухаммед около 1215/16 г. предпринял поход против Половцев на север, в казахские степи³⁰; где-то на северо-востоке от Туркестана, следовательно, в тех же казахских степях, была у Половцев область Югур, где Субутай разбил Меркитов, бежавших от Монголов к Половцам³¹. В центре этих степей, близ оз. Денгиз, в бывш. Акмолинской области, сохранились до сих пор названия речки Кыпчак и озера Кыпчак³². На восточной окраине половецкого мира, в

²³ Seminarium Kondakovianum, VIII, с. 177-8 (с. 35-6 отд. отт.)

²⁴ Там же, с. 177 и пр. 64. Ср. еще Marquart, Uber d. Volkstum d. Komanen с. 140.

²⁵ Ныне Сунак-Курган или Сунак-Ата, в 10 верстах на сев. от жел. дор. станции Тюмень-арык, см. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, с. 180-1, 351; А. Ю. Якубовский, Развалины Сыгнака (Сугнака), Сообщения ГАИМК, II, Л. 1929, с. 123-159.

²⁶ В. Бартольд, ц. с. II, с. 365-8.

²⁷ В. Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВОИРАО, VIII, 1894, с. 27 и пр. 2; J. Marquart, ц.с. с. 167-8. См. еще Shems-ed-Din... Dimashqui, ed. A. Mehren, Manuel de la Cosmographie du Moyen Age, Сор. 1874, с. 382 и в переводе Marquart, ц.с. с. 157.

²⁸ В. Бартольд, Туркестан в эпоху монг. нашествия, II, с. 365-6.

²⁹ См. гл. II, Seminarium Kondakovianum, VIII, с. 177 и пр. 66-68(с.35 отд. отт.).

³⁰ В. Бартольд, Туркестан в эпоху монг. нашествия, II, с. 396-7.

³¹ Там же, II, 396-8; Marquart, ц.с. с. 119, 134-7; W. Barthold, 12Vorlesungen uber die Geschichte der Turken Mittelasiens, Berlin 1935, с. 153.

³² Атлас Азиатской России, изд. Переселенч. Упр. Гл. Упр. Землеустр. и Землед., СПб. 1914, карта 34 (в транскрипции «Кипчак»). Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, Живая Стари-

степях между оз. Иссык-Куль и средним течением Иртыша, жили Канглы, племя Половцев³³. Иртыш был пределом половецкого мира на востоке, т.к. дальше уже жило монгольское племя Найманов.

Северная граница половецкого поля была, очевидно, та же, что и в эпоху Кимаков, — это граница лесостепи по 56-57 параллелям, за которой, в лесах, начинался иной этнический мир — угро-финский, в частности, башкирский. Плано Карпини сообщает, что „с севера к Камани, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть Великой Булгарией, прилегают Баскарты (Башкиры), то есть Великая Венгрия”³⁴.

Все по той же лесостепной линии, граница половецких владений, идя на запад, переваливала через Урал и, обходя с юга лесистую область течения р. Белой, выходила к нижнему, степному течению Камы. В предыдущей главе нами уже приводились арабские свидетельства Истахри и Аль-Бекри о кочевании Половцев в X-XI вв. у нижней Камы³⁵. Сюда же, вероятно, во время летних кочевий, доходили Половцы и в XII и XIII вв. В доказательство этого приведем два свидетельства: арабское и русское. Арабский путешественник Абу-аль-Андалузи аль-Гарнати, посетивший в 20-30-х гг. XII в. Великие Болгары, пишет о городе Болгаре следующее: „он город, выстроенный из соснового дерева, а стена его из дубового дерева; вокруг него (живут) турецкие племена, не сосчитать их”³⁷. Никакое другое турецкое племя, кроме Половцев, в это время здесь кочевать не могло. Это подтверждается другим источником — русской летописью. Под 1184 г. суздальская летопись сообщает, что владимирский князь Всеволод Юрьевич вместе с муромскими и рязанскими князьями предпринял большой поход на Болгарскую землю. Русскиеплыли Волгою до устья Камы, где высадились и пошли к „Великому городу”, т. е. Бюлару, стоявшему на Малом Черемшане. Здесь, не доходя Черемшана, Русские неожиданно встретились с Половцами (Половцы „Емякове”), которые также пришли „воевать Болгар”³⁸.

на, 1896, в. III-IV, с. 368, пр. 3, сомневался в древности этих названий, считая, очевидно, что они пошли от рода Кыпчак Средней Орды Киргиз-Казаков, кочевавшего в этих местах в последнее время. Однако этот род Кыпчак — потомки Половцев XI-XIII вв., и пребывание его в казахских степях, вероятно, восходить ко времени господства здесь Половцев.

³³ О Канглах и занимаемой ими территории см. гл. II, с. 162-3, пр. 13.

³⁴ W. Barthold, 12 Vorlesungen, с. 121, 151. Ср. Г.Е. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, II, Л. 1926, с. 411, пр. 3.

³⁵ И. де Плано Карпини, пер. А. Малеина, СПб. 1911, с. 50.

³⁶ Seminarium Kondakovianum, VIII, с. 167 (с. 25 отд. отт.).

³⁷ А. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV вв., Матер, по ист. Узбек. Таджики, и Туркменок. ССР, ч. 1, Л. 1933, с. 29 со ссылкой на издание Аль-Гарнати G. Ferraud, Paris, арабск. текст с. 236-7; ср. старый перевод у Д.В. Хвольсона, Известия о Хазах... Ибн-Даста, СПб. 1869, с. 86-87.

³⁸ ПСРЛ I, ст. 389: „Иде князь Всеволод на Болгары... (следует перечень остальных князей, участвовавших в походе) и приде в землю Болгарскую. и

Характерно, что Половцы, встретившиеся князю Всеволоду владимирскому были „Емякове”, т.е. принадлежали к племени Емек, известному нам из арабских источников IX-X вв., как одно из двух основных племен половецкого народа, жившего в северных пределах нын. казахских (среднеазиатских) степей и уже тогда перекочевывавших на лето за Урал, к низовьям Камы. Что Емеки и в XI в. жили все на тех же местах можно заключить из перечня турецких племен у Махмуда Кашгарского, который помещает Емеков рядом с Башкирами, издавна живших в Приуралье. Прослеживая таким образом непрерывность пребывания Емеков в Приуралье в IX-XI вв., мы и в летописных Емяках 1184 г. должны признать не придонских или приволжских Половцев, на лето откочевывавших на север, к Каме, но Половцев уральско-среднеазиатских, потомков Емеков IX-XI ст., подобно своим предкам совершавших регулярные перекочевки на летовища из среднеазиатских степей в прикамские⁴¹.

высedy на берег поиде к Великому городу, и ста у Тухчина городка, и перестояв ту 3 дни. поиде на третии день к Великому городу, сторожем наперед ездащим. оттоле же Белозерскыи полк отряди к лодьям. а воеводство да Фоме Лазковичю. пошедшу же князю в поле, узреша наши сторожеве полк в поли, и мняху Болгарьскыи полк, и приехаша 5 муж ис полку того, и удариша челом перед князем Всеволодом, и сказаша ему речь, кланяются княже Половци Емякове. пришли есьмы со князем Болгарьскым воевать Болгар, князь же Всеволод здумав с братьею своею и с дружиною, води их в роту в половецкую. пойма их поиде к Великому городу, и приде князь к городу, и перешел Черемисам, в 1 день наряди полкы а сам поча думати с дружиною”. К сожалению, нет удовлетворительного комментария к этому месту летописи, как нет, в сущности, и работы по истории Ростово-Суздальского княжества. Книга Д.А. Корсакова, Меря и Ростовское княжество, Казань, 1872, устарела и автор ее не останавливается на разборе известий о походе 1184 г. — „Великий город”, т.е. Бюлар, на Малом Черемшане, в 70 верст, на восток от столицы Болгар — гор. Болгара (русск. «Бряхимов»); Тухчин — у устья Камы (ср. Г. Перетяткович, Поволжье в XV-XVI вв., М. 1877, с. 76-7, П. Голубовский, Болгары и Хазары — восточные соседи Руси при св. Владимире, Киев. Стар. 1887, №7, с. 33). Мал. Черемшан впадает в Болып. Черемшан, левый приток Волги. Карамзин, Ист. Гос. Росс., т. III, гл. 3, пр. 63 ошибочно предполагал, что Русские пошли по правому берегу Волги, почему и хотел в М. Черемшане видеть нын. Мал. Цывиль, прежде, будто бы, называвшуюся Черемшаном. Но Цывиль впадает в Волгу много выше устья Камы, и, следуя вдоль ее течения, Русские попали бы к Черемисам, а не к Болгарам. Карамзин и Великий город принимал за Болгар-Бряхимов и искал поэтому его на месте нын. г. Цивильска. См. еще Д. Иловайский, История России, II, с. 226-7 и пр. 31, который также отрицал возможность высадки Русских у устья Цевки (Цивили).

³⁹ О Емяках см. II гл., с. 161-2.

„Der den Rhomaem nachste Stamm sind die Peceneg, dami Qifcaq, dann Guz, dann Jamak, Basqirt, Basmil, Qai, Jabagu, Tatar, Qirqiz...” (C. Brockelmann, Mahmud al-Kasghari uber die Sprachen und die Stamme der Turken im 11 Jahrh., Korosi Csoma-Archivum, I, 1, 1921, с. 36.) Ср. карту Махмуда, где Башкиры помещены межд^ Болгарами и Иртышом (A. Herrmann, Die alteste turkische Weltkarte).

Что Половцы Емяковы 1184 г. не были с правого берега Волги считал и И.Н. Смирнов, Мордва, Казань, 1895, с. 61-2.

Итак, в северной и восточной части половецкого мира между Камой и Туркестаном условия кочевания оставались неизменными на всем протяжении IX-XIII вв.⁴²

Память о кочевании Половцев в летнее время где-то у Урала сохранилась и у арабского писателя XIV в. Фадл-Аллах-ал-Омари, который сообщает, что „ханы Кипчака (т.е. Татары XIV в.) проводят зиму в Сарае; летовища же их, как некогда и летовища царей Турана, находятся в области Уральских гор”⁴³. По-видимому, под царями Турана здесь надо разумеать половецких ханов.

Течение Волги от низовьев Камы до древнего города Укека (около нын. Саратова) было в руках Болгарского каганата. Укек, находившийся на правом берегу Волги и известный своим расцветом в XIV в., существовал, вероятно, еще и до Татар и был крайним южным городом Болгар⁴⁵. Ниже его начиналось половецкое поле: на левом берегу Волги, у г. Покровска археологические раскопки обнаруживают кочевнические стоянки, относимые к Половцам⁴⁶; на правом берегу Волги, по течению р. Латрыка (приток Карамыша, впадающий в Медведицу), искони жили кочевники: кочевнические погребения скифо-сарматской поры находились здесь около с. Большой Дмитровки.

Подобно тому, как в X в. Торки и Печенеги соприкасались с южной и юго-восточной границей Болгарского каганата, так в XI-XIII вв. сменившие их Половцы стали соседями Болгар на средней Волге, Об этом говорит и Плано Карпини и русские летописи; последние сообщают нам о столкновениях, которые происходили между Половцами и Болгарами в XII в.⁴⁸

⁴² В нач. XIII в. Емеки (вероятно лишь часть) были „пересажены” хорезмшахами из среднеазиатских степей в Хорезм, см. Marquart, ц.с. с. 157, 170-1.

⁴³ Так читает Marquart, *Über d. Volkstum d. Komanen*, с. 138 со ссылкой на Quatremere, *Notices et extraits des Manuscrits du Roi*, t. XIII, 1838, p. 291; ср. несколько иное чтение В. Тизенгаузена, СМИЗО, с. 243 и в Дополнениях и поправках, с. 548.

⁴⁴ J. Marquart, ц.с. с. 138.

⁴⁵ W. Barthold, *Bulghar, Enz. d. Islam*, I, с. 823. О древности Укека см. оставшуюся мне недоступной книгу кн. Л.Л.Голицына и С.С. Красnodубровского, Укек, Саратов 1891 и известную мне по заметке в ЗВОИРАО VI, 1891, с. 341-3; ср. также Смирнов, Мордва, с. 34-5.

⁴⁶ П. Рыков, Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд. Саратов, губ., в 1922 г. Труды Общ. ист. арх. и этногр. при Саратов. Унив. в. 34, ч. 1, Сар. 1923, с. 13. Здесь же находятся и татарские погребения, там же, с. 13 и 22-26, и скифо-сарматские, М. Rostowzew, *Skythien und der Bosphorus*, Bd. I, Berlin, 1931, с. 467 и 478 (дер. Блюменфельд), ср. карту на с. 479.

⁴ М.И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, с. 591; ср. выше цит. немецк. изд., с. 602.

Плано Карпини, пер. А. Малеина, с. 50, цит. выше (с. 75) место о соседстве Комании на севере с Билерами или „Великой Булгарией”. О половецко-болгарских столкновениях — в одной из следующих глав.

Особенно трудно определить северные пределы половецких кочевий на запад от Волги, т.к. Половцы, подобно всем кочевникам, если им благоприятствовали географические условия, глубоко вклинялись в области с оседлым населением — в данном случае русским и финским; при разреженности этого населения, кочевники без труда проникали даже много севернее крайних южных пунктов Финнов и Руси.

Нет сомнения, что на рязанской окраине русские поселения в XII в. простирались далеко вниз по Дону, до устья Воронежа, имея за собою такие оплоты, как города Елец и Воронеж⁴⁹. Существование этих крепостей дало основание исследователям считать, что Рязанское княжество простиралось на юг до низовьев Воронежа и даже Хопра⁵⁰. Но также бесспорно, что Половцы проникали много севернее этих мест и располагались на летовища в тех степных областях, которых было немало между Доном и Волгою, и которые простирались на север до границы сплошных хвойных лесов. Мы знаем здесь и реку Польшный Воронеж, и „Великое дикое поле” к югу от мордовских лесов⁵¹ и „Половецкое поле” под самым Пронском, на правом берегу Прони.

Где же, в таком случае, проходила рязано-половецкая граница? Есть все основания считать, что действительной границей Рязанского княжества было течение Прони Оки и низовья Мокши, где жило сплошное население княжества⁵¹, и что никогда в домонгольский пе-

⁴⁹ Недавно была подвергнута сомнению древность рязанского Воронежа (И.С. Абрамов, Литописний Вороніж на Черниговщині, Юбилейний Збірник Д.И. Багалія, Київ 1927, с. 462-8, однако аргументы Абрамова мало убедительны, а наличие в этих местах древних славянских поселений — остается бесспорным. О новейших археологических данных о русских поселениях у устья Воронежа и на Дону см. у П.И. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2, с. 5-9.

Д. Иловайский, История Рязанского княжества, М. 1858, с. 49, 109-110; его же, История России, II, с. 274) считал, что южная граница Рязанского княжества в XII в. доходила до низовьев Воронежа. Того же взгляда держался и М.К. Любавский, Историческая география России в связи с колонизацией, М. 1909, с. 66-8. П. Голубовский, Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар, Киев. Унив. Изв. 1883, № 6, с. 331-5 и 337 отодвигал эту границу еще южнее, до низовьев Хопра. А.Е. Пресняков, Образование великорусского государства, Пг. 1918, с. 226 пр. 2 относил к половецким временам и „караулы” рязанских князей „возле Хопра и Дона”, упоминаемые в грамоте митроп. Алексея (Акты Историч., т. 1, № 3), которые Иловайский относил уже к татарской эпохе. Трудно себе представить необходимость в подобных караулах в XII и XIII в., которые были бы так удалены от границ сплошного населения Рязанского княжества, т. е. течения Прони, Оки и нижн. Мокши, раз Половцы, как увидим ниже, кочевали вблизи самого центра рязанской земли.

⁵¹ Кн. А. Курбский, История князя великого Московского, изд. Н. Устрялова, СПб. 1842, с. 15 (1552 г.).

⁵² ПСРЛ I, ст. 432, 1207 г. Текст приведен выше, с. 71, пр. 5.

Ср. различие, какое делает Пресняков между „ядром рязанской земли” и ее отдельными южными и юго-восточными поселками „выдвинутыми в

риод рязанская земля не простиралась так далеко на юг, как предполагал Голубовский. Что отдельные рязанские форпосты по Дону и Воронежу и не рассматривались современниками как территория Рязанского княжества, показывает „Повесть о приходе Батыевой рати на Рязань”: „приде”, говорится в этой повести, „безбожный царь Батый на Рускую землю с многими вой Татарскими. и ста на реце на Воронеже близ Рязанския земли”⁵⁴; судя по направлению похода Батыева из Болгар на Рязань, остановка его „близ Рязанския земли” должна была быть у самого верховья Воронежа⁵⁵. Следовательно, все пространство на юг и на восток от этой реки, т.е. течение Цны и все течение Вороны и Хопра не считалось за Рязанским княжеством. Даже севернее, среди Мордвы, по течению р. Мокши, русские поселенцы не были в своей земле, а, наоборот, считались подданными мордовских князей. Об этом говорит суздальская летопись под 1228 годом, упоминая „Русь Пургасову”, т.е. русских поселенцев (по мнению Смирнова — вышедших из Муромского княжества)⁵⁶ на земле мордовского князя Пургаса⁵⁷.

Целый ряд фактов свидетельствует, что Половцы во время своих кочеваний, проникали много севернее южных поселений рязанцев. Так, в 1199 г. князь Всеволод Юрьевич суздальский со своим сыном Константином предпринял поход на Половцев. Он выступил — очевидно из своего стольного города Владимира — 30 апреля и шел, по предположению Соловьева, от верховьев Дона вниз по этой реке⁵⁸. Половцы, услышав о приближении Русских, бежали с вежами „к морю” (т.е. на юг, по направлению к Азовскому морю), а Всеволод дошел до половецких зимовищ у Дона, разорил их и 5 июня вернулся во Владимир⁵⁹. Если считать переходы в 20 верст, то, оказывается, Всеволод не успел бы проникнуть южнее города Воронежа; если же класть по 30 верст ежедневных переходов, то и в таком случае расстояние, пройденное русскими войсками, не будет более 540 верст

степную сторону далеко от главной массы поселений” (Образование великорусского государства, с. 226-7).

⁵⁴ И. Срезневский, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXIX, Повесть о разорении Рязани Батыем, СПб. 1867.

⁵⁵ Ф. Чекалин, опираясь на повесть о разорении Рязани Батыем, считал, что путь Татар от Болгар на Рязань пролегал по южной окраине присурских лесов и, между проч., через р. Узу, левый приток Суры. Ее течение — на той же высоте, что и верховья Воронежа (Мещера и Буртасы по сохранившимся о них памятникам, Труды VIII Археологич. съезда, т. III, М. 1897, с. 72.

⁵⁶ И.Н. Смирнов, Мордва, с. 64-5. Ср. Карамзин, Ист. Гос. Росс., т. III, с. 165 изд. Эйнерлинга.

⁵⁷ ПСРЛ I, ст. 451 „Тогож лета. Победи Пургаса Пурещев сын (другой мордовский князек) с Половци. и изби Мордву всю и Русь Пургасову. а Пургас едва вмаде утече”.

⁵⁸ С.М. Соловьев, Ист. России с древн. времен, кн. I, т. II, гл. 6, ст. 641 (изд. «Общественной Пользы»),

⁵⁹ ПСРЛ I, ст. 414-415.

(считая от г. Владимира), и, следовательно, Всеволод не заходил южнее низовьев Черной Калитвы-Бигюга-Хопра⁶⁰. Из этого можно заключить, что летовища Половцев были значительно севернее, т. е. в области южно-рязанских поселений.

Мы часто слышим из летописей о столкновениях рязанцев с Половцами. К сожалению, большинство известий подобного рода находится лишь в Никоновском своде, источнике, в отношении половецких событий, особенно ненадежном, т. к. составитель свода или его источник, часто прикреплял к какой-нибудь определенной дате материал явно эпического характера⁶¹. Но вот сообщение Лаврентьевской летописи под 1206 г.: „тогож лета, ходиша князи Рязаньскыи на Половцы, и взяша вежи их”⁶². Вряд ли немногочисленная рязанская рать рискнула бы ходить в далекий поход в глубь степей; это было под силу только таким могущественным князьям, как киевскому или суздальскому, или целой коалиции князей; очевидно, в 1206 г. мы имеем дело с недалеким, коротким походом на летовища (на вежи) Половцев, близко подошедшим к рязанским пределам. В таком свете сообщение той же Лаврентьевской летописи о том, что под Пронском, на юг от реки Прони, было уже „поле половецкое” принимает вполне реальный смысл⁶³ и вряд ли справедливо объяснение Голубовского, что это лишь „случайное название”, потому де, что Половцы когда-то стояли здесь станом во время набега⁶⁴. Как раз в области прежнего половецкого поля, на р. Ранове, притоке Прони, до сих существует село Кипчаково (б. Рязжского уезда, Рязанской губ.), подтверждающее не случайность названия „поля половецкого”⁶⁵.

Если обратиться для сравнения к другим эпохам, то увидим, что на широтах, куда заходили Половцы, всегда, и до и после них, жили кочевники. Так, в XIV в. в районе г. Наровчата („Мохши” золотоордынских монет, по среднему течению р. Мокши) был центр одной из татарских орд (Тогай)⁶⁶. Это как раз есть область „Великого дикого поля” и находится она на той же широте, что и „Половецкое поле” у

⁶⁰ Ср. поход 1111 г. когда Русские прошли расстояние в 125 верст между Сулой и Ворсклой в 5 дней (С. Середонин, Историч. география, с. 172-3); то же количество верст в день вытекает и из похода Игоря 1185 г. (П. Ваденюк, Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5 мая 1185 г. был разбит Игорь Святославич Новгородсеверский и которая названа Каялой, Труды VIII Археол. съезда, т. II, с. 56).

⁶¹ Подобный пример приведен мною в «Печенегах, Торках и Берендеях на Руси и в Угрии», *Seminarium Kondakovianum*, VI (1933), с. 60 и пр. 393.

⁶² ПСРЛ I, ст. 425.

⁶³ ПСРЛ I, ст. 432, 1207 г. Текст приведен выше, в прим. 5.

П. Голубовский, Печенеги, Торки и Половцы, Киевск. Ун. Изв. 1888, № 6, с. 337.

Россия, под ред. В.П. Семенова, т. II, Среднерусская черноземная область, СПб 1902, с. 362 и карта.

⁶⁶ А. Кроткое, В поисках Мохши, Труды Общ. Ист., Арх. и Этн. при Саратов. Унив. вып. 34, ч. 1, Сар. 1923, с. 27-31.

Пронска. А летовища хана Сартака в XIII в. были в трех днях пути от Волги, в месте, где пространство между Волгой и Доном достигает десятидневного перехода, — это указывает на линию Воронеж — Укек, три же дня пути на запад от Волги приводят нас к среднему течению Медведицы и Хопра. Рубрук, дающий эти сведения, добавляет, что „в этих местах прежде жили Половцы”⁶⁷. Вспомним также, что в район устья Воронежа и близ него, на правом берегу Дона, некогда кочевали Скифы, а по р. Латрыку (притоку Карамыша, близ Саратова и прежнего Укека) находим следы Сарматов .

Все это показывает, что номады здесь кочевали искони: от скифских до татарских времен.

Итак, приведенные факты позволяют сделать вывод, что Половцы на летовища между Волгою и Доном заходили много севернее, чем это обычно считалось, подходя к Прони, низовьям Цны и среднему течению Мокши; здесь кочевники находили для себя вполне пригодные места в степных пространствах у границы сплошных хвойных лесов.

Признавая проникновение Половцев так далеко на север и не отрицая наличия рязанских поселений много южнее тех мест, куда заходили Половцы, т.е. на низовья Воронежа и по Дону, можно положить конец безвыходным противоречиям во взглядах исследователей о южных границах Рязанского княжества. Иловайский считал⁶⁸ что „во второй половине XI и в начале XII в. все пространство к югу от Прони было занято кочевьями Половцев” и таким образом западной рязанской границей считал течение р. Прони⁶⁹ (во второй половине XII в. эта граница, по Иловайскому, уже выдвинулась до низовьев Воронежа); Голубовский, наоборот, отрицал „возможность существования в какое бы то ни было время” половецких кочевий к северу от низовьев Вороны и Хопра⁷⁰. Спор велся не верно, т. к. оба ученые рисовали себе некую постоянную непреходимую линию, служившую границей между русским и половецким миром, тогда как в действительности можно говорить лишь о южных пунктах русской колонизации за пределами сплошного населения Русских и о северных пределах проникновения Половцев во время их летовищ, оказывавшихся далеко в тылу у отдельных поселений русских колонистов. Оба эти явления отнюдь не исключали друг друга.

Половцы на рассматриваемых широтах, между Волгою и Доном, встречали во время своих перекочевки не только Русских. На границе лесостепи исконно жила финская Мордва, а южнее ее — сильное и воинственное племя Буртас, в IX в. с успехом сражавшееся даже с

⁶⁷ Пер. Малеина, с. 89.

⁶⁸ М.И. Ростовцев, Скифия и Боспор, с. 534-8; M. Rostowzew, Skythien und der Bosphorus, с. 474 и 602.

⁶⁹ Д. Иловайский, История Рязанского княжества, с. 109. Ср. с. 24 и 100.

⁷⁰ П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы... К. У. И. 1883, № 6, с. 336-7.

печенегами. Буртасы занимали огромное пространство по течению Медведицы, Хопра и Вороны до низовьев Дона⁷¹. Однако с занятием степей Половцами, Буртасы частью были оттеснены на север, к лесам, частью же подчинились Половцам, остались жить среди них и подверглись половецкому языковому влиянию. О подчинении Буртас Половцам и об эксплуатации последними пушных богатств буртасского края сообщает Ибн-аль-Асир: буртасские меха, продававшиеся в первой половине XIII в. в Судак, рассматривались арабским историком как продукт половецкой земли⁷².

Чекалин еще в 1890-х гг. высказал предположение, поддержанное затем Вестбергом и принятое Л. Нидерле, что Буртасы этнически являются не Финнами-Мордвою, а Турками-Мещерою⁷³. Для нас в этом спорном филологическом вопросе интересно то обстоятельство, что, по наблюдению Радлова, язык современных Мещеряков ближе всего к языку Половцев⁷⁴. Это показывает, что Мещера-Буртасы еще в XI-XIII вв. жили вместе с Половцами и переняли половецкий язык.

4.

Ту же картину проникновения Половцев значительно севернее южных пределов русских поселений находим и к западу от Дона. Здесь степные пространства, также как между Волгою и Доном, далеко вклинялись в лесные области: так, „поле“ простиралось между верховьями Псела и Сейма⁷⁵, „полем“ было и все пространство на северо-запад отсюда до рязанских пределов, т.е. по бассейну Быстрой Сосны и верховьям Дона, с Куликовым полем по правомупобережью Дона и с упоминавшимся Половецким нолем у пронско-рязанского

⁷¹ Ф. Чекалин, Мещера и Буртасы по сохранившимся о них памятникам, с. 66-7, 70, 72; Смирнов, Мордва, с. 34 и сл. О войнах Буртасов с Печенегами см. у Ибн-Росте (Хвольсон, Ибн-Даста, с. 19-21).

⁷² Тизенгаузен, СМИЗО, с. 26.

⁷³ См. *Seminarium Kondakovianum*, VIII, с. 167; L. Niederle, *Slovanske starozitnosti, Puvod a posatky Slovanu vychodnich*, v Praze, 1924, с. 35. В новейшей сводке сведений о Буртасах В. Минорский сомневается в тождестве Буртас и Мещеры (V. Minorsky, *Hudud al-Alam*, London, 1937, с. 462-465).

⁷⁴ В. Радлов, О языке Куманов, Зап. И. Акад. Наук, т. 43, прилож. № 4, 1884 г. с. 39, 41, 43, 45 и особ. 52-3. Ср. Чекалин, ц.с. с. 58. О господстве половецкого языка в этой области см. и у А.Н. Самойловича, К истории культурных и этнических отношений в волжско-уральском крае, *Новый Восток*, 1927, № 18, с. 217. Работа Радлова теперь несколько устарела, т.к. языковой материал Половцев — *Codex Cumanicus* — Радлов изучал не по рукописи, а по изданию гр. Куна; издание же последнего изобиловало неточностями. Ныне *Codex Cumanicus* издан фототипически (в I томе серии „*Monumenta Linguarum Asiae Maioris*, Copenhagen, 1936). Датский тюрколог Dr. K. Gronbech, редактировавший это издание, в настоящее время готовит новое исследование о половецком языке.

⁷⁵ В летописи это поле упоминается под 1160 г. и 1183 г. (ПСРЛ I, ст. 350, 1159 г., т. II, ст. 506, 508, 1160 г. и ст. 628, 1183 г.).

пограничья, по левому⁷⁶. На юго-западе между Доном и Днепром степи подходили к границам Переяславского княжества по среднему и нижнему течению Ворсклы, по Пселу и Хоролу.

В пределах этих степных пространствах мы и встречаем половецкие кочевья, причем критерием наличия здесь кочевий должны служить летописные упоминания о вежах, иначе легко будет впасть в ту ошибку, в какую часто впадали исследователи, принимавшие за места половецких кочевий все те пункты, в которых происходили встречи половецких войск с русскими; факт таких встреч еще не может служить указанием на наличие в данной области кочевий Половцев: степняки обычно предпринимали свои набеги без веж, оставляя последние далеко позади себя⁷⁷.

Для определения мест кочевий можно пользоваться одним вспомогательным фактом, на который до сих пор не обращалось внимания: это — время года, в какое летопись упоминает о вежах в том или ином месте. Если упоминание относится к зимним месяцам, то уже а priori можно считать, что летовища этой группы Половцев будут находиться севернее.

Главные зимовища Половцев, как увидим ниже, были по побережью Азовского моря, низовьям Дона, по Днепру у его порогов; однако, иногда некоторые орды располагались на зимовьях и севернее. Так, напр., зимою 1191 г. упоминаются половецкие вежи где-то по Осколу, всего вероятнее по его среднему течению⁷. Поэтому естественно, что летовища Половцев будем находить еще севернее.

⁷⁶ ПСРЛ II, ст. 332, 1146 г. Ср. В. Ляскоронский, История Переяславского княжества, изд. 2-е, Киев 1903, с. 52.

⁷⁷ Так напр. Н. Барсов, Очерки русск. историч. географии, изд. 2-е, Варшава 1885, с. 164, считал на основании встречи русских войск с Половцами у р. Мерли в 1183 г., что южнее этой реки уже начинались кочевья Половцев. Это же повторил и П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, Киев. Ун. Изв. 1883, № 6, с. 324, как доказательство очищения Половцами всего района севернее Мерла. Но летопись упоминает лишь, что русские князья встретили Половцев („в четырех стех”), которые шли „воевать к Руси” и, сообщая о победе Русских над этим отрядом, ничего не говорит о взятии веж. Вероятно, и Барсова и Голубовского ввели в заблуждение слова князя Игоря Святославича, инициатора похода 1183 г., с которыми этот князь обратился к дружине, выступая из Новгорода Северского: „Половци оборотилися противу Руским княземь. и мы... кушаймся на вежах их. ударити...”. Но вместо веж Игорь встретил половецкий отряд, в свою очередь шедший воевать Русь: „да яко бысть за Мерломь. и сретися с Половци. поехал бо быше Обовлы Костуковичь. в четырех стех. воевать к Руси...” (ПСРЛ II, ст. 633, 1183 г.).

В 1191 г. князья черниговские и северские предприняли „на зиму” поход на Половцев в районе р. Оскола, где и встретились с Половцами, которые были здесь с вежами. По-видимому, Русских было немного, т.к. князья „не могуши ся с ними (Половцами) бити. заложивъшеся ночью идоша прочь” (ПСРЛ II, ст. 673, 1191 г.). Поэтому, вряд ли это мог быть глубокий поход в степь, скорее это был налет небольшого отряда, не ушедшего далеко от рус-

Несмотря на то, что главные летовища Половцев, живших между Доном и Днепром, оставались все же в значительном отдалении от русских пределов, находясь между рр. Самарой и Орелью (Углом) и на Дону на высоте устья Оскола, — некоторые орды, заходили много севернее, к самой лесной границе, в те степные области близ русских княжеств, о которых была речь выше. Так, летопись сохранила нам сведение о кочевании Половцев между Ворсклою и Пселом у Голтова, близ Переяславского княжества⁹ и даже у Варина на среднем Удае⁸⁰. Что Половцы кочевали между Ворсклою и Пселом подтверждает еврейский путешественник XII в. рабби Петахия, рассказывающий, как, спустившись по Днепру из Киева, он через шесть дней достиг земли Половцев⁸¹; а за шесть дней плавания можно было быть как раз между устьями Псела и Ворсклы, ближе к первому⁸². Есть все основания считать, что Половцы кочевали и на левом берегу Сейма, между Курском и Вырем, „в поле”, которое всегда было таким опасным для новгород-северского рубежа⁸³. По всей вероятности кочевали Половцы и на среднем или даже верхнем Осколе, судя по тому, как быстро могли они придти в 1147 г. на помощь князю Святославу Ольговичу на верховья Оки, к Мценску⁸⁴. Память о пребывании здесь По-

ских пределов. Течение же верхнего и среднего Оскола ближе к Черниговскому и Новгород-Северскому княжеству, чем нижнее течение Оскола.

Владимир Мономах пишет, что „вежи их (Половцев) взяхом шедше за Голтавом” (ПСРЛ I, ст. 249, 1094 г.). О времени года похода ничего не известно, но надо полагать, что так далеко на север в этом районе Половцы проникали лишь летом. Голтов был расположен близ устья р. Голты, лев. притока Псела (ср. карты к Ист. Переяславск. княж. Ляскоронского и к II тому Ист. Укр.-Руси Грушевского).

⁸⁰ В Поучении Мономаха: „и потомъ с Ростиславом же у Варина веже взяхом” (ПСРЛ 80 ст. 249, 1085 г.). Время похода не указано. О местоположении Варина см. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 600 и карту; ср. Барсов, Очерки, с. 166.

⁸¹ *Jewish travellers*, ed. by Elkon Nathan Adler, London, 1930, с. 64. Петахия половецкие степи называет землею Кеда. Ср. Ф.И. Успенский, Образование второго Болгарского царства, с. 209.

⁸² Ср. те же рассуждения в то же количество дней при плавании по Дону Пимена в 1389 г. Интересно сравнить известие Петахия с Идриси (*Geographie d'Edrisi*, tr. A. Jaubert, t. 2, Paris 1840, с. 398), сообщающего, что от Киева до Най, города Кумании, шесть дней пути. Если вообще есть какое-либо зерно правды во всех сообщениях Идриси о половецкой земле, то в данном случае надо считать передвижение от Киева до половецкого города Най речным путем, т.к. сухопутьем за 6 дней можно было дойти из Киева (если класть обычные 20-25 верст в день) не дальше р. Супоя, где никакого половецкого города, конечно, быть не могло. Да и самый город Най не есть ли место, где кочевники только на время разбили свои вежи?

⁸³ Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 320, 337, 344-5.

⁸⁴ Ипатьевская летопись под 1147 г. (ПСРЛ II, ст. 341) сообщает о том, как к Святославу Новгород-северскому, когда он был у Неренска, пришли „ели (послы) ис Половецъ от уев его. с Василем Половцином 60 чади присла-

ловцев находим в названии „половецких лесков” по р. Зуше (приток Оки), около Новосиля⁵. Все это свидетельствует, что Половцы проникали севернее Курска и Ельца, этих оплотов Руси со стороны степей. Вероятно именно сюда, на верховья Дона, собирался в 1185 г. великий князь Святослав Всеволодович „йти на Половцы к Донови на все лето”, „летовати на Дон”, т.е. стеречь, чтобы Половцы, во время своих летних кочевий, не подходили близко к северским пределам и не беспокоили приграничных областей⁸⁶. К тому же, через Курск и Елецк проходил древний торговый путь на Рязань и Муром, в северо-восточную Русь, также, очевидно, нуждавшийся в охране от Половцев.

Итак, северными пределами кочевания Половцев между Доном и Днепром были степные пространства верховьев Дона, Оки, бассейн Быстрой Сосны, далее на юго-запад „поле” между верховьями Сейма и Псела, замыкавшееся рекою Лохнею (притоком Сейма); еще дальше на юго-запад Половцы были хозяевами течения Ворсклы и Псела, а иногда заходили со своими вежами даже за Хорол и Сулу (впрочем, так далеко на запад удавалось проникать Половцам лишь в годы наибольшего их натиска на Русь — в конце XI и начале XII в.). Все про-

лися бяхуть тако рекуче прашаеи здаровия твоего, а коли ны велишь к собе со силою прити”. Судя по контексту это было в апреле или в начале мая. Какой дал ответ Святослав Половцам, мы не знаем; но затем, когда он из Неренска пришел к Дедославлю, летопись отметила, что к Святославу пришли сперва „друзии Половци. Токсобичи...”, а затем, немного спустя „...придоша к нему Бродници и Половци придоша к нему мнози. уеви его” (ib., ст. 342), т.е. те Половцы, послы которых приходили под Неренск. От первого прихода послов до появления всей орды, судя по описываемым событиям, прошло всего дней 15-20 (Святослав за это время успел лишь пройти, м.б. даже с остановками, из Неренска через Дедославль к Мценску, т.е. расстояние верст в 300, если считать по 20 верст похода в день). За это время половецкие послы для того, чтобы из Неренска съездить в степь и вернуться со всей ордою, могли пройти туда и обратно не более 600 верст и, т.к. Святослав из Неренска в Мценск шел на юг, то послы из под Неренска до расположения всей орды должны были идти дальше, чем шла вся орда из степей к Мценску навстречу со Святославом. Если положить 400 в. на дорогу послам в орду и 200 в. на переход всей орды к Мценску, то в таком случае главная масса Половцев во время переговоров их послов со Святославом была не южнее верховьев Оскола. Кроме того нами не учтено то, что и главная масса Половцев за время отсутствия своих послов, вероятно, подвигалась на север: это как раз было время перехода на летовища. Все сказанное вполне согласуется с приведенным выше (пр. 78) нашим предположением о зимовищах Половцев на среднем Осколе.

М.К. Любавский, Историческая география России в связи с колонизацией⁸⁷. 52.

ПСРЛ II, ст. 645, 646. Невозможно допустить, чтобы Святослав летом отправился к низовьям Дона, откуда в это время года Половцы откочевывали на север.

⁸⁷ А. Спицын, Торговые пути Киевской Руси. Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову, СПб., 1911, с. 250.

странство от Псела и Ворсклы на восток, все течение Оскола, до его впадения в Дон, было „половецким полем”⁸⁸.

⁸⁸ П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, Киев. Унив. Изв. 1883, № 5, с. 253-261, № 6, с. 323-7, № 9, с. 409, предполагал, что с сер. XII в. Русь создала против Половцев целую систему военно-сторожевых укреплений — на верховьях Псела, Ворсклы, Северного Донца и его притоков. Следы таких укреплений Голубовский видел в ряде городищ (Липецком, Городецком, Азацком, Михайловском — на Пселе; в Хотмыжском, Каменном, Кукуевом, Немеровском, Скульском, Вельском — на Ворскле; Высокопольском и Коломацком — на Коломаке; Хазарском, близ Можы; Кукулевском, Змиевом, — на Може; Хорошевом, Кобановом, Донецком Мохначском — на Уде; Белгородском, Нижегольском, Салтовском, Катковском, Гумниньем, Чугуевском — на Донце) и делал вывод, что „южная граница северской земли шла от устья р. Оскола, Донцом до впадения в него р. Можы и берегом Можы до р. Ворсклы”; Переяславское княжество также, по мнению Голубовского, имело свою „боевую область”, простиравшуюся от Сулы до низовьев Ворсклы. „Всем трем природным оборонительным линиям, образуемым Пселом, Ворсклою и Коломакам-Можей соответствует три ряда укреплений” (перечисленные выше городища). Этот взгляд Голубовского повторил В. Ляскоронский в Истории Переяславского княжества, К. 1903, с. 52-3 и В. А. Городцов, Определение юго-восточных границ домонгольской Руси начала XIII в., Труды XIII Археол. съезда, т. II, М. 1908, Протоколы, с. 141. О. Андрияшев, Нарис истории колонизации Северської земли до початку XVI в., Зап. Ист.-Филол. В. Всеукр. Акад. Наук, кн. XX, Киев 1928, считал всю область до устья Оскола не боевой, а просто колонизированной (с. 107, 111). Особенно при этом указывалось на существование города Донца (упомянутого в летописи под 1185 г.), через который бежал Игорь Святославич из половецкого плена (ПСРЛ II, 65) „иде [Игорь] пешь 11 ден. до города Донця. и оттоле иде во свои Новгород”). Донец отождествляли с нын. Донецким городищем (имеющим, м. проч., и другое название — Шаруканево) и считали „окраинным городом на юге Курского княжества” (Багалеи, История северской земли, К. с. 131) или вообще „крайним со стороны половецкой степи русским городом” (В.Е. Данилевич, Донецкое городище и город Донец, Археол. летопись южной России, 1904, с. 185). Однако, уже Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 346-7 подверг сомнению существование такой системы укреплений на Северном Донце. Действительно, до сих пор остается неизвестным — к какому времени относятся донецкие городища (большинство их не было до сих пор раскопано) и были ли они обитаемы в половецкую эпоху. Те же городища, в которых производились раскопки, как напр, в Салтовском, свидетельствуют о том, что к концу IX в. они уже не были обитаемы (Ю. Готье, Кто был обитателем Верхнего Салтова? Изв. ГАИМК, V, Л. 1927, с. 84); если бы даже оказалось, что они были обитаемы в XI-XIII вв., то все же вряд ли позволительно было бы считать их русскими военными форпостами, составлявшими сеть пограничных укреплений. При примитивности подобного рода укреплений даже под самым Киевом (см. мою статью Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, с. 57), трудно представить, что бы такая сложная система существовала на окраине Новгород-Северского княжества. На протяжении всего половецкого периода ничто не указывает на ее наличие. Жители на Северном Донце вряд ли могли сохранить независимость и не подпасть под власть кочевников, будучи окружены с запада, юга и вос-

тока половецкими кочевьями, а с севера отделены от основного ядра населения Новгород-Северского княжества „подем” (между верховьями Ворсклы и Псела), в котором хозяевами были те же Половцы. Как увидим ниже, такого оседлого населения, зависимого от кочевников, было немало в причерноморских степях. Городком с подобным населением и мог быть Донец, через который бежал Игорь в 1185 г.

Большинство русских историков отрицало существование половецких кочевий на запад от Днепра и, в особенности, в придунайской равнине. Те же из исследователей, которые признавали кочевание Половцев у Дуная, считали, что они здесь появились лишь в начале XIII ст.

Противники взгляда на пребывание Половцев к западу от Днепра считали, что на днепровское побережье и к Дунаю Половцы заходили лишь во время набегов на Киевскую Русь или Византии, и что затем они снова возвращались к своим приазовским вежам. В доказательство этого М. Грушевский³ приводил слова летописи под 1152 г.: „вся Половецкая земля что же их межи Волгою и Днепром.” Однако эта фраза еще не исключает возможности, что „половецкая земля” была и вне этих пределов. Ведь простирались же половецкие кочевья на восток за Волгу, до среднеазиатских степей. Молчание киевской летописи до конца XII в. о Половцах дунайских и правого берега Днепра еще не может служить доказательством тому, что Половцев здесь не было вовсе: киевская летопись XII в. интересуется событиями, разыгравшимися преимущественно вокруг Киева и почти совсем не следит за жизнью Галицкого и Волынского княжеств, которые должны были иметь дело именно с Половцами дунайскими и правого берега Днепра. Но галицко-волынские летописи этого времени до нас не дошли.

О том, что Половцы разбивали свои станы и, на правом берегу Днепра, у нас есть целый ряд летописных известий конца XII в. В 1190 г. князь Ростислав Рюрикович напал с Черными Клобуками на половецкие зимовища у Протолчи (рукав Днепра около о-ва Хортицы) „в лузе в Днепреском”⁵. В 1193 г. тот же Ростислав снова берет „вежа и стада” половецкие „по сеи стороне Днепра, по Руской” (т.е. киевской, правобережной). Что князья считали себя здесь в половецкой земле, видно из слов летописи, что одна из стычек с Половцами произошла „на Ивле на реце на Половецкой”; а Ивля находилась в трех днях пути к западу от о-ва Хортицы⁶. В 1183 г. русские князья

¹ Начало этой главы см. в *Анналах Института имени Н.П. Кондакова*, т. IX 1937.

В.Г. Ляскоронский, *Русские походы в степи в удельно-вечевое время*, ЖМНП 1907, IV, с. 299; С.М. Середонин, *Историческая география*, Пг. 1916, с. 171-2.

³ *Ист. Укр.-Руси* II, с. 530.

⁴ *ПСРЛ* II, 1908, ст. 455.

⁵ *ПСРЛ* II, ст. 670-672; ср. М. Грушевский, *История Киевской земли*, К. 1891, с. 251.

⁶ *ПСРЛ* II, ст. 676-678. Ивля упоминается и в описании похода 1190 г. Барсов (*Очерки русской исторической географии*, Варш. 1885, с. 276, пр. 162 и с. 299), повторяя Арцыбашева, считал Ивлю Бузулуком. По смыслу летописного рассказа 1190 г. Ивля находилась в трех днях пути от Днепра, очевидно, к западу от него. За три дня Русские, обремененные пленными, вряд

застигли Половцев у р. Хырии (Хирии), в имени которой видят половецкую переделку р. Хортицы, правого притока Днепра⁷.

О кочевании Половцев к западу от Буга сообщает киевская летопись под 1173 г. В этом году они совершили набег на Киевское княжество с правобережной стороны Днепра и ушли, преследуемые Русскими, в юго-западном направлении; лишь за Бугом Половцы были настигнуты и разбиты Русскими⁸. Смутный намек на кочевание Половцев по Бугу дает мадьярский миссионер, упоминающий в XIII в. половецкого князя Urech (вариант Gureg) [Юрий Кончакович?] *de flumine Buchs* (вар. *Vas*)⁹. Около 1182 г. волынские и бельские князья в усобице за город Берестье (Брест) привели себе на помощь большое количество Половцев. Вряд ли это были Половцы с левого берега Днепра. Естественнее видеть в них более близких соседей Волынского и Галицкого княжества, кочевавших по Бугу, Днестру или Пруту. Наконец, правобережными Половцами были Половцы лукоморские, кочевавшее у Черного моря и по правому берегу Днепра. О них речь будет ниже.

6.

В 70-х и 80-х гг. XI ст. Половцы впервые начинают появляться на дунайской границе Византии. Хозяевами придунайских степей были тогда Печенеги, поэтому Половцы не могли здесь кочевать постоянно, но являлись сюда из придонских степей лишь изредка, по призыву — то своих собратьев Печенегов, то их врагов — Ромеев. О том, что Половцы в XI в. были лишь случайными гостями на Дунае, наглядно свидетельствуют события 1088 г.: Половцы в этом году были призваны Печенегами против Византии, но пришли они слишком

ли ушли далее верховьев Бузулука или Ингульца. Поэтому мы присоединяемся к мнению Пл. Бурачкова (Заметки по исторической географии южно-русских степей, Киев. Старина, 1886, апрель, с. 676-7), что летописная Ивля — это современный Ингулец.

⁷ ПСРЛ II, ст. 628-9. Пл. Бурачков, ц.с. с. 662.

* ПСРЛ II, ст. 562-3, М. Грушевский, ц.с. с. 230 и пр. 2.

⁹ Wenzel, Codex Arpadianus, vol. XII, Supplementa № 2 A и B (с. 550-1 и 556). Ср. П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, Киев. Унив. Изв. 1883, № 12, с. 729, пр. 3.

¹⁰ Magistri Vincenti Chronicon Polonorum, lib. IV, cap. 14 в Monum. Poloniae Historia, t. II, Lw. 1872, с. 409-410 и 533: „Adest namque dux Belsiae Wsewłodus cum principibus Loodimiriensium cum Galiciensium praecipuis, cum electis tibianeorum turmis, cum Parthorum millibus, urbis (Брест) subsidio”. Parthi — обычное название Половцев в польских хрониках.

Не принимаю в расчет целый ряд доводов Пл. Бурачкова, Заметки по историч. географии южнорусских степей, с. 675-8 о кочевании Половцев на левом Приднепровье, так как он ошибочно считал „ратною стороною” — правый берег Днепра, вместо левого, отчего и ряд событий из русско-половецких отношений, совершавшихся на левобережье, относил к правобережью. О „ратной стороне” см. ПСРЛ II, ст. 631, 1183 г., ср. М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 211-212.

поздно, уже после того, как Печенеги разбили Византийцев и захватили огромную добычу. Печенеги отказали Половцам из-за их опоздания в части этой добычи; тогда последние, по словам Анны Комнен, так возразили Печенегам: „мы оставили свои вежи, совершили далекий путь, чтобы поспешить вам на помощь. Мы готовы были разделить все опасности, следовательно, имеем право рассчитывать на все выгоды счастливой победы...”¹².

После сокрушения силы Печенегов Алексеем Комненом в 1091 г., Половцы не сразу заняли придунайские степи. На дунайской границе империи водворилось относительное спокойствие, что дало возможность — именно в это время, т.е. в конце XI в. и в перв. пол. XII в., — усилиться здесь русскому элементу¹³. Это время как раз совпадает с последними десятилетиями мощи Киевского великого княжества, когда Русскими в причерноморских степях были разгромлены Половцы и даже на время изгнаны из степей за Дарьяльские „Железные ворота”. Но со смертью Мстислава Великого (1132 г.) и с началом усадеб между Ольговичами и Мономаховичами, Русь теряет

¹² Anna Comnena, Alexiadis, I (ed. Bonn., т. 36), с. 353. Ср. В.Г. Васильевский, Византия и Печенеги, Труды, т. I, СПб. 1908 с. 56-57.

¹³ В.Г. Васильевский, Византия и Печенеги, приложение II: Русские на Дунае в XI в., Труды, т. I, с. 122-134, особ. с. 130; его же рец. на Ф. Успенского, Образование второго болг. царства, в ЖМНП 1879, июль, с. 333-335; Ю. Кулаковский, Где находилась вичинская епархия константинопольского патриархата? Визант. Врем. IV, 1897, с. 327-336; Ср. М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 519-523. После Васильевского исследователи не раз возвращались к вопросу о существовании русского населения на Дунае, внося различные изменения в выводы Васильевского. Так В. Златарски, некоторые известия, которые Васильевский считал относящимися к Русским, связывал с Болгарами и Торками (История на българската държава, т. II, 1, 1934, с. 182-4; Какъв народ се разбира у Анна Камнина под израза *yevoc*; т. I ЕКУОΙΚΟΝ, Изв. на Ист. Друж. кн. XI-XII, 1931-2, с. 71-83). А.Л. Петров предостерегал от слишком поспешного отождествления всех топонимических названий в Трансильвании и в Карпатах, имеющих корень *gos-*, *gus-* с именем Русь, Русский (Когда возникли русские поселения на угорской «Дольней земле»? Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наук, XVI, 1, 1911, с. 23-24 и подробнее почешки: *Kdy vznikly ruski osady na Uherske Dolni Zemi a vobec za Karpaty?* Cesky Casopis Historicky, XXIX, 1923). П. Мутафчиев значительно расширил доказательства Васильевского о русском элементе на Дунае в специальной работе Произходът на Асеневици, Македонски Прегледъ, IV, 4, Соф. 1928. N. Banescu, в ряде статей, из коих отмечу две: *Les premiers temoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube*, Byz.-Neugr. Jahrb. III, 1922, с. 287-310, особ. с. 303 и *Ein ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau aus XL Jahrhundert*, Byzantion, VI, 1, 1931, с. 297-307, совершенно отрицал существование русского населения на нижнем Дунае, утверждая, что там жили только Валахи. Такой упрощенный взгляд Н. Банеску встретил возражение со стороны В. Златарского (в Какъв народ се разбира у Анна Камнина..., с. 81-82) и специальную отповедь П. Мутафчиева (P. Mutaftchiev, Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays danubiens, Sofia, 1932, с. 333-366, особ. с. 363).

свое преобладание в степях; Половцы из-за Железных ворот Кавказа возвращаются в Причерноморье и киевская летопись с 1146 г. отмечает появление каких-то новых „диких” Половцев¹⁴.

Именно в это время, с середины XII ст., Половцы проникают к Дунаю и начинают все чаще тревожить соседние оседлые государства. В 1148, 1154, 1160 гг. они нападают на дунайское пограничье Империи; в это же время Угория приступает к укреплению своей трансильванской границы со специальной целью обороны государства от Половцев¹⁶. Из одной грамоты 1211 г. короля Андрея узнаем, что из-за половецких нападений даже в самой Трансильвании, на верховьях Ольты, страна была превращена в пустыню¹⁷. В 1211-1212 гг. угорские короли в грамотах немецким рыцарям, поселяемым на трансильванской границе, прямо указывают на цель их поселения: „...для ограждения королевства... от Куман”, совершавших на Угriu „беспрестанные набеги”. Писавший в середине XII в. Оттон Фризингенский указывает, что на восток от Угрии, за Трансильванией, кочуют Половцы и Печенеги. То же можно заключить и из рассказа русской летописи под 1159г.: когда галицкий князь-изгой Иван Ростиславич бежал „в поле к Половцам”, то вокруг него тотчас же образовался многотысячный отряд из Русских и Половцев, с которым он стал грабить поду-

¹⁴ ПСРЛ II, ст. 334, 1146 г. Далее „дикие Половцы” упом. под 1149, 1159, 1172, 1195,

1196 гг. (II, ст. 377, 379, 386, 500, 548, 549, 690, 694, 695, 698, 700). Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 534 понимал выражение „дикие Половцы” в том смысле, что летописец противопоставлял „диким”, т.е. степным Половцам — „своих”, т.е. не диких, оселенных с 1140-х гг. на Руси. Мне такое объяснение представляется невозможным: 1) летописцы в большинстве случаев продолжают степных Половцев называть просто Половцами, без эпитета „диких”, 2) нет сведений о поселении Половцев на границах, подобно Черным Клобукам, да они и не могли бы быть, т.к. поселять Половцев на пограничье для охраны Руси от других, степных Половцев, было бы слишком рискованно.

В. Васильевский, Из истории Византии в XII в., Славянский Сборник, т. II, СПб. 1877, с. 221; К.Я. Грот, Из истории Угрии и Славянства в XII в., Варш. 1889, с. 130 и сл.; F. Chalandon, Jean II Comnene et Manuel I Comnene, Paris, 1912, с. 323-5, 413-14, 474; В. Златарски, История на българската държава, II, 1, с. 384-6, 394-6. На Дунае был известен „Куманский брод” — место постоянных переправ Половцев на правый, византийский берег — см. P. Mutařciev, Bulgares et Romains, с. 310 и пр. 1.

¹⁶ П. Голубовский, Половцы в Венгрии, Киев. Унив. Изв., 1889, XII, с. 47; К. Грот, ц.с. с. 45-6.

¹⁷ Gyarfas Istvan, A Jasz-Kunok Története, т. II, Kecskemet, 1873, с. 204-5.

¹⁸ R. Roesler, Romanische Studien, Leipz. 1871, с. 332; I. Gyarfas, ц.с. с. 204-5; Ф. Успенский, Образование второго болгарского царства, Зап. И. Новоросс. Унив. т. 27, 1879, с. 227 (с. 100 отд. изд.); K. Kadlec, Valasi a valalske pravo v zemich slovianskych a uherskych, v Praze, 1916, с. 84, 105.

¹⁹ Ottonis Frisingensis, Gesta Friderici Imperatoris, M.G.S.S. XX, с. 368; ср. К. Грот, ц.с. с. 56-7.

наискые города, принадлежавшие галицкому князю Ярославу²⁰. Это показывает, что Половцы были собраны Иваном где-то здесь же, в придунайской области. Тридцатую одним годом позже та же летопись еще более определенно сообщает о существовании подунайских Половцев: в 1190 г. „лепшии мужии в Черных Клобуцех” жаловались князю Ростиславу Рюриковичу: „се Половце сен зимы воюют ны часто, а не ведаемъ, Подунаици ли есмь что ли?”²¹. На кочевание Половцев вблизи дунайского побережья указывают и обстоятельства восстания Асеней в 1186г.: в июне или июле Асени бегут за Дунай, к Половцам, и Никита Хониат рассказывает, как Петр Асень уговаривал Половцев придти к нему на помощь против Византийцев еще до жатвы, то есть в том же июле месяце²². Из этих слов мы видим, что у Асеней не оставалось времени на далекое путешествие к Половцам заднепровским (тем более, что в летнее время Половцы откочевывали от Причерноморья еще дальше на север) и, следовательно, Половцы, с которыми сговаривался Асень, были где-то совсем недалеко от Дуная. Наконец, на соседство Болгар с Половцами указывает тот же Никита Хониат, говоря о „сопредельных” с Болгарами „Скифах”, как он называет Половцев²; Робер де Клари в нач. XIII в. еще более определенно говорит, что за Болгарией начинается Кумания²⁴.

Итак, к середине XII в. Половцы окончательно обосновываются в придунайской области²⁵. Как далеко они распространились на запад —

²⁰ ПСРЛ II, ст. 497.

²¹ ПСРЛ II, ст. 670.

²² С. Sathas, *Bibli. medii aevi I* (1872), с. 78. Ср. В. Златарски, *История на българската държава*, II, 1, с. 448, 451, 453, 455 и пр. I.

² Ф. Успенский, *Византийский писатель Никита Ахоминат из Хон*, СПб. 1874, с. 182.

²⁴ Robert de Clary, *La prise de Constantinople*, гл. LXV у Ch. Hopf, *Chroniques greco-romanes*, Berlin 1873, с. 52: „Or est Commaine une terre qui marchist a Blakie”. Ср. Ф. Успенский, *Образование второго болгарского царства*, с. 211. О наименовании Болгарии Валахией византийскими писателями, а за ними и латинскими („Blakie” Робера де Клари) см. у В. Златарскаго, *Потекло на Петра и Асеня, водачъ на възстанието в 1185 годъ*, *Списание на Бълг. Акад. на Науките*, кн. XLV, 1933.

²⁵ В начале этой главы (Анналы Института им. Н.П. Кондакова, т. IX, с. 73 или 43 отд. отт.) я уже упоминал, что целый ряд исследователей — Roesler, Jirecek, Gyarfas, Успенский, Мутафчиев защищали мысль о сравнительно раннем проникновении Половцев в придунайскую область — т.е. в XI — нач. XII вв. Однако, нельзя признать убедительными большинство аргументов, приводимых в пользу этого мнения перечисленными историками. Roesler, *Romanische Studien*, с. 334 опирался на такие источники, как *Miserabile Carmen* Рожера и путешествие Рубрука, по которым еще нельзя судить о положении в придунайской области в XI — нач. XII вв. В годы, когда писали Рожер и Рубрук (вторая полов. XIII в.) Половцы были изгнаны Татарами из Причерноморья и часть их поселилась близ угорской и болгарской границ на Дунае; однако, жили ли они там и в конце XI и в нач. XII вв. — у нас нет сведений; набеги Половцев на Византию в это время — еще не указывают на

мы не знаем, но, вероятно, — до самых дунайских „Железных ворот”. Известно только, что еще в 1114 г. они уже достигали Видина¹. Что же касается южных пределов кочевания Половцев, то, в силу общекочевнической тенденции, они стремились предельно расширить диапазон кочевания с севера на юг так, чтобы в жаркое время года уйти возможно севернее, в холодное же время — возможно южнее; вот почему мы видим, что Половцы охотно переходили на осенние, зимние и весенние месяцы на юг, за Дунай, в болгаро-византийские пределы и почти никогда не встречаем их здесь летом; на летовища кочевники уходили в южно-карпатские предгорья. Вероятно именно в эти летние месяцы Половцы особенно беспокоили Мадьяр, даже проникая за горы, в Трансильванию. Очевидно, сюда, в эти предгорья, приходили Асени летом 1186 г. подымать Половцев против византийского императора.

Далее на север, вдоль предгорий Карпат, Половцы доходили до нынешней Буковины². Как далеко простирались их кочевья в направлении к Руси мы не знаем; знаем только, что русские пределы простирались здесь приблизительно до той же широты, что и на левом берегу Днепра. Речка „Висемь” (вероятно, нынешняя Высь или Виска), приток Южного Буга²⁸, куда Половцы заходили „сторожно”, была в конце XII в. у самой границы киевской земли²⁹; а эта речка находи-

наличие их кочевий у Дуная, как то хотели видеть Gyárfas, A Jász-Kunok története, II, с. 211 и Успенский, Образование втор. болгарск. царства, с. 208, 211. И данные топонимики, на которые опирались С. Jirecek, Einige Bemerkung über die Überreste der Petschenegen und Kumanen..., Sitz. d. K. Bohmischen Ges. d. Wiss., Classe f. Philos. 1889, с. 11 и P. Mutaftchiev, Bulgares et Romains, с. 156-7, 231, 310 (названия местностей, происходящих от имени Куман или из половецкого языка), не могут еще служить доказательством раннего проникновения Половцев в придунайскую область, так как время возникновения этих названий нам неизвестно и большинство их, вероятно, относятся к татарской эпохе. Вот почему мною остался неиспользованным обильный топонимический материал, собранный у L. Rasonyi-Nagy, Valacho-Turcica, Forschungsarb. d. Mitgl. d. Ung. Inst. u. des Colleg. Hungar. in Berlin, 1927 и у G. Luko, Haveselve es Moldva nepei a X-XII sz. [Население Валахии и Молдавии в X—XII вв.], Ethnographia, 1935.

²⁶ Anna Comnena, Alexiadis, ed. Bonn, II, с. 302; F. Chalandon, Essai sur le regne d'Alexis I Comnene, Paris, 1900, с. 267; P. Mutaftchiev, Bulgares et Romains, с. 309.

² Так считал Roesler, Romanische Studien, с. 339 на основании свидетельства Carmen Misirabile, cap. XX (M.G.S.S. XIX, с. 555) о том, что за верховьем Самоша и за горами Родны была граница Руси и Кумании: „Rex Cadan inter Rusciam et Comaniam per silvas trium dierum habens iter, sire viam, pervenit ad divitem Rudanam”.

²⁸ Р. Высь, протекает вдоль прежней границы Херсонской и Киевской губерний (см. Россия, под ред. В.П. Семенова, Новороссия и Крым, карта). Об этой реке см. также у Бурачкова, Заметки по ист. географии южнорусских степей, с. 675.

²⁹ ПСРЛ II, ст. 669, 1190 г. Ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, К. 1891, с. 13-14; его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 261.

лась на широте низовьев Сулы и Псела, т.е. переяславского пограничья. По той же широте проходила и южная граница Галицкого княжества (р. Ушица, левый приток Днестра, верховье Прута)³⁰. По видимому, все пространство на юг от Галицкого и Киевского княжества было уже „половецким полем”.

7.

К западу от Дуная, южными пределами половецких кочевий было северное побережье Черного и Азовского морей. Киевская летопись и Слово о полку Игореве не раз упоминают Половцев „лукоморских”, т.е. кочевавших у „луки моря”, как называли Русские вообще всякий залив, а здесь, в частности, днепровский лиман или северный берег Азовского моря³¹.

Кочевали Половцы и на Крымском полуострове, в его северной, степной части. Рубрук пишет, что „на этой равнине („...которая тянется [от южного, горного Крыма] на пять дневных переходов до кошт этой области к северу”) до прихода Татар, обычно жили Команы”³². Арабский же географ Идриси (середины XII в.) сообщает, что и путь

³⁰ М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 460-1.

³¹ „Лукоморье” и „лукоморские Половцы” четыре раза упоминаются в летописи и раз в Слове о полку Игореве. В 1169 г., по поводу одной битвы кн. Михаила Юрьевича с Половцами летописец вспоминает другую, прежде бывшую битву, когда тот же князь также счастливо спасся от смерти: „Бог отца его молитвою избави его от смерти, якоже и преже в луце моря и якоже бяхуться крепко” (ПСРЛ I, 1926, ст. 360). Игорь Святославович говорит дружине во время своего знаменитого похода 1185 г.: „идем по них (за Половцами) у луку моря где же не ходили ни деди наши” (ПСРЛ I, ст. 397, 1186 г.). В 1193 г. киевский князь вел переговоры о мире „с Половци с Лукоморскими”, пришедшими из степей в Канев (ПСРЛ II, ст. 675). В 1223 г. Татары гнали Половцев „по Дону и в луку моря” (ПСРЛ I, ст. 504). Автор Слова о полку Игореве вспоминает, как Святослав „поганого Кобяка из луку моря от железных великих плъков Половецких яко вихрь выторже...” (В. Перетц, Слово о полку Игоревим., 1926, с. 109). Барсов, Очерки русск. ист. географии, с. 275 и Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 214, считали Лукоморьем лишь низовья Днепра; Новицкий в специальной статье „Давне Лукоморья” (Зап. ист.-фил. В. Всеукр. Акад. Наук, XXIV, 1929, с. 1-53) определял Лукоморье между нижн. Днепром и западным берегом Азовского моря (с. 51). Но еще Брун, Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море, Зап. И. Новоросс. Унив. т. 28, 1879, с. 178-9, понимал под этим словом вообще берег Азовского моря, а не только его западную часть. Слова Игоря Святославича и направление его похода подтверждают мнение о том, что в данном случае под „лукою моря” надо подразумевать скорее северо-восточное побережье Азовского моря, чем западное.

³² Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны, перев. Малеина, СПб. 1910, с. 68. Пл. Бурачков, Опыт исследования о Куманах или Половцах, Записки И. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Х, Од. 1877, с. 117, неправильно понявший это место Рубрука, считал, что Половцы совсем не заходили в Крым, а кочевали лишь севернее Перекопа.

из Херсона в Ялту пролегал по стране Команов³³, из чего следовало бы, что Половцам принадлежал и южный Крым. Однако достоверность этого свидетельства была заподозрена еще Бурачковым, справедливо указавшим, что южный, горный Крым, совершенно не пригоден для жизни кочевников. Тот же Рубрук, отличавшийся несравненно большей точностью в своих показаниях, чем Идриси, говорит лишь о том, что сорок городов и крепостей, расположенных в горном Крыму между Херсонесом и Судаком и населенных различными народностями, в том числе и Готами, — платили дань Половцам³⁵. Такое сообщение гораздо правдоподобнее³⁶; оно указывает лишь на „сферу влияния” Половцев в областях, прилегавших к степям; это „влияние” выражалось в платеже крымскими городами дани Половцам. Последним было очень важно держать в зависимости прибрежные города Крыма, т.к. эти города были местом сбыта половецкого сырья и местом покупки городских изделий. Ибн-аль-Асир говорит о Судак: „это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского (Черного) моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются (мусульманскими купцами) девушки и невольники, буртаские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их” (т.е. Кипчаков)³⁷. Очевидно, Судак, находившийся только в „сфере влияния” Половцев, куда они являлись по своим торговым делам, был принят арабским историком за собственно-половецкий город.

Характерно, что Рубрук, выехав из Судака на север, лишь на третий день своего пути встретил в крымских степях Татар и только с этого времени считал, что он попал „в какой-то другой мир”³⁹. Вероятно, нечто подобное было и при половецком господстве, то есть, что

³³ *Geographie d'Edrisi*, trad. A. Jaubert, т. II, Paris 1840, с. 395: „De Cherson a Djalta dans le pays des Comans, — 30 milles”.

³⁴ Пл. Бурачков, Опыт исслед. о Куманах, с. 114 и 117.

³⁵ Вильгельм де Рубрук, цит. изд. с. 68. Ф. Бруи, Материалы для истории Сугдеи. Черноморье, т. II, Од. 1880, с. 135-6, считал, что под „сорока крепостями” (*quaraginta castella*) Рубрука надо видеть непонятое Рубруком название города Кирк-ера („Сорок мест”), стоявшего на месте нын. Чуфут-кале.

³⁶ Принято А. А. Васильевым, Готы в Крыму, Изв. ГАИМК, т. V, Л. 1927, с. 255-6; ср. английское изд. *The Goths in the Crimea*, Cambridge, Mass. 1936, с. 136. В.Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до нач. XVIII в., СПб. 1887, с. 3, считал почему-то сомнительным известие Рубрука о платеже крепостями горного Крыма дани Половцам. J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 140, принял известие Идриси о том, что Ялта принадлежала Половцам.

³⁷ В. Тизенгаузен, СМИЗО, СПб. 1884, с. 26. До Судака подобным же местом сбыта и закупки товаров для Половцев был Херсонес. См. Анна Комнена, *Alexiadis*, II, с. 7 (ed. Bonn); ср. А. Васильев, Проблема средневекового Крыма, Новый Восток, № 3, 1923, с. 382-3.

³⁸ Известие Ибн-аль-Асира безоговорочно принял J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 140.

³⁹ Рубрук, цит. изд., с. 69.

и Половцы кочевали много севернее Судака, в степях, а не жили возле самого города. Иосафат Барбаро, проведший 16 лет в Крыму (в 1436-1452 гг.), сообщает, что Половцы жили в Крыму лишь в северо-восточной его части. Как раз только в северо-западных и северо-восточных частях Крыма встречаются селения, свидетельствующие о пребывании здесь некогда Половцев: Кара-Кипчак (в с.-з. части Крыма) и Кипчак (на р. Биюк-Карасу, на сев.-востоке)⁴¹.

Впрочем, Ибн-Саид, писавший в середине XIII в., знал, хотя и смутно, о какой-то высокой горе у Азовского моря, где находился замок Мания; „некогда”, сообщает Ибн-Саид, „он служил хранилищем для сокровищ султана Туманиев. Ныне же в нем хранятся сокровища преемников Берке”⁴². Под именами „Мании” и „Тумании” нетрудно узнать латинское наименование Половцев Куманами, а их страну — Куманией. Но где надо искать эту высокую гору — остается неясным.

Наконец, на пребывании Половцев в Крымском полуострове и на значительное влияние их на местное население может указывать то обстоятельство, что Армяне и Караимы, жившие некогда в Крыму и в XIV ст. выселившиеся в Галицию, Волынь, Литву и Польшу, полностью переняли половецкий язык, на котором кое-где говорят еще и поныне. О том, что в половецкой земле жили Караимы, сообщает еврейский путешественник XII в. Раби Петахия⁴⁴.

Остается неясным, жили ли Половцы по восточному побережью Азовского моря, то есть между устьем Дона и Керченским проливом. Идриси определенно говорит о зависимости от Половцев именно восточного побережья Азовского моря: „la majeure partie de ce lac (озеро Терми, как зовет Идриси Азовское море, см. выше, прим. 42) du cote de l'Orient, depend de la Comanie”⁴⁵. Если правильна догадка Банга о

⁴⁰ Библиот. иностранных писат. о России, под ред. В. Семенова, СПб. 1836, с. 90 и пр. 17.

Большой всемирный настольный атлас Маркса, СПб. 1905, табл. 28.

⁴² Aboulfeda, *Geographie*, ed. Reinand, т. II, Paris, 1883, с. 322. Азовское море названо Ибн-Саидом озером Тума и соответствует озеру Терми Идриси (*Geographie d'Edrisi*, цит. изд. т. II, с. 434), на это указал еще Ф. Брун, Черноморье. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море, цит. изд. с. 199-202. О. J. Tuulio (Tallgren) читает озеро Идриси как Tyrambe (Du nouveau sur Idrizi, *Studia Orientalia*, VI, Helsinki, 1936, с. 29, 163, 195), что, вероятно, правильное, т.к. это название восходит к Птолемею, к городу Тирамбэ и народу Тирамбаи, живших на берегу Азовского моря (H. v. Mzik, *Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Geographia des Klaudios Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi*, *Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Mergenlandes*, Bd. XLIII, 1936, с. 193; cp. Tuulio (Tallgrenn), и.с. с. 195).

⁴³ T. Kowalski, *Karaimische Texte im Dialekt von Troki*, *Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademji Umiejetnosci*, N 11, 1929, с. XVII, XXV, LIX, LXV-LXVII.

⁴⁴ Elkan Nathan Adler, *Jewish travellers*, Lond. 1930, с. 66.

⁴⁵ *Geographie d'Edrisi*, цит. изд. т. II, с. 434; cp. Ф. Брун, Следы древнего речного пути, с. 200.

том, что Половцы в перв. пол. XII в. называли Азовское море „домашним”,⁴⁶ то это также подтверждало бы, что они чувствовали себя хозяевами всего Азовского моря. Однако, Рабби Петахия, лично посетивший эти места в середине XII в., сообщает, что „на расстоянии одного дня (пути) за землей Кедар (Половцев) есть залив между страной Кедар и страной Хазарией”⁴⁷. Если под страной Хазар здесь подразумевается не Крым, а область на восток от Азовского моря, то из этого свидетельства вытекало бы, что Хазары жили где-то у самого Азовского моря, отделенные от земли Половцев одним из лиманов восточного побережья (Ейским? Бейсугским?). Доминиканец Юлиан, проезжавший в 1237 г. по этим же местам, ничего не сообщает о Половцах: он, приплыв из Константинополя в город Матрику (Матарка, Керчь), который находился по его словам в стране Зихии, нашел там население по описанию ничем не напоминающее Половцев, а затем степью отправился далее, пока не попал на 13й день пути в страну Алан. Описание Юлиана оставляет впечатление, что на юго-восточном берегу Азовского моря Половцев не было.⁴⁸

Далее на восток от Азовского моря граница „поля половецкого” шла предкавказскими степями к низовьям Волги и северному побережью Каспийского моря. Из-за полного отсутствия источников нет возможности точнее обозначить пределы половецких кочевий между Азовским и Каспийским морями. Можно лишь утверждать, что Половцы не достигали ни предгорий Кавказа ни устья Волги: предкавказские степи занимали Аланы и ряд других мелких кавказских народов, а также остатки Хазар, которые, впрочем, были сосредоточены, главным образом, в низовье Волги, где у них был город Саксин.

Плано Карпини пишет: „с юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркассы, Хазары...”⁴⁹, а Ибн-аль-Асир также свидетельствует, что в

⁴⁶ W. Bang, Beitrage zur Kritik des Codex Cumanicus. II. Über den komanischen Namen der Maiotis, Bull. d. 1. Classe des Lettres. Academie R. de Belgique, 1911, N 1, с. 39-40 (о Половцах у Азовского моря упоминается в одном письме визант. писателя перв. полов. XII в. Иоанна Цеца).

⁴⁷ E. N. Adler, Iewish travellers, с. 65.

⁴⁸ A. Theiner, Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram, I, 1859, № CCLXXI, 1237 г. Ср. русск. перев. В. Юргевича в Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. V, Од. 1863, с. 999-1000. Схоже с Юлианом пишет и Рубрук, что выше „устья моря Танаидского” (т.е. Керченского пролива) „находится Зи-хия, которая не повинуется Татарам, а к востоку Свевы и Иверы, которые [также] не повинуются Татарам” (пер. Малеина, с. 66-7). Таким образом и по Юлиану и по Рубруку Половцам на юго-вост. побережье Азовского моря не остается места.

⁴⁹ Полностью это место у Плано Карпини читается так: „с юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркассы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахии, которые слывут иудеями, — они бреют голову, — также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турок” (пер. А. Малеина, с. 50). Из этого перечня не следует считать, что все перечисленные народы были непосредственными соседями Половцев; это место, веро-

эпоху татарского нашествия у северных кавказских предгорий жило „много народов, в том числа Аланы, Лезгины и [разные] тюркские племена” (не включая в число последних Половцев, о которых Ибн-аль-Асир говорит затем отдельно)⁵⁰. Аланы были здесь настолько сильны, что Половцы не могли проходить сквозь их землю, чтобы достичь Дарьяльского ущелья: это явствует из рассказа грузинской летописи „Картлис Цховреба” под 1118г. В этом году грузинский царь Давид II принял к себе на службу большое количество Половцев из Причерноморских степей. Половцы, прежде чем придти в Грузию, попросили у Давида обеспечить им возможность пройти сквозь землю предкавказских Алан. Давиду пришлось лично выйти навстречу Половцам, взять заложников и от Половцев, и от Алан и, только после этого, провести Половцев Дарьяльским ущельем в Грузию⁵¹. То, что Половцы в предкавказских степях жили отдельно от Алан и севернее последних, видно из рассказа Ибн-аль-Асира о нашествии Татар: Татары, придя из Закавказья в землю Алан, смогли одолеть их лишь после того, как Половцы, соединившиеся было с Аланами против Татар, под влиянием татарской дипломатии, оставили Алан: следовательно оба народа не жили здесь вместе; а то обстоятельство, что только разбив Алан, Татары вторглись в землю Половцев, показывает, что Половцы жили севернее Алан².

Как уже упоминалось выше, устье Волги не принадлежало Половцам, так как там продолжали жить Хазары, имевшие свой центр в городе Саксине. Однако, Половцы кочевали вблизи этого города и

ятно, надо понимать так, что за действительно соседившими с Половцами Аланами, Черкассами и Хазарами, еще южнее жили Иберы, Кахи, Грузины, Армяне. Последняя группа народов жила уже в Закавказье и поэтому не могла соприкасаться с Половцами, никогда в Закавказье не кочевавшими.

⁵⁰ В. Тизенгаузен, ц.с. с. 25.

⁵¹ Histoire de la Georgie, tr. par. M. Brosset, I partie, S. Pet. 1849, с. 362; ср. русский перевод М. Джанашвили, Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России, в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 22, Тифлис, 1897, с. 35-36.

В. Тизенгаузен, ц.с. с. 25. В. Ляскоронский, Русские походы в степи в удельно-вечевое время, ЖМНП 1907, IV, с. 307-309, не представлявший себе кочевания Половцев в иных местах кроме как между Доном и Днепром, для того, чтобы объяснить их пребывание в предкавказских степях в эпоху татарского нашествия, вынужден был предположить, что здесь были не сами Половцы, а некие „полудикие народы”, которых Половцы поселяли в Предкавказье для обороны своих границ и что „таким образом, Половцы, по-видимому, применяли и у себя те же приемы для охраны своей страны, какие практиковались в то время в пределах южной Руси”. Ляскоронскому так было трудно отделиться от представления, что Половцы могли кочевать и восточнее Дона, что он предпочел создать столь искусственную теорию об охране половецкой „границы”. Заметим, что создание подобного рода пограничной охраны из кочевых или полукочевых народов принадлежит исключительно оседлым государствам и, насколько мне известно, никогда не практиковалось кочевниками.

После разгрома в X в. Хазарии Святославом, Хазары не исчезли окончательно, но продолжали жить в разных местах некогда обширного своего

севернее его, вверх по течению Волги. В Лаврентьевской летописи под 1229 г. находим такое известие: „тогож лета Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары и сторожеве Болгарьскыи прибегоша бьени от Татар близь реки, ей же имя, Якъ” ; мусульманский писатель Ахмед Тусский, писавший в последней четверти XII в., сообщает, что Саксинцы „много терпят от кипчакских орд” .

Таким образом, в своем обзоре пределов „поля половецкого” мы возвращаемся к Туркестану, откуда начали этот обзор. С востока на запад, от среднеазиатских степей до степей придунайских половецкое „поле” простиралось на 3,5[^]1 тысячи километров; с юга на север, от черноморского побережья до границы лесостепи диапазон половецких кочевий мог достигать 700 километров. Вот почему армянский царевич Гетум был поражен размерами половецкой земли и был прав, считая, что „Комания — одно из величайших государств, существовавших на земле”⁵⁶.

государства (в Крыму, а если верить Петахии, — то и у восточного побережья Азовского моря, см. предыдущ. стр.), а в низовьях Волги они, по-видимому, даже сохранили свою политическую самостоятельность, с центром в городе Саксине, находившемся на месте прежней столицы Хазарии — Итиле. Поэтому, в XIII в. Хазары даже слыли под именем Саксинцев. Так они названы русской летописью под 1229 г., так они известны и Плано Карпини. Саксин был до монгольского нашествия большим торговым городом настолько укрепленным, что, вопреки мусульманским известиям о взятии его Татарами, Плано Карпини записал легенду об успешной обороне саксинцами своего города от Татар. Не удивительно, что Половцы не владели низовьем Волги: оно находилось в руках сильных еще в XII-XIII вв. Хазар-Саксинцев.

О Хазарах XI-XIII вв. и Саксине, см. гл. обр. F. Westberg, *Beitrage zur Klarung orientalischer Quellen uber Osteuropa*, гл. 15 „Stadt und Volk Saksin”, *Известия Имп. Акад. Наук*, т. XI, 1899, ноябрь, с. 288-292 и по-русски К анализу восточных источников о восточной Европе, *ЖМНП* 1908, март, с. 37-41; J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 56-7, 102, 146; А. И. Соболевский, *Славяно-скифские этюды*, XV, *Известия по русскому яз. и слов.* т. II, кн. 1, Л. 1929, с. 166-7; А. Якубовский, *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой*, Мат. по ист. Узбек., Таджик, и Туркмен. ССР, ч. I, Л. 1933, с. 29-30; W Barthold, *Khazar*, *Enz. d. Islam*, II, с. 1003-1005; V. F. Buchner, *Saksin*, *ibid.* IV, с. 88-89; V. Minorsky, *Hudud al-Alam*, London 1937, с. 453.

⁵⁴ ПСРЛ I, ст. 453. Я уже упоминал (в начале этой главы, *Анналы Института им. Н.П. Кондакова*, т. IX, с. 71 пр. 2, с. 41 отд. отт.), что под 1140 г. летопись сообщает о том, как Мстислав Владимирович Киевский (1125-1132) загнал Половцев „за Дон и за Волгу, за Гиик” (ПСРЛ II, ст. 303-4) и что упоминание здесь Волги и Яика является скорее поэтическим преувеличением, чем исторической действительностью.

⁵⁵ F. Westberg, *Beitrage zur Klarung orientalischer Quellen uber Osteuropa*, с. 288 со ссылкой на Дорна, *Melanges Asiatiques*, VI, St. Pet. 1873, с. 371-2.

⁵⁶ Hayton, *La flor des estoires de la terre d'Orient*, livr. 1, chap. V, в *Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens*, т. II, p. 124.

Исследователи, писавшие о Половцах, обычно считали, что „центром” Половцев было северное побережье Азовского моря и низовья Дона. Прежде всего необходимо отказаться от выражения „центр”, которое более подходит в применении к оседлому миру, чем к кочевническому, потому что таких центров у всякой кочевой орды будет два: зимний и летний, в месте ее зимовий и в месте ее летовищ. Но, кроме того, можно утверждать, что Половцы не концентрировались только между Днестром и Доном, и что одновременно существовала не одна, а целый ряд половецких групп с самостоятельными летовищами и зимовищами. Из-за того, что наши сведения о различных группах Половцев очень неравномерны, мы до сих пор находимся в некотором зрительном обмане: большинство источников сообщает нам лишь о приазовской группе (вернее называть ее — донецко-донской), об остальных же у нас неизмеримо меньше сведений, почему эти группы и не выступают так же рельефно, как первая. Всего же можно насчитать до пяти таких групп.

Первой и самой древней группой Половцев была среднеазиатская, которая в XI-XIII вв. оставалась на тех же местах, откуда пошло расселение Половцев в Европу. В эту группу входили: одно из древнейших половецких объединений — Емек и Половцы-Канглы, более новое образование XII века. Зимовища и тех и других, как и у среднеазиатских Половцев XI в. были, вероятно, у предгорий Тянь-Шаня и Алтая и у низовьев Сыр-Дарьи, а летовища — намного сотен километров севернее и северо-западнее: у лесостепного пограничья западной Сибири и за Уралом, у низовьев Камы⁵⁷.

Остальные группы были в прикаспийских и причерноморских степях. Здесь условия кочевания были почти те же, что и в Азии: большая жара и выгорание травы в южных частях степей в летние месяцы вынуждали Половцев откочевывать на это время на север, к границе лесостепи или в предгорья. В зимние месяцы, наоборот, морозы и общие снега на севере вынуждали кочевников держаться южных пределов степей. Об этих перекочевках Половцев сообщают нам современники. Арабский историк Ибн-аль-Асир, описывая Половцев эпохи татарского нашествия, определенно говорит о двух различных областях пастбищ в земле Кипчак: „это земля, обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом со множеством пастбищ и [есть в ней] места теплые зимою [также] со множеством пастбищ, то есть низменных мест на берегу моря”⁵⁸. Плано Карпини, который видел Татар в первые годы завоевания ими половецких степей и в тех же условиях кочевания, что и во времена Половцев, пишет: „все они (кочующие Татары) зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек (речь идет о Днепре, Доне, Волге и Яике) поднимаются в горы”⁵⁹ (оче-

⁵⁷ Об этой группе Половцев см. в IX т. Анналов, с. 73-76 (с. 43-46 отд. отт.).

⁵⁸ В. Тизенгаузен, ц.с. с. 26.

⁵⁹ А. Малеин, цит. изд. с. 48. Рубрук (там же, с. 87 и 96) сообщает и о времени этих перекочевков: „с января до августа он сам (Батый) и все другие

видно, Карпаты, Приволжские возвышенности, Общий Сырт и Урал). Ан-нувейри, живший в конце XIII и начале XIV в., описывая покорение Татарами Половцев, говорит о них: „это (Кыпчаки) обитатели шатров, которые не живут в домах и не селятся в строениях, но проводят лето в одной земле, а зиму в другой⁶⁰”.

Перейдем к обозрению отдельных половецких групп в каспийско-черноморских степях.

На границе Европы и Азии, вероятно, существовала небольшая, самостоятельная волжско-яицкая группа, занимавшая пространство между хазарским Саксином и Болгарским каганатом, по Волге и Яику, и кочевавшая от низовьев этих рек до Общего Сырта и южного Урала. Как я уже указывал в начале этой главы (Анналы, т. IX, с. 71-2; с. 41-2 от. отг.), мусульманские писатели, зная преимущественно лишь восточную часть Половецкой земли, этой частью ее и ограничивали свои представления о протяженности всей территории Половцев: Рашид-эд-дин⁶¹, например, знал племя Кыпчаков только „между страной Ит-Бараков (под которой подразумевают Волжскую Болгарию)⁶² и Яиком”, где и находилось „летнее и зимнее кочевье Кыпчаков”. В действительности же это относилось, очевидно, лишь к волжско-яицкой группе, а не ко всем Половцам. В Юань-ши, китайской истории о татарских завоеваниях, а также у Рашид-эдина рассказывается о том, как Татары в 1237 г. в приволжских степях разбили половецкого хана Бачмана и как этот хан тщетно пытался спастись от Татар на „морском острове”, т.е., на одном из островов волжской дельты⁶³. Это известие, следовательно, также относится к волжско-яицкой группе Половцев. К Половцам этой же группы относится приводимое выше место русской летописи о кочевании Половцев „по низу”, т.е. по нижнему Поволжью, откуда в 1229 г. они „взбегоша” перед Татарами⁶⁴, а также и известие XII в. Ахмеда Тусского о набегах „кипчакских орд” на саксинцев⁶⁵, и, наконец, — воспоминание писателя XIV в. Фадл-Аллах-ал-Омари о

(Татары) поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться”. Время перекочевки на юг не возбуждает сомнения, но трудно поверить, чтобы Татары уже в январе начинали подниматься на север. Ср. П. Ваденюк, Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5 мая 1185 г. был разбит Игорь Святославич Новгородсеверский и которая названа Каялой, Труды VIII Археол. съезда, т. II, с. 56, который считал, что Половцы лишь к маю приходили с побережья Черного моря на летовища у Донца, на высоту устьев Оскола и Тора.

⁶⁰ В. Тизегаузен, ц.с. с. 540.

⁶¹ И. Березин, Первое нашествие Монголов на Россию, ЖМНП 1853, IX, с. 235, пр. 29. Ср. J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, с. 145, пр. 1.

⁶² J. Marquart, ц.с. с. 145, пр. 1 и с. 161.

⁶³ J. Marquart, ц.с. с. 115-116, 145 пр. 1. Ср. И. Березин, Нашествие Батыя на Россию, ЖМНП 1853, IV, с. 92-95 и пр. 46.

⁶⁴ См. выше.

⁶⁵ См. выше, с. 165.

том, что до Татар летовища „царей Турана” (в которых надо видеть Половцев), были у Уральских гор⁶⁶.

Степные пространства от низовьев Волги и Яика, вверх по течению этих рек, до широт Укека, Общего Сырта и Южного Урала издревле известны как места пребывания кочевников. Здесь жили и Скифы и Сарматы⁶⁷, и Печенегии Торки⁶⁸, это было место ханских кочевий Татар с зимовками в знаменитом Сарае⁶⁹, и, наконец, здесь жили Калмыки, уже сильно ограниченные русским правительством в диапазоне своего кочевания⁷⁰.

Третьей группой Половцев была донецко-донская, кочевавшая между Волгою и Днепром, в бассейне Дона и Донца и по левым притокам нижнего Днепра. Это была наиболее сильная группа, с которой больше всего приходилось иметь дело южнорусским княжествам. Она делилась на целый ряд родов, из которых некоторые, как Токсоба, Бурджоглы были не только хорошо известны Русским („Токсобичи”, „Бурчевичи”), но и мусульманским писателям. Среди этих родов был и тот, который Далю знаменитую династию половецких ханов: Шаруканя, Отрока, Кончака, Юрия Кончаковича. Донецко-донская группа лучше других освещена и русскими и мусульманскими источниками, поэтому на ней мы можем остановиться подробнее, чем на остальных половецких группах.

Зимовища этой группы были, как по низовью Дона и по побережью Азовского моря, так и севернее, по Днепру, у острова Хортицы, в затоках Днепра — „в лузе в Днепреском” по выражению летописи; затем — в бассейне Донца — на среднем Осколе и, наконец, — по

⁶⁶ Анналы, IX, с. 76 (с. 46 отд. отт.) Маркварт, основываясь на одном китайском источнике, предполагал, что предгорья Урала были „центром” кочевания Кукчука, того кыпчакского хана, который по теории Маркварта, и дал свое имя всем Кыпчакам (ц.с. с. 138). На шаткость и хронологическую неточность этой теории я уже указывал в 1-й главе (*Seminarium Kondakovianum*, VII, с. 255-6, с. 11-12 отд. отт.). Не менее спорно утверждение А. Якубовского, *Феодалное общество Средней Азии*, с. 29, о том, что волжский судоходный путь в XI-XIII вв. находился в руках Половцев. Вероятнее, что он был в руках Саксинцев и Камских Болгар, чем у кочевников.

⁶⁷ М.И. Ростовцев, *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма*, Мат. по арх. России, № 37, Пг. 1918, см. особ. карту на стр. 102; его же *Skythien und der Bosphorus*, Bd. I, Berlin, 1931, с. 477-483, 586 и след.

¹⁵⁸ А.З. Валидов, *Мешхедская рукопись Ибн-уль-Факиха*, Изв. Росс. Акад. Наук, 1924, с. 244-6; V. Miftorsky, *Hudud al-Alam*, с. 313-314; О.А. Кривцова-Гракова, *Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском у.* лето 1927 г. РАНИОН, Труды Секции Археологии, IV, М. 1928, с. 288-299.

⁶⁹ О кочевании в XV-XVII вв. Ногайских Татар между Волгою и Яиком, Каспийским побережьем и Камою см. у Г. Перетятковича, *Поволжье в XV и XVI веках*, М. 1877, с. 128-9, 132-8, 282-3.

⁷⁰ Г. Перетяткович, *Поволжье в XVII и начале XVIII в.*, Од. 1882 с. 125-130; Н.Н. Пальмов, *Этноды по истории приволжских Калмыков*, ч. 1., Астрахань, 1926.

среднему течению Дона, на той же широте, что и Оскол: между устьями Калитвы и Хопра.

Свои большие зимние походы в степи в эпоху Мономаха и его сына Мстислава, Русские совершали к низовьям Дона, чтобы здесь сокрушить силу приазовских Половцев. Хотя летопись часто смешивала Дон с Донцом и обе реки называла Доном, тем не менее поход под начальством Димитрия Иворовича, посланного Мономахом 2 декабря 1109 г. „к Дону“, где он захватил до тысячи половецких веж, скорее можно относить к действительному Дону, а не Донцу⁷¹; то же надо сказать и о другом походе, 1116 г., под начальством сына Мономаха — Ярополка, который по приказу отца „ходи на Половецкую землю к реце зовомей Дон“⁷²; тот же Ярополк ходил еще раз „за Дон“ в 1120 г. и сюда же посылал своих мужей и Мстислав Владимирович (ум. 1132 г.), о котором летописец говорит, что он „загна Половци за Дон и за Волгу за Гиик (Яик)“⁷⁴. К низовьям Дона, к берегу Азовского моря, на „конец поля Половецкого“ стремился и Игорь Святославич Новгород-Северский, но, выйдя в поход слишком поздно, в мае месяце, когда Половцы уже вышли из мест своих зимовок и шли „от Дона и от моря“ на север, Игорь встретился с Половцами почти у самых их летовищ — на р.р. Сальнице и Суюрлии⁷⁵.

На пребывание Половцев у Азовского моря нам намекает то же Слово о полку Игореве: „се бо Готьскыя красныя девы воспеша на

ПСРЛ I, 284, ср. варианты Ипат. и Хлебн. списков (ПСРЛ II, ст. 260). Обычно исследователи, без особых оснований, считали этот поход совершенным к Донцу (Барсов, Очерки русск. историч. географии, с. 149 и ел., 303 и ел.; М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 104). Однако, такое большое количество взятых веж говорит за то, что Русские проникли в расположение главной массы донецко-донской группы Половцев, т.е. в их приазовские зимовища.

⁷¹ ПСРЛ I, ст. 291, II, ст. 284. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 107 и Середонин, Историческая география, с. 172-3, и этот поход относили к Донцу. Но то обстоятельство, что Ярополк при этом „приведе с собою Ясы и жену полони себе Ясыню“ говорит скорее за то, что поход был не к Донцу, а Дону и Азовскому морю, где поблизости (в Предкавказье, отчасти в сев. Крыму) жили Ясы-Аланы; на Северном же Донце, судя по данным археологии, Аланы в XI в. уже больше не жили (ср. Ю.В. Готье, Кто был обитателем Верхнего Салтова, Изв. ГАИМК, т. V, 1927, с. 84). Города же Шарукань, Сугров, Балин, взятые Ярополком во время этого похода, могли быть на Донце и лежали, очевидно, на пути Ярополка к Дону. Текст летописи позволяет считать, что Ярополк взял себе жену Аланку не из упомянутых городов, а вообще во время этого похода, который был направлен к Дону.

⁷² ПСРЛ I, ст. 292.

ПСРЛ II, ст. 303-4, 1140 г. Захождение Русских „за Гиик“ вызвало справедливое сомнение М. Грушевского, Ист. Укр.-Руси, II, 107. Думаю, что и упоминание Волги — такое же риторическое преувеличение. Ср. выше прим. 54.

⁷⁵ Барсов, Очерк русск. ист. географии, с. 304; Новицкий, Давне Лукомор'е, с. 43; Ваденюк, Где нужно искать реку..., с. 56.

брезе синему морю, звонячи руским златом: поють время Бусово, ле-
леють месть Шароканю...”⁷⁶. Сопоставление этого места Слова с дру-
гими, где упоминается тоже Синее море, привело еще Кун и ка к за-
ключению, что под Синим морем надо понимать Азовское . О жизни
Половцев у Азовского моря говорит и другое место Слова: Святослав
Киевский „поганого Кобяка из луку моря от железных великих
пльков Половецких яко вихрь выторже”⁷⁸. А мы знаем, что Кобяк был
ханом одной из донецко-донских орд; следовательно, под „лукою мо-
ря” в данном случае надо подразумевать именно северный берег
Азовского моря, а не днепровский лиман, который, как мы видели
выше, носил, по-видимому, то же название „луки моря”. Заметим, что
как раз у устья Дона, на правом его берегу, несколько севернее г. Рос-
това находится Кобяково городище со следами поселений XI-XIII вв.⁷⁹
Очень возможно, что в названии этого городища сохранилась память
о половецком хане Кобяке. Я уже упоминал выше о догадке Банга,
что Половцы сами называли Азовское море „домашним”. Как ни не-
ясны сведения о Половцах у Идриси и Ибн-Саида, все же несомненно,
что их „Кумания” или „Тумания” находилась у Азовского моря⁸¹. Где-
то здесь же, вблизи этого моря, надо искать и „Черную” и „Белую”
Куманий⁸².

⁷⁶ В. Перетц, Слово о полку Игоревим, с. 112.

⁷⁷ Куник, О записке готского топарха, Зап. И. Акад. Наук, т. 24, СПб.
1874, с. 141. Ср. А. Васильев, Готы в Крыму, с. 258.

⁷⁸ В. Перетц, ц. с. с. 109.

⁷⁹ А. А. Миллер, Кратк. отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции
Академии в 1923 г. Изв. Рос. Акад. Ист. Мат. Культ., т. IV, 1925, с. 4-13 и 25;
его же Краткий отчет... за 1924 и 25 гг. в Сообщениях ГАИМК, т. I, Л. 1926,
с. 105 и след., особ. с. 117-118.

⁸⁰ См. выше, стр. 163.

⁸¹ *Geographie d'Edrisi*, tr. A. Jaubert, II, с. 400 и 404; Ибн-Саид в извлече-
ниях у Абул-Фиды — *Aboulfeda*, *Geographie*, ed. Remand, II, 1, с. 291-2, 322,
II, 2, с. 143. Ф. Бруи, Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское мо-
ре, с. 197-202. Ср. выше, с. 162 и прим. 42.

⁸² О Белой и Черной Кумании говорят Идриси и Эль-Варди. Идриси Чер-
ную Куманию (*Comania la Noire* — в переводе Jaubert) помещает на расстоянии
одного дня плавания от Матраки Тмутаракани (т. I, с. 400), а Белую Куманию
(*Comania la Blanche*) тоже где-то у Азовского или Черного моря (т. II, с. 404).
Эль-Варди о Кумании говорит как о городе, расположенном на северном бере-
гу Черного моря, причем Белую Куманию отождествляет с Матлукой, т. е. с
Матаркой Идриси (*Frehn, Ibn-Faszlus und andere araber Berichte uber die Russen*
alterer Zeit, SPb, 1823, с. 32-3). J. Lelewel, *Geographie du Moyen Age*, т. III-IV,
Breslau, 1852, с. 198, помещал Белую Куманию по р. Молочной и у Молочного
озера, и здесь же, вблизи нее, искал и Черную Куманию; O. Blau, *Ueber*
Volksthum und Sprache der Komänen, ZDMG, XXIX, 1875, с. 560, искал Белую
Куманию около нын. Мелитополя, Черную Куманию — в 80 верстах восточ-
нее, около г. Ногайска. С критикой определений Лелевеля и Блау выступил Пл.
Бурачков, Опыт исследования о Куманах или Половцах, с. 121-3, 124-30, в
свою очередь считавший, что Белая Кумания была в области прежней Белой

Севернее зимовища рассматриваемой группы Половцев известны по Днепру, у острова Хортицы. Сюда зимой „на вежа половецкия” ходил в 1190 г. князь Ростислав Рюрикович⁸³, там же три года спустя тот же Ростислав опять захватывает половецкие вежи, которые в обоих случаях находились на правом („русском”) берегу Днепра⁸⁴. Сюда же, только глубже в степи, на левый берег Днепра, был направлен и знаменитый поход 1103 г. Святополка II и Владимира Мономаха. Ополчения русских спешили застигнуть Половцев еще в их зимовищах, для чего вышли раннею весною, в начале марта. Русские шли берегом Днепра до острова Хортицы, а отсюда четыре дня — степью, пока не встретили Половцев у реки Сутень, где и одержали над ними полную победу. Что здесь находились и вежи Половцев поясняет нам летопись: „взяша бо тогда скоты и овце и коне и вельблуды и веже с добытком и с челядью”⁸⁵. Река же Сутень, вероятно, русское искажение турецкого названия реки Молочной — Суть-су⁸⁶.

Вежи (Саркела), у низовья Дона, а Черная Кумания — на пространстве между р. Самарою, Кальмиусом, Азовским морем и Днепром. Кроме как в арабских источниках, упоминание о *Niger* и *Alba Cumania* находим у мадьярского средневекового историка Кезаи, писавшего во второй полов. XIII в. Кезаи, повествуя о переселении Гуннов с Востока в Паннонию, так описывает их путь: „...*Bessorum* (*Bessi* — обычное наименование мадьярскими источниками Печенегов) et *Comanorum Alborum terras transierunt, deinde Sodaliam, Rutheniam et Nigrorum Cumanorum terras ingressi, tandem usque Tize flumen salvis rebus, invitis gentibus prefatis pervenerunt*”; в другом месте того же труда Кезаи описывает переселение Мадьяр: „*Huni sive Hungari denuo ingressi in Pannoniam transierunt per regna Bessorum, Alborum Comanorum et civitatem Kyo (Киев) et deinde in fluvia Hung vocato, ubi Castrum fundarere, resederunt*” (*Simon de Keza, Gesta Hungarorum, Lib. I, cap. 2, MGSS XXIX, с. 527 и 532*). Из этих полулегендарных, страдающих анахронизмами сведений, можно лишь заключить, что обе Кумании находились где-то в Причерноморских степях. Мадьярский историк Бела Кошаньи на основании Кезаи так локализует Белую и Черную Куманию: *Alba Cumania* — это земля собственно Половцев, которые, как известно, были светловолосы, почему и их земля могла называться Белой Куманией; под *Nigra Cumania* же надо видеть землю Черных Клобуков Поросья (*Kossanyi Bela, Az uzok es komanok tortenetehez a XI-XII sz, Szazadok, 1924, с. 534-7*). Однако, сведения Кезаи еще не дают оснований переносить Черную Куманию, помещаемую арабскими источниками близ Матраки, так далеко на северо-запад, тем более, что поросские черноклобукские поселения состояли из Торков, Печенегов и Берендеев, а не Половцев-Куманов (об этом см. Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии в *Seminarium Kondakovianum, VI, 1933*).

⁸³ ПСРЛ II, ст. 670-2.

⁸⁴ ПСРЛ II, ст. 676-8, 1193 г. Вероятно, в этот же район, но не на правый, а на левый берег Днепра, ходили зимою 1187 г., полки Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича и захватили вежи Половцев („взяша вежа за Днепром...”). Летопись не сообщает определеннее — где именно находились эти вежи (ПСРЛ II, ст. 659).

⁸⁵ ПСРЛ I, ст. 279.

⁸⁶ Пл. Бурачков, Заметки по ист. географии южнорусских степей, с. 662. Барсов, Очерки русск. ист. геогр., с. 149 неправильно представлял себе этот

Зимовали Половцы и еще севернее, между Орелью и Самарою (об этом — ниже) и, по-видимому, даже по среднему Осколу, судя по походу к Осколу черниговских и новгород-северских князей зимою 1191 г.⁸⁷

Наконец, зимовища Половцев были и по среднему Дону, по нашему расчету — несколько южнее г. Воронежа, но не южнее границы бывш. воронежской губернии, т.е. между устьями Калитвы и Хопра. В 1199 г. князь Всеволод Юрьевич Суздальский „ходив по зимовищем (вариант: становищем) их (Половцев)... възле Дон”⁸⁸.

Вероятно, в соответствии с разными географическими широтами зимовищ у донецко-донской группы были и разные широты для летовищ. Главные летовища, протяженностью километров в триста с востока на запад, были между Донцом и Днепром на широте устьев Торца и Оскола и западнее в пространстве между течениями рек Самары и Орели. Это было исконное место летовищ всех кочевников причерноморских степей от Скифов до Татар, оставивших здесь огромное количество курганов. Исследователь степных древностей Д.И. Эварницкий так характеризует эту местность: „стоит только бегло взглянуть на обширнейшие, необозримые и цветущие долины всех трех рек (Эварницкий включает в свой обзор кроме Самары и Орели еще и р. Конские Воды или Конскую), чтобы сразу понять какое неисчерпаемое богатство все они представляли для человека в доисторические и исторические времена. Обилие воды, рыбы, зверя, птицы, а также вечно зеленой и вечно сочной травы, большого векового высокого строевого леса, низкорослых густых и непролазных чащ и всякого рода чагарников, все это такие Божьи дары, которые далеко не везде можно найти в открытых и знойных степях”⁸⁹. Еще Боплан в XVII в. писал о р. Самаре, что она „со своими окрестностями весьма замечательна не только обилием рыбы, но также медом, воском, дичью и строевым лесом”⁹⁰. Леса и непроходимые чащи имели для Половцев не меньшее значение, чем остальные блага природы: они служили им защитой от нападений Русских. Самарские леса были последними на пути с севера на юг: за ними расстилалась уже безлесная степь⁹¹. По-видимому, эти-то леса и упоминаются летописцами под именем Голубого и Черного⁹². Если эти леса защищали Половцев с

поход в направлении к Сев. Донцу. Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 103 место встречи Русских с Половцами искал „где-то в бассейне Самары”.

⁸⁷ Анналы, т. IX, с. 82, пр. 78 и с. 83 пр. 84 (стр. 52-53 отд. оттиска).

⁸⁸ ПСРЛ I, ст. 414-415. Ср. т. VII, с. 106. Подробнее об этом в IX томе Анналов, с. 78-79 (с. 48-9 отд. от.).

⁸⁹ Д.И. Эварницкий, Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии, Труды XIII Археол. съезда I, М. 1907, с. 108-9.

⁹⁰ Боплан, Описание Украины, цит. по Эварницкому, с. 108.

⁹¹ Е. Замысловский, Историко-географические известия Герберштейна о Восточной Европе, ЖМНП, 1881, май, с. 60.

⁹² ПСРЛ II, ст. 540, 1170 г.; ст. 653-4, 1187 г. Большинство исследователей (Арцыбашев, Погодин, Иловайский, Голубовский) считало, что эти леса

севера, то зато, когда Русские застигали Половцев севернее этих лесов, то непроходимость их была губительна для самих Половцев. В 1170 г. Половцы были прижаты Русскими к Черному лесу и все были здесь иссечены или взяты в плен: „а самех (Половцев) постигоша у Черного леса и ту притиснувшие к лесу и избиша я, а ины руками изоимаша”. Лесистыми были и берега Тора и берега Донца у устья Оскола.

Обратимся к известиям о летних кочеваниях Половцев в этой области.

В 30-ти верстах южнее устья Оскола, на реках Сальнице и Суюрлии, которые отождествляются с Сухим Торцом и Тором⁹³, 3-5 мая 1185 г. произошла встреча Половцев с Русскими во время знаменитого похода Игоря Святославича. По объяснению Ваденюка, Половцы в это время подходили к месту своих летних кочевий⁹⁴. Именно здесь оставался Игорь в течение последующих летних месяцев в плену у Половцев; отсюда, с берегов Тора, он и бежал осенью в Русь⁹⁵. В этих же местах семьдесятю годами раньше, 24-27 марта 1111 г. встретились с Половцами русские войска во главе с Святополком II Киевским и Владимиром Мономахом: летопись упоминает ту же р. Сальницу и поток Дегей, в котором видят приток Сальницы — Дегель⁹⁶. Хотя о вежах при этом в летописи не говорится, но богатый полон, захваченный Русскими, красноречиво указывает на то, что они встретились здесь не только с войском Половцев, но и с их вежами⁹⁷. Археологи

находились близ р. Самары. Иного мнения держался Бурачков, Заметки по ист. географии южно-русс. степей, с. 674-7, искавший Голубой и Черный лес на правом берегу Днепра, на границе прежних Херсонской и Киевской губерний.

⁹³ Ваденюк, Где нужно искать ту реку... с. 54-57.

⁹⁴ ПСРЛ II, ст. 639, 1185 г., описание первого сражения Игоря с Половцами: „заутра же пятьку наставшу. во обеднее веремея усретоша полкы Половецкие. бяхуть бо до них доспеле вежи свое пустили за ся. а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной стороне реки Сюурлии...; „Половцы же пробегоша веже, и Русь же дошедше вежь. и и ополонишася...” (ст. 640). Половцы в это время шли с юга, с зимовок у Азовского моря и низовьев Дона: „Половцы идуть от Дона и от моря” (Слово о полку Игореве, изд. В. Перетца, с. 102). Ср. Ваденюк, Где нужно искать ту реку... с. 56. Аристов, О земле Половецкой, реку Каялу Слова о полку Игореве отождествлял с Кальмиусом. Это принял и Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 212. Но Каяла, очевидно, эпитет, происходящий из русского «каятия» или турецкого «каанлы» — кровавый.

⁹⁵ ПСРЛ II, ст. 651: „и посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему переиди на ону сторону Тора с конемъ. поводным. бяхеть бо съвещал с Лавром бежати в Русь”. Ср. Ваденюк, ц.с. с. 56.

⁹⁶ Так считал Арцыбашев и принял Барсов, Очерк русск. ист. географии с. 304.

⁹⁷ ПСРЛ II, ст. 264-73: „И взяша полона много и скоты и кони и овце и колодников много изоимаша рукама” (ст. 268). Ср. Барсов, ц.с. с. 149-152, 302-304; Грушевский, ц.с. II с. 105; Середонин, ц.с. с. 172-3. Аристов, О земле Половецкой, с. 6-7 почему-то считал, что Русские; хотели застать Половцев в

отмечают в этом районе большое окучивание кочевнических курганов — по низовьям Бахмута, Тора (правые притоки Донца), по Сухо-му и Черному Жеребцу (левые притоки Донца) и по течению самого Донца между устьями этих рек. Это типичные кочевнические курганы (с погребением с конем), из которых археологи еще не могут выделить безусловно половецких⁹⁸.

Таким же излюбленным местом летовищ кочевников было и междуречье Орели и Самары. О кочевании здесь больших Сил Половцев летом говорит летописная запись 1183г., когда „на месте нарецаемь Ерель его же Русь зоветь Угол” было иссечено и взято в плен огромное количество Половцев и их ханов. Это случилось 30 июля. И хотя летописец не говорит ничего о вежах, но из самого летописного рассказа мы можем заключить, что Русские напали на половецкие кочевья, которые они долго разыскивали: „перебродися на ратьную (левобережную) сторону Днепра и 5 дни искаша их (Половцев)”⁹⁹.

Междуречье Орели и Самары представляло для кочевников столько удобств, что, по-видимому, некоторые орды, быть может те, что на лето уходили еще севернее, проводили здесь и зиму. На это указывает зимний поход 1187 г. Святослава и Рюрика Киевских к Снопороду и Голубому лесу¹⁰⁰ и два других похода Русских в эти же места на са-

их зимовищах (!) и все кочевание представлял себе наоборот: „обыкновенно кочевье степняки с весны на лето переходили с Донца и Дона на юг (!) в широкие степи на Кальмиус, на Орель (!) к низовьям Дона и к Азовскому морю (но Орель почти на 200 в. севернее Кальмиуса и побережья Азовского моря!), где имели летовища (курсив мой — Д-Р-)> а на зиму опять шли обратно. То же дословно повторил Д. Багалея, История Северной земли до пол. XIV ст. К. 1882, с. 181.

⁹⁸ А.А. Городцов относил эти курганы к VIII-XIII вв. и считал их „тюркскими или половецкими” (Результаты археологич. исслед. в Изюмск. у. Харьковск. губ. в 1901 г., Труды XII Археол. съезда, т. I, 1905, с. 213-15; Материалы археологии, исследований на берегах р. Донца Изюмск. у. Харькове, губ., там же, т. I, с. 228-31, 234-6, 247-8, 261-3, 264 и след.). Д.И. Анучин (О черепках из курганов и могильников Изюмск. у. Харьковск. губ. Из раскопок Городцова летом 1901 г., Труды XII Арх. съезда, т. I, с. 506-514), так определяет тип захороненных здесь кочевников: „высокий рост, брахицефальность, сильное сложение, малая скуластость, значительная узконосость”. Все это вполне согласуется с типом Половцев, известного нам по письменным памятникам, см. I главу настоящей работы, *Seminarium Kondakovianum*, VII, с. 258-261 (с. 14-17 отд. отт.). О кочевнических курганах в районе среднего Донца см. еще Е.П. Трефилов, Курганы с каменными бабами Купянского у. Харьковск. губ., Труды XII Арх. с. I, с. 141-4; о. Спесивцев, Находки в Райгороде, там же, с. 153-6.

ПСРЛ II, ст. 630-635, 1183 г.

¹⁰⁰ дерд ѿ ст 653 4; 1187 г. „и тако совокупившеся вси князи Руские поидоша по Днепру, не лзе бо бяшеть инде ити бе бо снег велик и доидоша до Снепорода и ту изымаша сторожы половецкые и поведаша вежа и стада половецкая у Голубого леса...” Статья эта стоит в летописи явно не на своем месте, т.к. начинается со слов: „Той же зимы Святославъ сославъся с Рюриком сватом своим и сдумаста ити на Половце”, тогда как предыдущие статьи

мом разграницы зимы и весны — в феврале-марте, когда Половцы вр>я^, ли успели бы прикочевать сюда с юга. В 1152 г. еще до 1-го марта, но когда „уже бе к весне“, князь Мстислав Изяславич разбил Половцев „на Угле и на Самаре, и полон многъ взял самех прогна а веже их пойма, кони и скоты их зая...”¹⁰², а в 1170 г. целая коалиция русских князей, по инициативе того же Мстислава Изяславича, 2 марта выступила из Киева и произвела страшный погром половецких веж на Орели, Снопороду и преследовала Половцев до самого Оскола.

Кроме главных летовищ в области Самары, Орели и среднего Донца у Половцев донецко-донской группы были летовища и много севернее, близ Псела, на среднем и, может быть, верхнем Осколе, в бассейне Быстрой Сосны, по верховьям Дона, по Воронежу, Цне, Вороне и Хопру — докуда позволяли леса и русское и финское сплошное население. Выше мы уже определяли подробнее предел проникновения Половцев на север, предел^служивший вместе с тем и границей их крайних северных летовищ.

Четвертой половецкой группой была лукоморская, кочевавшая на правом берегу Днепра. Это была, видимо, небольшая группа, быть может только обособившаяся часть рода Бурдж-Оглы, одного из сильнейших родов донецко-донской группы Половцев. Лукоморской назы-

касаются весенних событий, а последующие — осенних. О р. Сне(о)порода, которую обычно отождествляют то с р. Самарой, то с одним из ее притоков, см. Д. Багалей, История Северской земли, К. 1882, с. 235-6, М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 195, М.К. Любавский, Историч. география в связи с колонизацией, М. 1909, с. 47.

¹⁰¹ Считаю так потому, что эта летописная заметка включена еще в конец событий 1152 г., который оканчивался тогда 1 марта. Ср. о времени смерти Владимирки Галицкого, случившейся тогда же: Грушевский датирует её самым концом 1152 г. или началом 1153 г. (Ист. Укр.-Руси II, с. 432).

¹⁰² ПСРЛ II, ст. 460, 1152 г. Ср. М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 173.

¹⁰³ ПСРЛ II, ст. 538-540, 1170 г. Д. Багалей, История Северской земли, с. 235-6, датирует поход 1168 годом и считает, что он совершился между 2 и 31 мартом. Пл. Бурачков, Заметки по историч. географии южно-русс. степей, с. 674-8, считал, что упоминаемая здесь р. Орель нетождественна с местом „нарецаемемь Ерель юже Русь зоветь Угол”, о котором говорит летопись под 1183 г. (ПСРЛ II, ст. 631-2), но что р. Угол надо искать на правом берегу Днепра; Снопород же Бурачков отождествлял с р. Синюхой, также на правобережье.

¹⁰⁴ Об этом см. Анналы, т. IX, с. 77-85 (с. 47-55 отд. отт.). В добавление к собранным мною сведениям о северных пределах кочевания Половцев между Доном и Днепром приведу еще одно, хотя и позднее, но очень любопытное указание Казанского летописца о том, что Половцы кочевали на правом берегу р. Красивой Мечы (правый приток Дона): „Поле же то великое зело велико, конца мало ходячи до дву мор(ю), на восток до Хвалынского, а полудние до Черного, на нем же Русти гради и веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людие живущи в них, имеюще селение и водварение, и за поле Куликово по Мечю реку, на оной же стране реки тоя тако же мнози Сраццини, Половцы живяху, в вежах своих кочующи” (ПСРЛ XIX, СПб. 1903, ст. 114).

валась она, очевидно, по своим зимовищам у днепровского лимана, слывшего, подобно Азовскому морю, под названием Лукоморья. Лукоморские Половцы самими летописцами выделялись как бы в особую группу и даже противопоставлялись левобережным Половцам.

„В лето 6701 (1193) — сообщает киевская летопись — посла Святослав (сидевший тогда в Киеве) к Рюрикови (державшему все киевские пригороды) река ему. се ты снимался с Половци с Лукоморские. а ныне послемь по Половци по вся. по Бурчевича”. Далее рассказывается, как лукоморские Половцы пришли правым берегом Днепра в Канев на свидание с русскими князьями, а Бурчевичи пришли левым берегом и не захотели переходить на правый, в Канев. Упоминающиеся при этом лукоморских ханов мы встречаем в это же время именно на Правобережье, вблизи киевского пограничья¹⁰⁶. Очевидно кочевание лукоморских Половцев простиралось от Черноморского побережья до границ Киевской Руси, т.е. до верховьев Буга и до водораздела Выси и Роси.

Наконец, последней группой Половцев была дунайская, кочевавшая от низовьев Дуная до южных Карпат и русского, галицкого, пограничья.

Таковы пять групп Половцев, которые мы можем наметить на основании наших источников. Не надо думать, что это были совсем изолированные друг от друга группы. При подвижности кочевого мира они легко объединялись для общих целей. Так, хан донецко-донских Половцев умирает где-то на Волге, в Болгарском каганате, отравленный Болгарами вместе с рядом других ханов. Лукоморские, а может быть и донецко-донские Половцы отправляются на помощь дунайским и т.п. Однако, отдельные группы вели и самостоятельную политику, и, не учитывая самостоятельности этих групп, мы многого не поймем и в русско-половецких отношениях XI-XIII вв. и в истории завоевания половецких степей Татарами. Кажущиеся нам сейчас противоречивыми известия мусульманских писателей о различных причинах проникновения Татар в Причерноморье, будут легко объяснены, когда мы будем знать, что эти противоречивые известия просто

¹⁰⁵ ПСРЛ II, ст. 675, 1193 г.; М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 214, 531. В. Новицкий, Давне Лукомор'я, с. 45, считавший, что под Лукоморьем надо видеть лишь побережье Черного моря между Днепром и Крымом, не допускал возможности кочевания лукоморских Половцев на правом берегу Днепра и предполагал что в 1193 г. лукоморские Половцы пришли в Канев с левого берега, перейдя на правый берег Днепра еще много ниже Канева.

¹⁰⁶ Лукоморские ханы Акуша и Итоглый, за которыми посылали Святослав и Рюрик в 1193 г. упоминаются еще и в 1190 г. (ПСРЛ II, ст. 668 — Тоглый; ст. 672 — Итогды, Акуш). К ним бежал из Поросья и вместе с ними совершал нападения на Киевскую Русь черноклобукский хан Кунтувдей. Из описаний этих событий летописью, вытекает, что Кунтувдей ушел из Руси к тем Половцам, которые кочевали недалеко от киевского пограничья.

¹⁰⁷ Об этом выше, прим. 31.

¹⁰⁸ О дунайской группе см. выше, с. 158-160.

относятся к различным группам Половцев, ханы которых по разному относились в татарской силе.

В заключение, для полноты обзора „поля половецкого” надо отметить, что как в другие периоды, так и во времена господства в причерноморских и среднеазиатских степях Половцев, последние отнюдь не были единственными обитателями этого огромного пространства. На ряду с господствовавшим в данное время кочевым народом искони жили в степях и другие, как кочевые, так и оседлые народности, находясь в подчиненном состоянии у главенствовавшей орды. Так было при Скифах в VI-IV вв. до Р.Х., так было и при Татарах в XIII-XV вв. по Р.Х. Тоже было и в XI-XIII вв. при Половцах.

Прежде всего, как результат борьбы за степи с другими кочевниками, которых Половцы частью вытеснили, а частью подчинили себе, мы видим в причерноморских степях в первые полвека господства Половцев осколки прежних властителей этих степей — Печенегов, Торков, Берендеев, которые находились в положении зависимых, ограбленных и обнищавших. Так было при Торках с Печенегами на Волге и Яике, тоже произошло и с самими Половцами при Татарах. Части Печенегов, Торков и Берендеев, оставшейся под властью Половцев, удалось после восстания 1116 г. уйти из степей на Русь¹¹¹, остальная же, очевидно, постепенно ассимилировалась. Кроме этих, вскоре исчезнувших турецких кочевников, жило в половецком поле¹¹² и более постоянное кочевое население — Аланы¹¹; вероятно, оставались в степях (главным образом в приволжских и крымских) кочевники-Хазары; наконец, кочевниками стала и во все время господства Половцев жила с ними вместе часть прежнего русского населения степей, — известные „бродники”.

Кроме этого подвижного кочевого населения, жило в „половецком поле” и оседлое население. Это были прежде всего Русские, вернее — потомки тех восточных Славян, которые в короткий период роздыха от нашествий кочевников — между уходом Гуннов и Авар и до прихода Печенегов, в VII-IX вв. колонизировали степи до самого черноморского берега¹¹³. Не прекращался приток Русских и в XI-XII

¹⁰⁹ А.З. Валидов, Мешхедская рукопись Ибн-ул-Факиха, Известия Росс. Акад. Наук, 1924, с. 246 и пр. 1.

Печальную судьбу Половцев под властью Татар красноречиво описывают Плано Карпини, Рубрук, ал-Омари и ряд других мусульманских источников.

Д.А. Расовский, Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, *Seminarium Kondakovianum* VI, 1933, с. 13.

Ю. Кулаковский, Где находилась вичинская епархия константинопольского патриархата? *Византийский Временник*, IV, 1897, с. 325-6; его же, Аланы по сведениям классич. и визант. историков, *отд. отт. из Чтений в Общ. Нестора-летописца*, т. XIII, 1899, с. 60-61.

¹ И. Срезневский, Русское население степей и южного поморья в XI-XIV вв. *Изв. II отд. Имп. Акад. Наук*, т. VIII, 1859; М. Грушевский, *Ист. Укр.-Руси*, I, 171, 195, 231, 295-6, II, 503 и след. L. Niederle, *Slovanske starozitnosti* I, IV: *Puvod a potatky Slovanu vychodnich*. V Praze, 1925, с. 132-139.

вв., гл. обр. в Дунайскую область, а кроме того всегда жило в степях огромное количество русских пленных, приводимых Половцами после их набегов на Русь. Часть этих пленных продавалась в причерноморских портах, часть же навсегда оставалась при вежах, в качестве рабов. В Придунайской области, кроме Русских, жили также Болгары и Валахи, удержавшиеся на своих местах и при Половцах. На другой периферии половецкого поля, в Крыму и у берегов Азовского моря, жили Армяне, Караимы и Аланы¹⁴, а на лесостепной границе между Доном и Волгой — Буртасы и, может быть, часть Мордвы.

Существование оседлых поселений в зоне кочевников — явление обычное в истории. Мы наблюдаем его также в Туркестане при Сельджуках и Караханидах, где под властью Турок оставалось на прежних местах старое иранское население; тоже, по-видимому, было в Камской Болгарии, где кочевники-Болгары жили среди оседлых аборигенов края — Финнов; известны, наконец, многочисленные поселения Русских, Алан и других народностей в Причерноморских степях под властью Татар.

Опубликовано: Seminarium Kondakovianum, X, Praha 1938, стр. 155-177

¹¹⁴ О поселениях оседлых Алан как в Крыму, так и в придонских степях см. Ю. Кулаковский, Аланы по сведениям классич. и визант. историков, с. 61. Около 1240 г. епископ аланский так характеризует расселение своей паствы: „они (Аланы) возлюбили посылать некие многолюдные высылки, так что наполнили всю Скифию и Сарматию”. Большинство историков Причерноморских степей (Ляскоронский, Спицын, Кулаковский и др.) считало, что Аланы населяли и те „придонские” города (Шарукань, Сугров, Балин), которые упоминаются летописью при описании походов Русских в степи в 1111 и 1116 гг. (ПСРЛ I, ст. 289, 291; II, ст. 266, 284 [под 1117 г.]). Эти города, как мы уже разбирали выше (прим. 72) были не на Дону, но на Донце, а на основании археологического материала мы знаем, что уже с сер. IX в. больше не существовало поселений Алан на Северном Донце (Ю.В. Готье, Кто были обитатели Верхнего Салтова, с. 84). Вероятно, в упомянутых городах жило смешанное население, состоявшее из осколков тех народностей, которые последовательно сменялись в степях; Иранцев, Русских, Турок. Примером такого искони населенного пункта может служить расположенное близ устья Дона Кобяково городище, раскопки которого показали, что население здесь жило непрерывно с доскифских времен и до XIII в. по Р.Х. включительно (см. отчеты раскопок А. Миллера в I [1926 г.] и II [1929 г.] томах «Сообщений» ГАИМК и в IV т. [1925 г.] «Известий» той же Академии). Известно насколько ремесленное население подобных городов, находившихся в зоне кочевников, было необходимо последним для обслуживания их потребностей в кожевничестве, металлических изделиях и т.д. Подобное же смешанное население существовало в эту же эпоху и в придунайских городах, о чем нам сообщает Михаил Атталиота (204, Bonn.).

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОЛОВЦЕВ

*Да лучше есть на своей земле костью лечи,
нежели на чужоей славу быти...*"

Слова хана Отрока (Ипатьевская летопись).

История Половцев не может считаться столь же интересной, столь же творческой, как история других турецких народов, например, южно-огузского (сельджукского) или османского, которые, будучи кочевниками, выходили из своих степей, пробивали себе путь в страны с оседлым населением, покоряли эти страны и создавали там новую государственность, сперва полукошевую, затем переходившую в чисто-оседлую. Половцы в этом отношении походили на своих ближайших братьев — Печенегов, которые также за всю свою историческую жизнь не выходили за пределы степей и вне их не создали никакого государства. Половцы с печенегами как бы следовали заветам великих турецких каганов Срединной Азии, заклинявших в VII-VIII вв. Турок не изменять родным степям и не поддаваться соблазну более близкого соприкосновения с заманчивой, роскошной, но и изнеживающей культурой оседлых народов.

Не раз половецким ханам представлялась возможность радикально изменить ход истории в причерноморском бассейне. В 1091 г. они держали в своих руках судьбы византийской империи; но после того как они помогли Византийцам разбить своих сородичей печенегов, половецкие ханы и не подумали использовать свое положение победителей; удовлетворившись византийскими подарками, они вернулись в свои степи. С силами, значительно преобладавшими в численности своих союзников — Русских, Половцы не раз вступали в столицу южной Руси, Киев; однако они никогда не пытались воспользоваться своим преобладающим положением, чтобы создать здесь свою, новую, государственность. Будучи главной опорой в армии грузинского царя Давида Восстановителя, Половцы всегда оставались послушным вспомогательным войском, не стремясь создать на Кавказе независимое турецкое ханство. С Кавказа и из-за Балканских гор, из Киева и из еще более далекого Владимира-на-Клязьме, Половцы неизменно возвращались в причерноморские степи и, в этом отношении, вошедшие в эпос слова одного из виднейших половецких ханов, Отрока, о том, что „лучше на своей земле лечь костью, нежели на чужой славным быть” могут, действительно, служить эпиграфом ко всей двухвековой истории Половцев.

Сколько византийцы не стремились расселить на пограничье империи своих беспокойных степных соседей, из этого, по свидетельству самих Греков, ничего не получалось. Никита Хониат во второй половине XII в. должен был признать, что только Половцев убитых в

сражениях, Греки могли навсегда прикрепить к своей земле: „по частям, по отрядам, по целым ордам и легионам они падают от оружия императора, покрывая землю, на которую они сделали набег: только этим путем они прикрепляются к земле...”. В степях Половцы и нашли свой конец. Когда „полем половецким” завладели Татары, то большинство Половцев или осталось на своих прежних местах, но уже в положении невольников у новых завоевателей, или ушло в другие степи, паннонские, чтобы там променять татарское рабство на службу венгерским королям.

Такой степной консерватизм Половцев обуславливался двумя причинами: безусловным предпочтением кочевнического строя жизни перед оседлым и особо благоприятными условиями, сложившимися для Половцев в причерноморских и среднеазиатских степях в те два столетия, в которые они занимали эти степи: в продолжение XI-XII вв., до самого нашествия Татар, у Половцев не было побудительных причин к выселению из степей под давлением каких либо врагов. Соседние же лесостепные или сплошь лесные области, занятые оседлыми государствами, для кочевой орды не представляли интереса.

Если мы отметим эту чрезвычайную привязанность Половцев к степям и равнодушие к другим географическим зонам, нам станет понятна и вся история Половцев, в основе своей лишенная какой-либо серьезной большой агрессии, стремлений к завоеваниям вне степей. Но Половцам, которые сознавали себя хозяевами всех степей от Средней Азии до Дуная, было трудно отказаться от тех небольших степных пространств, которые еще до их прихода были колонизованы оседлыми народами. Половцы, занимая степи, тот час же завязали борьбу с этими народами. Они не вышли из нее победителями: у них не хватало умения или сил отобрать от оседлых государств эти степные окраины и включить их в „половецкое поле”. Оседлые народы сумели прочно закрепить за собой свои степные форпосты, причем это было сделано, в значительной степени, с помощью кочевников же, тех, которые бежали от Половцев, когда последние заняли причерноморские степи. Печенег, Торки и Берендеи, спасаясь от Половцев, искали убежища на границах леса и степи. И Болгарский каганат, и Русь, и Угория, и Византия создали на своих степных границах прочные заслоны из этих турецких беглецов, „Черных Клобуков”, как называли их на Руси. Эти Черные Клобуки еще лучше чем искусственные укрепления оберегали границы от Половцев, с которыми Черные Клобуки были непримиримы из-за изгнания их из родных степей.

¹ Даже паннонские степи, это естественное продолжение среднеазиатских и черноморских степей, остались вне половецких устремлений. В начале своего расселения половецкая орда на крайнем западе была недостаточно многочисленна, чтобы предпринять серьезные попытки к освоению Паннонии. В придунайской области Половцы начинают утверждаться лишь с середины XII в. Отдельные же попытки проникнуть за Карпаты в XI в. встретили отпор со стороны Мадьяр.

Половцам, которые не имели возможности вернуть себе эти степные пространства, оставалось лишь „изгоном” нападать на них и грабить. Таково возникновение тех чрезвычайно беспокойных, хаотических пограничных войн, которые Половцы вели на протяжении всей своей двухвековой истории с Хорезмом, Волжскими Болгарами, с русскими княжествами от Рязанского до Переяславского и Киевского, с Византией на ее дунайском пограничье.

Из этих пограничных областей, расположенных в степях, Половцы научились проникать и в лесостепные или сплошь лесные области. Но цели подобных наездов оставались по-прежнему примитивными: они сводились к грабежам городов, захвату пленных (для получения рабской рабочей силы и для продажи на иностранные рынки), уводу скота. Все это было далеко от попыток настоящего завоевания. В некоторых случаях, как например, в отношении к Руси или к городам Крымской Готии, Половцы стремились получать систематические откупы — золотом, драгоценными материями, но и это им не всегда удавалось. Единственно, кого они полностью подчинили себе экономически, заставив платить дань мехами, — были Буртасы, жившие в глухих лесах между Волгою и Доном. Но область Буртасов скорее не соседила с „полем половецким”, а входила в его территорию, так как летописи Половцев обходили с севера буртасские леса.

Борьба Половцев с Киевскою Русью, разывавшаяся на рубеже XI и XII вв. и повторившаяся во второй половине XII в., сводилась, со стороны Половцев все к тому же грабежу и к попыткам захватить некоторые пограничные русские пастбища в Киевском и Переяславском княжествах. Русь же, втянутая Половцами в эту борьбу, стала стремиться совершенно вытеснить кочевников из степей и снова укрепиться на черноморском побережье. И хотя в этой двухвековой борьбе „леса и степи”, несмотря на временные успехи той и другой стороны, ни одна из них ничего не достигла, мы все же можем наблюдать совсем разные способы борьбы, причем оценка этих способов борьбы будет не в пользу кочевников. Русь действовала и более организовано и более дальновидно, мы можем, хотя и смутно, различить у нее определенную политику, чего совсем не видим у Половцев (вот почему я воздерживаюсь от названия настоящей главы: „Политическая история Половцев”). Русь дважды проводила компанию больших объединенных походов в степь, явно давших положительные результаты. Кроме чисто-военных мер, Русь, по-видимому, устраивала и политические союзы против степняков с теми оседлыми христианскими народами, которые жили у южных окраин половецкого поля — Аланами и Грузинами. Чем иным объяснить это настойчивое желание русских князей родниться с грузинскими и аланскими династиями через голову Половцев? Было бы трудно найти объяснение этому факту только в общности христианской веры, так как известно насколько плохими христианами были, например, Аланы, почти забывшие к этому времени и веру и обряд христиан. Роднились же с Аланами и Грузинами как-раз те из русских князей, которые принимали деятель-

ное участие в борьбе с Половцами. Политика окружения кочевников одновременно и с севера и с юга была традиционной политикой Русских, начало которой лежит еще в деятельности киевского Святослава против Печенегов. Против этой политики Руси Половцы ничего не противопоставляли и в этом, на наш взгляд, заключается примитивность кочевников и их беспомощность организовать борьбу с соседним оседлым миром.

Русская историография несколько преувеличила значение боевой встречи Руси и Половцев и в бесплодных и, в сущности, безопасной для существования Руси войнах ее с Половцами, видела серьезный натиск азиатского Востока на форпост европейской цивилизации, на европейскую Украину, как называла она южную Русь; эти войны русские историки (Соловьев, Ключевский, Пресняков, Виппер, Шмурло) ставили в связь с крестовыми походами, считая южную Русь левым флангом общеевропейской борьбы христианской Европы с мусульманско-языческим Востоком.

Взгляд этот ошибочен. Если в Византии или на Ближнем Востоке велась со стороны кочевников действительно борьба наступательная, борьба за целые области, то этого вовсе не было на „левом фланге“ этой борьбы. За мелкими пограничными войнами не было замечено, что настоящего наступательного движения на Русь у Половцев никогда не было и, добавим сейчас же, быть не могло из-за нежелания Половцев, как мы только что упомянули, выходить из степей и расширять свою территорию за счет лесостепной или лесной областей. Половецкие войны были статическими, а потому и не могли серьезно угрожать Руси, которая в эти века почти вся находилась в лесной полосе. Страдать могли лишь те, сравнительно незначительные части Руси, которые вклинивались в степи и оставались открытыми для половецких нападений. Но такие земли составляли не более одной пятнадцатой всего пространства, занимаемого тогда Русью.

Как на пример опустошительных наступательных действий Половцев не раз указывалось на их глубокие набеги на соседние оседлые государства. Однако, при этом упускалось из вида, что эти набеги в большинстве случаев совершались Половцами не по их собственной инициативе, а по призыву самих оседлых государств, без помощи которых вряд ли были возможны далекие походы половецкой конницы через горы и леса. Все самые далекие экспедиции Половцев внутрь Руси всегда совершались ими с помощью какого-нибудь из русских князей, приглашавших половецких ханов то, как своих родственников, то, как просто платных наемников. Тоже относится и к проникновению Половцев на Балканский полуостров, где их проводниками были претенденты на византийский престол или болгарские Асении.

Единственно в чем можно видеть более или менее систематическую половецкую политику — это нападение Половцев на Черных Клобуков Киевской

Руси, которых Половцы домогались угнать обратно в степи, так как продолжали считать их своими рабами. Это — общекочевниче-

ская тенденция, которую стремились осуществлять не одни Половцы; особенно же настойчиво это проводили, между прочим, Татары. Но Половцам не удалось достигнуть и этой цели: несмотря на временный разгром ими русских черноклобуцких поселений на рубеже XI и XII вв., эти поселения все же остались за Русью, которая сумела отстоять своих Черных Клобуков и в течение всего XII в. и первой половины XIII в., вплоть до татарского нашествия, они продолжали быть оплотом южнорусского степного пограничья.

За два столетия независимой жизни Половцы только раз, в самом начале XII в., испытали серьезный удар, так что даже возможность дальнейшего существования их в причерноморских степях стала под сомнение: это было в те годы, когда киевским князьям Святополку II (ум. 1113), Владимиру Мономаху (1113-1125) и Мстиславу Великому (1125-1132) удалось вытеснить из причерноморских степей донецко-донскую группу Половцев. Но вернувшись в степи после того, как Русь, занятая внутренними усобицами, перестала им быть страшна, Половцы оставались уже в степях без перерыва до прихода Татар; во все это время, то есть с середины XII в. и до середины XIII-го, военная мощь орды оставалась неизменной. Я подчеркиваю это потому, что в русской историографии по этому поводу существует два диаметрально противоположных взгляда: Ключевский считал, что силы Половцев, сила их напора на Русь со второй половины XII в. неуклонно возрастала; Грушевский же утверждал обратное, что соседство с более культурной оседлой Русью разлагало орду, что с середины XII в. сила Половцев идет на убыль и что отдельные роды их даже начинают переходить на оседлый образ жизни, расселяясь на границах Приднепровской Руси. Невозможно согласиться ни с одним из этих взглядов. Если Половцы порою отнимали у Руси „и Греческий путь и Соляной и Залозный“, то это было явлением временным, не изменявшем испокон веков налаженного товарообмена между степью и причерноморскими портами с одной стороны и Русью — с другой; северные пределы половецких кочевий и южные границы приднепровских русских княжеств оставались неизменными со второй половины XII в. и до конца существования половецкой независимости; если Половцы захватывали южнорусские степные города и села, то у кочевников, все же, никогда не хватало сил включить их в круг жизни „половецкого поля“; подобные завоевания не длились более нескольких лет, после чего все возвращалось к исходному положению. Но если нельзя видеть какого-либо усиления Половцев в отношении своего главного противника — Руси, то также нельзя подметить и какого-либо ослабления и разложения половецкой орды за это же время. В войнах с Русью в 70-80-х гг. XII ст. Половцы обнаруживают еще много сил и большую сопротивляемость. Утверждение же, что под воздействием оседлой русской культуры, Половцы с середины XII ст. стали поселяться в русских приграничных областях, есть, как увидим ниже, просто недоразумение, основанное на недостаточно внимательном чтении источников. Верные своему степному быту, Половцы до конца

своей независимости оставались настоящими кочевниками и не выходили за пределы „поля”. Лучшим примером равенства сил Половцев и Приднепровской Руси во второй половине XII в. могут служить слова представителей одного половецкого рода, пришедших в 1169 г. договариваться о мире с киевским князем: „мы хотим заключить, сказали Половцы князю, обоюдный мир, чтобы ни ты не боялся нас, ни мы не боялись тебя”.

После этой общей характеристики военной истории Половцев, перейдем к последовательному и более детальному рассмотрению военных отношений Половцев со своими оседлыми соседями.

Наши сведения об этом далеко не равномерны. Мы чрезвычайно мало знаем об отношении Половцев к Волжским Болгарам, к Хорезму, Крыму, Иконии; немного больше сохранилось известий об отношении к Византии, Грузии, Угрии; лучше же всего мы знаем, благодаря русским летописям, об отношении Половцев к Руси, и то, главным образом, к Руси Приднепровской, но не Галицко-Воынской, Суздальской или Рязанской.

1.

Начало войн с соседями (30-е — 80-е гг. XI в.).

Половцы, став господами степей от Иртыша до Дуная, прежде всего начали стремиться полностью освоить все степное пространство, до ее естественной границы, то есть до лесной полосы. Поэтому они сразу же вступили в конфликты с теми оседлыми государствами, которые соседнили со степями и владения которых вклинялись в самые степи.

Первыми, кого встретили Половцы на пути своего расселения, были Хорезмийцы, владевшие степным нижним течением Сыр-Дарьи. До нас дошли лишь отрывочные сведения о том, как уже в 30-х гг. XI в. Половцы начали свои нападения на Хорезм. Однако это полуоседлое мусульманское государство было достаточно крепко, чтобы с успехом отражать нападения². Преобладание его над кочевниками выразилось еще и в том, что хорезмийские шахи стали принимать к себе на службу целые отряды Половцев³ — что свидетельствует о серьезном разгроме кочевников. Аналогичные случаи отказа от самостоятельной жизни известны также в истории причерноморских Половцев (напр, служба у Грузин); явление это всегда было связано с тяжелыми моментами в жизни половецкого народа.

Вторым государством на пути из Азии в Европу, с которым Половцы вошли в конфликт, был Болгарский каганат на Волге. К сожалению, об этих конфликтах мы знаем так же мало, как и об отношениях Половцев к Хорезму. Сведения наши ограничиваются отдель-

² Байхаки, изд. Morley, с. 91, по В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПб. 1900, с. 313.

³ Байхаки, с. 398 и 859, по Бартольд, ц.с. II, с. 314.

ными эпизодами. Южные пределы Болгарского каганата вклинялись в приволжские степи и это обстоятельство неминуемо приводило к столкновениям Половцев с Болгарами, тем более, что во время летних кочеваний Половцы подходили к самым границам каганата⁴. Очевидно, из-за вторжений Половцев в болгарские области и начались у них конфликты с Болгарами.

Первое по времени из известных нам столкновений относится к 1117 г. в лаконической передаче киевского летописца: „тогда же приидоша Половци к Болгаром. и выела им князь Болъгарьскыи пити с отравою и пив Аепа и прочии князи, и вен помроша”⁵. Это не было мелкой пограничной стычкой: на это указывает и количество ханов, подступивших к Болгарскому каганату и имя единственного из названных ханов — Аепа. В это время известно два хана с этим именем, оба виднейшие среди Половцев и принадлежавшие к донецко-донской группе, а не к приволжской, в области которой разыгралось это событие. Следовательно, сюда явились ханы и из дальних улусов.

Третьим оседлым государством, на которое Половцы начали нападать, — была Русь. Войны с нею велись не только на пограничье Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств, о чем у нас достаточно сведений в русских летописях, но и на рязанском пограничье, о чем у нас сохранилось крайне мало данных.

Столкновения Половцев с Русью у рязанских пределов были так же неминуемы, как у южных границ Болгарского каганата: Русские колонизовали небольшую полосу степного пространства по правому берегу Прони; во время своих летних кочеваний до этих мест доходили и Половцы. Самое возникновение города Рязани исследователи ставят в связь с началом половецких нападений и объясняют постройку этого города-укрепления необходимостью защитить окский водный путь от кочевников⁶.

Впервые Рязань упоминается в 1096 г.⁷, но основание ее историки относят к шестидесятым годам XI в.⁸ Возможно, что к этому времени, т.е. к второй половине XI в., относится начало укрепления от Полов-

⁴ О южных границах Болгарского каганата см. главу II, с. 25-26 отд. оттиска (с. 167-8 в VIII т. *Seminarium Kondakovianum*); о кочевании в этих областях Половцев см. гл. III, с. 45-47 (с. 75-77 IX тома *Анналов Института им. Н.П. Кондакова*).

ПСРЛ II, СПб. 1908, с. 285. Об областях, занимаемых донецко-донской и волжской группами Половцев см. гл. III, с. 69-76 (*Анналы Института*, X, с. 167-174).

⁶ Д. Иловайский, *История Рязанского княжества*, М. 1858, с. 22-24; П. Голубовский, *История Северной земли до пол. XIV ст.*, Киев 1881, с. 97, пр. 2.

⁷ ПСРЛ I, Л. 1926, с. 231.

Д. Иловайский, ц.с., с. 24; ср. А.В. Экземплярский, *Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*, т. II, СПб. 1891, с. 560-1.

цев и левого берега Прони, где был построен Пронск и воздвигнуты валы по берегу Прони. Все это свидетельствует о том, что половецкие набеги на рязанское пограничье начались сразу же по занятии Половцами причерноморских степей, то есть уже со второй половины XI в., на чем сходятся и историки Рязанского княжества¹.

Несравненно интенсивнее и значительнее были нападения Половцев у Приднепровья, на окраинах Киевского, Переяславского, Черниговского и Новгород-Северского княжеств, куда Половцы могла притягивать, помимо богатства этих степных областей, еще и специальная цель — вернуть бежавших из степей Печенегов и Торков, которых Русь приняла и расселила на своем пограничье. Половцы же считали этих кочевников, как я уже упоминал, своими беглыми рабами.

Впервые Половцы вошли в соприкосновение с Русью у Приднепровья в 1055 г. В этом году, под предводительством хана Болуша, они подступили к самому крайнему из русских княжеств, Переяславскому, целиком расположенному в степи. Переяславский князь Всеволод Ярославич „створи... мир с ними”, как выражается русская летопись, то есть постарался откупиться от них подарками, после чего Половцы „возвратишася вспять, отнюду же пришли”¹¹. Но в 1062 г. Половцы с другим ханом, Сакалом, пришли на этот раз уже „воевать” Русскую землю и 2 февраля разбили переяславского князя и разорили его область¹². Спустя шесть лет, осенью 1068 г., Половцы явились еще в большем количестве („придоша... Половци мнози”), вторглись в переяславское княжество и на реке Альте, близ самого Киева, разбили вышедшее им навстречу войско всех трех южнорусских князей и рассыпались грабить Приднепровскую Русь. Из Переяславского княжества Половцы перебрались на правый берег Днепра, в Киевское княжество, а на левобережье прошли до Черниговского княжества, к Сновску¹³. Это было первое большое вторжение Половцев в русские пределы. Оно совпало по времени с принятием Русью большого количества бежавших из под власти Половцев Торков. Оба события находились между собою в связи. Половцы и впоследствии не раз принимали набеги на Русь со специальной целью вернуть себе

⁹ Арх. Макарий, Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии, ЧОИДР 1873, II, с. 8; Н.П. Милонов Славянские жилища по данным археологических раскопок пронского городища, Рязань, 1931 (Рязанский Средне-Окский Музей. Исследования и материалы, вып. VIII), с. 41, 44; А.А. Мансуров, Археологическая карта реки Прони, Советская Археология, т. IV, М.-Л. 1937, с. 221 и сл.; Д. Иловайский, ц.с. с. 27, предполагал основание г. Пронска ок. 1096 г.

¹⁰ Арх. Макарий, ц.с., с. 37; Д. Иловайский, ц.с., с. 24, 109.

¹¹ ПСРЛ I, с. 162, 1054 г. Хронологию см. у М. Грушевского, Ист. Укр.-Руси, II, Львов 1905, с. 54.

¹² ПСРЛ I, с. 163, 1061 г. Ср. М. Грушевский, ц.с. II, с. 56.

¹³ ПСРЛ I, с. 167-172. Ср. М. Грушевский, Очерк Истории Киевской земли, К. 1891, 68, 71; его же, Ист. Укр.-Руси, II, с. 56-7.

беглецов. Таковы были причины половецких нападений в 1093, 1105, 1125 гг.¹⁴

Узнав дорогу в южную Русь и познакомившись с ее богатствами, Половцы, помимо нападений на русских Черных Клобуков, стали стремиться возможно чаще производить набеги на южнорусские княжества дабы обогащаться пленниками, стадами, табунами и вообще всем тем, что можно было увести обратно в степи.

Не всегда решаясь встретиться с силами Русских, Половцы предпочитали применять излюбленный кочевнический прием нападения „изгоном“, что позволяло им проникать далеко вглубь русских земель и производить короткие и быстрые опустошительные наезды. Не надо, однако, думать, что подобные наезды совершались небольшими отрядами; наоборот, численность их доходила до многих тысяч; летопись один раз упоминает восьмитысячный отряд, другой раз — двенадцатитысячный. В 1071 г. они воюют на правобережье, у Ростовца и Неятина¹⁵, в 1078 г. — в Переяславском княжестве¹⁶, в 1080 г. Половцы проникают в глубь Новгород-Северской земли, заходя в лесные области: здесь они разоряют Сгародуб, тогда как другая орда грабила по Десне, в области Новгород-Северского¹⁷; в 1083 г. они берут Горошин, — посульское укрепление на переяславском пограничье¹⁸; в следующем 1084 г. восьмитысячный отряд Половцев хозяйничал у Прилука, в Переяславском княжестве¹⁹, в 1085 г. — они снова появляются на правобережье — у Святославля, Юрьева и Красна в Киевщине; в 1092 г. берут переяславские города Песочен и Переволоку и воюют на правом берегу Днепра²¹. С 90-х гг. XI ст. войны с Русью вступают в новую фазу — более широкой и упорной борьбы.

Уже и к 90-м гг. XI ст. Половцы успели основательно разорить русское степное княжество — Переяславское, более других страдав-

¹⁴ ПСРЛ I, с. 218-222 (1093 г.), II, с. 257 (1105 г.), I, с. 295 (1125 г.), последний набег в Ипат. сп. под 1126 г. (II, с. 289-290); ср. В. Ляскоронский, История Переяславльской земли, К. 1903, с. 241; М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 530. Д. Расовский, Печенег, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, *Seminarium Kondakovianum*, VI, 1933, с. 13-14.

¹⁵ ПСРЛ I, с. 174, В. Ляскоронский (Ист. Переяславльск. земли, с. 243) считал, что Половцы в 1071 г. кроме Киевской области разоряли также и Черниговскую (по Десне). Однако, в летописи об этом нет сведений. Очевидно Карамзин (Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, т. II, с. 46), на которого ссылается Ляскоронский и у которого ничего не говорится о разорении Киевщины, ошибочно считал города Неятин и Ростовец расположенными на левобережье, по Десне. О местонахождении этих городов см. у М. Грушевского, Очерк истории Киевской земли, с. 37-8.

¹⁶ ПСРЛ I, с. 248 (Поучение Мономаха).

¹⁷ Там же, с. 248.

¹⁸ Там же, с. 248.

¹⁹ Там же, с. 248.

²⁰ Там же, с. 249.

²¹ ПСРЛ I, с. 215.

шее от нападений кочевников. Половцы настолько не боялись здесь Русских, что располагались даже с вежами, т.е. с кибитками и скотом, на сезонное кочевание в самом Переяславском княжестве: в 1086 г. их вежи видим на р. Удае у г. Варина²².

Помимо самостоятельных нападений на Русь, Половцы стали проникать в нее благодаря приглашениям самих русских князей, искавших военной силы для своих междоусобных войн. Это давало Половцам возможность безвозбранно грабить русские области. С 1078 г. такие походы становятся обычным явлением²³.

Сознавая свою силу, Половцы начинают предъявлять русским князьям требования откупов — золотом, ценными материями, скотом. Владимир Мономах в своем „Поучении” вспоминает, как он заключил за свою жизнь 19 „миров”, и „дая скота много и многы порты свое”, т.е. драгоценные одежды²⁴. Как только в Киеве садился новый великий князь, Половцы тотчас же являлись к нему для заключения нового договора, который, в сущности, сводился к получению подарков. Это не была та дань, которую позже будут регулярно собирать с Русских Татары, но это был как бы откуп от разорений, „покупка мира” на некоторое время, — обычный способ всех кочевников поживиться за счет оседлых государств. Отказ со стороны Руси в таких подарках, вел, как увидим ниже, часто к открытому разрыву и войне.

При более серьезном желании сохранить мирные и даже дружеские отношения с русскими князьями, половецкие ханы роднились с Рюриковичами и, как еще более действительное средство, — обменивались заложниками. В 1095 г. впервые видим у черниговского князя Олега Святославича сына хана Итлара, по всей вероятности, в качестве такого заложника²⁵. Олег Святославич был одним из первых русских князей, который стремился установить, в противоположность Киевскому Святополку И и переяславскому Владимиру Мономаху, мирные отношения с Половцами и даже искал в них поддержки для осуществления своей черниговской политики. Поэтому, не удивительно, что именно у него мы впервые видим половецкого заложника²⁶.

²² ПСРЛ I, с. 249 (Поучение Мономаха). О местоположении Варина см. Грушевского, Ист. Укр.-Руси, II, с. 606.

²³ В 1078 г. Половцев наводят на Русь князь-изгой Олег и Борись (под Чернигов); в след. году то же делает другой изгой, Роман (он приходил к Воину на Переяславской границе); в 1094 г. Половцев снова наводит Олег „Гореславич” (в Черниговское княжество), а в 1097 г. — Давид Игоревич (под Луцк, в Волынское княжество). Владимир Мономах провел Половцев до Минска, в котором, по его собственному признанию, с помощью половецкого рода Читеевичей, он не оставил в городе „ни челядина, ни скотины”.

²⁴ ПСРЛ I, с. 250.

²⁵ ПСРЛ I, с. 228. Ср. Багалея, История Северной земли, К. 1881, с. 172; другой историк Северной земли П. Голубовский, считал, что Итларевич находился у Олега „на воспитании” (История Северной земли, К. 1881, с. 94 и пр. 2).

²⁶ Этот „союзник” Половцев в глазах русских князей был изменником Руси: Владимир Мономах, идя в поход на Олега, мотивирует этот поход так:

К этому же времени, то есть к 70-80-м гг. XI ст. относятся и первые проникновения Половцев в Византию и Угрию. Свои нападения Половцы совершали, как я уже упомянул, не по собственной инициативе, но вследствие призывов со стороны Греков и Мадыар.

В 1078 г. византийская хроника впервые упоминает Половцев, как участников вместе с Печенегами похода на Адрианополь. Кочевники явились в Византию, позванные одним из претендентов на престол — Никифором Василяки²⁷. В это время, в конце 70-х гг., богомильские деятели в Месемврии также подстрекали Печенегов и Половцев против Византии. Результаты богомильских интриг нам не известны²⁸.

В 1086 г. угорский король Соломон призвал к себе причерноморских Половцев, чтобы с их помощью вернуть себе престол. Они явились к нему во главе с ханом Кутеской, но не принесли королю успеха²⁹. В следующем 1087 г. Соломон, потеряв надежду на возвращение себе Угрии, вновь призвал Половцев, на этот раз вместе с Печенегами, и повел их всех под Константинополь. Соломону не посчастливилось и здесь: вблизи Константинополя он был убит; Половцы же основательно пограбили северные пределы Империи³⁰. Еще год спустя приднепровских Половцев призвал к себе на помощь в его борьбе с Византией печенежский хан Татуш. Но Половцы явились слишком поздно, когда печенеги уже заключили мир с императором. Не взирая на это они, все же, потребовали себе от Печенегов части добычи. Последние отказали. Ссора кончилась тем, что Половцы напали на Печенегов, перебили их в несметном количестве, а остатки загнали в низовья Дуная³¹. Этим воспользовалась Византия, и сделала из Половцев своих союзников. Со следующего 1089 г. мы видим Половцев уже на службе у Греков. С этого времени Половцы прочно входят в обиход византийской политики, как силы, направляемой Византией против Печенегов³².

2.

Великое двадцатилетие (1090-1110 гг.).

Катастрофа 1100—1120-х гг.

Девяностые годы XI в. и первое десятилетие XII-го являются временем наивысшей силы Половцев и наибольшего значения их в

„И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложил к Половцем” (Поучение Мономаха). Ср. П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, Кив. Унив. Изв., 1883, № 6, с. 329; его же, История Северской земли, с. 93-94.

²⁷ Attaleiates, ed. Bonn., II, p. 300-301; Skylitzes, II, 739-741; В.Г. Васильевский, Византия и Печенеги, Труды, I, СПб. 1908, с. 37.

²⁸ Attaleiates, II, p. 302, Skylitzes, II, p. 741-4; Васильевский, ц.с. с. 43, В.Н. Златарски, История на Българската държава през средните векове, II, София 1934, с. 162-3 и 495-6.

²⁹ Васильевский, ц.с. с. 48.

³⁰ Anna Komnena, Alexias, ed. Bonn., I, p. 330-2; Васильевский, ц.с. с. 48-50.

³¹ Anna Komnena, I, p. 352-5; ср. Васильевский, ц.с. с. 53, 56-7.

³² Anna Komnena, I, p. 355 и след.; Васильевский, ц.с. с. 62-3.

мировой истории. Под водительством своих великих ханов — Боняка, Тугоркана, Шаруканя Старого, Алтунопы, — они принимают деятельное участие в судьбах соседних оседлых государств: они спасают Византию от Печенегов, вторгаются в Угriu, помогают Русским нанести страшное поражение Мадырам, проникают в Польшу; центральным же моментом их истории являются их войны с Русью. Войны с русскими приднепровскими княжествами привели к тому, что Половцы были совершенно разгромлены Русью, частью даже вытеснены из степей и отброшены к Кавказу, где вынуждены были искать приют у грузинских царей. Таковы главные события в жизни половецкого народа в 1090-1120-х годах.

Обратимся к рассмотрению этих событий.

В 1091 г. придунайские Печенеги грозили существованию Византийской империи. Император Алексей Комнен решил спасти Византию с помощью Половцев. Он послал в приднепровские степи грамоты к половецким ханам с призывом придти к нему против Печенегов, Прельщенные обещанной наградой, Половцы во главе с ханами Боняком и Тугорканом в количестве сорока тысяч перешли Дунай и явились к императору в долину реки Гебра (Марицы). Здесь и произошла кровопролитнейшая битва, в которой Византийцы вместе с Половцами почти совершенно уничтожили шестисоттысячную печенежскую орду. Послушайся Половцы голоса крови и соединиись они с одноязычными им Печенегами — судьба христианского мира была бы совсем иной. Однако, они предпочли уничтожить предшествовавших им хозяев степей и тем спасти Византию³³.

В том же 1091 г. Половцы совершили смелый и далекий поход вглубь Угрии; предводительствовал ими хан Капулч. Венгерский летописец приписывает этому хану желание завоевать Угriu, но в действительности поход носил черты обычного грабительского набега, правда, исключительно большого и далекого. Капулч — вероятно из приднепровских степей — переправился через карпатские горные проходы, спустился в бигарскую область, перешел Тиссу и здесь, на правой ее стороне, принялся грабить и захватывать пленных. Но тут он был настигнут королем Владиславом, разбит и взят в плен вместе с большинством своего войска. Это вызвало приготовления Половцев к новому походу на выручку Капулча. Однако Владислав предупредил Половцев: он выступил к Дунаю и там разбил половецких ханов Акоша (Акочай?) и Энзема, а пленных расселил по Угрии и крестил.

³³ Anna Komnena, I. p. 396; Васильевский, ц.с. с. 76-77 и 98-97; Златарски ц.с. II, 204-209; ср. А.А. Vasiliev, Histoire de l'Empire Byzantine, II, Paris, 1932, p. 14-15; G. Ostrogorsky, Geschichte des bysantinische Staates, с. 253 (книга находится в печати; я приношу благодарность автору за возможность ознакомления с нею в корректуре).

³⁴ Gyarfas Istvan, A Jacz-Kunok tortenete, II, Kecskemet, 1873, с. 184-5, П. Голубовский, Половцы в Венгрии, Киев. Унив. Изв. 1889, декабрь; Ва-

В следующем 1092 г. Половцы впервые проникают в далекую от „половецкого поля” Польшу, путь в которую лежал через Русь. Туда повел их галицкий князь Василько; летопись сообщает, что „в се́же лето (1092) воеваша Половцы Ляхы с Васильком Ростиславичем”.

В эти же годы (1092-1095) Половцы втягиваются в авантюру против Византии. Их повел на нее бежавший в степи из херсонесской тюрьмы „Лже-Диогенович”, выдававший себя за сына императора Романа IV Диогена. Во главе двенадцатитысячной орды Половцев был известный уже нам хан Тугоркан. Половцы перешли балканские горы, взяли Голою, Диамполь и осадили Адрианополи. Это вызвало большую тревогу в империи и сам император Алексей выступил в поход против претендента на византийский престол и его союзников. В одну из вылазок из осажденного Адрианополя, Никифор Вриенний, которому император поручил оборону города, напал на орду Тугоркана и разбил ее наголову; при этом было убито семь тысяч Половцев. Самозванец был захвачен в плен, а остатки Половцев с их ханом едва ушли через горные проходы Балкан обратно в степи. Три тысячи пленных тугоркановой орды были расселены Византией в районе Ниша и стали нести здесь военную службу империи’.

Но самая напряженная борьба завязалась в 90-х гг. XI в. у Половцев с Русскими. Велась она, главным образом, силами днепровско-донской группы сперва в Приднпровье, а затем в самом половецком поле. Трудно определить, кем была вызвана эта война, Мы уже видели, как в 80-х гг. XI в. Половцы стали нападать на Переяславское, Новгород-Северское и Киевское княжества. Владимир Мономах, сперва черниговский, а затем переяславский князь, проявлял исключительную энергию, что бы не оставлять безнаказанными нападения Половцев на левобережье, выходил им навстречу и удачно отражал их набеги, захватывал целые вежи, брал в плен ханов. Но с 90-х гг. нападения Половцев на южные русские княжества настолько усилились, что Русь стала терпеть поражение за поражением. 13 апреля 1093 г. умер вел. князь киевский Всеволод Ярославич. Половцы сейчас же прислали новому Киевскому великому князю Святополку II посольство, очевидно, с требованием традиционного откупа; на языке рус-

сильевский, ц.с. с. 102, 106. Еще в 1070 г. тем же путем через Карпаты в бигарскую область проходил хан Озул, не то Печенег, не то Половец. Очевидно, это был проторенный путь кочевников. Ср. Печенег, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, *Seminarium Kondakovianum*, VI, 1933, с. 17.

³⁵ ПСРЛ I, с. 215. Польская хроника Галла знает только о нашествии Половцев и не упоминает о Русских. По Галлу Половцы были разбиты Болеславом Кривоустым (*Monum. Poloniae Historia*, 1.1, p. 441, Gallus, lib. II, cap. 19). Ср. Д.О. Семанюк, Отношения Польши и Венгрии к Галицкой Руси в XII-XIII вв. (рукопись, Прага, 1927, с. 10).

³⁶ Anna Komnena, II, p. 7 и след.; Васильевский ц.с. с. 109-117; Златарски, II, с. 210-218 и 230. Васильевский предполагал, что поход Половцев под Адрианополи был делом их собственной инициативы. Не естественнее ли видеть инициатором этого предприятия самого самозванца?

ского летописца Половцы „послаша... слы... о мире”³⁷. Но Святополк, неопытный еще в делах с кочевниками, не только отказал в „мире”, но и арестовал послов. Половцы двинулись в Киевскую область и прежде всего осадили черноклобукский центр — гор. Торчевск. Святополк решил уступить, освободил послов и соглашался на мир, но было уже поздно: Половцы „не восхотеша” мира и начали разорять русскую землю. Их было около тьмы (т.е. десять тысяч).

29 мая Половцы разбили Святополка II и Владимира Мономаха у Треполя на берегу Стугны, а 23 июня на р. Желани, севернее Киева, нанесли еще большее поражение Святополку. Вскоре после этого Половцы взяли Торчевск, который они держали в девятидневной осаде и увели в степи огромное количество пленных³⁸. В следующем году был заключен мир между Половцами и Русью — вероятно один из самых выгодных миров, заключенных Половцами за всю их историю. Со стороны Половцев его заключал вместе „со инеми князи половецьскими” все тот же хан Тугоркан, со стороны Русских — Святополк II и Владимир Мономах. Мир был закреплён браком дочери Тугоркана с самим Святополком. Впервые половецкая хатунь становилась великой княгиней киевской³⁹.

Но уже в следующем году мир был нарушен — не ясно по чьей вине. По-видимому, сперва Половцы явились в Поросье, осадили Юрьев; после этого пришли к Владимиру Мономаху под Переяславль два половецких хана — Итларь и Кытан для переговоров о „мире”. Владимир, изверившийся в договоры с Половцами, велел умертвить обоих ханов и всю их дружину. После этого половецкие нападения начались снова. В 1097 г. знаменитый Боняк, воспользовавшийся усобицами на Руси, когда и киевский и переяславский князья были на севере Черниговского княжества, быстрым набегом прошел до самого Киева и пожег его предместья, а другой хан, Куря, сжег окрестности Переяславля. Вслед за Курей под Переяславль явился с целым рядом других ханов тесть Святополка II — Тугоркан, и начал осаду города; здесь счастье изменило Тугоркану: едва спасшись от меча Никифора Вриенния под Адрианополем, он нашел смерть под русским Переяславлем: его тесть Святополк II Киевский вместе с Владимиром Мо-

³⁷ ПСРЛ I, с. 218.

³⁸ ПСРЛ I, с. 218-225.

³⁹ ПСРЛ I, с. 226, 1094 г. См. еще Поучение Мономаха, там же с. 249. Ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, 102-3; его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 85.

⁴⁰ ПСРЛ I, с. 229, 1095 г.

⁴¹ ПСРЛ I, с. 227-8, 1095 г.; I, с. 243 (Пучение Мономаха). Еще М.П. Погодин считал, что сперва происходила осада и сожжение Половцами Юрьева (лето 1095 г. по Погодину) и лишь в феврале 1096 г. — избиение Мономахом Итларя и Кытана (Хронологический указатель древней русской истории в Уч. Зап. втор. отд. Имп. Акад. Наук, VII, 2, СПб. 1863, с. 51, 70-72). Ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, с. 103-104 и его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 85-6, 88 и пр. 3.

номахом разбили Половцев; в этой битве Тугоркан, его сын и ряд других половецких ханов были убиты. Зато в это же время Боняк, отогнанный было за Буг, вторично напал на Киев, ограбил и сжег его окрестности и загородные монастыри, водрузил свои стяги перед воротами Печерской обители, едва не ворвался в самый Киев, а затем благополучно ушел обратно в степи⁴². Только в 1101 г. в Сакове был снова заключен общий мир между всеми половецкими ханами (днепровско-донской группы) и князьями киевским, переяславским и черниговским; обе стороны обменялись заложниками.

Приблизительно к этому же времени относится женитьба князя Олега Святославича на дочери хана Осолука (Узлука)⁴⁴. Так на протяжении меньше чем десятилетие, и во втором по значению русском княжестве, Черниговском, княгинею стала половецкая хатунь.

В эти же годы Половцам суждено было сыграть существенную роль в борьбе западнорусских княжеств с Угрией. В 1099 г. князь Давид Игоревич Волынский обратился к Боняку за помощью для похода вместе с галицкими князьями против угорского короля. В знаменитой битве у Перемышля на р. Сане именно Половцы способствовали поражению Угров; они в течение двух дней после сражения преследовали остатки мадьярского войска, производя тем окончательный разгром Угров⁴⁵.

Мир, заключенный между Половцами и Русью в Сакове, продолжался недолго: уже через два года, в марте 1103 г., русские князья, во главе со Святополком II и Владимиром Мономахом, решили предпринять большой поход вглубь половецких степей, дабы обеспечить Русь от беспрестанных разорений Половцев. По-видимому, Половцы и после саковского мира, не переставали нападать на Русь. Владимир Мономах, взяв в этом походе в плен хана Белдюзю, вероятно одного из участников саковского мира, сказал ему: „то веде яла вы рота, многажды бо ходивши роте воевасте Русскую землю, то чему ты не казаше сынов своих и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь христьянську? дасе буди кровь твоя на главе твоей; и повеле убити и...”⁴⁶. Кроме того, и знаменитые слова Мономаха на доболь-

⁴² ПСРЛ I, с. 231-4 (под 1096 г.); Поучение Мономаха (там же, с. 249).

Ср. М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 88-89.

⁴³ ПСРЛ I, с. 275, 1101 г.; П. Голубовский, История Северной земли, с. 92-3; М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 102.

⁴⁴ N. de Baumgarten, Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X au XII siecle, *Orientalia Christiana*, № 35, Roma, 1927, таблица IV и стр. 20 (№ 4); ср. с. 69 с опечаткой даты выхода замуж дочери хана Осолука. Об этом браке Н. Баумгартен заключает на основании того, что половецкие ханы Тюнрак и Камос Осолуковичи названы в Ипатьевской летописи (ПСРЛ II, с. 334, под 1146 г.) уями Святослава Новгород-Северского. Уй — дядя по матери (ср. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, с. 1175).

⁴⁵ ПСРЛ I, с. 270-1; Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 96-97.

⁴⁶ ПСРЛ I, с. 279.

ском съезде (где было решено предпринять поход) о том, что „оже начнеть орати смерд, и приехав Половчин ударить и стрелою, а лошадей его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все именье...” рисуют безнадежное положение в русских пограничных княжествах и после саковской „роты”⁴⁷. Я остановился на этом подробнее потому, что в русской историографии высказывалось предположение, что не Половцы, а Русские „без всякого повода со стороны первых” нарушили саковский мир⁴⁸.

Большие соединенные силы русских князей наголову разбили Половцев на р. Сутени (вероятно нын. Молочная)⁴⁹; в этом сражении пало до двадцати половецких ханов, в том числе прославленный своею храбростью Алтунопа, помощник Боняка в перемышльской битве с Уграми. Значительное количество Печенегов и Торков, поработанных Половцами, были теперь выведены Русскими из степей⁵⁰. Это был первый большой поход Руси в ответ на непрерывные половецкие нападения последних лет.

Этот первый разгром Половцев еще не ослабил их сил: в 1105 г. мы видим Боняка дважды разоряющим Киевскую область⁵¹; в 1106 г. Половцы воюют на Погорыни, в Волини⁵², а в 1107 г. тот же Боняк опять нападает на Русь: сперва под Переяславль, а затем предпринимает большой поход „со всеми Половци” вместе с ханом Шаруканем Старым и многими другими ханами; но на этот раз Половцы на Суле потерпели серьезное поражение: был убит брат Боняка, а Шарукань едва спасся бегством⁵³. После этого наступило недолгое примирение, подкрепленное новыми браками русских князей с половецкими хатунями: два хана Аепы, один сын Асена, другой сын Гургени, выдали своих дочерей: за младшего сына Мономаха — Юрия и за старшего сына Олега Черниговского — Святослава⁵⁴. Однако, другие ханы не

⁴⁷ ПСРЛ I, с. 277; II, с. 252-3. Вспомним еще сказанное в 1095 г. дружиною Владимира Мономаха в связи с убийством половецких послов — ханов Итларя и Кытана: „княже, несть ти в том греха (убить послов): привел тии Бог в руке твои, чему оне к тебе всегда роте ходяше губять землю Рускую. и кровь хрестьянскую проливають беспрестани” (ПСРЛ I, 227-8, 249; II, 218).

⁴⁸ П. Голубовский, История Северной земли, с. 93, 102.

⁴⁹ См. III главу, с. 72-3 отд. оттиска (с. 170-1 X-го тома Анналов Института)

⁵⁰ ПСРЛ I, с. 277-280; II, с. 246, 254.

ПСРЛ II, с. 257; I, с. 250 (Поучение Мономаха); ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, с. 116; его же, Ист. Укр.-Руси, II, 103-4.

⁵² ПСРЛ I, с. 281; II, с. 257; М. Грушевский, Очерк ист. Киевск. з., с. 116; Ист. Укр.-Руси, II, 104.

ПСРЛ I, с. 281-2, 250 (Поучение Мономаха); М. Грушевский, Очерк ист. Киевск. з., с. 116; Ист. Укр.-Руси II, с. 104.

⁵⁴ ПСРЛ I, с. 282-3; II, с. 259; ср. Поучение Мономаха, ПСРЛ I, 250.

Н. Баумгартен понял выражение Мономаха „створихом мир с Аепою и поим у него дщерь” в том смысле, будто Владимир сам женился на дочери Аепы и поэтому считал, что Аепы выдали за русских князей в 1107 трех дочерей:

переставали воевать с Русью⁵⁵; этим, вероятно, объясняется то, что уже в 1109 г. Мономах послал свои войска вглубь степей, к Дону, где Русские захватили до тысячи веж⁵⁶, а в 1111 г. соединенные силы русских приднепровских князей совершают новый большой поход вглубь половецких степей, на этот раз к Донцу, ниже устья Оскола, где дважды наголову разбили Половцев и взяли огромное количество пленных и скота⁵⁷.

Перевес сил начал явно клониться на сторону Руси. Когда в 1113г. умер Святополк II Киевский и Половцы стали собираться под Вырем, очевидно, с целью идти на Киевское княжество и требовать нового „мира” и „подарков” от нового великого князя Владимира Мономаха, то последний, собрав большое войско, выступил навстречу Половцам и кочевники бежали⁵⁸. В 1116г. войска киевского и черниговского князей снова идут в глубокий поход в степи, на низовья Дона, и русские князья входят в сношения с Аланами, жившими на окраине „половецкого поля”, возможно, ища в них опоры против общего врага — Половцев⁵⁹. Эти походы расшатали силу половецкой орды, появились признаки разложения: вслед за походом Русских

1116 г., остатки Торков и Печенегов, живших среди Половцев, восстали против своих поработителей: два дня и две ночи длилась резня, в результате которой Торки и Печенеги ушли из степей; они явились на русское пограничье и здесь были расселены Русскими⁶⁰. М. Грушевский расценивал это событие, как неудачную попытку положить конец половецкой гегемонии и вынужденный уход восставших из степей⁶¹. Однако, трудно себе представить, чтобы подчиненные Половцам турецкие народности могли рассчитывать на полное уничтожение власти Половцев в степях. Не надо забывать, что половецкая

одну за Мономаха, другую за его сына Юрия и третью за Святослава Ольговича. Баумгартена ввела в заблуждение лапидарность стиля Мономаха, который не дописал, что он „поим... дочь” для своего сына. Летопись в тех же выражениях пишет об этом браке, но объясняем, для кого „поял” Мономах дочь Аепы: „и поя Володимер за Георгия Епиопину (Аепину) дщерь Асену внука” (N. de Baumgarten, *Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes*, с. 24, к табл. V, и с. 69). Ошибку Баумгартена повторил Л.М. Сухогин, в статье Брачные союзы ближайших потомков святого князя Владимира, *Владимирский Сборник*, Белград [1939], с. 182.

⁵⁵ ПСРЛ I, с. 250; ср. М. Грушевский, *Очерк истории Киевской земли*, с. 116.

⁵⁶ ПСРЛ I, с. 283-4.

⁵⁷ ПСРЛ I, с. 289, с. 264-273. Ср. М. Грушевский, *Ист. Укр.-Руси*, II, с. 104-105. О направлении этого похода см. в III главе, с. 74 отд. от. (с. 172 X тома *Анналов Института*).

⁵⁸ ПСРЛ II, с. 276.

⁵⁹ ПСРЛ I, с. 291; II, с. 284. См. III главу, с. 70 отд. от. (*Анналы Института*, т. X. с. 168 и пр. 72).

⁶⁰ ПСРЛ II, с. 284.

⁶¹ *Очерк истории Киевской земли*, с. 129; *Ист. Укр.-Руси*, II, с. 535.

орда жила не только в причерноморских степях, но и далее за Доном, до самого Иртыша и вряд ли прикаспийские и среднеазиатские Половцы остались бы равнодушными к такому изничтожению своих сородичей. Поэтому в восстании 1116 г. скорее надо видеть удачное освобождение из-под половецкого владычества покоренных Половцами других кочевников, чем неудачную попытку свергнуть половецкую власть в степях. Хотя и ослабленные, Половцы даже и в эти годы не отказываются от активности и мы видим их то нападающими на дунайское пограничье Византии (в 1114 г. у Браничево и Видина)⁶², то вступающими в какой-то конфликт с Волжскими Болгарами (в 1117 г.)⁶³, о котором я уже говорил выше. Не имей Половцы в эти годы никакого значения, вряд ли великий князь киевский Владимир Мономах в 1117 г. женил бы своего сына Андрея на внучке знаменитого Тугоркана⁶⁴.

Все же, главные силы днепровско-донецких Половцев были подорваны. Это совпало со смертью наиболее знаменитых и сильных ханов этого времени. Еще в 1096 г. был убит Тугоркан, в 1103 г. убит Алтунопа; в 1107 г. в последний раз слышим о Шарукане Старом⁶⁵; Боняк упоминается в последний раз в 1109 г.⁶⁶ С именами этих ханов связано славное в истории Половцев двадцатилетие 1090-1110-х гг. Боняк с Тугорканом были сокрушителями печенежской орды и спасителями Византийской империи. Но тот же Тугоркан заставлял трепетать Византию, когда он, вместе с претендентом на византийский престол, пробивался до Адрианополя, а великий князь киевский взял себе в жены его дочь. Боняк разбил Угров на Сане и дважды подступал к Киеву, водружая свои знамена перед воротами Печерского монастыря. Половецкий эпос создал легенду, что Боняк своим мечом рассек Золотые ворота Киева⁶⁷. В борьбе с Киевской Русью оба великих хана сложили свои головы: Тугоркан, вместе с сыном — на р. Трубеже, близ Переяславля, Боняк — где-то в киевских пределах⁶⁸. Память о Боняке долго жила среди Половцев и желание отомстить Русским за его смерть еще

⁶² Anna Komnena, Alexias, ed. Bonn., II p. 295-7; cp. F. Chalandon, *Essai sur le regne d'Alexis I Comnènes*, Paris 1900, p. 266-7; В. Златарски, *История на Българската държава*, II, с. 218-9.

■ ПСРЛ И, с. 285.

⁶⁴ П.С.Р.Л. II, с. 285.

⁶⁵ Шаруканя уже не было в живых в 1118 г., когда его орда ушла на Кавказ. Ее вел тогда сын Шаруканя, Отрок.

⁶⁶ Впрочем, слова полоцких князей „Бонякови шелудивому во здоровье“, относящиеся к 1127 г., как будто указывают на то, что Боняк еще был жив в это время. Но запись этих слов в летописи сделана в 1140 г. (ПСРЛ И, с. 303). О времени, к которому относятся слова полоцких князей и самый смысл их см. у Грушевского, *Ист. Укр.-Руси*, II, с. 124 и пр.

⁶⁷ ПСРЛ II, с. 432, 1151 г.

⁶⁸ В 1185 г. хан Кончак, идя на Русь, говорил другому хану, Козе (Гзе): „пойдем на Киевскую сторону где суть избита братья наша и великии князь наш Боняк“ (ПСРЛ II, с. 646).

была жива у кочевников и шестьдесят-семьдесят лет спустя⁶⁹. На Руси же Боняк стал персонажем страшных легенд и сказок. Шарукань Старый считался современной ему грузинской летописью „самым выдающимся из кыпчакских ханов”. Его главным противником был Владимир Мономах, с которым он беспрестанно воевал и от которого ему пришлось претерпеть много унижений: он был взят в плен Мономахом и сидел в плену в окопах, пока переяславский князь не отпустил его обратно в степи⁷¹. И сами Половцы долго помнили великие унижения старого Шаруканя: еще спустя полвека в приазовских вежах пели песни, в которых „лелеяли” месть за Шаруканя⁷².

Место Шаруканя Старого в его роде занял сын его Отрок (или Атрак). Еще на рубеже XI и XII вв. дочь Отрока была выдана за грузинского царя Давида II. Отроку пришлось принять на себя последние удары Владимира Мономаха и уйти из степей за Железные Ворота Кавказа. Русская летопись прямо говорит, что Мономах погубил „поганяя Измаилтяны рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Железную врата... тогда Володимерь Мономах пил золотым шеломом Дон приемишу землю их всю и загнавшю оканьяныя Агаряны”⁷³; другой летописец, более близкий времени Мономаху, добавляет, что он, Мономах, „наипаче же бе страшен поганым”⁷⁴. Действительно, с 1118 г. видим Отрока со всей своей ордой принятым Грузией, и из Половцев грузинский царь организовал отборную конную армию по одним известиям в сорок, по другим — в пятьдесят тысяч человек⁷⁵. Грузинская летопись уточняет несколько стилизованный эпический отрывок, включенный в русскую летопись и поясняет, что перед 1118 г. Половцы жили по соседству с Грузией, находились в бедст-

⁶⁹ ПСРЛ II, с. 432, 1151 г., 646, 1185 г.

⁷¹ Histoire de la Georgie изд. и перев. Brosset, be partie, S. Pet. 1849, p. 362.

⁷² Поучение Мономаха, ПСРЛ I, с. 250.

⁷³ Слово о полку Игореве, фотография, изд. Сабашниковых, М. 1920, с. 26. Ср. В. Перетц, Слово о полку Игоревим, К. 1926, с. 265. В 1068 г. Половцы, во время набега на Черниговское княжество были разбиты кн. Святославом Ярославичем, „а князя их яша рукама”. Так — в Лаврентьевском списке Начальной летописи (в Ипатьевском списке — „а князя их рукама яша”). Но в 1-ой Новгородской летописи стоит: „а князь их яша Шарокана” (не имея в Белграде под руками второго издания 1-ой Новгородской летописи, цитирую по Перетцу, Слово о полку Игоревим, с. 264.) Если последнее чтение верно, то Шарукань сражался еще с дедами Мономаха — Изяславом и Святославом Ярославичами и уже в 1068 г. изведаль русского плена. В таком случае вполне объяснилось бы прозвище Шаруканя — „старый”, приводимое в русской летописи под 1107 г. В этом году ему могло быть около семидесяти лет.

⁷⁴ ПСРЛ II, с. 716, 1201 г.

⁷⁵ ПСРЛ II, с. 289, 1126 г.

⁷⁶ Brosset, ц.с. I, с. 362-3 (упоминание о 40 000 Половцах на службе у Давида), с. 368 (упоминание о 50 000 человек). У Матвея Эдесского, не очень точно передающего грузинские события этой поры (у него, напр., жена Давида II названа армянкой, а не половчанкой), упоминается всего лишь раз 15 000 отряд Половцев на службе у Давида (ib. с. 363, пр. 3).

венном состоянии, а Давид II, нуждавшийся в это время в войске, пригласил своего тестя Отрока со всей его ордою в Грузию Следовательно, Владимир Мономах только отбросил днепровско-донских Половцев в предкавказские степи, а уже отсюда грузинский царь призвал их к себе на Кавказ. Здесь орда Отрока была расселена в удобных для нее местах и с нею, в течение 20-х годов XII ст.,

Давид II Восстановитель совершил свои победоносные походы на Ширван, Персию, Великую Армению, и на сельджукских Турок.

Уход части Половцев из Причерноморья в Закавказье косвенно подтверждается еще походом 1120 г, переяславского князя Ярополка, сына Мономаха, который „ходи на Половцы за Дон и не обрете их, воротися вспять”⁷⁸, — в этом можно видеть указание на то, что Половцы оставили места своих прежних кочевок и ушли куда-то дальше от Руси⁷⁹.

Когда в 1125 г. умер Мономах, весть об этом сразу разнеслась по половецким степям. И те, очевидно, более мелкие орды, которые не покидали степей и даже продолжали кочевать поблизости от русских пределов, тотчас же ворвались в Переяславское княжество „повоевати Русску землю”⁸⁰; другие же ханы, из оставшихся в степях, послали гонцов в Грузию к Отроку, зовя его вернуться в родные степи. Отрок вернулся, но далеко не со всей своей ордой: он и сам, по эпическому отрывку, как будто колебался с возвращением⁸², да и из грузинских источников мы знаем, что часть Половцев навсегда осталась жить на Кавказе и служить грузинским царям⁸³.

⁷⁶ Brosset, ц.с. с. 362.

⁷⁷ Brosset, ц. с. с. 363.

⁷⁸ ПСРЛ I, с. 292, 1120 г.

⁷⁹ М. Грушевский, Ист. Укр.-Руси, II, с. 107.

⁸⁰ ПСРЛ I, с. 295-6, 1125 г; ср. II, с. 289-290, 1126 г.

⁸¹ Эти два примера показывают, что далеко не все Половцы ушли из причерноморских степей в Закавказье.

⁸² ПСРЛ II, с. 155, 1201 г.: Роман, кн. волынский, праправнук Мономаха „ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганяя Измаилтяны рекомыя Половцы, изгнавшю Отрока во Обезы за Железные врата. Сырчанови же оставшю у Дону рыбою ожившю тогда Володимерь Мономах пил золотым шоломом Дон и преимшю землю их всю. и загнавшю оканьяны Агаряны. По смрти же Володимери оставшю у Сырчана единому гудьцю же Ореви посла и во Обезы река: Володимер умерл есть, а воротися брате поиди в землю свою молви же ему моя словеса, пои же ему песни половецкия. оже ти не восхочет дай ему поухати зелье именем евшан. оному же не восхоцешю обратитися ни послушати. и дасть ему зелье, оному же обоухавшю и восплакавшю рче да луче есть на своей земле костью лечи нежи на чюжеи славну быти. и приде во свою землю”. Д. Иловайский, очевидно на основании обращения Сырчана к Отроку „а воротися, брате”, предполагал, что Сырчан был братом Отрока (История России, I, М. 1876, с. 261).

⁸³ Brosset, I, p. 437. В эпоху царицы Тамары (1184-1212) различали в Грузии Половцев „старых” и „новых”, то есть, очевидно, поселенных еще Давидом II и в последующее время, вероятно, в эпоху Тамары.

Собравшись в причерноморских степях, Половцы попытались было снова начать набеги на Русь, чему благоприятствовало еще и то обстоятельство, что в 1128 г. начались на Руси усобицы и черниговский князь, сам сын половецкой хатуни, пригласил семитысячную половецкую орду своих двух дядей, ханов Тюнрака и Камоса Осолуковичей к себе на помощь против других русских князей⁸⁴. Намек на половецкие нападения и на войны с Половцами приемника Мономаха, его сына Мстислава, находим в словах летописца, что „бяху до тогда (в 1126-1127 гг.) налегли Половци на Русь, и тому стояшеть. бяся с ними ся и перемагаяся. Се бо Мьстислав великий наследи отца своего пот Володимера Мономаха великаго. Володимир сам собою постоя на Дону, и много пота утер за землю Рускую...”⁸⁵. Что войны снова начали принимать широкие размеры видно из того, что Мстислав Киевский пытался собрать вокруг себя для войны с Половцами князей всей Руси, вплоть до отдаленных Полоцких⁸⁶. Результат этой новой короткой вспышки половецко-русских войн был для Половцев неблагоприятен: натиск их был отбит и великий князь киевский, подобно своему отцу, стал посылать в степи своих „мужей” и по несколько гиперболическому слову летописца „загна Половци за Дон и за Волгу за Гиик (Яик) и тако избави Бог Рускую землю от поганых”⁸⁷. Действительно, до смерти Мстислава мы не слышим больше о половецких нападениях на Русь.

К этому же времени, то есть к началу 30-х гг. XII в., относятся первые сведения о половецких военных отрядах на службе у государей Средней Европы. В 1132 г. чешский король дает германскому императору вспомогательный отряд Половцев для его итальянского похода. Так как в Чехии никогда не было половецких поселений, то справедливо предположение, что король Богемии попросил этот отряд у своего родственника и союзника — короля угорского⁸⁸. Как раз в Угрии до татарского нашествия известен целый ряд поселений Половцев⁹⁰. Знает „Палоч-гору” в Угрии (Палоч, Palocz — мадьярское название Половцев) и русская былина о Дюке Степановиче. В этой „Палоч-горе, по объяснению А.И. Лященко, надо видеть Матранские горы, где было особенно много половецких поселений⁹¹. Если верно утверждение Лященко, что историческим зерном былины о Дюке Степановиче было посещение в 1151 г. Киева венгерским королевичем дуком Стефаном (будущим королем Стефаном IV), то, в таком

⁸⁴ ПСРЛ II, с. 290-1, 1128 г. Ср. выше, прим. 44 с. 109.

⁸⁵ ПСРЛ II, с. 303, 1140 г.

⁸⁶ ПСРЛ II, с. 303, 1140 г.

⁸⁷ ПСРЛ II, с. 303-304. Ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевск. зем.-ли, с. 140.

⁸⁸ Ph. Jaffe, Bibliotheca Rerum Germanicarum, V, 1869, p. 446-7.

⁸⁹ V. Novotny Ceske dejny, I, 2, Praha, 1913, с. 621.

⁹⁰ Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии, с. 37-8.

⁹¹ А.И. Лященко, Былина о Дюке Степановиче, Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук., т. XXX, 1925, с. 68, 70, 105.

случае, у нас было бы свидетельство о жизни Половцев в северной Угрии уже в середине XII в. Все это говорит за то, что еще до тридцатых годов XII в. Половцы, то ли вследствие какого-то, неизвестного нам, поражения и пленения Мадьярами, то ли, может быть, вследствие добровольного прихода в Угрию после разгрома их главных сил Русскими в 1110-1120-х гг. — были поселены в Угрии и служили в войсках венгерских королей. Семьдесят лет спустя, в 1203 г. мы снова слышим о половецких отрядах в качестве вспомогательного войска императора Оттона IV в Тюрингии⁹². Этот отряд был, очевидно, также венгерского происхождения.

3.

1130-60 гг.: Набеги на соседей и участие в русских усобицах.

Середина XII века не ознаменовалась в истории Половцев какими-либо выдающимися событиями; это время было полно лишь мелкими набегами на Русь. Половцев призывали к себе на помощь русские князья, беспрестанно враждовавшие между собою. Это давало Половцам возможность беспрепятственно грабить русскую землю и, кроме того, получать „дары многы” (главным образом в виде золота) от призывавших их князей. Среди последних у половецких ханов было немало родственников и свойственников через браки князей с половецкими хатунями. Эти-то русские родичи и обращались к своим половецким дядьям, двоюродным братьям и своякам за военной помощью, которую Половцы всегда очень охотно предоставляли. Виднейшие участники русских усобиц 1130-60-х гг. — Юрий Суздальский, Святослав Ольгович Новгород-Северский и Изяслав Давидович Черниговский были: первый — мужем, второй сыном и мужем половецких хатуней, а третий — свояком одного из сильнейших ханов через свою невестку, ставшую после смерти мужа женою половецкого хана Башкорда.

Двадцатилетие 1132-1152 гг. было для Половцев особенно выгодным для действий на Руси. После смерти в 1132 г. последнего могущественного и почти единодержавного Мстислава I, Русь впала в хронические усобицы и князья, в борьбе друг с другом, беспрестанно призывали Половцев. Сами же Половцы, при этом, не проявляли никакой наступательной инициативы и вполне удовлетворялись ролью послушных союзников русских князей⁹³. Особенно ярко это выразили они са-

⁹² Amoldi Chronica Slavorum, VI, 5, в Monum. Germ. Hist. Script. XXI, p. 216.

Ср. А.В. Флоровский, Чехи и восточные славяне, I, в Праге, 1935, с. 83.

⁹³ В недавно вышедшей небольшой статье В.П. (Владимира Пархоменко?) Половцы и Русь, *Slavia*, XVI, 4, Прага 1939, с. 598-601, изобилующей неточностями и совершенно необоснованными утверждениями, высказывается, между прочим, мнение, что занятие Киева в 1139 г. князем Всеволодом Ольговичем было делом Половцев, которые стремились посадить в Киеве своего союзника (с. 599). Нет решительно никаких данных, что бы утвр-

ми устами своих послов, явившихся к новгород-северскому родственнику: „когда велишь нам к себе с силою прийти, и се готовы есмы”⁹⁴. Такое отсутствие собственной инициативы объясняется тем, что это время не выдвинуло таких энергичных ханов-воителей, каких дала предшествовавшая и последующая эпохи половецкой истории.

Легендою овевано имя только одного хана Севенча, сына знаменитого Боняка. Он не раз подступал к Киеву, но не так, как некогда его отец, а в качестве союзника сына Мономаха, и выражал хвастливое намерение: „хоощу сечи в Золотая ворота яко же и отец мой”. Но ему не удалось осуществить свои желания: в происшедшей под Киевом в 1151г. битве он погиб, а весь его отряд, пришедший на помощь Юрию Суздальскому, был перебит противною русскою стороною⁹⁵.

В эти годы Половцы, пользуясь призывами русских князей, грабили и жгли не только русские области, приграничные со степью, но проникали далеко вглубь Руси, куда они еще никогда не доходили в предшествующие времена.

Половцам в двадцатилетие 1130-1150 гг. не раз представлялся случай разорять Переяславское княжество где они грабили города и по Суле⁹⁶ и по Удаю (Пирятин⁹⁷, Прилук⁹⁸), и по Трубежу (Баруч⁹⁹, Нежатин), опустошали окрестности Переяславля¹⁰¹, доходя до Альты; они хозяйничали также и в Киевской области: жгли киевский Городец (на левой стороне Днепра)¹⁰³, перебирались на правобережье, где предавали огню и опустошению окрестности Треполя¹⁰⁴, Халеп¹⁰⁵,

ждать такое мнение. Известно только, что Всеволод Ольгович часто пользовался половецкою помощью в войнах с другими русскими князьями. Киев же он занял без участия Половцев. Мне уже неоднократно приходилось подчеркивать, что Половцы не проявляли собственной инициативы когда принимали участие в русских делах, а были всегда послушными исполнителями приказаний русских князей. Приводимая ниже цитата подтверждает это положение. К статье В.П. мне еще придется вернуться.

Воскресенская летопись, 1147 г. (ПСРЛ VII, с. 39). В Ипатьевской летописи (ПСРЛ II, с. 341) текст короче.

⁹⁵ ПСРЛ II, с. 432.

⁹⁶ ПСРЛ II, с. 301, 1139 г. (в Лаврентьев, лет. под 1138г.).

⁹⁷ ПСРЛ II, с. 359, 1147 г. См. еще в Лаврентьев, лет. под 1154 г.

⁹⁸ ПСРЛ II, с. 301, 1139 г. (в Лаврентьев, лет. под 1138г.).

Лаврентьевская лет. под 1135 г.; ср. Воскресенскую лет. (ПСРЛ VII, с. 30).

Лаврентьевская и Воскресенская лет. под 1135 г.

¹⁰¹ Ипатьевская лет. под 1136 г. (ПСРЛ II, с. 297-8), 1150 г. (там же, с. 404), 1154 г. (там же, с. 472, 476). Ср. Лаврентьев, лет. под 1136 и 1154 г.

ПСРЛ II, с. 476, 1154 г. Общие упоминания о разорении Половцами сел и городов Переяславской области см. еще под 1135 г. (ПСРЛ II, с. 296).

¹⁰³ ПСРЛ II, с. 296, 1135 г. Ср. Лаврентьев, лет. под тем же годом.

¹⁰⁴ ПСРЛ II, с. 299, 1137 г. Ср. Лаврентьев, лет. под 1136 г. При этом был взят и самый город Треполь.

ПСРЛ VII, с. 30, 1136; ср. Лаврентьев, лет. под тем же годом. Халеп при этом был также взят Половцами.

Красна¹⁰⁶, Василева¹⁰⁷, воевали под Белгородом¹⁰⁸, располагались под Киевом, у его предместий¹⁰⁹, обходили Киев с севера, подступая к Вышгороду¹¹⁰ и заходя до „Дерев” — северной части Киевского княжества¹¹¹, где они достигали Брягина¹¹².

Из Киевской области русские князья посылали Половцев на север воевать Туровское¹¹³, а на восток — Галицкое княжество. Кочевники участвовали во взятии галицких городов Ушицы и Микулина и в осаде Звенигорода¹¹⁴.

На левобережье Половцы разоряли не только Переяславское княжество, но и Черниговское и Новгород-Северское, проникали в Вятичевскую землю, и еще севернее — в Смоленское княжество. Русские родичи приводили половецких ханов под Чернигов, давая им возможность жечь его окрестности¹¹⁵ и разорять все Посемье между Черниговом и Путивлем¹¹⁶ Большие силы Половцев — „вся половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром” — дважды совершают глубокие набеги в Вятичевскую землю Новгород-Северского княжества, где Половцы вместе с Русскими берут Кромы, Мценск, Воробинин, Домагощ¹¹⁷, а с верховьев Оки Половцы посылаются Русскими на верховья Угры, в пределы Смоленского княжества.

Раз Русские повели Половцев даже против Пскова, очевидно через Северскую, Смоленскую и Новгородскую земли; дойдя до Дубровны, деревни на р. Шелони в 70 верстах на восток от Пскова, союзное войско вынуждено было повернуть обратно¹¹⁹.

В 1154 г. в одно из русских междоусобий, Половцам удалось взять в плен русского князя противной стороны — Святослава Всево-

¹⁰⁶ ПСРЛ II, с. 299, 1137 г.

¹⁰⁷ ПСРЛ II, с. 299, 1137 г.

¹⁰⁸ ПСРЛ II, с. 299, 1137 г.

¹⁰⁹ ПСРЛ II, с. 431, 1151 г.

¹¹⁰ ПСРЛ II, с. 299, 1137 г.

¹¹¹ ПСРЛ II, с. 299, 1137 г. О Деревской области см. у Грушевского, Ист.

Укр.-Руси II, с. 258.

¹¹² ПСРЛ II, с. 359, 1148 г.

¹¹³ ПСРЛ II, с. 304-6, 1140 г. Ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, с. 156-7 и 163.

¹¹⁴ ПСРЛ II, с. 319-320 под 1146 г., т. VII, с. 34, под 1144. Ср. Лаврентьев, лет. под 1144 г. См. Грушевский, ц.с. с. 163.

¹¹⁵ ПСРЛ II, с. 456-7, 1152 г.

¹¹⁶ ПСРЛ II, с. 458, 1152 г.

¹¹⁷ ПСРЛ II, с. 341-2, 1147 г., с. 455, 1152 г.

¹¹⁸ ПСРЛ II, с. 342, 1147 г. Спустя двенадцать лет Смоленская область будет еще более жестоко разорена Половцами. Об этом ниже.

¹¹⁹ ПСРЛ III, с. 8; V, с. 158; VII, с. 31; IX, с. 161; XV, с. 200; 1137 г. О местоположении Дубровны (которую не надо смешивать с Дубровной Торопецкой волости Смоленского княжества) см. Н.М. Карамзин, Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, кн. I, СПб. 1842, т. I, с. 110 и прим. 266, а также Учебный атлас по русской истории Е. Замысловского, изд. 3-е, СПб. 1887, карта третья.

лодовича Черниговского и значительную часть киевской дружины. Лишь за богатый выкуп они выдали Руси своих пленных¹²¹.

Половцам так пришлось по вкусу грабежи русской земли, с уводом пленных и с угоном скота, что даже тогда, когда русские князья побивали их и затем хотели с ними мириться, Половцы не шли на мир: „Половцы не восхотеша (мира) — писал о них в 1151 г. русский летописец, — но восхотеша кровь прияти”¹²¹. Не очень стеснялись Половцы и со своими союзниками, теми русскими князьями, которые звали их на Русь: Половцы иногда грабили волости и этих союзников, так что последним приходилось „укрощать” и „умирять” их, а то и просто „отпускать прочь”¹²².

В результате подобного хозяйничания Половцев на Руси было то, что степные области трех русских княжеств — Переяславского, Черниговского и Новгород-Северского и даже некоторые лесостепные районы, пограничные со степью, например, Ороговский и Любечский, были в эти десятилетия так опустошены, что в них почти не осталось населения³.

¹²¹ ПСРЛ И, с. 475-6, 1154 г.

¹²¹ ПСРЛ VII, с. 54, 1151 г.

¹²² ПСРЛ И, с. 404; VII, с. 49, 1150 г.

В 1161 г. князь из черниговской семьи. Изяслав Давидович, заявлял, что он не желает „голодом мерети” „у Выри” (черниговском городе, в степи, близ переяславского пограничья — ПСРЛ II, с. 517); другой князь, Святослав Ольгович, жаловался в 1159 г., что в Моровийске, Всеволоже, Орогоще, Любече, (южно-черниговских городах, на переяславском пограничье, первые два — в степи, вторые два — в лесной области) жили лишь княжеские „псары”. Летописное известие 1159 г. послужило ряду историков для утверждения того, что с середины XII в. в приграничных со степью русских городах появляются поселения „замиренных” Половцев. Но такое утверждение — лишь результат невнимательного чтения данного места летописи. В Ипатьевской летописи стоит: „и рече Святослав (Ольгович Новгород-Северский): Господи, виждь мое смирение, колико на ся поступах, не хотя крови пролити хрестьяньски и отчины своя погубите, взяти Чернигов с седмью город пустых: Маровиеск, Любеск, Оргощ, Всеволож, а в них седять псареве же (и) Половци” (ПСРЛ II, 500; „и” — лишь в Ипатьевск. списке, в Хлебников, и Погодин, списках „и” отсутствует). Ипатьевский список явно сокращает основной текст летописи. Это очевидно как из того, что из семи городов, о которых идет речь, перечислено лишь четыре, так и из сравнения с Воскресенским списком, который дает более полный и более осмысленный текст: „а в них седять псареве и то же Половци выпустишили” (ПСРЛ VII, с. 69). Смысл слов князя тот, что в семи городах, опустошенных Половцами, живут лишь княжеские ловчие. М. Грушевский в Ист. Укр.-Руси, т. II, с. 534, основываясь лишь на Ипатьевской летописи и не учитывая варианта Воскресенской, утверждал, что в XII в. появляются на русской почве поселения Половцев, находившихся под русской властью, подобно тому, как были поселения Торков и Печенегов. Начало половецких поселений Грушевский ставил в связь с появлением с 40-х гг. XII в. в русской летописи нового термина «дикие Половцы», которым летописцы, по мнению Грушевского, стали обозначать степных Половцев, противопоставляя им недиких, «своих поганных», осевших на Руси. В перехо-

Видя слабость русских князей, Половцы не переставали являться к ним „на мир”, то есть с требованием „подарков” или откупа. Как только на киевском или переяславском столе утверждался новый князь, Половцы приходили „всей землей” за такими „подарками”. В 1139 г. они с подобными требованиями подступили к Малотину, в Переяславском княжестве: из Киева и из Переяславля приехали к ним русские князья „и створиша мир с ними”¹⁴. Как только в 1146 г. в Киеве был убит Игорь Ольгович и на великокняжеском столе утвердился Изяслав Мстиславич, то „слышавше половецъстии князи створившееся над Игорем, прислашася ко Изяславу мира просяче” ; но уже в следующем 1148 г., неизвестно, те же или другие колена Половцев, опять явились „творити мир” с тем же Изяславом, — на этот раз у г. Воиня¹²⁶.

К тридцатым годам относятся нападения Половцев и на Польшу, в Повислие, которое они разграбили в 1135 г.¹²⁷, а в сороковых и пятидесятых годах известно два нападения Половцев на дунайское пограничье византийской империи. В 1148 г. они перешли Дунай, взяли

де Половцев на оседлый быт Грушевский видел результат ослабление половецкой орды после разгрома ее в нач. XII в. Владимиром Мономахом. Еще ранее Грушевского, Д. И. Иловайский также считал, что в упомянутых черниговских городах были расселены пленные Половцы (Ист. России, т. I, ч. 2 М. 1880, с. 56 и 65). Позже то же мнение находим у В.О. Ключевского, считавшего, что в этих городах сидели „мирные Половцы, перешедшие на Русь” (Курс русской истории, ч. I, М. 1911, с. 349). О «диких» Половцах и моих возражениях Грушевскому см. в III главе (с. 59-60 и пр. 14 отд. от. или с. 157-8 X тома Анналов Института). Иловайский скептически относился к словам князя Святослава Ольговича о бедности и разоренности рассматриваемых черниговских городов (Иловайский ошибочно приписал эти слова князю Изяславу Давидовичу), мотивируя свои сомнения тем, что еще в 1148 г. любечский округ был полон всевозможною «жизнью» черниговских князей (ПСРЛ II, 361). Но как-раз в промежуток времени 1148-1159 гг. и было разорено черниговское княжество из-за междоусобных войн и призывов Половцев. Грушевский даже высказал предположение, что в упоминаемом в 1159 г. гор. Любече может быть надо видеть не древний и богатый Любеч на Днепре, а какой-то другой город, так как в Ипатьевской летописи есть вариант: „Любеск” (Ист. Укр.-Руси, II, с. 336).

¹⁴ ПСРЛ I, с. 308 (под 1139 г.); И, с. 308 (под 1140 г.).

¹²⁵ ПСРЛ I, с. 314; II, с. 328.

¹²⁶ ПСРЛ I, с. 315 (под 1147 г.).

¹²⁷ Monum. Polon. Hist. II, p. 832, 875. Ср. П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, Киев. Ун. Изв. 1883, № 10, с. 552-3; Ф. Успенский, Образование второго Болгарского царства, с. 208 и пр. 2. Голубовский почему-то считал, что Половцы были наведены на Польшу галицким князем Владимиркой, однако для такого предположения у нас нет никакого основания. С.М. Соловьев, История России, кн. I, т. II, с. 353, Голубовский, ц.с. с. 552 и Грушевский, Ист. Укр.-Руси, с. 112-3, полагали, что поход 1120 г. сына Мономаха Андрея „с поганами на Ляхы” был совершен вместе с Половцами (ПСРЛ II, с. 286). Однако, под «поганами» летописец мог подразумевать необязательно Половцев, но также и Черных Клобуков, — «своих поганах».

город Демничик и пограбили северо-восточную Болгарию до балканских гор¹ 8. Шесть лет спустя, в 1154 г., Половцы снова проникли за Дунай, разорили ряд греческих крепостей вдоль Дуная и разбили наголову высланный против них византийский отряд. Возможно, что этот раз Половцы действовали в согласии с Мадырами, которые в это время воевали с Византией¹²⁹. Участвовавшие набеги Половцев на греческое пограничье стоят в связи с окончательным освоением ими в середине XII в. придунайских степей, куда они до того прикочевывали лишь на время³⁰.

Когда в начале пятидесятих годов несколько притихают на Руси усобицы и у Половцев отпадает возможность беспрепятственно пожить в русской земле, столкновения Половцев с Русью принимают опять более серьезные формы. В 1152 г., в княжении в Киеве Изяслава Мстиславича, Русские снова начинают наступательные походы в степи: сын Изяслава разбивает Половцев на рр. Угле (Орели) и Самаре и производит основательный разгром их веж¹³¹. Приграничные нападения Половцев теперь не остаются без реакции со стороны Русских: в следующем 1153 г., когда Половцы „пакостяхуть” по Суле, тот же Изяслав опять послал против них свои войска¹³². Интересно отметить, что эти нападения Руси на Половцев происходят как-раз в то время, когда киевский великий князь входит в сношения не то с Аланами, не то с Грузинами, следствием чего в 1154 г. был брак Изяслава Мстиславича на „царской дочери” „из Обез”¹³³. Брак русского князя на царевне из столь

¹²⁹ Niketas Choniates, ed. Bonn., 1, p. 103-4; I. Kinnamos, ed. Bonn., p. 93-5; В.Г. Васильевский, Из истории Византии в XII в. Союз двух империй, Труды, т. IV, Л. 1930, с. 28-31; F. Chalondon, Jean II Comnene et Manuel I Comnene, Paris, 1912, p. 323-5; В.М. Златарски, История на Българската държава, II, с. 384-6.

¹²⁴ Niketas Choniates, I, p. 123-4; Васильевский, ц.с. с. 71-72; Chalondon, ц.с. с. 413-4; Златарски, ц.с. II, с. 394-5.

¹³⁰ См. III главу, с. 60 отд. от. или с. 158 X тома Анналов Института.

¹³¹ ПСРЛ II, с. 460.

¹³² ПСРЛ II, с. 465, 1153 г., с. 470, 1155 г.

В начале 1153 г. Изяслав послал своего двоюродного брата и сына (это был второй брак Изяслава) встретить невесту на устье Днепра, но она в тот год не приехала; лишь в следующем 1154 г. Мстислав Изяславич, вторично посланный отцом, встретил свою будущую мачеху на днепровских порогах, на пути в Киев: „посла Изяслав второе сына своего Мьстислава противу мачесе своей бе бо повел из Обез жену собе цареву дщерь и сrete ю в порозех приведе ю Киеву...” (ПСРЛ II, с. 468). Обезами летописцы, очевидно, называли и Алан и Грузин: еще П. Бутков в 1825 г. в статье О браках князей Русских с Грузинками и Ясынями в XII веке (Северный Архив, 1825 г., № IV, с. 318-322) обратил внимание на то, что в поэтическом отрывке, включенном в летопись, об изгнании Половцев Владимиром Мономахом „во Обезы за Железная врата” (ПСРЛ II, с. 716) под Обезами надо понимать Грузию. В грузинском происхождении невесты Изяслава Мстиславича убеждало Буткова и выражение летописи „цареву дщерь”. Он, поэтому, считал ее дочерью царя Георгия III. И. Баумгартен, ссылаясь на недоступную мне статью Brosset,

отдаленной земли, но находившейся как-раз в тылу половецких причерноморских кочевий — не указывает ли на желание Мономаховичей охватить Половцев с двух сторон, действуя одновременно в союзе с Аланами или Грузинами? К сожалению, у нас нет никаких¹³⁵ известий о том, что в это время происходило в предкавказских степях.

Половцы теперь уже не могли по своей воле принуждать Русских на „миры“, как то было, по-видимому, в предыдущие десятилетия: Русь или отказывалась принимать половецкие условия или являлась на место встречи с Половцами с такими силами, что кочевники, узнав о них, бежали обратно в степи.

Вторая половина пятидесятых и шестидесятые годы XII ст. снова полны мелкими нападениями Половцев на русское Приднепровье. За это время они трижды проникают в Поросье,¹³⁶нападая здесь, главным образом, на вежи киевских Черных Клобуков³⁷; пробираются и севернее, за Рось, в окрестности Котельницы, Ярополча и Мунарева¹ на левобережье грабят окрестности Выря, Путивля, Переяславля¹ разбивают переяславскую дружину, обогащаясь большими выкупами;

считал невесту Изяслава дочерью царя Дмитрия I (*Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes*, табл. V и с. 25; ср. с. 70). По Карамзину (Ист. Гос. Рос., кн. I, т. II, с. 159 и пр. 354) и Иловайскому (Ист. России, т. I, ч. 2, с. 239) — Абхазка, по Соловьеву (Ист. России, I, с. 444) — Грузинка.

¹³⁴ М. Грушевский первоначально видел цель похода Мстислава Изяславича 1152 года в желании помешать Половцам придти на помощь своему постоянному союзнику — Святославу Ольговичу Новгород-Северскому, на которого в это время Изяслав пошел в поход (Очерк ист. Киев, земли, с. 190), позже же Грушевский считал, что посылка Мстислава в половецкие степи была актом мести Изяслава Половцам за то, что они перед тем держались стороны противников Изяслава — Юрия Суздальского и Святослава Ольговича Новгород-Северского (Ист. Укр.-Руси, II, с. 173). Самый же брак Изяслава на Аланке или Грузинке Грушевский ставил в связь с владением Русью Тмутаракани, которая, по его мнению, находилась в руках Русских до третьей четверти XII ст. Иначе — считал Грушевский, все эти браки (русских князей на Аланках и Грузинках) были бы очень странными” (Ист. Укр.-Руси, II, с. 513). Меры особой предосторожности, предпринятые Изяславом по охране своей невесты при проезде ее через степи („посла отец Мстислава противу мачесе с Володимиром Андреевичем и с Берендичи” — ПСРЛ II, с. 465, 1153 г.) — не свидетельствует ли о том, что для Половцев этот брак был одиозен и киевский князь имел все основания опасаться за благополучное путешествие царевны через половецкие степи?

¹³⁵ ПСРЛ II, с. 479-80, 1155 г.

¹³⁶ ПСРЛ И, с. 481, 1155 г.

¹³⁷ В 1155, 1162 и 1165 гг. ПСРЛ II, с. 479, 520-1, 525. Ср. Грушевский, Очерк ист. Киевской зем., с. 213; его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 190.

¹³⁸ ПСРЛ VII, с. 71, 1159 г. Ср. Грушевский, Очерк ист. Киевск. з., с. 213, его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 190.

¹³⁹ ПСРЛ II, с. 505, 1160 г. Ср. Грушевский, Очерк ист. Киевск. г., с. 213.

¹⁴⁰ ПСРЛ II, с. 504-5 (под 1160 г.), VII, с. 71 (под 1159 г.).

¹⁴¹ ПСРЛ VII, с. 64, 1155 г. Ср. Лаврентьевскую лет. под тем же годом.

¹⁴² ПСРЛ II, с. 527, 1167 г.; ср. VII, с. 79; IX с. 233; XV, с. 237.

в 1159 г. в глубине Переяславского княжества, у Носова и по р. Альте, Половцы захватывают более восьмисот человек и уводят их в степи.

В 1157 г. умер в Киеве Юрий Владимирович, зять хана Аепы, часто призывавший к себе на помощь свою половецкую родню. Но оставался в живых еще Изяслав Давидович Черниговский, свояк хана Башкорда, пользовавшийся еще более чем Юрий, помощью Половцев. В 1156 г. „многое множество” Половцев из-под Заруба, куда они явились на мир с Юрием Киевским, были уведены Изяславом Давидовичем, присутствовавшим на этом „мире”, — вглубь Черниговского княжества, против своего племянника¹⁴⁴. В 1159 г. хан Башкорд привел под киевский Белгород двадцать тысяч Половцев на помощь Изяславу Давидовичу в его борьбе за киевский стол, но Изяслав не сумел воспользоваться этой силой и не удержался в Киеве; в следующем году Изяслав ведет „ всю силу Половцев” из-под Выря сперва к Чернигову, где степнякам представилась возможность повоевать все окрестные села, а затем — вглубь Северной земли, к Росухе и Воро-

¹⁴³ ПСРЛ VII, с. 71, 1159. Ср. В. Ляскоронский, История Переяславской земли с древнейш. времен до пол. XII ст. Киев 1903, с. 332. Тот же Ляскоронский, в другой работе Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 г.” (ЖМНП 1907, март-май) считал, что пятидесятые годы XII ст. являются временем возрастания „политического и военного могущества Половцев” и что „концентрация боевых сил и строго обдуманый план действий во время нападений на русские пределы, — являются характерными чертами состояния половецкого народа за указанный период”. План этот Ляскоронский видел в том, что Половцы в эти годы стремились разрушить оборонительные русские линии, сперва — Поросья, а потом Посулья. „Учащенные, усиленные и последовательные нападения Половцев на Посулья дают возможность видеть во всем этом не простые случайные грабежи, а систематический, строго выработанный и целесообразный план” (с. 31). Если бы и был такой план у Половцев, то мы все же не видим его осуществления: границы Руси в эти годы не были отброшены на север, а города-крепости степной полосы Руси остаются и в дальнейшем оплотом от кочевников. Вообще же крайне сомнительно видеть какие-либо „планы” у Половцев относительно соседних оседлых государств и вся история этого кочевого народа скорее говорит за то, что никаких „планов” у них никогда и не было. К тому же учащения нападений и увеличение их размаха обычно связано у Половцев с появлением в степях какой-нибудь энергичной личности, а как-раз в эти годы мы не слышим о каких-либо сильных и славных ханах. О росте „политического и военного могущества” Половцев в пятидесятых годах XII ст. у нас нет никаких данных. Насколько такое заключение необоснованно и шатко можно видеть из того, что другой исследователь половеcko-русских отношений, В.П. в статье Половцы и Русь (с. 599), приходит к обратным выводами, именно, что „в середине 50 гг. активность Половцев, видимо, ослабевает снова встречаем мирные „снимы князей с Половцами” (1155, 1158 гг.).

¹⁴⁴ Изяслав повел Половцев к г. Березому, находившемуся где-то на севере от Чернигова, ПСРЛ II, с. 485. О Березом см. у Грушевского, Ист. Укр. Руси, II, с. 603 и карту Черниговской земли.

¹⁴⁵ ПСРЛ II, с. 500-1.

бийне . Отсюда Половцы были посланы Изяславом в Смоленское княжество, где они перебили много народа и более десяти тысяч вывели в степи . Наконец, в 1161 г. Изяслав дважды призывает Половцев на Русь: сперва он приводит их под Переяславль¹⁴⁸, а второй раз ведет к Киеву: он переправляется с ними с левой стороны Днепра на правую, берет Вышгород, и 12 февраля 1161 г. входит в Киев¹⁴⁹. Так Половцы проложили путь своему свояку в столицу Руси. И несмотря на то, что их было много („придоша к нему [Изяславу] Половци мнози” говорит летописец)¹⁵⁰, кочевники не воспользовались своим исключительным положением главной силы, помогшей Изяславу захватить Киев, не вышли из роли вспомогательного войска. Больше того: пассивные ко всем тем военным перипетиям, которые происходили в это время на Руси, Половцы, в дальнейшем не проявили должной стойкости в поддержке Изяслава и легко примирились с его поражением и гибелью. Тотчас по занятии Киева, Изяслав, со всем своим войском, подступил к Белгороду, где собрались его противники и начал осаду города. Здесь после трехнедельной осады, 6 марта 1161 г. Изяслав пал в битве с Мономаховичами. Половцы, хотя и понесли при этом потери, однако, несмотря на свое многочисленство, не оказали большого сопротивления, а после смерти Изяслава ушли обратно в степи¹⁵¹.

Спустя три года умер и третий могущественный „сват” Половцев — новгород-северский Святослав Ольгович¹⁵². Но русские князья сами стремились заручиться новыми браками с половецкими ханскими родами: в 1163 г. великий князь киевский Ростислав привел из степей своему сыну Рюрику в жены дочь хана Бела¹⁵³. Этим браком Половцы снова укрепили свои связи с династией Рюриковичей и впоследствии Рюрик Ростиславич киевский будет широко пользоваться помощью половецких родственников в своих войнах за Киев.

В то время, как донецко-донские Половцы принимали участие в междоусобицах русских князей, придунайские Половцы не переставали совершать нападения на Византию. В 1160 г. они переправились через нижний Дунай и устремились грабить придунайскую Болгарию. Только появление здесь самого императора Мануила заставило Половцев уйти обратно на левый берег реки¹⁵.

¹⁴⁶ ПСРЛ I, с. 505-8.

¹⁴⁷ ПСРЛ II, с. 508.

¹⁴⁸ ПСРЛ II, с. 514.

¹⁴⁹ ПСРЛ I, с. 516.

¹⁵⁰ ПСРЛ I, с. 518; V, с. 162; VII, с. 75. Ср. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, с. 210-211.

¹⁵¹ ПСРЛ II, с. 524, 1164 г.

¹⁵² ПСРЛ II, с. 524, 1164 г.

¹⁵³ ПСРЛ II, с. 521-2, 1163 г.

I. Kinnamos, ed. Bonn., p. 201-2; ср. F. Chalondons, Jean II Comnene et Manuel I Comnene, p. 474; В.Н. Златарски, История на Българската държава, 11, с. 395-6.

К концу шестидесятых годов набеги Половцев на русскую землю снова стали ежегодным явлением; заключали они и „роты” с русскими князьями, но не стеснялись их нарушать¹⁵⁵. Вместе с тем они стали угрожать торговым путям, шедшим из Византии и из Причерноморья через степи в Киев¹⁵⁶. Это вызвало серьезную тревогу у русских князей и заставило их объединиться в общий поход против Половцев. Энергия, проявленная при этом русскими князьями, напоминала времена Владимира Мономаха: на р.р. Угле и Снопороде Русские в 1168 г. разгромили половецкие вежи, захватив огромное количество пленных, гл. обр. жен, детей, рабов, самих же Половцев иссекли, призвав их к непроходимому Черному лесу¹⁵⁷. Это был большой по-

¹⁵⁵ Это явствует из слов Мстислава Изяславича Киевского к другим князьям: „пожалте си о Руской земли и о своей отчине и дедине оже несуте (Половцы) хрестьяны на всяко лето у вежи свои, а с нами роту взимающе всегда пепеступающе”. ПСРЛ II, с. 538, под 1170 г.

¹ „а уже у нас и Гречьский путь изьоимають и Солоный и Залозный” (там же). На эти слова летописи указывал Ключевский (Курс русской истории ч. I. М. 1911, с. 350), как на доказательство ослабления Киевской Руси под напором Половцев. Этот же взгляд защищается ныне ак. П.Б. Струве, прочитавшим 17 апреля 1939 г. в Институте им. Н.П. Кондакова в Белграде доклад: Киевская Русь, Половцы и Ростово-Владимирская гегемония (глава из готовящейся к печати книги «Социальная и экономическая история России»). В частности, П.Б. Струве видел в этом „изоимании” Половцами торговых путей показатель непрерывной опасности, в какой находилась Киевская область, опасности, которая делала невозможным дальнейшую нормальную жизнь в Приднепровской Руси.

Однако, нельзя правильно оценить летописное известие 1170 (1168) г., беря его в отдельности. В общем же ходе половецко-русских отношений конфликт 1168 г. был лишь эпизодом в годы общей слабости южной Руси из-за княжеских междоусобий и призывов Половцев борящимися сторонами. Летописец-современник сам указывал на временный и случайный характер перерыва Половцами торговых путей, указывал и на причины этого явления: „се же уведавши Половцы, оже князи не в любви живут шедше в пороги начаша пакостити гречником” (ПСРЛ II, с. 526, 1167 г.). Торговля через половецкие степи продолжалась и позже, и у нас нет основания считать ее со второй половины XII в. менее интенсивной, чем до 1168 г. (см. А.Ю. Якубовский, Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей), Византийский Временник, XXV, 1927, Л. 1928, с. 53-76; его же Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV вв., Материалы по истории Узбек., Таджик, и Туркмен. ССР, ч. I, Л. 1933). Что Половцам не удалось ослабить приднепровскую Русь, добиться перевеса сил в свою пользу, показывают последующие войны 1170-1190 гг., в которых южная Русь переходила даже в успешное наступление против степи. Заметим также, что и степная граница Руси в продолжение второй пол. XII в. и первой XIII-го оставалась неизменной.

¹⁵⁷ ПСРЛ II, с. 538-541, под 1170 г. О настоящей дате похода — 1168 г. — см. у Грушевского, Ист. Укр.-Руси, II, с. 1900-1; ср. его же, Очерки ист. Киев, зем., с. 218-9. О направлении похода ср. еще гл. III, с. 73-76 отд. отд., с. 171-174 X тома Анналов Института.

гром днепровско-донской группы Половцев, какого они не переживали со времени Боняка, Шаруканя и Отрока.

В это же время и черниговские князья, порывая со своей традиционной дружбой с Половцами, предпринимают ряд самостоятельных походов в степи. В 1166 г. Олег, сын того Святослава Ольговича Новгород-Северского, который неизменно пользовался помощью своих половецких сватов в русских междоусобицах, — разбил хана Кобяка¹⁵⁸, а в 1167 г. тот же Олег, с другим черниговским князем, нанесли большое поражение Половцам, захватив вежи ханов Козы (=Гзы?) и Беглюка (=Белук?), расположившихся на зимовища¹⁵⁹.

Половецко-русские столкновения снова начинали принимать скверный оборот для Половцев. Но их выручили перемены, произошедшие на киевском столе. В 1169 г. коалиция князей, собранная Андреем Суздальским, взяла Киев, предала его небывалому разгрому и изгнала Мстислава Изяславича. Вместо Мстислава, ведшего традиционно-киевскую политику в отношении Половцев и предпринимавшего большие походы в степи, на киевском столе оказался брат Андрея Суздальского, Глеб, принадлежавший к семье князей, которая с давних пор находилась в близких отношениях с Половцами, которая и теперь, заняв Киев, была не прочь в борьбе с Мстиславом использовать помощь своих половецких свояков. И Андрей и Глеб были детьми половецкой хатунь.

Однако, Половцы не хотели или не умели оценить выгоды от перемены, произошедшей на киевском столе; половецкие ханы, видимо, не очень дорожили своим родством с сильными суздальскими князьями и не могли преодолеть искушения пограбить Киевское княжество, хотя оно и было в это время под властью их суздальской родни. Как только Глеб занял Киев, две орды Половцев — одна, по-видимому, лукоморская¹⁶⁰, днепровская, другая — донецко-донская, одновременно явились на Русь, первые к Песочину в Переяславской земле (где княжил сын Глеба), вторые — к Корсуню в Киевщине и пожелали заключить „мир” с новым киевским князем. Насколько Половцы считали себя равными русским князьям и одинаково расценивали силы свои и Руси, показывают те слова, с которыми они обратились к Глебу, зовя его на переговоры: „мы хотим, говорили послы, заключить обоюдный мир, что бы ни ты не боялся нас, ни мы не боялись тебя”. Но пока Глеб договаривался с Половцами, находившимися в Переяс-

¹⁵⁸ В Ипатьевской лет. хан ошибочно назван Боняком (ПСРЛ II, с. 527, под 1167 г.), в Воскресенской — Кобяком (ПСРЛ VII, с. 79). Ср. Грушевский, Ист. Укр.-Руси II, с. 190.

¹⁵⁹ ПСРЛ. II, с. 532, под 1169 г. Ср. Грушевский, ц.с. с. 191.

¹⁶⁰ О лукоморских Половцах, кочевавших на правом берегу нижнего Днепра см. гл. III с. 76-77 отд. отт. (с. 174-175 X тома *Анналов Института*). Что в данном случае часть Половцев была лукоморской, сузу не только по тому, что она действовала на правобережье, но и по имени ее хана — Тоглыя, вероятно, тождественного с Тоглыем лукоморским, уп. в 1190-1193 гг.

лавском княжестве, те, что стояли под Корсунем, воспользовались отсутствием киевского князя, ворвались в Киевщину и страшно ее разграбили. Впрочем, обремененные добычей и колодниками, они были настигнуты подоспевшим с левобережья Глебом и сами потеряли до полуторы тысячи пленными¹⁶¹.

Но в следующем 1170 г., Половцы были позваны киевским князем на помощь против Мстислава Изяславича, попытавшегося вернуть Киев. Сперва Глеб призвал из приазовских степей хана Кончака „с родом своим”, а когда потребовалось еще большее подкрепление, то Глеб привел из степей новые силы Половцев. Это открывало им возможность снова легко грабить Киевскую Русь. Во время этой войны Половцам удалось захватить в плен дружину одного мелкого Волынского князя и с большим полоном вернуться в степи¹⁶².

Но уже в 1171 г. повторилась прежняя история. Половцы приняли новый набег на Киевское княжество, подобный набегу 1169 г., рассыпались по Киевщине несколькими отрядами, пограбили и набрали колодников^ Русские настигли Половцев; одних перебили, других взяли в плен . По-видимому, это были опять лукоморские Половцы.

В это время в придонских степях появляется новое лицо, уже упомянутый нами хан Кончак, впервые на страницах русской летописи выступающего, как помощник Глеба Киевского. В дальнейшем он станет ярким противником Руси, мстителем за погибших в битвах с Русскими великих ханов начала XII столетия. Кончак открывает новый этап в истории половецкого народа.

Опубликовано-. Seminarium Kondakovianum, XI, Praha 1939, стр. 95-127

i ПСРЛ II, с. 555-9, под 1173 г. О датировке этого похода, который следует отнести к 1169 г., см. у Грушевского, Очерки ист. Киевск. зем., с. 226-7 и его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 210.

¹⁶² ПСРЛ II, с. 548-550. Ср. Грушевский, Очерк ист. Киевск. зем., с. 227-9, его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 197-8. Очень преувеличено утверждение В.П. в статье Половцы и Русь, что Глеб обосновался в Киеве „лишь при помощи Кончака с Половцами” (с. 599). Глеб был посажен в Киеве своим братом Андреем и, как мы видели, Глебу сразу же пришлось испытать нападение Половцев. В событиях же 1170 г. решающую роль сыграл, по-видимому, не Кончак, а подоспевшие подкрепления князя Давида Смоленского.

¹⁶³ ПСРЛ II, с. 562-3. Ср. Грушевский, Очерк ист. Киевск. з., с. 230; его же Ист. Укр.-Руси, II, с. 210.

Роль Половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями в 1186-1207 годах

(Докладвано в Историко-филологичния клонъ
отъ проф. П. Мутафчиев на 9 юний 1938 год.)

Историки Византии, как и историки Болгарии, уже давно отметили и оценили ту роль, какую сыграли Половцы в восстании Асеней против Византии в 80-90-х гг. XII столетия. И в общих трудах и в специальных исследованиях по истории Византии и Болгарии подчеркивается, что половецкая помощь была существенным фактором в выигрыше Асенями борьбы за независимость и тем самым и в основании второго болгарского царства.

Однако, до сих пор остается без внимания вопрос: когда помогали Половцы Болгарам? Точнее: когда Половцы могли помогать Болгарам и когда не помогали и не могли помогать, и какова причина такого явления?

Еще за несколько десятилетий до начала болгарского восстания, к середине XII ст. Половцы окончательно освоили подунайские степи. До того они являлись сюда лишь наездами из северо-причерноморских степей, теперь же стали кочевать постоянно¹. Таким образом, ко времени восстания Асеней, в соседних с Болгарией степях уже находился чрезвычайно удобный, подвижной контингент наемных войск, которым Асени и не преминули воспользоваться. Одно было неудобно в обычаях этих союзников: они не находились под боком постоянно, а лишь в строго определенные времена года.

Половцы, как настоящие кочевники, не жили на одном и том же месте круглый год; зимние месяцы они стремились проводить возможно южнее, у самых южных пределов своих степей, где климат зимою был мягче и где выпадало меньше снега, что позволяло легче тебеневать их стадам; на летние же месяцы и начало осени кочевники уходили возможно севернее, где не выгорала трава, — на границу леса и степи или в луговые предгорья. У Половцев было, таким образом, две области их местопребывания: места летних и места зимних кочеваний. И латинские и мусульманские писатели XIII в. отметили эту характерную особенность жизни кочевников — Половцев. Арабский историк Ибн-аль-Асир, описывая Половцев эпохи татарского нашествия, определенно говорит о двух различных областях пастбищ в земле Половцев: „это земля, обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом со множеством пастбищ и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, то есть низменных мест на берегу моря”². Плано Карпини, который видел

¹ Подробнее об этом см. мою работу «Половцы», глава III: Пределы Поля Половецкого, *Анналы Института имени Н.П. Кондакова*, т. X, 1938, с. 155-160 (с. 57-62 отд. оттиска).

² В. Тизенгаузен, *СМИЗО*, СПб. 1884, с. 26.

Татар в первые годы завоевания ими половецких степей и в тех же условиях кочевания, что и во времена Половцев, пишет: „все они (кочующие Татары) зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек (речь идет о Днепре, Доне, Волге и Яике) поднимаются в горы” (очевидно Карпаты, Приволжские возвышенности, Общий Сырт и Урал). Ан-Нувейри, живший в конце XIII и нач. XIV в., описывая покорение Татарами Половцев, говорит о них: „это обитатели Шатров, которые не живут в домах и не селятся в строениях, но проводят лето в одной земле, а зиму в другой”⁴. Русские летописи подтверждают латинские и мусульманские свидетельства. На основании всех этих источников мы можем заключить, что Половцы, действительно, в зимние и первые весенние месяцы жили на юге, по низовьям Волги, по побережью Азовского и Черного морей, в Днепровском лимане, а на жаркие летние месяцы, из-за выгорания травы уходили в предгорья (упомянутых уже южных Карпат, Приволжской возвышенности; Общего Сырта и южных склонов Урала) или шли еще дальше на север, к границам леса и степи, что тогда почти совпадало с политической границей русских княжеств и болгарского (волжского) каганата. В середине осени кочевники начинали свое возвращение на юг.

Из этого уже а priori можно предположить, что нечто подобное происходило и в придунайской области, где кочевникам в летнее время кочевать было трудно из-за жары и выгорания травы. Поэтому на лето дунайские Половцы должны были откочевывать к южно-карпатским предгорьям. По-видимому, откочевывали они и еще севернее, к самым границам Киевской Руси. Во всяком случае, Киевская Русь знала о существовании придунайских Половцев. Под 1190 г. в русской летописи рассказывается, как Черные Клобуки — кочевники Турки, охранявшие южные подступы к Киевскому княжеству и расположенные по течению реки Роси, — жаловались русским князьям на Половцев, часто на них (Черных Клобуков) нападавших. Черные Клобуки в них подозревали Половцев подунайских⁵.

Эти сезонные перекочевки Половцев и играли существенную роль в войнах Болгар с Греками, а позже — с Латинскими рыцарями. Половцы могли быть серьезными помощниками Болгар лишь в те месяцы, когда климатические условия не препятствовали их пребыванию в придунайской области, то есть поздней осенью, зимою и весной; когда же приходило время откочевывать Половцам в более северные области или в предгорья, — ничто тогда уже не могло удерживать их в войсках Болгар.

Участие Половцев в большинстве случаев было решающим фактором в войнах Болгар с Греками и Латинянами. Этому способствовали как специфическо-кочевническая военная тактика Половцев, так и их количество. Когда оседлые государства призывали себе на помощь

³ Плано Карпини, История Монголов, пер. А.И. Малеина, СПб. 1911, с. 48. В. Тизенгаузен, цит. изд. с. 540.

⁵ ПСРЛ II, Ипатьевская летопись, СПб. 1908. стлб 670.

соседей-кочевников, последние, обычно, становились в количественном отношении преобладающим элементом в войсках оседлых государств. Очень наглядные примеры дают история Грузии и Руси. Грузинский царь Давид II Восстановитель (1089-1125) только благодаря принятию к себе на службу сорокатысячного отряда половецкой конницы мог с таким успехом вести войны с Турками, Персами и Армянами⁶. Еще более ярко то же явление выступает в Киевской Руси, где свои „Черные Клобуки” и приглашаемые из степей Половцы были преобладающим военным элементом, далеко превосходившим в численности „вой” самих Русских⁷.

Позволительно думать, что нечто подобное было и в Болгарии и что в войнах Асений Половцы были также и преобладающим и решающим элементом. Но вся острота положения и будет заключаться в том, что эта половецкая помощь могла быть действительной лишь в „холодные сезоны”, то есть поздней осенью, зимою и весною.

Если мы будем учитывать это обстоятельство, то нам станет многое понятнее в истории болгаро-византийской борьбы 80-90-х гг. XII ст. и в истории войн болгар с рыцарями Латинской империи начала XIII ст.

Болгарское восстание началось, как известно, осенью 1185 года, но о Половцах, как о союзниках Болгар в это время мы еще ничего не слышим. Летом 1186 г. Асени оказываются разбитыми и бегут к Половцам поднимать их против Империи. Никита Хониат сообщает, что Петр Асень звал Половцев „вторгнуться в страну императора, иссесть мечем ромейские посеы, ограбить их домам и т.д. В.Н. Златарский, подробнее других останавливавшийся на этом пассаже Никиты, указал, что переговоры Асений с Половцами велись, следовательно, до жатвы, то есть в июне или в июле⁸. Если верить в передаваемые Никитой Хониатом подробности разговора Асений с Половцами, то выходило бы, что Асени звали Половцев тотчас же вторгнуться в Империю. Однако, мы все же не видим Половцев в Болгарии ранее октября¹⁰. Причина этому, очевидно, та, что в летние месяцы Половцы находились в своих летовищах, у южно-карпатских предгорий, и не пожелали уходить отсюда ради изнурительного летом похода на юг, за Дунай. Они явились на помощь Болгарам лишь тогда, когда им пришлось возвращаться с севера, к зимовищам у Дуная.

⁶ Histoire de la Georgie, tr. par M. Brosset, I partie, S. Pt. 1849, pp. 362-370.

⁷ О роли Черных Клобуков в истории древней Руси, Seminarium Kondakovianum, т. I, Прага, 1927, с. 101, 105.

⁸ C. Sathas, Bibl. medii aevi, I, 1872, p. 78.

⁹ В.Н. Златарски, История на българската държава през средните векове, т. II, София 1934, с. 453-5.

¹⁰ N. Choniates, ed. Bonn, p. 515; C. Sathas, p. 80-81; В.Н. Златарски, ц.с. с. 458, 460; Ф.И. Успенский, Византийский писатель Никита Акоминат из Хон, СПб. 1874, с. 186-7; его же, Образование второго болгарского царства, Зап. Имп. Новорос. Унив. т. 27, Одесса 1877, с. 259-261; В.Г. Васильевский, рецензия на Ф. Успенского, Образов. втор. болг. царства, в ЖМНП 1879, июль, с. 191.

Во всех последующих войнах Болгар с Греками мы встречаем Половцев, как союзников Болгар, лишь осенью, зимой или весной. После перемирия 1187-1189 гг. весной 1190 г. распространяется слух, что Половцы перешли Дунай, чтобы вторгнуться в византийские пределы; и император Исаак II Ангел, находившийся в это время с войсками в северной Болгарии, спешит уйти на юг, за Балканы¹¹; весной 1191 г. император наталкивается на Половцев у Пловдива¹²; Евстафий Солунский, говоря об этой войне, прямо пишет, что с Половцами борьба велась весной; весной 1199 г. совершают Болгары с Половцами, теперь уже под водительством страшного для Греков царя Калояна, одно из своих самых глубоких вторжений в Византию — под Константинополь, куда союзники подошли 23 апреля¹⁴; а осенью того же года или весной следующего (1200 г.) мы снова видим Половцев в Македонии¹⁵; в апреле 1201 г. Болгарами и Половцами разоряется Фракия¹⁶.

В 1204 году пал Константинополь. Болгарский царь не перестает водить Половцев за Балканы, только теперь уже не против византийцев, а против их латинских преемников. В конце зимы 1205 г. выступает Калоян в свой знаменитый поход сперва во Фракию, а потом к Адрианополью. Здесь, 14-тысячный отряд легкой конницы Половцев, благодаря применению своей особой, незнакомой латинским рыцарям, военной тактики — притворного отступления и распыления, — способствовал Болгарам уничтожить закованную в железо тяжелую рыцарскую кавалерию и взять в плен императора Баддуина. Это случилось 15 апреля¹. Geoffroi de Ville-Hardouin, описавший эту битву, приводит такую интересную для нас подробность: царь Калоян продолжал воевать до Пятидесятницы. Но когда настала Пятидесятница, а она приходилась в том году на 29 мая, болгарский царь не мог больше заставить своих Половцев оставаться с ним, „так как они больше не могли выносить войны по причине лета и вернулись в свои земли”, — сообщает Виллардуэн¹⁸. Очевидно, к

¹¹ N. Choniates, p. 561. Ср. Успенский, Образов, втор, болгарского царства, с. 284; Васильевский, рец. на Успенского, с. 198; П. Мутафчиев, Владетелите на Просеке, София 1913, с. 22, пр. 1.

N. Choniates, p. 569; Успенский, ц.с. с. 289, относил этот поход к осени, но Васильевский, ц.с. с. 201-2, считал, что это было весной; ср. Мутафчиев, ц.с. с. 22, пр. 1.

¹ Tafel, Eustathii opuscula, p. 44.

N. Choniates, p. 663; Успенский, ц.с. с. 319; Васильевский, ц. рец., с. 207.

N. Choniates, p. 673; Васильевский, ц. рец., с. 208-9.

¹⁶ N. Choniates, p. 691; Васильевский, ц. рец., с. 208-9; ср. В. Макушев, Болгария в конце XII и в первой половине XIII в., Варшав. Унив. Известия 1872, № 3. В 1203 г. Калоян водил Болгар и Половцев против Сербов. Этот поход был весной.

¹ Успенский, ц.с. с. 374; В.Н. Златарски, Гръцко-български съюз през 1204/5 година, Годишн. на Соф. Унив. VIII—IX, 1912-13, с. 15.

¹⁸ Geoffroi de Ville-Hardouin, Conquete de Constantinople, Paris, 1882, pp. 230-1, § 389.

этому времени уже выгорела трава и половцам нечем было кормить своих лошадей. Другой латинский историк, рыцарь Робер де Клари, в своей знаменитой характеристике Половцев, также отметил, что Половцы только зимою воюют Латинскую империю и поэтому он считал, что „именно зимою, когда стада (Половцев) лишены пастбищ, они имеют обычай выходить из своих палаток для разбойничьих набегов”¹⁹.

В следующем 1206 г. мы слышим о Половцах в войсках Калояна только в январе²⁰ и в начале февраля²¹. И, наконец, в последний год жизни Калояна, в 1207 г., Половцы помогают болгарскому царю только в его весенней кампании против Латинской империи и наотрез отказываются продолжать войну летом. В начале марта 1207 г. большое количество Половцев пришло на помощь к Калояну и он выступил с ними в поход на Константинополь. Жоффруа де Виллардуэн дает понять, что Половцев у Калояна было чуть ли не больше его основного войска, состоявшего из Болгар и Валахов. Болгарский царь начал длительную осаду Адрианополя, а Половцев пустил грабить окрестные земли. Война затянулась до конца апреля. Адрианополь уже был близок к сдаче, как Половцы заявили Калояну, что дольше они не останутся с ним, но что они хотят возвратиться в свою землю. „Половцы таким образом отделились от Иоанна (Калояна) и когда он увидел это, то, — отмечает Виллардуэн, — не посмел оставаться без них (то есть Половцев) под Адрианополем”, но снял осаду и ушел. „Ведайте, — заключает маршал Шампани, — что это считают за великое чудо, чтобы город был почти взят и чтобы он (т.е. Калоян) его оставил, он, который был человеком столь могущественным! Но таково желание Господне, чтобы так совершилось”.

Так тексты сами чрезвычайно выразительно указывают на зависимость участия Половцев в войнах Болгар от времени года и на то решающее значение, какое имели эти кочевники в войсках болгарских царей.

Нам остается рассмотреть еще одну сторону участия Половцев в войне Болгар за независимость.

Борьба, которая завязалась на дунайском пограничье в 80-90-х гг. XII ст. не осталась локальной, но втянула другие соседние области и, прежде всего, втянула ближайших сородичей дунайских Половцев — Половцев приднепровских.

Мы не знаем, было ли это результатом все той же „степной” политики Асеней — самих полуполовцев по происхождению, сумевших заманчивыми посулами привлечь к борьбе с Византией и далеких По-

¹⁹ Robert de Clary, *La Prise de Constantinople*, у Ch. Hopf, *Chroniques greco-romanes*, Berlin, 1873, p. 52; ср. В.Г. Васильевский, *Из истории Византии в XII в. Союз двух Империй*, Труды, IV, Л. 1930. с. 28-9.

²⁰ G. de Ville-Hardouin, pp. 240-3, §§ 404-7.

²¹ *Ibid.*, pp. 244-7, §§411-12.

²² *Ibid.*, pp. 274-5, §§ 459 и след., pp. 284-5, §§ 473-5.

ловцев приднепровских, или это было стихийное движение самих кочевников, прослышавших о возможности легкой поживы на Балканах, — так или иначе, но русская летопись сохранила нам ряд бесспорных доказательств участия кочевых соседей Киевского княжества в войнах на Балканах. И, замечательно, что и русская летопись говорит только об осенних и зимних походах Половцев к Дунаю. Половцы как раз в это время находились у своих зимовищ, ближе всего к месту военных действий. 1187 год: „Тое же зимы сдумав Святослав (великий князь киевский) с сватом с своим Рюриком посласта Черны Клобук на вежа за Днепр и Романа Нездиловича воеводою и взяша вежа за Днестром и возвратившася во свояси со славою и честию великою. Половцы бо бяху шли в Дунай и не бе их дома в вежах своих”²³. 1192 год: „Тое же осени сдумаша лепшии муже в Черных Клобуцах и почаша просити у Рюпика сына Ростислава на Половце, ехали бо бяху Половци на Дунай...”²⁴.

В свете участия приднепровских Половцев в болгарских войнах с Византией будут понятнее и походы на Половцев Романа Мстиславича, князя волынского, а затем галицкого и киевского. Считается, что Роман в самом начале XIII в. дважды ходил на Половцев — в 1201/2 или 1202/3 и в 1203/4 гг. и оба раза зимою²⁵. Но куда, в какие степи ходил Роман? Ни русская летопись, ни Никита Хониат не дают на этот счет никаких указаний и исследователи поэтому колеблются в выводах — ходил ли Роман к Дунаю или в южнорусские степи? Нам представляется возможным утверждать, что походы Романа были традиционными зимними походами в северное Причерноморье, какие совершали русские князья еще в начале XII ст. Роман выбирал именно то время, когда Половцы уходили к Дунаю и когда вежи их оставались незащищенными. Этим, вероятно, и объясняется та легкость, с которой он произвел столь большой разгром у Половцев. Характерно, что летописец ничего не рассказывает о том, что Роман разбил самих Половцев, тогда как, если бы это произошло, он не преминул бы это отметить; летописец, записывая один из походов Романа (под 1202 г.), говорит лишь о результатах похода: „Тое же зимы ходи Роман князь на Половци, и взя вежи Половечьские, и приведе полна много и душ хрестьяньских множество отполони от них; и бысть радость велика в земли Русьстей”²⁶. Тоже самое, именно — о разорении земли, а не о победе над самими Половцами, сообщает и Никита Хониат: „Роман... беспрепятственно вступив в их землю, разграбил и опустошил ее. Повторив это несколько раз, во славу и величие христианской

²³ ПСРЛ II, ст. 659.

Там же, ст. 673-4. Восстанавливаю текст по Хлебниковскому и Погодинскому списку, так как в Ипатьевском слова „ехали бо бяху Половци на” пропущены. Их уже восстанавливал первый издатель Ипатьевской летописи (см. 1-е издание 1843 г., стр. 141).

М. Грушевский, История Украины-Руси, т. III, 1905, с. 9-10.

²⁶ ПСРЛ I, Л. 1926-8, ст. 418.

чистой веры, он остановил набеги Куман...”²⁷. Трудно было бы себе представить, чтобы Роман пошел в поход к Дунаю, где в это время Половцы, соединенные с Болгарами и Валахами, представляли слишком большую силу, и чтобы Роман мог напасть на них в таком отдалении от своих опорных пунктов.

Разгромив вежи приднепровских или приазовских Половцев, галицкий князь оказал тем, конечно, существенную услугу Византии, так как оттянул значительные силы Половцев от дунайской границы, отбив на время охоту у приднепровских Половцев помогать своим дунайским сородичам. Поэтому Роман и заслужил похвалу Никиты Хониата: „Он, — пишет Никита, — остановил набеги Куман и доставил Ромеям возможность отдохнуть от этого зла, явившись неожиданным помощником и непредвиденным союзником и опорой для единоговерного народа”²⁸.

Опубликовано: Списание на Българскага Академия на науките, кн. LVIII, клонъ Историко-филологичния и философско-обществения 29, София 1939

²⁷ N. Choniates, pp 691-2. Ср. Васильевский, ц. рец., с. 209-211.

²⁸ N. Choniates, *ibid*.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 843